

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-09-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-09-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

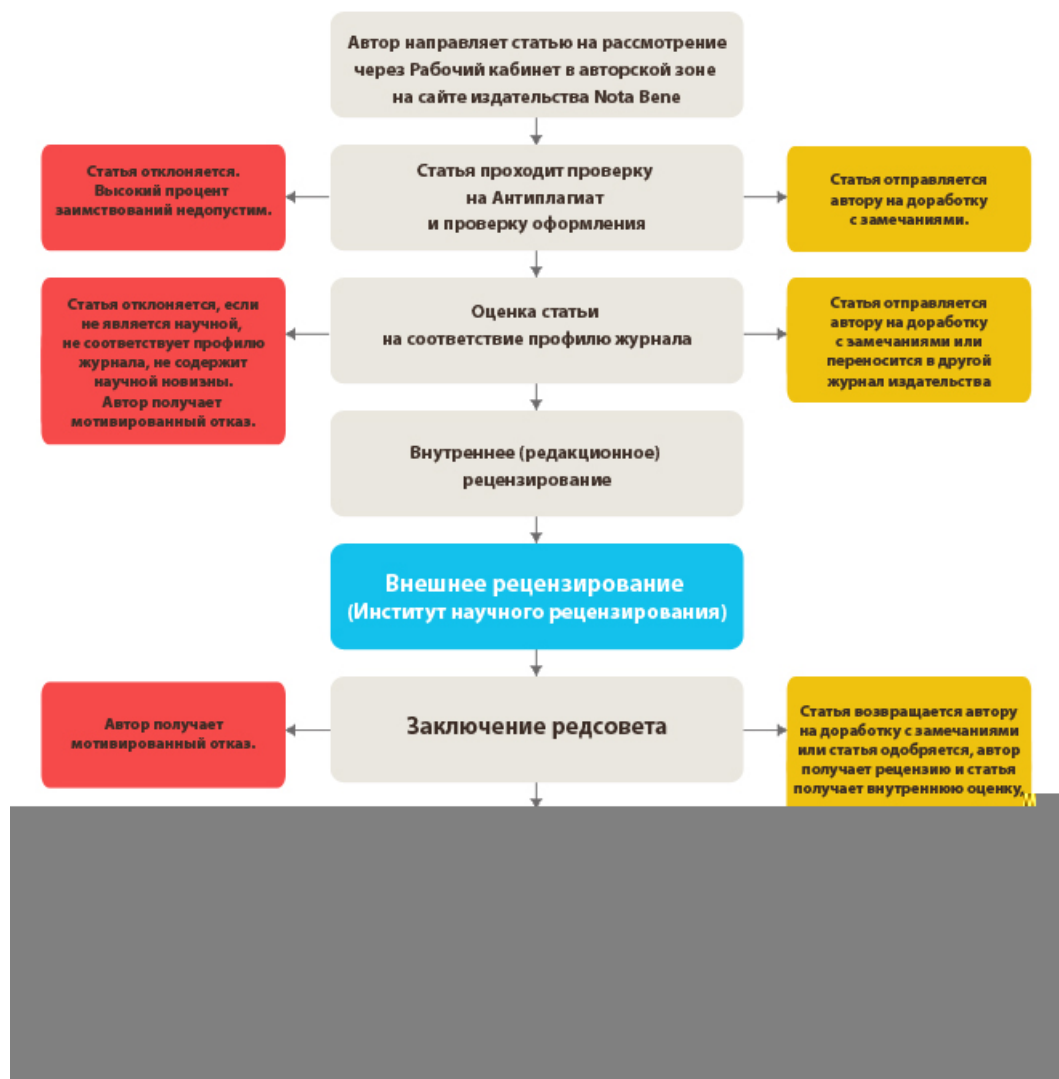
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Малышев Д.А. Паломничество как явление в религиозной жизни человека и общества в Западной Европе в Средние века (по материалам зарубежной историографии)	1
Близняков Р.А. Крымское региональное отделение ИППО: 125-летие Таврического отдела и первое десятилетие воссоздания	17
Карпов Г.А. Африканцы в современной демографии Великобритании	37
Уманский Л.А. Становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина (1879-1912)	52
Козлова Д.И. Представления о правителе-меценате в посвящениях немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому	74
Герасёв И.Ю. Оборона Петрозаводска в сентябре 1941 года в отечественных и зарубежных источниках и литературе	88
Астапов А.А. Паломническая деятельность на территории Таврической епархии до образования Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества: по материалам региональной церковной периодики (1869-1899)	98
Безверхий Д.В. Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова	113
Шестаков А.М. К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв.	143
Иванов П.А. «Возможен ли союз Англии и Китая?»: дипломатическая миссия Ли Хунчжана в оценках газеты «Московские ведомости»	156
Тушканов И.В., Тушканов Д.И. Правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в.	167
Иванов А.А. Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг.	183
Рипак И.А. Система сохранения секретности в рамках Манхэттенского проекта	197
Ахремчик О.Г. Первый скульптор и член Союза художников СССР из Хакасии: Ирина Карачакова и ее нереализованный проект	206
Англоязычные метаданные	216

Contents

Malishev D.A. Pilgrimage as a phenomenon in the religious life of individuals and society in Western Europe during the Middle Ages (based on materials from foreign historiography)	1
Bliznyakov R.A. Crimean Regional Branch of IPPO: 125th Anniversary of the Taurida Department and the First Decade of Its Reestablishment	17
Karpov G. Africans in contemporary demography of the United Kingdom	37
Umanskii L.A. The formation and development of the chemical industry in the Urals provinces of the Russian Empire in the context of the modernization of Witte-Stolypin (1879-1912)	52
Kozlova D.I. The perceptions of a ruler-patron in the dedications of German writers of the Thirty Years' War (1618-1648) to Prince Ludwig of Anhalt-Köthen	74
Gerasyov I.Y. Historiography of military operations in the territory of Karelia from June to October 1941.	88
Astapov A.A. Pilgrimage activities in the territory of the Taurida Diocese before the establishment of the Taurida Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society: based on materials from regional church periodicals (1869-1899)	98
Bezverkhii D. The murder of O.A. Bazhenova: an unknown page in the family history of the famous architect V.I. Bazhenov	113
Shestakov A.M. On the question of the authority of Old Believer Pomor mentors in the Southern Urals in the 19th and early 20th centuries	143
Ivanov P.A. «Could England and China Form an Alliance?»: Li Hongzhang's Diplomatic Mission in the Coverage of the Newspaper «Moskovskie Vedomosti»	156
Tushkanov I.V., Tushkanov D.I. Legal regulation of congresses of representatives of medium and small businesses in the Russian Empire in the early twentieth century	167
Ivanov A.A. American diplomat Alfred Will Kliefoth and anti-Sovietism in the US government apparatus in 1920s	183
Ripak I.A. The Secrecy Preservation System in the Manhattan Project	197
Akhremchik O.G. The first sculptor and member of the Union of Artists of the USSR from Khakasia: Irina Karachakova and her unrealized project	206
Metadata in english	216

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мальшев Д.А. Паломничество как явление в религиозной жизни человека и общества в Западной Европе в Средние века (по материалам зарубежной историографии) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75367 EDN: IRZQHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75367

Паломничество как явление в религиозной жизни человека и общества в Западной Европе в Средние века (по материалам зарубежной историографии)

Мальшев Дмитрий Аркадьевич

ORCID: 0000-0002-1910-1165

кандидат исторических наук

Ведущий научный сотрудник; Научно-исследовательская лаборатория "Сакральные ландшафты Византийского порубежья"; Севастопольский государственный университет (СевГУ)

295007, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, д. 110е

✉ darkmalyshev@mail.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75367

EDN:

IRZQHI

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Дата публикации:

03-08-2025

Аннотация: В статье анализируется паломничество как явление в религиозной жизни человека и общества в Западной Европе в Средние века. Автор умышленно прибегает к подобной географической локализации, так как пальма первенства в процессе христианизации на Западе Европы была неоспорима, и эта часть континента почти на полтысячелетия опередила европейских варваров на Востоке и Севере. Опыт западноевропейского паломника имеет больший хронологический промежуток и более богатый материал для изучения. Исследование представляет собой компаративистику, основанную на изучении зарубежного научного опыта. Автор статьи обращается к опыту англоязычных изданий, предпринимая попытку изучить паломничество, как европейское

явление, по основным этапам исторического развития региона. По задумке исследователя, статья является частью будущей трилогии исторических работ, посвящённых данной проблематике. При использовании историко-генетического, сравнительно-исторического, а также междисциплинарного подходов автор проводит системное изучение паломничества в повседневной жизни человека средневековой Европы. Методология исследования учитывает его специфику. Автор больше работает с историографическим фактом, нежели чем с историческим, что смещает акценты в сторону историографичности, превращает каждую изучаемую номенклатурную единицу в источник. Автор статьи предпринята первая в российской историографии попытка изучить и обобщить западнохристианский опыт паломничества, в том числе и в трудах, косвенно затрагивающих данную проблематику. Такой подход, безусловно, придаёт исследованию новизну, учитывая ввод в отечественный историографический оборот и историческое информационное поле информацию из исследований, не всегда доступных в силу языкового барьера и издательской политики. Автор приходит к заключению, что паломничество как явление связано исключительно с авраамическими религиями. В плане логистики имеет первостепенные – палестинские – и вторичные – локальные – пути следования. Западноевропейские паломники после Великой Схизмы 1054 года не исключали из своих точек посещения восточнохристианские святыни. Крестовые походы имеют генетическое родство с индивидуальными паломничествами. Паломничество привело к частичному овосточиванию Западной Европы в социокультурном измерении. Работа может быть полезна для всех, интересующихся историей христианства, паломничества, имеет практическую направленность, будучи полезной людям, занятым в сфере путешествий и формирования логистики маршрутов религиозного туризма.

Ключевые слова:

Истинный Крест, Сантьяго-да-Компостела, Крестовые походы, основное паломничество, паломничество, Реформация, вторичное паломничество, внутреннее паломничество, антипаломничество, карта паломника

Интерес к паломничеству как явлению в современной российской историографии вызван многими факторами: демонтажом советской системы с его воинствующим атеизмом, глобализацией и развитием индустрии современного религиозного туризма, очень близкого к паломничеству по логистическим схемам и топосам и, наконец, ухудшением международной обстановки после февраля 2022 г., когда ряд государств занял по отношению к Российской Федерации ярко выраженную недружественную позицию, прибегая к совокупности ограничительных мер и запретительных позиций сдерживания. Одним из таких государств стал Израиль — страна, возникшая в 1948 г. по решению резолюции ООН на месте исторической Палестины. На территории новообразования находятся первичные по значимости объекты паломничества всех авраамических религий. Геополитическое напряжение на Ближнем Востоке (и в мире в целом) позволяет в новых реалиях обратиться к ресурсам внутреннего российского религиозного туризма или, как говорили в прошлом, к маршрутам вторичных путешествий, то есть тех, которые связаны с Христианством и христианскими святынями за пределами Палестины (или Афона — применительно к Православию). Одним из таких регионов, сохранившем следы раннего Христианства на территории нашей страны является Крым.

Факторы, обусловившие актуальность научного изыскания, выкристаллизовали перед

автором статьи цель исследования, заключающуюся в необходимости обобщить теоретический опыт знаний о христианском паломничестве, сформированный в предшествующий период зарубежными исследователями применительно к Западноевропейскому региону. Для достижения магистральной цели используем промежуточные цели или задачи. Первая из них: прибегнуть к обобщению теоретических знаний о паломничестве как явлении на основе западноевропейского социокультурного опыта. Вторая — изучить паломничество как явление на основе теоретических трудов зарубежных исследователей, сузив хронологические рамки до периода Средневековья, ограничившись географически регионом Западной Европы с кратким логистическим описанием паломнических коридоров на Ближний Восток. Автором статьи был избран Западноевропейский регион в период раннего и классического средневековья в силу естественных причин: начинать изучение параметров христианского паломничества выглядит безошибочнее с зоны его максимального распространения в западной части континента во временном отрезке до периода Возрождения и Реформации, когда произойдет процесс размытия классического схоластического мировоззрения идеями гуманизма и взглядами упрощенничества в секуляризирующейся Европе. Статья задумана как теоретическое компаративистское исследование, основанное на достижениях современной европейской историографии. В силу определённой историографичности исследования, претендующего на обобщающее теоретическое историческое знание, отметим, что по правилам источниковедения, как вспомогательной исторической дисциплины, изучаемые научные исследования автоматически приобретают статус источников, так как сами становятся объектами изучения, поскольку автор прибегает к осмыслению не сколько исторического факта, сколько историографического. Анализируемое им явление пусть и отдельными вкраплениями уже вписано в историографию и работать умышленно и целенаправленно придётся не с традиционным историческим источником, а с корпусом литературы, приобретающим статус историографического источника по интерпретации М. В. Нечкиной и О. С. Шмидта.

В основе компаративистики всегда лежит сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное, установить связи и закономерности между сравниваемыми объектами.

Помимо него автор прибегает к историко-генетическому, историко-типологическому, историко-системному и ряду других междисциплинарных подходов, без которых невозможно изучение такого сложного и многогранного явления, как паломничество. Из междисциплинарных методов в нашем багаже оказывается культурологический, психологический, филологический. Они в своём многообразии помогают понять всю объемность паломничества как явления, его культурологическое изменение, психологическую природу лиминальности, вариации лингвистического взаимодействия и формирование такого корпуса субъективных источников, как записки путешественников. Определенный интерес вызывают и рассуждения современных европейских авторов, продуцируемые в информационном пространстве современной дехристианизирующейся Европы.

Хронологические рамки изучения социокультурного явления в настоящем исследовании будут умышленно сужены нами до периода Средневековья. Причём автор в качестве границ этого временного отрезка понимает время от падения Западной Римской империи до эпохи Раннего Нового времени, отождествляющейся в данном ключе рассуждений с Ренессансом и Реформацией. Периодизация с её интервалами в нашем случае не банальный экивок академизму, а насущная потребность, инструмент познания объемного целостного явления. Подобный подход подразумевает написание в обозримом будущем

двух теоретических исследований в заданном векторе по другим, более поздним, временным эпохам, когда дух обмирщения коснулся Европейского континента, повлияв на масштабы и природу самого паломничества.

Паломничество, без сомнения, — феномен всемирно-исторического масштаба. Пусть не столь яркий, как Французская революция конца XVIII века, не столь громкий, как мировые войны, но, тем не менее, гораздо больший по протяжённости во времени и пространстве, не меньший по всеохватности целей и задач.

Дельфийский оракул (Древняя Греция), храм Амона в Фивах и храм Осириса в Абидосе (Древний Египет), ветхозаветный иерусалимский Храм, Кора, или Парикрама (в переводе с санскрита — странствие, дословно — «путь вокруг чего-то») в индуизме и буддизме (Индия, Тибет, Япония) — всё это свидетельства зарождения и становления паломничества на заре человеческой истории.

Однако особенности древних культов, сама языческая традиция с её разнообразием божеств и их почитанием в различных землях не способствовали становлению паломничества, как массового явления. Всё изменилось с возникновением мировой религии — христианства, принятием его в качестве официальной и государственной в ключевых странах европейского континента, распространением его по земному шару.

Постоянное и сильное влечение, которое язычники испытывали к своим священным местам, тревожило христианские власти. Об этом свидетельствует эдикт, изданный в Арьеже в 452 г., говоривший, что, если какой-либо неверующий зажигает факелы, поклоняется деревьям, фонтанам или камням или не уничтожает их, он должен быть признан виновным в святотатстве. В первые века христианской эры языческие святилища на местах поклонения были повсеместно разрушены. Однако по мере того, как христианская церковь постепенно осознала, что не сможет обратить в свою веру уже существующие культуры только с помощью грубой силы, она разработала метод обеспечения религиозного контроля над людьми путём строительства церквей и монастырей, причём на местах языческих святилищ.

Несмотря на то, что паломничество было частью христианства ещё с IV в., когда Елена, мать византийского императора Константина, предположительно нашла «Истинный Крест» в Иерусалиме, только в IX веке в испанской Компостеле были обнаружены мощи святого Иакова, а после крестовых походов XI и XII веков начался огромный приток реликвий, что привело к настоящему расцвету паломничества внутри самой Европы. По мере того, как эти реликвии, зачастую сомнительной подлинности, возвращались в Европу французскими, немецкими и английскими крестоносцами и распределялись по крупным и мелким церквям по всей Европе, в умах людей поселилась страсть к религиозным путешествиям.

Богатые и бедные, дворяне и крестьяне стремились к паломническим святыням. Короли и рыцари отправлялись туда, чтобы помолиться о победе в войне или вознести благодарение за только что выигранное сражение, женщины молились о детях и лёгких родах, фермеры — об урожае, больные — о чудесном исцелении, монахи — об экстатическом единении с Богом, а все остальные — об избавлении от бремени греха, которое, как верили средневековые христиане, было их предопределённой участью. Ричард Львиное Сердце посещал Вестминстерское аббатство, Людовик IV босиком прошёл до Шартра, Карл VII пять раз посещал святыню в Ле-Пюи, папа Пий I босиком прошёл по снегу до святыни в Шотландии, а сотни тысяч крестьян, купцов и монахов совершали длительные пешие паломничества по населённым бандитами территориям и

заморским землям [\[1\]](#).

Отныне у каждого верующего последователя Христа, независимо от региона проживания, будь то Европа, Азия, Африка или, с течением времени, Америка, был единый сакральный центр, где происходили деяния земной жизни Иисуса, Сына Бога-Отца, располагавшийся на Ближнем Востоке в Палестине, а также ряд более мелких (хотя, учитывая масштабы паломничества к ним и их значимость для католицизма и православия это слово не представляется совсем уместным), таким как Рим, Константинополь, гора Афон и прочие места, связанные с жизнью и чудесами, творимыми апостолами и святыми, проживавшими в данной конкретной местности.

На рубеже древности и средневековья Палестина стала местом притяжения для каждого христианина (пример — паломничество византийской императрицы Евдокии, бывшей от рождения язычницей, но принявшей позже христианство, к Святым местам в 438 или 439 г.) [\[2\]](#).

Паломничество к Святым местам — мечта, которую далеко не каждый человек мог осуществить в своей жизни, так как это было очень опасно, далеко и необыкновенно дорого. К тому же, среднестатистический средневековый человек плохо представлял себе, где находится Иерусалим, так как не обладал географическими знаниями и навыками. В то же время, претворение этой мечты в жизнь давало бы не только отпущение грехов, накопленных за годы грешного бытия на земле, но и надежду на вечную жизнь рядом с Господом на небесах.

Неудивительно, что вокруг Палестины в результате такого её восприятия на протяжении сотен лет, вплоть до настоящего времени, происходят страшные и кровавые события, в которые замешаны практически все ведущие государства мира.

Цивилизация Средних веков в Западной Европе — это мир, когда в представлении человека, редко выезжавшего за пределы собственной деревни или города [\[3, с. 7\]](#), причудливо сочетались рассказы из Библии, услышанные от местного священника, с традиционными народными, языческо-сказочными представлениями. Именно поэтому для европейца этого периода тролли, гномы, феи, горгульи, а также всевозможные святые, Дева Мария и Иисус Христос были одинаково реальными. Однако, если поймать фею, или встретить гнома было всё же сложно, то приложиться к мощам святых (чудодейственных — это важно!), побывать в городе, где жил преемник апостола Петра — Папа Римский, или преклонить колени перед Гробом Господним — было вполне возможно. Это и объясняет одну из причин начала передвижения огромных масс простых людей к единой точке — Палестине.

В то же время, если говорить о причинах паломничества в Западной Европе, нельзя не упомянуть один весьма показательный момент, произошедший в 1015 г., который приводит в своём исследовании историк Ж. Флори. Ссылаясь на средневековые источники, автор нам рассказывает о встрече нормандских паломников с ломбардским князем, который попросил их помочь освободить Апулию от владычества Византии, на что паломники ответили согласием. Хронист Вильгельм Апулийский не скрывал их мотивы: "Многие поддались искушению и решились отправиться в путь: у одних было мало добра или не было вовсе, другие хотели попытать счастья, и все они желали обогатиться" [\[4, с. 14\]](#).

По мнению независимого учёного (самопозиционирование) Джин Сорабеллы, такие паломничества на Святую Землю служили разным целям: паломник мог отправиться в

путь, чтобы исполнить обет, искупить преступление, найти чудесное исцеление или просто укрепить свою веру. Ни одна из этих целей не является специфической для христианского паломничества — идея священного путешествия характерна для многих религий, — однако к IV веку н.э. паломничество стало признанным проявлением христианского благочестия. Представители всех слоёв общества совершали религиозные путешествия, что имело далеко идущие последствия для общества и культуры в целом [\[5\]](#)

Паломничество — событие всей жизни, о котором не просто передавали устные предания из поколения в поколение, но которое могло стать и частью фамилии, как например, у матери католической святой Жанны д'Арк, спасшей "милую Францию" от ига англичан — Изабелла де Вутон (деревня Вутон — место её появления на свет), называемая также Изабеллой Роме (Rome). Роме — прозвище её семьи, означавшее, что один из предков совершил паломничество в Рим (схожий аналог можно найти в исламе: хаджи — человек, совершивший хадж — паломничество в Мекку, прибавлял это звание к своей фамилии) [\[6, с. 46\]](#).

Кроме того, Изабелла, после того как голоса святых отправили её дочь на выполнение своей святой миссии, сама совершила паломничество в Пюи, в Оверни (ныне — Ле-Пюи-ан-Веле, департамент Верхняя Луара, Франция). Это место, где находилась статуя так называемой "Чёрной Мадонны", а также где, по преданию, являлась Дева Мария, судя по всему, было сакральным ещё с глубокой древности и находилось на пути паломников в Сантьяго-да-Компостела [\[1\]](#). В настоящее время этот участок дороги, в свою очередь, является частью ещё более длинного пути, именуемого Иерусалимским (самый длинный паломнический маршрут в мире, основанный в 2006 г., простирающийся от Европы (мыс Финистерр, Испания) до Иерусалима на Ближнем Востоке), длина которого составляет примерно 8.500 километров [\[7\]](#)

Необходимо отметить, что помимо паломничества в широком смысле этого слова, под которым мы понимаем, как правило, дорогу к святыням, находящимся в Иерусалиме и окрестностях, весьма развито было паломничество внутри самих европейских стран, к гробницам святых, или местам нахождения их мощей (например, гробница убитого и канонизированного архиепископа Томаса Бекета в Англии, просуществовавшая вплоть до Реформации).

Традиционный маршрут паломников к месту упокоения европейского святого (мы намеренно делаем акцент на масштабе его почитания — известно, что уже в XII веке его изображения можно было видеть не только на территории английского королевства, где он прожил свою жизнь, но и там, где не ступала его нога — на острове Сицилия и в королевстве Кастилия), начинался в Саутворке (где в последний раз проповедовал архиепископ) и продолжался до самого Кентербери.

Масштаб паломничества к месту упокоения Бекета был настолько большим для своего времени, что стал причиной появления известного Лондонского моста, по которому проходили паломники в начале и в конце пути.

Эпоха и события Крестовых походов особенно интересны при анализе данной темы, как ярчайший пример перемещения огромных масс людей по интересующему нас направлению, которое, после возникновения ислама и мусульманских завоеваний VII в., значительно сократило поток людей.

В период Крестовых походов в Западной Европе произошла институционализация индульгенций, которые могли принимать форму добровольного или обязательного

покаянного паломничества, чем также объясняется рост количества паломников [\[8, p. 15\]](#).

Как писал выдающийся представитель школы Анналов медиевист Жак Ле Гофф: "Долгое время чувства и помыслы западных людей были обращены к Иерусалиму небесному. Церковь же показала христианам, что его можно обрести через Иерусалим земной, и утолила жажду странствий, владевшую теми христианами, которых реальности этого мира не могли привязать к земле, предложив им паломничество, крестовый поход, обещавший удовлетворить все их желания — приключений, богатства и вечного спасения" [\[9, с. 72\]](#).

Для правящего класса феодалов, во главе с герцогами и королями, Святая Земля была не только местом, которое могло принести славу (после освобождения её от власти захватчиков-мусульман), но и решить множество других проблем геополитического и даже внутреннего порядка — поднять престиж как собственный, так и своего государства, укрепить власть внутри своей страны, заручиться поддержкой влиятельного брата по короне, или наоборот, избавиться от такового (ярчайший пример последнего — король Англии Ричард Львиное Сердце, который много лет просидел в заточении, благодаря усилиям бывшего друга, с которым они ходили в Крестовый поход, делили стол и ложе (по обычаям того времени) — Филиппа Августа, короля Франции, пока Алиенора Аквитанская, мать незадачливого пленника, всеми силами пыталась собрать выкуп за свободу любимого сына. Династические переплетения бывают, порой, весьма забавны, так и в этой истории — Алиенора — первая супруга отца Филиппа-Августа, короля Людовика VII, не особо любившая первого супруга и плохо почитавшая второго, а кроме того, отличившаяся, по мнению современников, не совсем нравственным поведением также в ходе Крестового похода [\[10, с. 52-53\]](#).

По предположению французского исследователя Жана Флори, желание короля Франции Людовика VII отправиться в Крестовый поход могло вырасти именно из намерения совершить паломничество в Иерусалим для успокоения совести (хотя есть и другие версии, указанные хронистами, например, рождение у него дочери, в данном случае это было бы благодарственное паломничество, либо же король хотел исполнить обещание совершить паломничество своего умершего брата). Однако, главной причиной Ж. Флори, считает нарушение королём публичной клятвы, в результате чего Людовик стал клятвопреступником [\[11, с. 47\]](#). Паломничество могло помочь смыть с души монарха этот тяжкий грех. Позже этот обет трансформировался в участие короля в Крестовом походе.

Некоторые французские исследователи видели в Крестовых походах вооружённое паломничество, ставившее целью освобождение святынь христианства из рук мусульман, другие видели в них паломничество, предпринятое в знак покаяния и любви к братьям-христианам, которых, как и святыне места, также нужно освободить от гнёта мусульман. Третьи же просто считали Крестовые походы священной войной, независимо от её предназначения, поскольку все они велись под руководством Папы Римского против врагов христианства [\[4, с. 60\]](#). Это не последняя оценка и определение данного явления, для нас же важна паломническая его составляющая.

Необходимо отметить, что дороги, по которым шли крестоносцы, были чрезвычайно опасны, о чём мы уже говорили. Известно, что Фридрих Барбаросса, император Священной Римской империи, в результате несчастного случая утонул в водах реки Салеф в Армении (ныне — река Гёксу, Турция) во время Крестового похода, куда отправился, чтоб освободить Иерусалим от захватившего его войск мусульманского полководца Салах-ад-Дина [\[12, с. 58\]](#).

Однако, трудности не останавливали паломников. Как пишет известный французский медиевист Ж. Эрс, эпоха Крестовых походов — это время, когда Святая Земля снова стала принадлежать христианам, и чтобы так оставалось и дальше, Европе приходилось задействовать все свои силы, энергию, а главное — средства. "Ежегодно по несколько флотов из тяжёлых галер и кораблей из Италии, Прованса и Каталонии привозили сотни паломников, которые очень часто сражались рядом с рыцарями и пехотинцами или помогали строить замки" [\[13, с. 11\]](#). Для нас представляет интерес упоминающаяся здесь военная и строительная составляющая паломничества.

Печально, что практически все исследователи (правда, по вполне понятным и объективным причинам) обходят стороной численный компонент процесса паломничества в Средние века, а между тем, нам известно, что прибывшие на Ближний Восток из Западной Европы паломники встречали на месте так называемых "пуленов" — франков, родившихся уже на территории Сирии. Тем не менее, британский историк Д. Сьюард акцентирует внимание на том, что "нельзя сказать, что возник новый франко-сирийский народ" [\[14, с. 13\]](#). Однако, это позволяет предположить весьма большие в количественном отношении процессы не просто передвижения, а даже эмиграции с Запада на Восток.

Безусловно, все процессы паломничества, как и любой массовый процесс, требовали регламентации. Достигалось это далеко не сразу и зависело от множества факторов, включая природные, да и вряд ли можно сказать, что он в итоге был полностью упорядочен. Изначально он, разумеется, был хаотичным — люди (самостоятельно, или группами) добирались до точки назначения собственными силами, преодолевая всевозможные трудности и опасности.

Самые первые пути паломничества из Европы пролегали через Галатию, Каппадокию, и далее на юг, в Сирию и Палестину [\[2, с. 13\]](#).

До XI в. пилигримы (от лат. *Peregrinus* — «путешественник»), как правило, начинали свое путешествие в Святую Землю из портов южной Италии (Салерно, Тарент, Амальфи и Бари). В XII-XIII вв. путники отправлялись в Святую Землю из Мессины, Марселя, Бриндизи или Барлетты. Анонимный паломник вспоминал, как в конце XII или начале XIII века он отправился из Бриндизи в Святую Землю, и этот же порт упоминался среди портов, которые использовали крестоносцы, следовавшие за Ричардом Львиное Сердце [\[15, р. 3\]](#).

Начиная с Первого крестового похода 1096 г. и до падения Акры в 1293 г., маршрут паломников, следующий по античному римскому пути, оставался самым популярным среди тех, кто направлялся в Святую Землю, поскольку древняя дорожная сеть римской эпохи составляла центральное ядро в пучке альтернативных дорог. Толпы крестоносцев и паломников с севера проходили через Рим по пути в порты Бриндизи и Отранто. Выполнив свой обет, они возвращались на родину, проходя по тому же пути в обратном направлении [\[15, р. 10\]](#).

На пути в Палестину паломники пересекали Дарданеллы, арендуя византийские суда. Другой маршрут лежал через канал Отранто (соединявший Адриатическое море с Ионическим), который паломники пересекали на норманно-сицилийских кораблях и далее плыли в Египет и Сирию. В 1241 г. Людовик Святой основал специальный порт Эг-Морт, который стал важнейшим транзитным пунктом в морских путешествиях к Святой Земле. Из Эг-Морта на кораблях переправлялись через Средиземное море [\[16, с. 83\]](#).

К концу XV века паломничество уже не было личным делом человека. Чтобы отправиться куда-либо с религиозной целью было необходимо получить разрешение церковных властей, уплатив предварительно специальную пошлину в пользу главы церкви — Папы Римского. В паломничество на Святую Землю в этот период отправлялись уже, как правило, из Венеции.

Необходимо отметить, что плавание на венецианских торговых судах для паломников было гораздо более безопасным, чем на каких-либо иных: при возникновении угрозы они сразу же сгруппировывались в конвой, что весьма увеличивало их шансы на выживание в возможном противостоянии. Известно также, что венецианские корабли всегда чётко следовали избранному маршруту, крайне редко позволяя себе отклонения. Так, Адриатическое море они пересекали либо вдоль далматинского, либо итальянского берега. При этом большое значение придавалось потоку воздушных масс, которые, при усилении, позволяли идти кораблям по более глубоководной территории. Однако, первый маршрут, в силу военных действий и распространения пиратства быстро потерял своё значение.

Из канала Отранте корабли венецианцев отправлялись к Модону, откуда одни двигались на остров Крит и дальше к Александрии, а другие, вдоль Пелопоннеса к Аттике и Негрепонте, откуда шли к Тенедосу или Абидосу и дальше — в бухту Золотой Рог (Константинополь — важный центр торговли на Востоке, манивший венецианцев). При этом обращали внимание на северо-западные ветра — этезии, которые вполне могли унести суда, направлявшиеся к Малой Азии к берегам Святой Земли и Бейруту [\[17, с. 211-212\]](#).

С течением времени функции Венеции перенял на себя французский Марсель. Именно там обычный до того времени человек приобретал привычный нам образ паломника — с бородой, в паломническом плаще и с клюкой.

Находясь в Венеции, чтобы обезопасить себя во время путешествия, пилигримы заключали с судовладельцем контракт, по которому их должны были перевезти в Палестину и обратно, а также сопровождать в перемещениях по святым местам, при этом обеспечивая на протяжении всего этого времени пищу, защиту и денежные средства, необходимые в том числе для обязательной оплаты налогов на месте пребывания.

Сухопутный же путь паломников, более опасный и трудный, первой целью ставил перед собой Константинополь, к которому шли вдоль реки Дунай, проходя через страны Центральной Европы, затем, уже из Малой Азии пилигримы направлялись к Антиохии и Иерусалиму [\[16, с. 74\]](#).

Если говорить о конечных точках паломничества, то у католиков и православных (возникших после разделения единого христианства в 1054 г.) они, помимо, естественно, Святого Гроба в Палестине, различались: первые в основном отправлялись в Вечный город — Рим (порог апостолов — *Limina apostolorum*), а также в Сантьяго-де-Компостела (Испания) по Пути Святого Иакова — дороге, которая, по утверждениям того времени, вела непосредственно к возможному захоронению апостола Иакова, а также в Лорето (Италия), где расположена так называемая Святая хижина, или Дом Богородицы, который почитается так же, как и её как настоящий дом, находившийся в Назарете, в котором росла и воспитывалась Дева Мария и где произошло Благовещение.

Примечательно, что существует вторая христианская святыня с подобным названием, только в Турции (Эфес) — небольшое здание VII в. н. э. с подвалом, датированным

приблизительно I в. н. э., которое католические миссионеры в конце XIX века стали отождествлять с домом, в котором жила мать Иисуса Христа, Дева Мария.

Эти четыре точки на карте относились к так называемому *peregrinationes primariae* — основному путешествию, что говорит о его значимости и важности.

Все остальные места (как правило, местные святыни и чудодейственные места) относились к *peregrinationes secundariae* — вторичному путешествию.

В качестве примера здесь уместно будет привести так называемую *Via Francigena / Iter Francorum* — дорогу франков, известную с IX века, которая значила ненамного меньше, чем Путь святого Иакова. Следует отметить, что она имела два направления, в связи с чем и имеет два названия. Пролегая через земли франков, она шла на север, в Англию (Кентербери), отсюда её первое название. В обратном же направлении, в Италию, она называлась дорогой римлян — *Via Romea* (статья ПДФ - *Innovations in a Traditional Landscape of Pilgrimage: The Via Francigena del Sud towards Rome and Other Apulian Pilgrim's Routes* [\[15, p. 10-11\]](#)).

Нелишним будет упомянуть, что первые больницы в Европе часто возникали вдоль маршрутов паломничества, чтобы оказывать помощь больным или раненым путешественникам. Многие современные европейские больницы ведут свою историю именно от таких учреждений. Как и современные туристы, средневековые паломники любили сувениры, именно поэтому появились маленькие оловянные паломнические значки с изображением святых или мест паломничества — своеобразный средневековый эквивалент современных магнитов на холодильник. Археологи обнаружили тысячи таких значков, особенно в руслах рек, куда их бросали в качестве подношений на обратном пути. Известно также о существовании так называемого «*Credencial del Peregrino*», или паспорт паломника, используемый на Пути святого Иакова. Средневековые паломники собирали печати или штампы в церквях и постоялых дворах по пути следования, чтобы подтвердить свой маршрут [\[18\]](#).

Вторичному паломничеству в трудах учёных (как зарубежных, так и отечественных) уделено гораздо меньше места, что связано, во-первых, с меньшим вниманием, которое им уделялось, а во-вторых, по причине небольшого количества источниковой базы [\[19, p. 2\]](#).

Если же говорить о православных, то их паломничества совершались в основном в Царьград (Константинополь, ныне — Стамбул, Турция) и на гору Афон (Греция). При этом необходимо подчеркнуть, что замкнутость православия, сконцентрированность его на самом себе, долгое время не способствовали увеличению паломничества и росту его популярности. Многие священники высказывали мысль, что причаститься Святых Тайн можно в любом храме, не отправляясь в неизвестность за тысячи километров, подвергая опасности свою душу, ведь во время путешествия можно попасть под искушение, гораздо богоугоднее затворничество, а собранные средства можно отдать нуждающимся.

Долгое время паломничество в православии рассматривалось, как средство для укрепления веры, поэтому отправлявшийся в него человек изначально рассматривался как потенциально "слабый" в духовном отношении.

Кроме того, сам святитель Григорий Нисский, сам совершивший паломничество в Святую Землю, считал, что паломники совершают свои путешествия всего лишь из праздного любопытства [\[20, с. 59\]](#). Даже сегодня Патриарх Кирилл в своём выступлении акцентирует

внимание на том, что «главным для паломника является поклонение святыне, а не только осмотр исторических достопримечательностей в храме или монастыре» [\[21, с. 9\]](#).

К тому же, как отмечает исследователь С. Лучицкая, для жителей Западной Европы существовала прямая опасность вместо обычного паломничества совершить "антипаломничество", если дорога приведёт их в страны, населённые представителями иной религии, например, ислама [\[16, с. 72\]](#).

Говоря о паломничестве в эпоху Крестовых походов — одного из главных событий за всё тысячелетие Средних веков, изучая источники, необходимо, во-первых, чётко разделять передвижение вооружённого крестоносного войска, способного, например, на быстрое возведение мостов для переправы через водные препятствия, путешественника, и обычного паломника (или их группы), всё-таки цели и задачи, а также возможности у всех были различные, а во-вторых, изучая трудности и погодные условия, которые могли быть неблагоприятными, нужно принимать во внимание, что так было не всегда, и если однажды в каком-то конкретном месте пролился дождь, зафиксированный в хрониках, это не значит, что следующий паломник не столкнётся в данном месте с палящими лучами солнца.

Всё это следует воспринимать в общем, как иллюстрацию к картине путешествия паломников, которое не выглядело как увеселительная прогулка и было сопряжено с многочисленными трудностями природного (горы, реки, моря, леса, дикие животные и т.д.) и бытового (голод, холод, жара, болезни, деньги и др.) характера.

По мере развития, а затем и отмирания феодализма, укрепления центральной власти в странах Европы, ослабления дворянства, видевшего теперь все необходимые им чудеса в верховном правителе — короле, который, к слову, также обладал возможностями творить чудеса, например, излечивать от золотухи простым наложением рук (король Франции), идея паломничества становилась всё менее привлекательной. Эпоха Крестовых походов осталась также позади. Социально-экономический уклад призывал к осуществлению иных целей и задач.

Это стало причиной появления такого явления, когда феодал, не желавший покидать страну по какой-либо причине (служба монарху, необходимость нахождения в поместье и т.д.) мог отправить в паломничество вместо себя доверенное лицо. Им мог стать верный слуга, в котором не возникало сомнений, что он достойно представит господина, или просто человек, который осуществлял необходимые дворянину или просто богатому человеку функции за определённую плату.

С течением времени появились светские цехи профессиональных наёмных паломников, чья численность постоянно росла, поскольку эта деятельность хорошо оплачивалась. К XVI в. уже оформилась практика, когда община за свой собственный счёт могла отправить паломника в нужное ей место поклонения.

Эпоха Реформации, прокатившаяся по Европе, способствовала, с одной стороны, усилению религиозных чувств части населения, и даже проявлениям фанатизма (убийства Генриха III и Генриха IV во Франции католическим монахом Жаком Клеманом [\[22, с. 841\]](#) и фанатиком Франсуа Равальяком [\[23, с. 32\]](#); неудачное восстание английских католиков против политики Генриха VIII в 1537 — 1538 гг. под красноречивым и интересным для нас названием "Благодатное паломничество" [\[24, с. 534\]](#) и др.), с другой — ослаблению религиозных чувств и усилению атеистических и гностических тенденций.

Исследователь Э. Фукс отмечает, что современники эпохи Реформации, особенно населявшие германские земли, прекрасно видели и понимали главную составляющую этого процесса: "реформационное движение было по существу экономической борьбой", что, безусловно, не добавляло Церкви престижа в глазах простых людей [\[25, с. 258\]](#).

Кроме того, в XVI в. протестантская Реформация привела к повсеместному уничтожению реликвий и чудотворных изображений, а также к осуждению паломнической практики в целом, что привело к исчезновению паломничества как явления в значительной части Европы [\[19, р. 4\]](#).

Таким образом, можно констатировать, что паломничество играло важную роль в средневековом западноевропейском мире, являясь частью, как духовной, так и земной жизни человека.

Отправиться в паломничество (основное, или вторичное) считалось благим делом для представителей всех слоёв общества, и мы можем наблюдать на вышеуказанных примерах, что как представители правящих династий, так и самые простые, обычные люди, отправлялись в Святую Землю, Рим, Сантьяго-да-Компостела и др. для удовлетворения своих целей и потребностей.

Перемещения людей, очевидно, были весьма большими, хотя говорить о каких-то конкретных цифрах пока достаточно трудно, это тематика для отдельного исследования (что связано с вопросом градации по категориям всех, кто перемещался по пути из Европы на Ближний Восток — воин, торговец, просто путешественник или же паломник).

Паломничество как массовое явление, бесспорно, связано с появлением монотеизма. Палестина, как узел авраамических религий стала центром притяжения верующих разных конфессий, конечной целью основного странствования христианского пилигрима, интересующего нас в качестве субъекта исследования. Говоря о логистике паломничества с позиций, христианства отметим, что возникали и другие — альтернативные ближневосточным — пути: так называемые вторичные путешествия в пределах европейского континента и имеющие отношение уже к эпохе христианизирующейся Европы, точкам почитания местночтимых святых.

Существовавшее на Европейском континенте до Благой вести язычество с его партикулярными капищами, местными культами божков, священными дубравами совершенно не способствовало возникновению длительных — во времени и в пространстве — перемещений людей. Язычество локально по своей природе поклонения, имеет чёткие региональные границы.

Христианское же вероучение, напротив, имеет тенденцию к глобализации и масштабности. Оно привело к формированию палестиноцентризма и палестинонаправленности в логистических маршрутах европейского странника. Теперь каждый верующий, именующий себя христианином, независимо от географической локации с момента христианизации Западной Европы при Хлодвиге Меровинге приобрёл единый сакральный центр, к которому и были устремлены взоры европейца. Это был осязаемый центр, земной Иерусалим, где протекала быстрая человеческая жизнь Спасителя. Располагался он в конкретном месте, на Ближнем Востоке, в Палестине и имел свои географические координаты. К слову, среднестатистический европейский христиан при этом не всегда отдавал себе отчёт в том, где именно азимутально он расположен.

Западно-европейское христианское паломничество стартовало ранее, нежели чем

Восточно-европейское (в пределах варварского мира) и связано это было исключительно с хронологией христианизации разных регионов Европы: более ранней на Западе и более поздней — на Востоке и на Севере континента.

Паломничество имело тесную связь с имущественным статусом человека, более того, было экстраординарным явлением в регионе с традиционной осёдлостью, требовало крайнего напряжения, истощения ресурсов от растраты имущественных сбережений вплоть до физического здоровья, было сопряжено с витальными рисками. Однако, при удачном исходе, влияло на последующий статус человека после его возвращения в регион проживания.

Можно сделать смелый вывод о том, что из одиночного паломничества выросла идея целенаправленных Крестовых походов, целью которых было вырвать из рук неверных основные христианские святыни.

Обобщая информацию по паломничеству, содержащуюся в трудах зарубежных исследований, отметим: зачастую сведения о нём в анализируемых работах преподносятся в контексте иных событий, более приоритетных для европейских учёных. Раскрывая иную магистральную тему в своих монографиях, например, изучая военно-монашеские ордена, они приводят сведения по паломничеству, зачастую обладающие уникальной новизной, позволяющей посмотреть на явление совсем под другим углом. Говоря о паломничестве, зарубежные исследователи довольно часто не производят сепарацию на православие и католицизм, перечисляя точки притяжения паломников через запятую. В связи с этим вырисовывается необходимость исследовать посещение православных святынь на Востоке католическими паломниками в Средние века после 1054 г.

И всё же имеющиеся сведения по данной проблематике, изученные в статье весьма разрознены, отрывочны и настойчиво требуют своего дальнейшего изучения в обобщённом виде по другим хронологическим периодам, нуждаясь в уточнении (особенно это обстоятельство касается географических маршрутов паломников и транспортной составляющей в зависимости от эпохи) и глубоком научном анализе.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания РАН, проект № FEFM 2024-0016

Библиография

1. Martin Gray. Le Puy // World Pilgrimage Guide. URL: https://ru.sacredsites.com/europe/france/le_puy.html
2. Александрова Т. Л. Эпиграммы императрицы Евдокии в контексте ее первого паломничества в Иерусалим // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2015. Вып. 3 (43). С. 9-31. DOI: 10.15382/sturIII201543.9-31 EDN: UCKWGT
3. Близняков Р. А., Малышев Д. А. Историческое пространство человека средневековой Франции: к постановке вопроса // Научный вестник Крыма. 2017. № 6 (11). С. 1-10.
4. Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 336 с.
5. Jean Sorabella. Pilgrimage in Medieval Europe // The Metropolitan Museum of Art. 2011. Apr. 1. URL: <https://www.metmuseum.org/essays/pilgrimage-in-medieval-europe>
6. Гусенова Д. А., Алиханова З.-Б. Т. Духовность, туризм и паломничество в исламе // Исламоведение. 2014. № 1. С. 45-53. EDN: SERRXP
7. Самый длинный путь мира и маршрут паломничества! // Путь Иерусалима. URL: <https://www.jerusalemway.org/ru/> (дата обращения: 23.07.2025)
8. Author Anonymous. Pilgrimage // St Andrews Encyclopaedia of Theology. 2024. Aug. 29.

[Электронный доступ]. URL: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (дата обращения: 27.07.2025)

9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа "Альма Матер"; Гаудеамусс, 2023. 400 с. (Эпохи. Средние века. Исследования).
10. Перну Р. Алиенора Аквитанская. М.: ЭКСМО, 2025. 320 с.
11. Флори Ж. Алиенора Аквитанская. Непокорная королева. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.
12. Перну Р. Хильдегарда Бингенская. М.: Издательство францисканцев, 2014. 135 с.
13. Эрс Ж. История Крестовых походов. СПб.: ЕВРАЗИЯ – ИД Клио, 2017. 320 с.
14. Сьюард Д. Монахи войны. История военно-монашеских орденов от возникновения до XVIII века. М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. 319 с.
15. Anna Trono and Luigi Oliva. Innovations in a Traditional Landscape of Pilgrimage: The Via Francigena del Sud towards Rome and Other Apulian Pilgrim's Routes // Religions. 2021. Vol. 12. No. 1065. P. 1-19.
16. Лучицкая С. И. Путешествие в Святую Землю в XII-XIII вв.: Очерк истории повседневной жизни // Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 72-102.
17. Оке Жан-Клод. Средневековая Венеция. М.: "Вече", 2014. 384 с.
18. George C. Exploring Europe's Historic Pilgrimage Sites // The Wanders. 2025. Apr. 26. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thewanders.eu/europes-historic-pilgrimage-sites/#the-medieval-pilgrimage-boom>
19. James Bugslag. Local Pilgrimages and Their Shrines in Pre-Modern Europe // Peregrinations: Journal of Medieval Art and Architecture. 2005. Vol. 2. Iss. 1.
20. Инокания Екатерина (Елена Владимировна Копыл). Рецепция взглядов свт. Григория Нисского и блж. Иеронима на святые места Палестины: Иерусалимский патриарх Хрисанф Нотара // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84. С. 56-76. DOI: 10.15382/sturII201884.56-76 EDN: YPMFXV
21. Мазин К. А. Паломничество и туризм: сравнение сквозь призму тысячелетий // Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. № 4. С. 8-24. EDN: KYTAIN
22. Шевалье П. Генрих III. М.: ТЕРРА, 1997. 848 с.
23. Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610). СПб.: Евразия, 2008. 416 с. EDN: VRXRKV
24. Уэйр Э. Генрих VIII. Жизнь королевского двора. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. 800 с.
25. Фукс Э. История нравов. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: ООО Группа Компаний "РИПОЛ классик", Издательство "Пальмира", 2018. 395 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В эпоху Перестройки в условиях падения официальной коммунистической идеологии образовавшийся духовный вакуум довольно быстро заполнили традиционные религии. Именно на рубеже 1980-х - 1990-х гг. на 1/6 части суши произошло возрождение авторитета религии, вновь приобрели большое распространение такие явления как паломничество, миссионерская деятельность и т.д. В этой связи представляется важным обратиться к изучению различных аспектов паломничества, игравшего важную роль в жизни средневековой Европы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является паломничество как явление в религиозной

жизни человека и общества. Автор ставит своими задачами "изучить паломничество как явление на основе теоретических трудов зарубежных исследователей, сузив хронологические рамки до периода Средневековья, ограничившись географически регионом Западной Европы с кратким логистическим описанием паломнических коридоров на Ближний Восток", а также "прибегнуть к обобщению теоретических знаний о паломничестве как явлении на основе западноевропейского социокультурного опыта". Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительно-исторический метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать паломничество и общества в Западной Европе в Средние века по материалам зарубежной историографии.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 25 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Ж. Ле Гоффа, Ж. Эрса, Дж. Сорабеллы, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения паломничества в Средние века. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как христианской религией, в целом, так и паломничеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "паломничество, без сомнения, — феномен всемирно-исторического масштаба". В работе показано, что "паломничество в православии рассматривалось, как средство для укрепления веры, поэтому отправлявшийся в него человек изначально рассматривался как потенциально "слабый" в духовном отношении". Особо отмечается, что в

"XVI в. протестантская Реформация привела к повсеместному уничтожению реликвий и чудотворных изображений, а также к осуждению паломнической практики в целом, что привело к исчезновению паломничества как явления в значительной части Европы". Вызывает интерес и сделанный автором вывод о том, что "из одиночного паломничества выросла идея целенаправленных Крестовых походов, целью которых было вырвать из рук неверных основные христианские святыни".

Главным выводом статьи является то, что

"паломничество играло важную роль в средневековом западноевропейском мире, являясь частью, как духовной, так и земной жизни человека".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Близняков Р.А. Крымское региональное отделение ИППО: 125-летие Таврического отдела и первое десятилетие воссоздания // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75354 EDN: HPYRZU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75354

Крымское региональное отделение ИППО: 125-летие Таврического отдела и первое десятилетие воссоздания

Близняков Роман Александрович

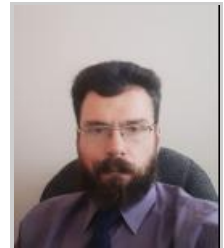
ORCID: 0000-0002-9863-0267

кандидат исторических наук

Заведующий научно-исследовательской лабораторией; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

✉ bliznyakov80@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75354

EDN:

HPYRZU

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Дата публикации:

03-08-2025

Аннотация: В статье анализируется деятельность воссозданного Крымского регионального отделения международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество (Далее – МОО ИППО, или ИППО) за десятилетний период в сравнении с деятельностью дореволюционного Таврического отдела ИППО. Предметное поле исследования включает в себя изучение всех направлений деятельности, как современного, так и дореволюционного представительства в Крыму и в ближайшем Северном Причерноморье. Исследование базируется на широкой и разнообразной источниковой базе, составляющей корпус современных источников, генерируемых региональным отделением, и дореволюционных документов – статистических отчётах (Сообщения ИППО), периодике, основополагающих документах.

Литература же, напротив, имеет небольшую номенклатуру в силу узости партикулярного измерения исследования и представлена небольшой группой научных работников Отечественной историографии. При использовании сравнительного метода и диахронного подхода автор проводит параллели в становлении дореволюционного Таврического отдела и Крымского регионального отделения, а также анализирует деятельность представительств в современном и дореволюционном Крыму по основным направлениям функционирования: просветительскому, паломническому, историко-культурному. Автором статьи предпринята первая в современной историографии попытка обобщить десятилетний опыт воссозданного Крымского регионального отделения, что, безусловно, придаёт ей абсолютную новизну, дополняемую композиционной неординарностью, заключающейся в первом сравнении представительств в диахронном ключе. Работа может быть полезна для всех, интересующихся историей ИППО, его региональных отделений, Крымоведением, историей паломничества и Святой Землёй. В ходе проведенного исследования автор подтверждает выдвинутую им гипотезу о том, что современное Крымское региональное отделение является прямым продолжателем традиций и правопреемником дореволюционного Таврического отдела. Поставленная цель и решаемые задачи позволили найти схожесть и в основных направлениях деятельности двух представительств Общества, существовавших в разные эпохи. Сравнительный анализ позволил заключить, что Крымское региональное отделение на современном этапе имеет более сильную научную компоненту, его популяризаторская деятельность направлена на изучение страниц отечественной истории, в то время как дореволюционный Таврический отдел был более сведущ в вопросах паломнической деятельности.

Ключевые слова:

И П П О , Таврический отдел, Крымское региональное отделение, Паломничество, Крымская весна, Крымская война, Николай Второй, Ливадия, Евпатория, епископ Николай Зиоров

Идея возобновления деятельности отделения ИППО в Крыму витала в воздухе ещё со второй половины нулевых годов. Проводились консультации с научной и культурной элитой полуострова. К началу 2014 г. Роман Близняков, Владимир Бобков и Дмитрий Малышев уже состояли в рядах ИППО в качестве его действительных членов. Восстановление Крымского отделения МОО ИППО стало объективной реальностью вскоре после судьбоносных событий Крымской весны.

Функционирование ИППО в Крыму в современных российских реалиях требует первого обобщения, осмысления и, пожалуй, детального сравнения с дореволюционным периодом в синкретическом ключе. В качестве гипотезы исследования представляется возможным выдвинуть утверждение, что Крымское региональное отделение ИППО является прямым продолжателем и правопреемником Таврического отдела ИППО. Актуальность исследования определяется ещё одной памятной датой в летописи полуострова: действительные члены Крымского регионального отделения Общества (стараясь быть достойными продолжателями традиций, заложенных их предшественниками из Таврического Отдела ИППО конца позапрошлого века) в апреле 2025 г. отметили 125-летие со дня его основания.

В свете вышесказанного целью данной статьи определяется освещение деятельности регионального отделения за истекшее десятилетие в сравнительной характеристике с

основными направлениями работы дореволюционного отдела организации. Для этого в процессе исследования были поставлены следующие задачи: воссоздать новейшую историю Крымского регионального отделения ИППО в период с 2014 по 2025 г.; провести параллели по основным направлениям деятельности дореволюционного Таврического отдела ИППО.

Набор способов достижения цели и задач, априори, определяет методологию исследования. В приоритете выбора инструментария лежит сопряжение сравнительного и диахронного методов — при рассмотрении становления современного Крымского отделения ИППО неизбежна постоянная отсылка к событийности дореволюционной Таврической губернии. Два интервала, благодаря сравнительному методу, комплементарно выстраиваются в топологический ряд, при этом диахронно находясь в разных временных интервалах.

Источниковая база исследования опирается на документы, генерируемые современным отделом, на отражение деятельности регионального отделения в официальном издании полуострова: в Газете Государственного Совета Республики Крым «Крымские известия» [\[18\]](#), [\[20\]](#), на информацию, размещённую на официальном портале ИППО [\[9–16\]](#). При обращении к страницам дореволюционного Таврического отдела оказываются полезными материалы СИППО [\[26–29; 34–40\]](#), Таврических епархиальных ведомостей [\[41\]](#), источники из фондов ИППО, хранящиеся в ГМИР г. Санкт-Петербурга [\[40\]](#).

Тематика развития региональных отделов ИППО находит отражение в работах целого ряда исследователей [\[1–5\]](#). Среди них хочется выделить исследование И. Г. Шаркова [\[6\]](#) и статью М. А. Агатовой и Р. А. Близнякова [\[7\]](#), носящую источниковедческий характер. Эти две работы были направлены непосредственно на изучение конкретного Таврического отдела ИППО в дореволюционный период. По изучению деятельности современного отдела в современной историографии наблюдается пробел. Данное исследование призвано его ликвидировать.

Деятельность ИППО неразрывно связана с историей повседневности полуострова, где с 1900 г. функционировал Таврический отдел. «Мы хотим возродить эту традицию», — вскоре после судьбоносного крымского референдума 17 марта 2014 г. заявила в Москве заместитель главы ИППО Елена Агапова [\[8\]](#). В день Благовещения в 2014 г. головная организация определила: «Создать отделение в Крыму с выездом в г. Севастополь для проведения согласований (ответственные — С. Л. Байдаков, Е. А. Агапова, О. И. Фомин, В. А. Двуреченских)» [\[7\]](#). Так стартовал новейший период в истории Императорского Православного Палестинского общества в российском Крыму, что уже было отмечено автором в его предшествующем исследовании.

8 апреля 2014 г., в Центре организации на Забелина, 3 в Москве, состоялась встреча Председателя Общества Сергея Степашина с тогдашним министром информации и массовых коммуникаций Республики Крым Дмитрием Полонским. На встрече также поднимался вопрос создания в Крыму регионального отделения. Гостями из Крыма были написаны заявления о вступлении в ИППО [\[9\]](#).

В ходе многочисленных консультаций, состоявшихся весной 2014 г. было решено возродить структурное подразделение на полуострове с центром в городе Севастополе, хотя дореволюционный Таврический отдел располагался именно в губернской столице — уютном, провинциальном, логистически безупречном Симферополе. Учитывая это историческое обстоятельство единственные действительные члены ИППО, проживающие

на тот момент на территории Республики Крым — Роман Близняков и Дмитрий Малышев при поддержке экс-главы счётной палаты Республики Крым Владимира Полищука, лично контактирующего с Сергеем Степашиным выступили за открытие отделения именно в столице Крыма — Симферополе, а не в Севастополе. При обосновании решения о воссоздании Крымского отделения ИППО в Симферополе был использован принцип историзма, а также учтены современные реалии: Севастополь, являясь городом федерального значения, представляет собой отдельный субъект Российской Федерации, несмотря на географическое расположение на Крымском полуострове. Таким образом, в Тавриде сложилась ситуация, когда существуют два независимых отделения ИППО: Севастопольское (созданное заново) и Крымское (воссозданное, как продолжение Таврического). Данная структура представляется наиболее оптимальной и справедливой [\[7\]](#).

Воссозданное в Симферополе 9 августа 2014 г. отделение было легитимизировано Советом МОО ИППО 24 декабря 2014 г., приобретая возможность юридической регистрации по положению Устава от 3 июня 2014 г. [\[10\]](#). Ныне действует новая редакция Устава, утвержденная на 4-ой Отчетно-выборной конференции 2 июня 2017 г.

14 августа 2014 г. состоялся визит Президента Владимира Путина в Республику Крым. Глава государства посетил чеховские места в Ялте. Его пресс-служба констатировала, что в музее Чехова президент общался с деятелями культуры России, директорами музеев, представителями исполнительной власти Республики. Во встрече приняли участие Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев, Министр культуры Российской Федерации В. Р. Мединский. Затрагивались вопросы интеграции полуострова в культурное пространство Российской Федерации. Президент лаконично проинформировал присутствующих об итогах своих предыдущих встреч в Крыму: «Идёт процесс интеграции Республики Крым и Севастополя в российское законодательство, в экономику, в социальную сферу» [\[11\]](#).

Говорили о многом. Особо — о Крымской войне, юбилейные 170-ти летние даты которой мы сейчас отмечаем. Присутствовавший на встрече действительный член ИППО, народный художник России, академик живописи Василий Нестеренко подчеркнул важный аспект этого события мирового масштаба, непосредственно связанного с соблюдением статуса-кво для святых мест. Он призвал помнить о роли России как защитницы христианского Востока: «Эту войну называли «Битва за ясли Господни». А началась она как религиозный конфликт в Палестине, когда Россия вступилась за права православных патриархий в Вифлееме и Иерусалиме. <...> Мне бы хотелось, чтобы художники, да и не только художники, но и артисты подумали именно об этой составляющей» [\[11\]](#). Возрождение исторической памяти, популяризация событий Крымской войны стало одним из направлений работы воссоздающегося по решению Совета ИППО отделения Общества в Крыму, его сотрудничества с другими региональными отделениями общественных организаций, например, таким как РВИО. Об этом почти пророчески было объявлено тогда, в 2014 г.

Становилось ясно, что гуманитарно-культурологическая составляющая деятельности Общества по поддержке Христианства на Востоке, являющаяся одной из уставных задач, должна быть расширена и дополнена в Крыму за счёт реализации творческих проектов исторической направленности. Возглавляемое В. В. Полищуком Крымское отделение ИППО в Симферополе унаследовало традиции и задачи дореволюционного Таврического отдела, став их достойным продолжателем по линии просветительской, популяризаторской деятельности. В 2010-е гг. Крымское отделение ИППО активно

включилось в памятникведческую деятельность, способствуя увековечиванию памяти императора Николая II. На территории полуострова при поддержке общества появились бюсты императора в Ливадии (май 2015 г.) и в Евпатории (май 2016 г.). Ученые — действительные члены ИППО — выступили с научной инициативой и реализовали её в виде чтения, приурочив его к памятной дате. Это знаковое научное событие произошло на площадке КФУ им. В. И. Вернадского в Симферополе.

Первое и третье мероприятие прошли весной 2015 г. Тогда Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь благословил проект установки памятника почётному члену ИППО государю императору Николаю II в Ливадийском дворцово-парковом музее-заповеднике. В своем архипастырском послании предыдущий правящий архиерей — митрополит Лазарь выразил признательность: «Сердечно благодарю Вас за благую инициативу — установку памятника святому Страстотерпцу Государю Императору Николаю II у главного входа в Ливадийский дворец-музей» [\[12\]](#). Адресатом архиерейского послания от 29 апреля 2015 г. был А. Н. Панин, председатель правления фонда «Возрождение культурного наследия».

Накануне открытия бюста в Ливадии, 18 мая 2015 г. делегация ИППО во главе с управляющим делами Михаилом Калининым приняла участие в собрании Крымского регионального отделения. Были намечены перспективы совместной работы. Темой для обсуждений стал проект «Аллея Российской Славы» М. Л. Сердюкова. Для осуществления его в Крыму приложили старания и члены Крымского отделения [\[13\]](#). 19 мая благотворительным фондом «Возрождение культурного наследия» и МОО ИППО совместно с Советом Министров, Министерством культуры Республики Крым была проведена торжественная церемония открытия и освящения памятника Императору Николаю II в Ливадии. Мероприятие было приурочено к «Ливадийским чтениям», посвященным 170-летию со дня рождения Государя Александра III.

Знаковым событием стало проведение 20 мая 2015 г. в Симферополе, на базе КФУ имени В. И. Вернадского, круглого стола, посвященного памяти царской семьи, 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, празднованию первой годовщины второго вхождения Крыма в состав России. Владимир Полищук, проректор университета, первый председатель Крымского регионального отделения, обратился к присутствующим от имени администрации учебного заведения, произнеся: «Сегодня Крым, вернувшийся в Россию, становится свидетелем важного события, связанного с русской историей, которая будет затронута как тема круглого стола. В дальнейшем тематические семинары, круглые столы будут проходить в формате круглогодичных». В ходе обсуждения докладов был презентован альбом «Паломничество Великой Княгини Елисаветы Федоровны по святым местам». Его авторы-составители — архимандрит Тихон (Затекин) и А. Н. Панин. Говорили о ценности и значимости представленных в нем иллюстраций [\[14\]](#).

Члены делегации провели встречу в епархиальном управлении с секретарем Симферопольской и Крымской епархии, настоятелем Петро-Павловского кафедрального собора протоиереем Александром Якушечкиным. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь был награжден Решением Совета Общества за поддержку инициатив в деле возрождения культурного наследия в Крыму почетным памятным знаком «Орден Великой княгини преподобномученицы Елизаветы Федоровны». По поручению С. В. Степашина для Владыки было передано Священное Писание. Секретарь епархии поблагодарил делегацию и от имени Правящего Архиерея и подарил в ответ на молитвенную память икону Святителя Луки Архиепископа Крымского [\[15\]](#).

Ровно через год, в мае 2016 г., Сергей Степашин открыл на набережной Евпатории памятник Николаю II. Он был передан в дар городу Обществом. В память о посещении Евпатории последним русским императором и его Августейшей фамилии в 1916 г. Евпаторийский церковный округ, располагая благословением правящего архиерея митрополита Лазаря, организовал праздничные мероприятия совместно с городскими властями. В рамках торжеств состоялась служба в кафедральном соборе, крестный ход к набережной имени Валентины Терешковой. Состоялся церковный чин освящения императорского бюста. В церемонии открытия приняли участие значимые гости: высокие духовные лица, Мария Владимировна Романова, евпаторийская администрация во главе с Андреем Филоновым. МОО ИППО представлял Михаил Калинин, Наталья Гудень — председатель Ульяновского регионального отделения, Самвел Казарян [\[16\]](#). Таким образом, в первые годы после воссоздания, отделение активно занималось научной и просветительской деятельностью, следуя примеру своих предшественников из Императорского Православного Палестинского Общества на рубеже XIX и XX вв.

Период с 2016 по 2020 гг. ознаменовался спадом активности общественной деятельности организации, вызванным временным отходом от дел ключевых фигур регионального отделения. Невзирая на это обстоятельство, сильной стороной регионального отделения продолжала оставаться научная компонента, наличие сильной школы палестиноведения [\[17\]](#).

В декабре 2021 г. в связи с добровольным складыванием полномочий со стороны Владимира Полищука региональное отделение возглавил его экс-секретарь — Роман Близняков. Среди первоочередных задач второй руководитель структурного подразделения видел в получении статуса юридического лица для организации, который так и не был получен в предшествующий период.

Министерство юстиции 4 июля 2023 г. официально зарегистрировало Крымское региональное отделение ИППО. Оно получило статус некоммерческой общественной организации (руководитель — Роман Близняков, соучредители — Д. А. Малышев, протоиерей Алексей Астапов). «Отрадно, что этот факт состоялся, — отметил обстоятельство юридической регистрации заместитель Председателя Государственного Совета Крыма Владимир Бобков. — Вдвойне отрадно, потому что являюсь членом этого объединения и по мере сил буду оказывать обществу помощь, на которую оно рассчитывает» [\[18\]](#). Юридическая регистрация — важное событие: ИППО — структура, в идеологическом основании которой базовые столпы традиционных православных ценностей. Их реализация предполагает постановку задач по привлечению в свои ряды подрастающего поколения. К юридическому статусу НКО Общество шло ни один год — процесс стартовал с момента второго воссоединения Крыма с Россией, а завершился лишь два года назад.

Юридическое лицо позволило реализовать целый ряд проектов, связанных с работой по линии молодёжи. Так, в рамках партнёрства с Государственным комитетом по молодёжной политике Республики Крым и совместно с медиахолдингом «Культура наций» при поддержке его генерального директора — Марины Забелиной — была отснята документальная лента, состоящая из двух частей: «Восточная война в истории народов Крыма», дебютировавшая осенью 2024 г. на телеканале «Союз» и на региональных телеканалах полуострова [\[19\]](#).

Продолжением усилий регионального отделения, направленных по линии работы с молодёжью, стала просветительская деятельность в созданном по инициативе

регионального отделения ИППО историческом клубе, ведущем свою деятельность по благословению митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря на базе молодёжного просветительского центра «Зёрна». На его площадке обсуждалась знаковая для Крыма историко-политическая повестка дня. Одно из заседаний («Картофельный городок»: мемориальному скверу — быть») было посвящено теме строительства мемориального комплекса на месте бывшего Дулага 241. Своим опытом и знаниями в ходе панельной дискуссии поделились заместитель Председателя Государственного Совета Республики Крым и член ИППО Владимир Бобков, председатель Крымского регионального отделения ИППО Роман Близняков, кандидат исторических наук Дмитрий Малышев, а также учащиеся Таврической духовной семинарии и представители православной молодежи [\[20\]](#). Такое взаимодействие, пусть и с камерной средой, позволило затрагивать региональному отделению самые злободневные вопросы, стоящие перед крымской общественностью.

Крымское региональное отделение имеет тесные связи с другими региональными отделениями в пределах Российской Федерации. Так, с Тюменским региональным отделением была разработана предварительная дорожная карта, направленная на развитие двусторонних контактов. Активно разрабатывается направление, связанное и изучением патриотического направления. Исследуется биография подпольщика — первого Ректора ТИУ А. Н. Косухина. Как сообщает пресс-служба вуза, крымчан с тюменскими коллегами связывает теплая дружба. Два года назад руководитель Крымского регионального отделения приехал в Ялуторовск для работы с архивом Крымской войны 1853–1856 гг., в ходе которого и завязалось общение с Владимиром Крощевым, занимающимся подготовкой и изданием книги о легендарном партизане-подпольщике и первом ректоре ТИУ Анатолии Косухине. Фигура крымского подпольщика Косухина стала мостиком, связывающим два региональных отделения.

«Личность Анатолия Николаевича Косухина навсегда объединила Крым и Западную Сибирь. Идея создания книги о его подпольной работе в годы Великой Отечественной войны возникла давно. После рассекречивания, благодаря Роману Александровичу Близнякову, к нам попали и другие документы: автобиография, подписанная Косухиным, отчет о деятельности подпольной организации, письмо в ЦК КПСС о награждении юных подпольщиков. Все они вошли в нашу книгу», — отметил член ИППО Владимир Крощев [\[21\]](#).

Другим знаковым событием в жизни регионального отделения стало подписание соглашения о сотрудничестве с Калужским региональным отделением, заключённое в присутствии губернатора региона, представителя Совета Федерации, Митрополита Калужского и Боровского Климента. Свои подписи под ним поставили Наталья Терехова и Роман Близняков.

Среди членов отделения: заместитель председателя, Викарий Симферопольской и Крымской епархии Владыка Нестор, соучредители — руководитель секретариата Комитета Государственного Совета Республики Крым по патриотическому воспитанию и молодёжной политике Дмитрий Малышев и протоиерей Алексей Астапов, глава Комитета Государственного Совета Республики Крым по патриотическому воспитанию и молодёжной политике Владимир Бобков, Владимир Полищук, экс-сенатор Елена Грешнякова.

В июне 2025 г. произошли структурные изменения в региональном отделении. Была введена должность второго заместителя председателя регионального отделения. Им

стала экс-сенатор Российской Федерации Елена Грешнякова [\[22\]](#).

Подводя итог десятилетнему существованию регионального отделения, можно отметить: общественная организация в первые годы своего существования при поддержке центра принимала активное участие в культурной жизни полуострова, проводя активную научную работу палестиноведческого характера. На рубеже второго и третьего десятилетия XXI века по причине внутренней трансформации региональное отделение живёт камерной жизнью. В последнюю пятилетку было получено юридическое лицо, проводилась активная работа с православной молодёжью, заключено соглашение с Таврической духовной семинарией. Изучение Крымской войны, популяризация истории, формирование христианского взгляда на гражданские вопросы, — основное кредо организации. Однако за прошедшее десятилетие так и не удалось наладить паломническую деятельность, необходимо более тесное сотрудничество с тремя епархиями РПЦ, расположенными в пределах полуострова, стоит расширить количественный состав организации, работу с другими общественными организациями. Крымское отделение ИППО под руководством В. В. Полищука и Р. А. Близнякова стремилось возобновить традиции и продолжить деятельность дореволюционного Таврического Отдела. Для положительного утверждения о преемственности необходимо перейти к рассмотрению деятельности дореволюционного Таврического отдела.

До учреждения Таврического отдела Императорское Православное Палестинское Общество уже осуществляло свою деятельность на территории Таврической губернии. Ключевую роль для ИППО играли приморские города — Севастополь и Феодосия. Именно они в Крыму отвечали за пассажиропотоки поклонников из царской России к Библейским местам Палестины. Особая роль в осуществлении этой миссии отводилась представителям ИППО в регионе, которые носили статус уполномоченных. В Севастополе таким уполномоченным был пожизненный и действительный член Общества А. А. Гаврилов (с 1890 г.). Кроме него эту функцию осуществлял агент Добровольного флота и Русского Общества Пароходства и Торговли (далее — РОПиТ) А. И. Млинарич (с 1904 г.). И. Я. Шелухин — менеджер имений «Массандра» и «Ай-Даниль» — в Крыму и других причерноморских городах собирал финансовые средства на благо Общества. Господин Шелухин имел статус пожизненного члена-сотрудника ИППО, государственную выслугу коллежского советника. С 1895 г. И. Я. Шелухин работал по линии ИППО в ещё более южном Батуме. Для того, чтобы стать обладателем паломнических книжек организации, русским пилигримам советовали обращаться по месту проживания — Малая Морская улица в Севастополе — к А. А. Гаврилову или в Агентство РОПиТ, где трудился А.И. Млинарич [\[6, с. 134\]](#).

Свою деятельность по сбору средств для ИППО в Крыму и в других причерноморских городах на благо Общества проводил

Инициатива создания Отдела в Таврической губернии получила одобрение и поддержку со стороны духовенства. Перспектива создания отдела в Крыму была нацелена на стимулирование научных изысканий в сфере православного наследия в Палестине при помощи умножения количества паломников и другого, более системного, формата паломнической деятельности, практического палестиноведения.

В январе 1900 г. епископ Таврический Николай (Зиоров) получил официальное обращение от председателя ИППО Сергея Александровича. В нем дядя правящего императора обращался со словами благодарности к Таврическому Владыке за теплое отношение к организации. В послании говорилось о чаянии представителя дома

Романовых на созидание регионального представительства в Таврической епархии [\[7, с. 21\]](#).

Николай (Зиоров), Епископ Таврический и Симферопольский, будучи давно небезразличен основополагающим целям ИППО, сочувствуя деятельности общества, был озадачен осуществлением возможности открытия местного отдела. Его архипастырское желание совпадало с позицией местного духовенства. В начале февраля 1900 г. правящий архиерей чрез епархиальные ведомости оповестил паству, что 2 апреля, в праздник Входа Господня в Иерусалим, в здании духовной консистории состоится открытие Таврического отдела. Всех сочувствующих Палестинскому обществу просили пожаловать средства на торжественные мероприятия по поводу открытия местного отдела [\[23, с. 716-717\]](#).

Также Епископ Николай распорядился опубликовать "Руководящие Правила для действия Отделов Православного Палестинского Общества" в "Таврических епархиальных ведомостях" в канун открытия отдела. Распоряжение свидетельствует о пристальном взгляде архиерея на работу по подготовке открытия местной структуры.

2 апреля 1900 г. стало днем рождения регионального отделения. Дата выпала на Вербное воскресенье. В духовном сердце провинциального Симферополя — Александро-Невском кафедральном соборе (о его истории подробно см.: [\[24, 25\]](#)), в ходе торжественного богослужения, прихожане услышали речь протоиерея Павла (Доброва) о Православном Палестинском Обществе: «Наша Таврическая епархия до сего времени не имела Отдела этого общества, хотя пожертвования и собирались в ней в день входа Господа в Иерусалим. В настоящее время, согласно желанию Августейшего Председателя Общества, Его Императорского Высочества, Великого Князя Сергея Александровича, предполагается открыть и у нас в Симферополе Отдел этого общества. <...> Обращением ко всем христолюбцам с сим словом, я надеюсь, что вызову живой отклик и увижу в списках лиц, сочувствующих этому делу, не один только десяток, как, в своей скромности, желает совет Православного Палестинского общества. Божие благословение да будет со всеми нами и над нашим предприятием. Аминь» [\[26, с.647-648\]](#).

В назначенный день открытия отделения, по окончании божественной литургии, в кафедральном соборе правящий архиерей и сослужащее ему духовенство совершило молебен Христу-Спасителю. Во время службы поминалось о здравии Председателя ИППО Сергея Александровича и членов общества. После богослужения приглашённые на собрание лица направились в духовную консисторию, куда прибыл Преосвященнейший Владыка Николай, встреченный при входе пением стихир: «Днесь благодать Св. Духа нас собра». По провозглашении сугубой ектении, Владыка обратился к присутствующим с речью, представляющей собой исторический экскурс о Святой Земле. Говорил он и о бедственном положении христиан в Святой Земле. В речи прозвучали слова, отражавшие, какие цели поставила перед собой организация. Была отмечена значимость общества и озвучена мысль, что каждый православный христианин должен сочувственно относиться к его деятельности и содействовать в исполнении преднамеренных им к осуществлению задач. «По окончании речи, протодиакон было возгласило многолетие Царствующему Дому, Святейшему Синоду и Епископу Таврическому Николаю с богохранимою его паствою, а самим Владыкою было произнесено многолетие Августейшему Председателю Палестинского общества и членам его» [\[24, с. 717\]](#). Владыка Николай говорил о реализации целей и задач, поставленных перед Обществом. В заключение выступления епископа присутствующие получили на руки подписные листы. С 17 действительных членов ИППО осуществили первый сбор взносов. Ко дню собрания

имелось согласие 10 местных членов Палестинского общества на образование Таврического отдела. В силу этого обстоятельства «преосвященнейший Николай объявил отдел общества открытым и предложил присутствующим избрать на первое трехлетие должностных лиц». В ответ «собрание единогласно просило Его Преосвященство принять на себя председательство во вновь образовавшемся его попечениями отделе, на что Владыка изъявил свое согласие» [\[24, с. 717\]](#).

Был избран руководящий состав: Председатель — Николай, Епископ Таврический и Симферопольский (2 Апреля 1900 г.); товарищ Председателя — Сергей Балтазарович Скадовский (2 Апреля 1900 г.); казначей — Александр Васильевич Иванов (2 Апреля 1900 г.); кандидат казначея — Федор Шантельевич Якубовский (2 Апреля 1900 г.); делопроизводитель — священник Владимир Станиславский. (2 Апреля 1900 г.) [\[27, с. 195\]](#) (впоследствии благочинный г. Керчи умер после ареста в 1921 г., став жертвой большевистских репрессий) [\[7, с. 21\]](#).

Приведём дальнейшие пертурбации в списках должностных лиц регионального отделения. По статистическим данным за 1904 г. сменился казначей. Новым человеком, ответственным за это направление деятельности стал священник Николай Мезенцев (2 октября 1903 г.). Новым делопроизводителем стал священник Николай Бортовский (2 октября 1903 г.) [\[28, с. 91\]](#). СИППО за 1906 г. отражают следующую картину руководящего состава: по сравнению со статистикой 1904 года изменилась только фигура председателя — им стал новый правящий архиерей Алексей (Молчанов) [\[29, с. 67\]](#).

Среди новоприбывших членов Общества следует отметить: епископа Сергия (Зверева), старейшего смотрителя Симферопольского мужского училища А. И. Леонтьева. По данным на конец 1902 г. в Таврическом отделении состояло 39 человек [\[7, с. 22\]](#).

На 1 июня 1903 г. во всех 44 отделах ИППО состояло 4,127 членов Общества. Распределение представителей Общества по отделам указано в особой ведомости. Приведём данные за 1903 год по Таврическому отделу: почётных членов — 1, действительных членов (пожизненных — 1; с ежегодным взносом — 2), членов-сотрудников (пожизненных — 3; с ежегодным взносом — 41) Всего — 48 человек [\[30, с. 15-16\]](#). Членами ТО ИППО стали многие известные церковные деятели Тавриды (более подробно — см.: [\[7, с. 21\]](#)).

Перед новым региональным отделом на юге России стояли конкретные задачи: прежде всего, популяризация знаний о Палестине среди местных христиан, объяснение необходимости существования Общества, проведение благотворительных акций с расширением в них участия прихожан и, безусловно, нацеленность на сопровождение прихожан в паломнических поездках в Святую Землю и на Афон.

Для стимулирования паломнических поездок необходимо было работать с населением, формируя у жителей Таврической губернии знаний о Святой Земле. Именно поэтому 9 февраля 1901 г. Таврический отдел постановил проводить ознакомительные лекции и беседы с прихожанами храмов как со слушателями по библейской истории Святой Земли. В трансляции знаний среди паствы священнослужителям помогали брошюры и открытки с видами Ближнего Востока, издаваемые Обществом [\[23, с. 719-721\]](#).

Жителям начала XX века была очень важна иллюстративная компонента, сопровождающая лекционный материал. Для наглядности активно использовались

проекторы и слайды. Для проведения чтений и бесед, которые сопутствовали им, в основном избирались епархиальные духовные учебные заведения. Мероприятия затрагивали крупные города — Симферополь и Севастополь, активно проводились в Мелитопольском благочинии. В трансляции знаний о Святой Земле была насущная потребность: мероприятия по популяризации библейского региона и библеистики были востребованы христианским населением Таврической епархии.

Показателями первых четырех лет существования отделения были цифры, свидетельствующие о расширении его деятельности. 280 чтений — вот количественный показатель чтений, осуществляемых Обществом в Таврической губернии за год. Эта цифра не включала в себя собеседования в небольших церквях, а лишь указывала на деятельность 45 приходов, наиболее преуспевших в просветительской работе. В городах палестинские чтения единоразово аккумулировали от 250 до 400 человек, на селе — до 150. О распространении литературы ИППО среди прихожан отметим ниже, скажем лишь об особой популярности публикации священника А. Веселицкого «Вступительные беседы о Святой Земле». Она в силу востребованности претерпела три выпуска [\[7, с. 22\]](#).

Таврическое отделение активно работало и с церковными школами, распространяя "Палестинский листок". Члены организации задействовали и информационный ресурс: накануне Входа Господня в Иерусалим основной массив крымской периодики публиковал объявления о проводимых пожертвованиях в пользу организации. Жители Симферополя, в котором установлена памятная табличка Таранову-Белозерову, до сих знают месторасположение бывшей больницы мецената. При лечебном заведении располагался храм Рождества Богородицы. Настоятелем этого храма был член ИППО — священник Николай Мезенцев. Батюшка регулярно проводил чтения. Они были весьма информативны — с визуализацией палестинских святынь. Иллюстративность мероприятий настраивала верующих на «мысленное паломничество» к географическим объектам, связанным с земной жизнью Христа и его страданиями. Николай Мезенцев, один из виднейших сподвижников православия, пострадал от советской власти и был расстрелян в роковом 1938 г. Его канонизация в качестве Новомученика Российского произошла уже в наше время, в 2000 г. на Юбилейном соборе русской церкви [\[7, с. 22\]](#).

Автором уже был упомянут епископ Сергей (Зверев). В дореволюционный период, тогда еще в сане священника, член ИППО Александр Зверев активно проводил просветительские чтения. Его канонизация в статусе Новомученика произошла в том же 2000 г. [\[7, с. 22\]](#).

Так Таврическим отделом за 1902–1903 гг. было «издано 40 брошюр для проведения чтений, 600 — для собеседований, для бесплатной раздачи было предоставлено 12 000 брошюр и палестинских листов, распространялись и виды Святой Земли в количестве 8.000 единиц». Общее количество экземпляров составило 21.140 [\[31, с. 19\]](#).

Приведём статистические данные по произведённым чтениям в Таврическом отделе. Чтениями были охвачены 50 пунктов (местности). Общее количество произведённых чтений составило 353 слушания. Программой было охвачено 70 тысяч 600 человек [\[31, с. 26\]](#). Однако можно сделать предположение, что цифра была значительно выше: источники указывают на неполноту представленных сведений о проводимых чтениях [\[31, с. 26–27\]](#).

Слушания о Палестине по традиции предваряли молебны. Например, в «с. Давыдове, для придания чтениям особой важности и значений, на первом же чтении священник о.

М. Смоленский торжественно отслужил молебны Спасителю и Божией Матери, а по их окончании сообщили собравшимся прихожанам о цели и высоком душеспасительном значении священных повествований о Св. Земле для православных христиан» [\[31, с. 33\]](#).

Судя по отчётным данным к 1904 г. чтения о Святой Земле стартовали в 6-ти отделах (Одесском, Волынском, Томском, Ярославском, Костромском, Таврическом). Устроители чтений и слушатели приобретали на свои средства пособия с так называемыми туманными картинами [\[31, с. 46\]](#). Благодаря усилиям нескольких руководителей чтений, приобретались фонарь и картины для визуализации палестинских чтений.

В подтверждение их популярности, массовости слушателей, укажем на количественный состав их посещения, составлявший одновременно более чем 500 человек, причём не только в городах, но и в сёлах. Так Таврический отдел представил данные по селу Новая Збурьевка в Крыму, где в здании школы собралось 500 человек и по населённому пункту Верхне-Рогачик, церковь которого вместила до 1000 человек [\[31, с. 57\]](#).

О значении подобных просветительских мероприятий можно судить по реляциям священника села Ново-Павловка. Рапортуя руководству Таврического отдела о произведённых им чтениях, батюшка отмечает, что, «чтения о Св. Земле имеют глубоко-назидательное значение для народа: они не только направляют людей на богомыслие, но и сродняют их со святыней христианской, осмысливают подвиги паломничества, невольно заставляют людей лишней раз умилиться сердцем при воспоминании о тех местах, где совершил Свой крестный подвиг Спаситель за грешное человечество» [\[31, с. 60\]](#).

Весьма интересным является то, что Палестинские чтения привлекали внимание не только православных, но и инославных христиан. В источниках речь идёт и о так называемых раскольниках, «охотно идущих вместе с православными на собеседования о Святой Земле не только в школьные помещения, но даже и в храмы». Эти практики нередко заканчивались «присоединением их к Православию». Данные Таврического отдела свидетельствуют: «В деревне Ерганов-Куть проживают раскольники, которые охотно посещали чтения о Св. Земле, что давало возможность священнику выяснять для них во время чтения некоторые истины Православия» [\[31, с. 60 – 61\]](#).

Среди местного населения существовало два пути успешного распространения книг о Святой Земле. Первый — продажа книг и брошюр во время устраиваемых отделами чтений. В этом случае слушатели, заинтересованные информацией, могли приобрести и приобретали подходящие брошюры. Второй — образование при церквях особых «Палестинских» библиотечек. Книги для них могли приобретаться не сразу. Это не было накладно, не вызвало крупных единовременных расходов для приходов. Приобретались они по мере поступления средств из ежегодных отчислений из церковных сумм на средства прихожан. Этими путями пошли Смоленский, Таврический и Новгородский отделы. Священник из села Днепровки сообщает Таврическому отделу: «Народ выражал желание купить те добрые, хорошие книжки, по которым велись чтения о Св. Земле; в виду чего, мною из склада изданий Палестинского Общества выписаны были брошюры о Св. Земле для продажи народу» [\[32, с. 92\]](#).

Справедливости ради нужно отметить, что не все дела шли гладко во многих региональных отделениях. Так на годовом общем собрании Императорского Православного Палестинского Общества 25 янв. 1909 г. было отмечено: «Гораздо печальнее приходится констатировать в настоящем отчёте постепенное замирание

деятельности некоторых Отделов. Тифлисский отдел уже в течение нескольких лет не проявляет никакой жизни. Якутский отдел откровенно сознается, что «с начала 1903/4 года и кончая отчетным годом, деятельность отдела постепенно сокращалась и сокращалась и, наконец, совсем замерла, благодаря плохой отзывчивости граждан» [\[33, с. 232\]](#). В числе отстающих оказался и Таврический отдел, который «остаётся глух ко всем просьбам Совета Общества и о себе ничем не дает знать». [\[33, с. 232\]](#).

Заключение обзора деятельности епархиальных отделов Общества ещё более безрадостное: «некоторые из них, напр. Тифлисский, Таврический и Якутский, в течение последних трех лет почти совершенно прекратили свою деятельность...» [\[34, с. 232.1\]](#).

Доклад, отразивший итоги общего годового собрания Императорского Православного Палестинского Общества, состоявшегося 24 апреля 1911 г. содержит следующую информацию по Таврическому отделу. Отдел, «представивший отчет за 3 последних года, с чувством удовлетворения отмечает, что, не взирая на пережитые отечеством нашим внутренние потрясения, количество чтений в епархии не только не уменьшилось, но, наоборот, ежегодно возрастает, а именно: в 1907–1908 гг. было устроено Отделом 247 чтений, в 1908–1909 гг. — 315 и в отчетном году в 1909–1910 гг. — 405 чтений» [\[35, с. 277\]](#).

Далее встречаем спорадические сведения по отдельным аспектам деятельности регионального отдела. Из доклада по общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества от 8 апреля 1912 г. находим, что «Таврический, Тверской и Тифлисский (отделы — курсор наш) предоставили свои денежные отчеты после 1 марта 1911 года [\[36, с. 200\]](#).

В 1912 г. по Высочайшему повелению состоялось перемещение преосвященных владык: Феофана, епископа Таврического и Симферопольского отправили в Астрахань, а Димитрия, епископа Туркестанского и Ташкентского — в Симферополь. Председатель ИППО Елисавета Фёдоровна 5 сентября 1912 г. обратилась к архипастырям с просьбой «принять на себя звание председателя в местных епархиальных отделах Общества: Астраханском, Таврическом...» [\[37, с. 384\]](#).

Общее годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества, состоявшееся 26 апреля 1915 г., содержит информацию о служении Владыки Алексея с 1905 г. в качестве самостоятельного епархиального архиерея на Таврической, Псковской, Тобольской кафедре и, наконец, в статусе экзарха Грузии. Было отмечено, что «служение его на этих кафедрах имело непродолжительный характер, и владыка не мог оставить заметных плодотворных следов, а между тем, и по своему выдающемуся природному уму, и по образованию почивший архипастырь принадлежал к числу весьма заметных <...> и от него можно было ждать много пользы для церкви Божией» [\[38, с. 129\]](#).

Данные по Таврическому отделу ИППО становятся всё более спорадическими к началу Революции 1917 г. Отмечаются отдельные архиереи и их действия на занимаемых кафедрах. Так было замечено, что «по возвращении из Рима, где архимандрит Гурий был настоятелем русской посольской церкви, после назначения своего на Таврическую кафедру ... постриг в монашество Николая Горолецкаго с именем Флавиана и хиротонисал его в сан, иеродиакона, а на следующий год — в сан иеромонаха, с причислением в число братии Таврического архиерейского дома...» [\[39, с. 171\]](#).

Следует сказать несколько слов о паломнической деятельности ИППО, применительно к

Таврическому отделу. Активно изучая паломничество как явление [40–43] и не ставя перед собой цели говорить о нём подробно в настоящем изыскании, автор всё же отметит несколько определяющих моментов, перечислив основные паломнические пассажиропотоки в масштабах империи и конкретно из Таврического региона. Паломники, со всей Российской империи и конкретно из Таврической губернии отправлялись по паломническим пароходным билетам, которые можно было взять от Таганрога или Новороссийска до Яффы и Афона. Они прибывали сначала на пароходах — Азовской и Крымско-Кавказской линий в Одессу, а затем, из Одессы вместе с паломниками, следующими из этого порта, направлялись дальше — в Яффу и на Афон, на пароходах круговой Александрийской и Болгаро-Македонской линий. «Паломники же, — взявшие пароходные паломнические билеты в Севастополе и Батуме, не заходя в Одессу, доставляются прямым рейсом в Константинополь, где пересаживаются на пароходы, идущие из Одессы в Яффу и на Афон [\[44, с. 6–7\]](#).

Самодержавие, и встроенная в его социально-политическую систему Церковь, заняли протекционистскую позицию в отношении паломнической деятельности ИППО. В Указе Синода от 23 декабря 1911 г. читаем: «Совет ИППО принимая во внимание насущную нужду русских паломников во Святую Землю и по получении ответа Святейшего Синода войти в сношение с Начальником Иерусалимской Духовной миссии по вопросу о возложении на таковых священнослужителей руководства паломническими караванами... ходатайствует, чтобы Святейший Синод предписал епархиальным Преосвященным сообщать Палестинскому обществу о тех достойных священнослужителях, отправляющихся в Палестину на богомолье, которые зарекомендовали себя в приходах на палестинских чтениях, как любящие и хорошо знающие Святую Землю и вполне способны(е) стать надежными руководителями паломников по Святым местам Палестины» [\[7, с. 22\]](#). Адресован документ Преосвященному Феофану, Епископу Таврическому и Симферопольскому.

Незадолго до этого в Указе Синода, обращённом прежнему правящему архиерею Преосвященному Николаю, находим предложение господина синодального Обер-Прокурора от 20 марта за № 2685 к товарищу министра финансов применить практику издавна практикующуюся в Одесской портовой таможне: «возложить обязанности по цензуре икон и разных предметов со священными изображениями, привозимых Палестинскими паломниками через Феодосийский порт, на настоятеля Феодосийской карантинной церкви, в месте нахождения которой производится досмотр паломников» [\[45, с. 584\]](#).

Из-за вспышки холеры в Яффе и Палестине русские паломники, возвращавшиеся из Святой Земли, подвергались обязательной обсервации в Феодосийском карантине. После прохождения карантинных мероприятий они выпускались через Феодосийскую таможню. Настоятель Феодосийской карантинной церкви также осуществлял цензуру предметов религиозного назначения, провозимых паломниками и выпускаемых через Феодосийскую таможню [\[41, с. 585\]](#). Таким образом, кроме Севастополя важное значение в паломническом ключе приобретала и Феодосия, которая стала одним из Центров контроля за прибывшими из Палестины паломниками.

Первая русская революция и последовавшая за ней Первая мировая война (1914–1918 гг.) оказали негативное влияние на деятельность Таврического отделения ИППО, приведя её к частичному угасанию. Дабы не быть голословными, сошлемся на обращения архиепископов Таврической епархии: Алексия (Молчанова) и Димитрия (Абашидзе). В них содержалась информация о необходимости восстановить практику

палестинских чтений с последующим предоставлением статистической отчетности священнику Николаю Боровскому, занимавшему с 1904 г. должность делопроизводителя епархии. Последний же был видным миссионером и членом Таврического отдела ИППО. До 1917 г. Таврический отдел активно включился в процесс ознакомления жителей региона с Палестиной, как через чтения, так и путём организации паломнической деятельности и сопутствующей ей карантинной сепарации заболевших на Ближнем Востоке, став важным звеном в просветительской и миссионерской деятельности [\[7, с. 22\]](#).

Таким образом, до 1917 г. деятельность Таврического отдела ИППО была преимущественно сосредоточена на просвещении и благотворительности. Несмотря на отдельные периоды стагнации, Отдел, в целом, успешно реализовывал задачу ознакомления православных жителей Крыма со Святой Землей. Подобная деятельность способствовала распространению знаний о святой Земле среди жителей региона, что стимулировало интерес к библейскому региону, содействуя паломническому движению на Ближний Восток и оказывая влияние на ту часть паствы, которая не имела возможности посетить Палестину. Члены Таврического отдела ИППО внесли свой посильный вклад в развитие российского палестиноведения, оказывая практическую помощь паломникам, посещавшим Святую Землю, в частности, сопровождая их и предоставляя нужную информацию. Однако, после установления советской власти в Крыму деятельность Отдела была прекращена [\[7, с. 22\]](#).

Нынешний глава Русской Православной Церкви заметил: «Палестинское общество никогда не было чисто "столичной" структурой. До революции его отделения существовали более чем в пятидесяти епархиях Русской Православной Церкви. В настоящее время активно действуют региональные отделы в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кишиневе и Одессе» [\[7, с. 21\]](#). Воссозданное Крымское региональное отделение в прошлом году отметило 10-летний юбилей существования на современном этапе.

Подводя итог исследованию, отметим, деятельность Таврического отдела и Крымского регионального отделения имеет сходства и различия. Сближают их активная просветительская работа с общественностью, научный и научно-популярный сегмент, что весьма характерно для современного отделения и его предшественника. Роднят их и общие проблемы: периферийность региона, острая нехватка пассионариев среди гражданских лиц, ненадлежащее задействование молодёжи, проблемы финансирования проектов. Дореволюционный Таврический отдел, безусловно, имел более тесную спайку с епархиальным управлением и роль духовенства в его функционировании была значительно выше, чем у современного продолжателя, невзирая на наличие в составе регионального отделения викарного архиерея и священнослужителей. Крымское региональное отделение существенно отстаёт от предшественника в формировании потоков паломнических маршрутов, хотя религиозный туризм может и должен стать одним из ведущих направлений в его деятельности. Обоим отделениям были присущи годы более активной деятельности и времена спадов, активность структур далеко не всегда носила поступательный характер, что заслуживает противоречивых оценок. И всё же Таврический отдел существенно оживлял религиозную жизнь дореволюционного региона. Сегодня Крымское отделение, ставящее перед собой задачу стать одной из важных общественных сил в Республике Крым равняется на своего дореволюционного предшественника. Отделение с центром в Симферополе является продолжателем традиций Таврического отдела, как с морально-этической, так и с юридически-правовой точки зрения.

Перед ИППО в постсоветский период стояли задачи воссоздания отделений в первую руку там, где они существовали до революции. Так в 2014 г. было воссоздано Крымское региональное отделение, и именно оно стало ревнителем традиций своего дореволюционного предшественника.

Библиография

1. Горайко А. В. К 5-летию воссоздания Пензенского отдела ИППО об актуальности исследования истории Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества до 1917 г. // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2023. № 3(29). С. 98-107. EDN: GFIYEN.
2. Смирнов С. Н. Деятельность епархиального отдела Императорского православного палестинского общества в Твери в конце XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 4. С. 71-86. DOI 10.26456/vthistory/2023.4.071-086. EDN: AUQTOJ.
3. Кузнецов И. В. Социальный состав Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в дореволюционный период // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. № 115. С. 66-78. DOI 10.15382/sturII2023115.66-78. EDN: MOXFWT.
4. Антонов Е. П. Якутский отдел Императорского православного палестинского общества в истории Якутии // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 62-72. DOI 10.21209/1996-7853-2024-19-2-62-72. EDN: MYYEUG.
5. Цысь В. В. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2014. 247 с. EDN: WDCEKD.
6. Шарков И. Г. Просветительская и паломническая деятельность Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1900–1917 гг. // Макарьевские чтения: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Республика Алтай, Горно-Алтайск, 21-22 сентября 2023 года. Республика Алтай, Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2023. С. 132-146. EDN: IFRCQI.
7. Близняков Р. А. Таврический Отдел Императорского Православного Палестинского Общества (1900–1917 гг.): по материалам "Таврических епархиальных ведомостей" // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(79). С. 20-24. EDN: YMSDZR.
8. В Крыму учредят отделение Императорского Православного Палестинского Общества // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2014. 17 мар. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/v-krymu-uchredyat-otdelenie-imperatorskogo-pravosl-307433> (дата обращения: 24.07.2025).
9. В Центре ИППО прошла встреча Сергея Степашина с министром информации Крыма // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2014. 9 апр. URL: <https://www.ippo.ru/world/article/v-centre-ippo-proshla-vstrecha-sergeya-stepashina--100529> (дата обращения: 24.07.2025).
10. Устав Международной общественной организации Императорское Православное Палестинское Общество (основано в 1882 году) (утвержден в новой редакции Третьей конференцией 3 июня 2014 г.) // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. URL: <https://www.ippo.ru/old/about/doc/ustav/2014/index.html> (дата обращения: 24.07.2025).
11. В свете задач, поставленных Владимиром Путиным, ИППО может внести весомый

- вклад в интеграцию России и Крыма // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2014. 19 авг. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/v-svete-zadach-postavlennyh-vladimirom-putinyim-ipp-100698?ysclid=mdo5ryolru570315098> (дата обращения: 24.07.2025).
12. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь одобрил установку в Ливадии памятника императору Николаю II под эгидой ИППО // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2015. 18 март. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/mitropolit-simferopolskiy-i-krymskiy-lazar-odobril-101190> (дата обращения: 24.07.2025).
13. Управляющий делами ИППО принял участие в собрании Крымского отделения // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2015. 19 мая. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/upravlyayuschiy-delami-ippo-prinyal-uchastie-v-sob-101213> (дата обращения: 24.07.2025).
14. В Крымском федеральном университете по инициативе ИППО прошла конференция памяти императора Николая II // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2015. 20 мая. URL: <https://www.ippo.ru/science/article/v-krymskom-federalnom-universitete-po-iniciative-i-101217> (дата обращения: 24.07.2025).
15. Решением Совета Императорского Православного Палестинского Общества Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь был награжден Орденом Великой княгини Елизаветы Федоровны – Симферопольская и Крымская епархия УПЦ. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/resheniem-soveta-imperatorskogo-pravoslavnogo-pale-202929> (дата обращения: 24.07.2025).
16. Сергей Степашин открыл в Евпатории памятник Николаю II // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. 2016. 17 мая. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/sergey-stepashin-otkryl-v-evpatorii-pamyatnik-niko-401850> (дата обращения: 24.07.2025).
17. Близняков Р.А., Крыжко Е.В., Малышев Д.А. Сергей Щевелев – отечественный востоковед: к 60-летию со дня рождения // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2. С. 162-171. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.2.22236 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22236
18. Краснопольская В. В Крыму возродили одну из старейших общественных организаций России. Теперь де-юре // Крымские известия: сайт. 2023. 13 июл. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/103-partii-i-obshchestvennye-organizatsii/21266-v-krymu-vozrodili-odnu-iz-starejshikh-obshchestvennykh-organizatsij-rossii-teper-de-yure?ysclid=mdo6sxzwpu45195928> (дата обращения: 24.07.2025).
19. Восточная война в истории народов Крыма (фильм первый). Медиахолдинг "Культура наций" // Rutube: сайт. URL: <https://rutube.ru/video/55a0adadea8d2233446cce183d72c7b7/?ysclid=mdo6uet576830567844> (дата обращения: 24.07.2025).
20. Владимирова В. Историческая память – в православных "Зёрнах" // Крымские известия: сайт. 2022. 5 дек. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/101-istoriya/19959-istoricheskaya-pamyat-v-pravoslavnykh-zjornakh?ysclid=mdo6yb09xz784357169> (дата обращения: 24.07.2025).
21. Делегация из Крыма посетила Тюменский индустриальный университет // Тюменская линия: сайт. 2025. 28 февр. URL: <https://t-l.ru/376770.html> (дата обращения: 25.07.2025).
22. Козлова В. ИППО в Крыму: новые горизонты и фокус на молодёжь // Крымские известия: сайт. 2025. 3 июл. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/103-partii-i-obshchestvennye-organizatsii/25121-ippo-v-krymu-novye-gorizonty-i-fokus-na-molodjozh> (дата обращения: 25.07.2025).

23. Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1900–1901 году // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. XII. 1901 г. № 4 и № 5. Санкт-Петербург. 1901. С. 716-722.
24. Астапов А. Александро-Невский кафедральный собор Симферополя. Симферополь: Н. Орианда, 2021. 320 с.
25. Близняков Р. А. Собор – это большой восклицательный знак в деле возрождения духовности в Крыму // Крымские известия: сайт. 2022. 21 окт. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/101-istoriya/19671-sobor-eto-bolshoj-vosklitsatelnyj-znak-v-dele-vozrozhdeniya-dukhovnosti-v-krymu> (дата обращения: 25.07.2025).
26. Слово, сказанное Преосвященным Николаем при открытии Таврического Отдела Императорского Православного Палестинского общества 2 апреля 1900 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Ноябрь-Декабрь 1900 г. Санкт-Петербург. 1901. С. 643-648.
27. Список должностных лиц // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XI. Приложения. Санкт-Петербург. 1901. С. 195.
28. Список должностных лиц // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XIV. Приложения. Санкт-Петербург. 1904. С. 91.
29. Список должностных лиц // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XVI. Приложения. Санкт-Петербург. 1906. С. 67.
30. Члены Общества // Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1902–1903 году. Санкт-Петербург, 1904. С. 10-16.
31. Чтения о Св. Земле // Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1902–1903 году. Санкт-Петербург, 1904. С. 16-69.
32. Продажа изданий // Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1902–1903 году. Санкт-Петербург, 1904. С. 89-93.
33. Отчет Императорского Православного Палестинского Общества за 1908–1909 год // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XX. Выпуск II. 1909 г. Санкт-Петербург. С. 201-235.
34. Отчет Императорского Православного Палестинского Общества за 1908–1909 год // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXI. Выпуск II. 1910. С. 203-235.
35. Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 24 апреля 1911 года // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXII. Выпуск II. 1911. С. 251-282.
36. Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 8 апреля 1912 года // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXIII. Выпуск II. 1912. С. 185-205.
37. Летопись Палестинского Общества // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXIII. Выпуск III. 1912. С. 381-394.
38. Общее годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 26 апреля 1915 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXVI. Выпуск I-II. 1915. С. 124-147.
39. Доклад секретаря Общества А. А. Дмитриевского // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXVII. 1916. С. 169-176.
40. Близняков Р. А., Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Паломническая деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг. // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10, № 2(38). С. 49-66. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.667. EDN: KIYDDE.
41. Близняков Р.А., Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Астапов А.А. Возникновение и основные тенденции деятельности Императорского Православного Палестинского

Общества в сфере организации паломничества (1882-1905) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 125-137. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72460 EDN: TMIQWJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72460

42. Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Близняков Р.А. Паломничество как явление и особенности российской паломнической деятельности в Палестине во второй половине XIX – начале XX веков // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. С. 63-72. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70781 EDN: CXQALD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70781

43. Близняков Р. А., Малышев Д. А., Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Императорское Православное Палестинское Общество и русское паломническое движение в 1914–1918 годах // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 4(27). С. 79-100. DOI: 10.56621/27825884_2024_27_79. EDN: PWUPHD.

44. Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. Санкт-Петербург, 1907. 56 с.

45. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Николаю, Епископу Таврическому и Симферопольскому // Таврические епархиальные ведомости. 15 мая 1903 г., №10. С. 584-585.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки на волне крушения официальной коммунистической идеологии в советском обществе начал образовываться духовный вакуум, заполнили его прежде всего традиционные религии. Празднование тысячелетия крещения Руси совпало с поисками новых идей, а распад СССР привел к переосмыслению всего семидесятилетнего опыта социализма в нашей стране. Это не могло не отразиться и на различных организациях: так, например, в 1992 г. Российскому палестинскому обществу при Академии наук было возвращено название Императорского православного палестинского общества. Деятельность этой организации существенно расширилась за последние годы, в том числе и в результате воссоздания ее отделений.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является Крымское региональное отделение Императорского православного палестинского общества. Автор ставит своими задачами воссоздать новейшую историю Крымского регионального отделения ИППО в период с 2014 по 2025 г., а также провести параллели по основным направлениям деятельности дореволюционного Таврического отдела ИППО.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать Крымское региональное отделение ИППО как прямого продолжателя и правопреемника Таврического отдела ИППО.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 45 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме

подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем на сообщения Императорского православного палестинского общества, а также на материалы информационных агентств. Из используемых исследований отметим труды А.В. Горайко, С.Н. Смирнова, В.И. Кузнецова и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения ИППО. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как ИППО, в целом, так и деятельностью, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «функционирование ИППО в Крыму в современных российских реалиях требует первого обобщения, осмысления и, пожалуй, детального сравнения с дореволюционным периодом в синкретическом ключе». В центре внимания Крымского отделения, как отмечает автор, «изучение Крымской войны, популяризация истории, формирование христианского взгляда на гражданские вопросы». В качестве критических замечаний автор показывает, что «за прошедшее десятилетие так и не удалось наладить паломническую деятельность, необходимо более тесное сотрудничество с тремя епархиями РПЦ, расположенными в пределах полуострова, стоит расширить количественный состав организации, работу с другими общественными организациями».

Главным выводом статьи является то, что «Крымское отделение, ставящее перед собой задачу стать одной из важных общественных сил в Республике Крым, равняется на своего дореволюционного предшественника», «является продолжателем традиций Таврического отдела, как с морально-этической, так и с юридически-правовой точки зрения».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Карпов Г.А. Африканцы в современной демографии Великобритании // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75374 EDN: HTCWWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75374

Африканцы в современной демографии Великобритании

Карпов Григорий Алексеевич

доктор исторических наук

старший научный сотрудник, Институт Африки, Российская академия наук

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75374

EDN:

HTCWVI

Дата направления статьи в редакцию:

29-07-2025

Дата публикации:

05-08-2025

Аннотация: Представленная статья посвящена изучению африканских диаспор современной Великобритании применительно к демографической ситуации в данной стране. Объект исследования – африканцы Соединенного Королевства. Предмет исследования – демографические показатели сообществ выходцев из Африки. Хронологические рамки работы охватывают главным образом первые десятилетия XXI в. Нижняя граница обозначенного периода в силу логики научного поиска и по мере необходимости опускается к более ранним событиям. Подробному анализу подверглась предыстория миграции из Африки, динамика абсолютной и относительной численности британских африканцев, уровень рождаемости и показатели фертильности в их среде во второй половине XX – начале XXI вв. Особое внимание автор уделил исследованию характера расселения и половозрастной структуры мигрантов из Африки, роли и места родителей африканского происхождения в репродуктивной составляющей страны. Также были затронуты сопряженные с основной тематикой материала проблемы, с которыми

сталкиваются британские африканцы в области образования, занятости, криминогенной обстановки и социальной сферы. Автор опирается на проблемно-исторический подход, что в сочетании с аналитическим методом, принципами историзма и объективизма составляет методологический базис работы. Для обработки статистических материалов был использован количественный анализ. С середины XX в. каждые 10 лет численность британских африканцев увеличивается приблизительно в полтора-два раза. Этот процесс в 1950–1990-х гг. обеспечивался главным образом за счет миграции из бывших колоний, с 2000-х гг. поддерживается благодаря высокой рождаемости, существенно превышающей то, что мы можем наблюдать среди коренных жителей страны. Африканская диаспора представлена, прежде всего, приезжими и их потомками из Нигерии, ЮАР, Зимбабве, Кении, Уганды, Сомали. Традиции, знание языков стран происхождения, социо-религиозные особенности, самовосприятие, очевидные внешние отличия, постоянный рост численности и доли в составе населения страны выводят африканцев в число заметных акторов, стремительно меняющих местную культуру. Вероятно, уже к концу нашего столетия на Британских островах прекратится доминирование британского населения, и будет проживать конгломерат афроазиатских и европейских сообществ различного происхождения, вероисповедания, культуры и уровня организации.

Ключевые слова:

Великобритания, демография, население, Африка, рождаемость, колониализм, идентичность, диаспора, миграция, культура

Введение

Со второй половины XX в. по настоящее время происходит массовая миграция из стран Азии и Африки в США и Западную Европу. Приезжие кардинальным образом меняют облик принимающих государств. Влиянию этого процесса подвергаются все области жизни современного общества.

За последние 50 лет Великобритания вошла в число наиболее популярных пунктов назначения мигрантов из бывших колоний (Индии, Пакистана, Бангладеш, Нигерии, Кении и др.). Во многом благодаря сохранению высокого уровня рождаемости среди приезжих ее население увеличивается самыми высокими темпами за всю историю наблюдений. В 2024 г. страна (67 млн человек) обогнала Францию (66,3 млн) по количеству постоянных жителей, став самой многочисленной после Германии европейской державой.

Существует два основных источника информации о населении Соединенного Королевства. Первый – это общенациональные переписи, проходящие каждые десять лет с 1801 г. Заполняя опросные листы (с 2021 г. по большей части в сети Интернет), участники этих мероприятий самостоятельно определяют свою принадлежность к той или иной этнической группе. Второй — это отчеты (обычно ежеквартальные и полугодовые), которые готовит Государственная статистическая служба страны на основе информации о гражданстве, стране приезда и происхождения мигрантов. Здесь аккумулируются сведения о въезде и выезде иностранцев, половозрастном составе, семейном статусе, запросы на предоставление виз, вида на жительства, политического убежища, британского гражданства и пр.

Африканцы в современной Великобритании – это многочисленная и активная группа населения, они делают значимый вклад в общенациональную демографию. Не все приезжие из Субсахарской Африки относятся к местному населению, особенно, из ЮАР, откуда большую часть мигрантов в Великобританию составляют африканеры, потомки европейских поселенцев. С другой стороны, европейская страна (например, Франция, Германия или Италия) не гарантирует именно европейское происхождение приезжих. Для многих африканцев первые принимающие государства ЕС служат лишь перевалочной базой, одним из этапов миграции в Великобританию, США, Канаду или скандинавские страны.

При оценке численности и демографического присутствия выходцев из Африки на Британских островах мы вправе опираться на принцип идентификации. Африканцы определяют себя таковыми самостоятельно, с учетом предложенной категоризации этнических групп. Между тем, нельзя игнорировать аспект взаимности. Если субъект соотносит себя с определенной группой лиц по какому-либо признаку (язык, происхождение и пр.), то и группа должна видеть в субъекте лицо идентичное группе. В своей массе африканцы не идентичны местному населению ни по социокультурным аспектам, ни по религиозной принадлежности, ни по очевидным внешним признакам. Это признают, как сами выходцы из Африки, так и британцы, что дает основания уверенно апеллировать к идентичности африканцев как к устойчивой и распознаваемой категории.

Перепись 2021 г. продемонстрировала большой прирост численности жителей Туманного Альбиона. За второе десятилетие нашего века население Англии и Уэльса выросло на 6,3% (примерно 3,6 млн человек), что и в относительных, и в абсолютных цифрах является рекордом в истории страны^[1]. Практически каждый пятый житель этого государства теперь имеет иностранное происхождение, будучи мигрантом в первом, втором или третьем поколении. Британские африканцы стремительно меняют бывшую метрополию, оказывая не просто влияние, а своеобразное демографическое давление, прежде всего, в молодых возрастных группах, фактически – будущем государства.

Исторический контекст

До середины XX в. присутствие африканцев в Великобритании было незначительным. Приблизительные оценки их численности дают 10-20 тыс. человек, причем не постоянного состава (среди них было много моряков, временно проживавших в портовых городах).

В 1960 г. независимость получили 17 африканских стран (бывших колоний, в том числе, Британской империи). С начала 1960-х гг. африканская миграция в Великобританию начала стремительно наращивать темпы. Данный процесс специально не планировался, приезжали главным образом молодые люди, студенты и неквалифицированные рабочие^[2, p. 156]. В 1960-2000-х гг. численность африканцев в Великобритании многократно увеличилась. Получив образование, африканцы старались остаться в стране на постоянное место жительства и получить гражданство.

В 1961 г. произошел всплеск миграции (въехало около 8 тыс. африканцев вместо обычных 1-3 тыс.). В следующем, 1962 г., был зафиксирован пик в 11 тыс. приезжих. В 1963-1965 гг. ежегодный приток колебался от 3,5 до 7,5 тыс. африканцев, а в 1966-1967 гг. составил приблизительно 1,5 тыс. в год. По данным переписи 1971 г., в Великобритании было зафиксировано примерно 65 тыс. африканцев^[3, p. 372]. К 1981 г. их численность выросла до 100 тыс., в 1991 г. – до 212 тыс.^[4], в 2001 г. – до 485 тыс., а

в 2011 г. составила приблизительно 1 млн человек^[5]. Наиболее крупные (десятки и сотни тысяч человек) африканские сообщества сформировали уроженцы ЮАР, Нигерии, Кении, Зимбабве, Ганы, Сомали, Уганды^[6].

До середины XX в. в гендерной структуре африканских сообществ Великобритании в силу специфики профессий (моряки, слуги, торговцы) преобладали молодые мужчины. За счет воссоединения семей и роста числа африканцев, уже родившихся в стране, к рубежу 1980-1990-х гг. соотношение мужского и женского населения выравнивалось. В 1991 г. на 100 британских африканцев в среднем приходилось 49 женщин и 51 мужчина^[7].

В половозрастной структуре африканской миграции рубежа XX-XXI вв. преобладают молодые люди. В период с 1991 г. по 2017 г. 80-85% приезжих в первом поколении относятся к двум основным экономически активным возрастным группам (от 15 до 24 лет и от 25 до 44 лет), приблизительно на 70% представленных мужчинами^[8]. С укоренением приезжих эта пропорция меняется, на новую родину прибывают их дети, жены, родственники, и в целом по общинам мужское доминирование сходит на нет. Мужчин и женщин в африканских диаспорах (с учетом всех поколений) примерно поровну.

Впрочем, в отдельных общинах, особенно, где много беженцев, к 2010-м гг. имеет место существенное преобладание женщин среди мигрантов первой волны. В кенийской диаспоре, например, доля женщин составляет 53%, в ганской – 56%, зимбабвийской – 57%, сомалийской – 60%^[8].

С начала 2000-х гг. миграция из Африки стала постепенно сокращаться. Разница между теми, кто въехал в страну, и теми, кто выехал из страны («чистая» миграция), в 2004 г. была 73 тыс. человек, а в 2017 г. – лишь 26 тыс. В 2004-2010-х гг. миграционный баланс среди мигрантов из Африки оставался положительным (в среднем ежегодно 36 тыс. человек), но в 2011-2017-х гг. он заметно сократился (до 19 тыс. человек в год). Наименьшая разница между африканской иммиграцией и эмиграцией фиксировалась в 2013 г. (13 тыс. человек), в 2011 г. и 2012 г. (по 16 тыс. в год), а также в 2010 г. (17 тыс. человек)^[9].

Уменьшилось количество выдаваемых виз специалистам из Африки (с 99 тыс. в 2005 г. до 62 тыс. в 2014 г.), видимо, из-за общего снижения образовательного уровня африканских кадров (возможно, выросла потребность африканских экономик в таких специалистах). Нельзя исключать, что их образование с точки зрения именно британских (западных) критериев качества пострадало из-за желания африканских властей в постколониальный период избавиться от примата европоцентристских стандартов в этой сфере^[10].

В итоге, мы можем обнаружить, что в начале XXI в. по сравнению со второй половиной XX в. миграция из Африки в Великобританию существенно снизилась. При этом численность африканских диаспор продолжает увеличиваться, особенно, в 2010-х гг. Главный фактор роста теперь – это высокий уровень рождаемости, что мы подробно рассмотрим ниже.

Динамика численности и характер расселения

Европейское население Англии и Уэльса за 10 лет (с 2011 г. по 2021 г.) выросло незначительно (относительно всего населения страны снизилось) – с 48,2 млн (доля в

общем составе населения 86%) до 48,7 млн человек (81,7%), лица африканского происхождения (включая выходцев из стран Карибского бассейна) показали исключительный рост – 1,8 млн (3,3%) и 2,4 млн (4%), соответственно^[11]. Численность представителей стран Африки увеличилась еще более существенно, почти в полтора раза – с 1 млн (1,8%) в 2011 г. до 1,5 млн (2,5%) в 2021 г.^[12]

Миграция из отдельных африканских государств сохраняется. Например, только из Нигерии на Британские острова в 2019 г. приехало 14 тыс. человек, в 2020 г. – 16 тыс., в 2021 г. – 48 тыс., в 2022 г. – 121 тыс., в 2023 г. – 141 тыс., а из Ганы – 5 тыс., 3 тыс., 7 тыс., 13 тыс., 35 тыс.^[13]. Конечно, не все из них в стране остаются, это данные без учета эмиграции, но этот поток, безусловно, заметен.

Сведения о мигрантах из Африки в первом поколении привязаны к стране рождения и тоже демонстрируют исключительно большие цифры. В 2019 г., к примеру, численность уроженцев ЮАР в Великобритании составляла 252 тыс. человек, а Нигерии – 215 тыс., что выводит африканцев по этому показателю в первую десятку стран-лидеров, включая Индию (863 тыс.), Польшу (818 тыс.), Пакистан (547 тыс.), Румынию (427 тыс.), Бангладеш (260 тыс.), Италию (233 тыс.), Китай (217 тыс.), Литву (168 тыс.), Португалию (165 тыс.)^[14]. По данным на 2021 г., зафиксировано значительное количество приезжих из других африканских государств – Кении (134 тыс. человек), Ганы (132 тыс.), Зимбабве (124,1 тыс.), Сомали (108,9 тыс.), Уганды (62 тыс.)^[15].

Численность второго и третьего поколения выходцев из Африки в Великобритании также существенна и, вероятно, в ближайшее время сравняется с численностью приезжих. По ситуации на 2021 г., в составе этнической группы «африканцы» («African») 86 тыс. человек родились в странах ЕС, что составило 2,36% от общей численности уроженцев европейских стран в Великобритании, 870,9 тыс. – за пределами ЕС и Британских островов (13,66% от общего числа иностранцев в стране), 531,4 тыс. – родились уже в стране (примерно 1,07% от общей численности ее жителей)^[16].

Абсолютное большинство африканцев проживает в крупных городах – Лондон, Лидс, Ливерпуль, Манчестер и Кардифф. На столицу Великобритании приходится больше половины населения самых многочисленных сообществ (южноафриканцев, нигерийцев, кенийцев, сомалийцев, зимбабвийцев). По данным на 2017 г., из 8,8 млн жителей британской столицы 3,3 млн человек родились не в Великобритании, из них уроженцев стран Субсахарской Африки насчитывалось 530 тыс. человек^[17].

Тенденция роста доли африканцев в составе населения отдельных районов Лондона в последние десятилетия стабильна. В 2008 г, например, около 20% школьников в районах Илинг, Брент, Хаммерсмит и Фулем говорили на сомали. Высокую концентрацию (до 16%) носителей языка йоруба (нигерийцев, прежде всего) среди молодежи школьного возраста можно обнаружить в районах Гринвич, Саутуарк, Бексли и Хакни. Молодые носители языка шона достаточно равномерно распределены по районам британских городов, их доля нигде не превышает 2,5%^[18, p. 161].

Лондон становится мультиэтничным мегаполисом, переставая быть британским по составу населения. В 2011 г. численность представителей азиатских этнических групп в Лондоне составляла 1,5 млн человек (18,5% от всего населения города), а в 2021 г. уже 1,8 млн человек (20,7%), африканских – 1,1 млн (13,3%) и 1,2 млн (13,5%), смешанных – 405 тыс. (5%) и 505 тыс. (5,7%). И только этническая группа «белые» («White») продемонстрировала за 2010-е гг. снижение абсолютной и относительной численности, с

4,9 млн человек (59,8%) в 2011 г. до 4,7 млн человек в 2021 г. (53,8%)^[19].

Характерно, что африканцы не остаются навсегда в статусе держателей различных видов виз или разрешения на ПМЖ, получая после прохождения формальных процедур британский паспорт. Многие из них сохраняют гражданство исторической родины^[20]. Британское гражданство за период с 1990 г. по 2016 г. в подавляющем большинстве случаев получили приезжие из бывших британских колоний - Индии (373 тыс.), Пакистана (288 тыс.), Нигерии (139 тыс.), Бангладеш (121 тыс.), ЮАР (109 тыс.), Сомали (109 тыс.), Филиппин (104 тыс.), Шри Ланки (92 тыс.), Турции (89 тыс.), Ганы (73 тыс.), Китая (73 тыс.), Ирака (69 тыс.), Зимбабве (63 тыс.)^[21]. По данным на 2021 г., практически половина (3,6 млн из 8,5 млн) уроженцев других государств в Соединенном Королевстве имели гражданство, причем наибольшая доля таких граждан приходилась на страны Азии и Африки. В частности, из 1,5 млн африканцев около 1 млн имели британский паспорт^[22].

Таким образом, мы видим стабильный рост численности африканцев в Великобритании с середины XX в., каждые 10 лет их численность увеличивается приблизительно в полтора-два раза. Выходцы из Африки не остаются в статусе мигрантов навсегда, а довольно быстро по местным меркам получают британское гражданство. Для таких новых граждан африканского происхождения характерны демографические показатели, существенно отличающие их от коренного населения.

Африканская демография на фоне британской

Долгосрочные тренды рождаемости и уровня фертильности (среднее количество рождений на одну женщину) британского населения имеют перманентный нисходящий характер. В 1890-х гг. в стране каждый год рождался примерно 1 млн малышей, в 1900-х гг. - около 1,1 млн, в 1910-х гг. - 953 тыс., в 1920-х гг. - 845 тыс., в 1930-х гг. - 720 тыс., в 1940-х гг. - 851 тыс., в 1950-х гг. - 832 тыс., в 1960-х гг. - 963 тыс., в 1970-х гг. - 745 тыс., в 1980-х гг. - 754 тыс., в 1990-х гг. - 737 тыс., в 2000-х гг. - 738 тыс., в 2011-2015-е гг. - 790 тыс.^[23]

В послевоенное время ежегодное количество рождений на 1 тыс. женщин детородного возраста (от 15 до 44 лет) в Соединенном Королевстве постоянно снижалось. В 1950-х гг. это было в среднем 77 рождений, в 1960-х гг. - 89, в 1970-х гг. - 67, в 1980-х гг. - 61, в 1990-х гг. - 60, в 2000-х гг. - 58, в 2011-2015-х гг. - 62 (незначительный рост обеспечили в основном мамы небританского происхождения). В 1940-х гг. на 1 тыс. населения страны рождалось ежегодно в среднем 18,3 детей, в 1950-х гг. - 16,3, в 1960-х гг. - 17,7, в 1970-х гг. - 13,3, в 1980-х гг. - 13,3, в 1990-х гг. - 12,7, в 2000-х гг. - 12,2, в 2011-2015-х гг. - 12,3^[23].

Средний уровень фертильности в Соединенном Королевстве в 2001 г. составлял 1,6 ребенка, в 2011 г. - 1,9 ребенка. Тон этим цифрам задают пока еще преобладающие британские пары. Данный показатель среди приезжих из Африки существенно выше. В частности, у британских африканцев он составлял - 2,4 и 2,8 (среди выходцев из Северной Африки - 4,6 и 3,9, Западной Африки - 2,7 и 3,3, Центральной Африки - 5 и 3,1, Восточной Африки - 2,3 и 2,6, Южной Африки - 1,4 и 1,8)^[24].

Демография в среднем по стране с формальной точки зрения выглядит позитивно. По ситуации на 2019 г. рождение происходит в среднем каждые 39 секунд, смерть - каждые 52 секунды, чистый прирост составляет примерно один человек в минуту, каждые три

минуты – прибывает один мигрант^[25]. Доля британского населения при этом продолжает сокращаться. В 2001 г. к белым британцам себя относили не менее 89,7% жителей страны, в 2011 г. – только 82,8%, а на рубеже 2021-2022 гг. – лишь 76,8%. Доля лиц африканского происхождения (выходцев из стран Африки и Карибского бассейна) за этот же период выросла – 1,3%, 1,95% и 3,7%, соответственно. К началу 2020-х гг. страна, как минимум, на четверть перестала быть британской (в абсолютных цифрах речь идет о приблизительно 15–16 млн человек, включая мигрантов из ЕС)^[26].

На протяжении первых десятилетий XXI в. фиксируется постоянный рост доли африканских школьников. В 2004 г. выходцев из Африки в британских школах было 3,1%, в 2008 г. – 3,9%, в 2012 г. – 4,5%, в 2016 г. – 5%, в 2021 г. – 5,2%. Доля учащихся британского происхождения стремительно снижается, в 2004 г. она составляла 82%, в 2008 г. – 79,4%, в 2012 г. – 75,9%, в 2016 г. – 71,8%, в 2021 г. – 66,3%^[27].

Обращаясь к малышам, будущему страны, мы увидим еще более стремительную картину изменения этнической составляющей. В 2005 г. на британцев приходилось 75,2% всех новорожденных, в 2011 г. – только 66,19%, в 2015 г. – 62,05%, в 2019 г. – всего лишь 58,45%. За это же время доля младенцев африканского происхождения выросла до 5%^[28].

Показатели рождаемости британцев африканского происхождения высоки и стабильны, их доля в общем составе населения Великобритании неуклонно увеличивается. Этот тренд постоянен и носит признаки необратимости.

Отцы и матери

Логично, что с ростом числа мигрантов, этнический состав семей в Великобритании не остается прежним. Доля британских отцов, родившихся вне страны, выросла с 23,72% в 2010 г. до 30,28% в 2022 г. Лидерами в этом отношении остаются представители Южной Азии (6–7%) и Африки (5–6%), на третьем месте – выходцы из стран-новичков ЕС (Польши, Румынии, Литвы)^[29].

Среди отцов-иностранцев по странам рождения мы обнаруживаем присутствие африканских государств, прежде всего, Нигерии. В 2016 г. было зафиксировано 19,1 тыс. отцов, родившихся в Пакистане, 16,9 тыс. – в Польше, 14 тыс. – в Индии, 10,6 тыс. – в Румынии, 8,8 тыс. – в Бангладеш, 8,2 тыс. – в Нигерии; в 2019 г. было 17,5 тыс. – из Пакистана, 15,2 тыс. – Румынии, 13,5 тыс. – из Индии, 12 тыс. – из Польши, 7,3 тыс. – из Бангладеш, 7,2 тыс. – из Нигерии; в 2022 г. было 18 тыс. из Индии, 17,3 тыс. – из Пакистана, 14,6 тыс. – из Румынии, 10 тыс. – Нигерии, 7,6 тыс. – из Польши, 7,4 тыс. – Бангладеш^[30].

В 1980-1990-х гг. на матерей, родившихся за пределами Великобритании, приходилось 12–13% всех родов, к 2004 г. этот показатель вырос до 20%. В 2020 г. уровень фертильности среди уроженок Соединенного Королевства составлял в среднем 1,5, среди иностранок – 1,98^[31].

Если мы обратимся к сведениям за 2022 г., то увидим усугубление и расширение тенденции замещения репродуктивной составляющей британского общества мигрантами. В этом году в Англии и Уэльсе из 605 тыс. родившихся детей, только две трети (69%) имели мам-уроженок этих государств – 416 тыс. Треть матерей в этом году (183 тыс.) родилась за пределами Великобритании, из них 32 тыс. – в Африке^[32].

Лидеры среди стран происхождения мамочек без британского гражданства стабильны с 2000 г. – это государства Южной Азии и Африки, а также страны-новички ЕС. В 2016 г. на первом месте были представительницы Польши (22,3 тыс. родов), затем Пакистана (17,3 тыс.), Индии (13,8 тыс.), Румынии (11,7 тыс.), Бангладеш (8,1 тыс.), Нигерии (6,6 тыс.); в 2019 г. – Польша (16,7 тыс.), Пакистан (16,3 тыс.), Румыния (16 тыс.), Индия (13,1 тыс.), Бангладеш (6,7 тыс.), Нигерия (5,6 тыс.); в 2022 г. – Индия (17,7 тыс.), Пакистан (16,6 тыс.), Румыния (15,5 тыс.), Польша (11,1 тыс.), Нигерия (8,4 тыс.), Бангладеш (7 тыс.)^[33]. В 2022 г. из 576 тыс. родов в Англии только чуть больше половины (329 тыс., 57%) пришлось на матерей из числа коренного населения, 23 тыс. молодых мам имели африканское происхождение^[34].

Таким образом, мы наблюдаем все более заметный вклад родителей африканского происхождения в демографию страны. Этому способствует сохранение в их среде семейных ценностей, включая заботу о старшем поколении. Абсолютное большинство африканцев старше 18 лет (до 75%) состоят в браке. В современной Великобритании дома престарелых берут на себя основную нагрузку по уходу за пенсионерами^[35]. Почти все (97-98%) постояльцы таких заведений – это представители британского населения^[36]. Вероятность того, что пожилые люди, относящиеся к диаспорам выходцев из Южной Азии и Африки, будут проживать в домах престарелых, ничтожно мала^[37].

Образование, занятость и социальные проблемы

На факте абсолютного преобладания (до 90%) постколонимальной внутриафриканской миграции над внешней миграцией внимание в научных кругах обычно не акцентируется. Между тем, это обстоятельство оказывает самое непосредственное влияние на положение дел с выходцами из Африки в Великобритании. Для выезда за пределы континента, а не в соседнюю африканскую страну, требуется (хотя бы элементарное) знание английского языка, а также на порядок больше средств, чем есть у абсолютного большинства местных жителей.

Великобритания находится от Африки достаточно далеко, была и остается одной из самых дорогих для проживания стран Запада. В ходе массовой миграции она принимала у себя не самых бедных и малообразованных африканцев. В связи с этим уровень профессиональных навыков и знаний среди них относительно высок, особенно, среди мигрантов первой волны. Например, из нигерийцев, имеющих среднее образование, 31% родился в Нигерии и только 16% – в Великобритании. К концу XX в. среди британских африканцев наиболее образованными были две возрастные категории – от 30 до 44 лет и от 45 до 59 лет.

В общем миграционном потоке, между тем, доля людей, не имеющих вообще никакой квалификации, довольно сильно разнится от страны к стране. В 2021 г. в Англии и Уэльсе среди африканцев традиционно низкую долю лиц вообще без квалификации можно найти среди нигерийцев (6,57%), южноафриканцев (6,18%), зимбабвийцев (4,53%) и замбийцев (4,89%), а высокую – среди сомалийцев (33,36%), эритрейцев (38,13%) и суданцев (26,52%)^[38].

Средние показатели наличия высшего образования по отдельным миграционным потокам в сравнении с общей ситуацией в стране могут выглядеть весьма оптимистичными. В частности, в 2021 г. в Великобритании высшее образование имел 31% коренных жителей, среди мигрантов из Индии этот показатель составлял 50%, из Польши – 34%, из Пакистана – 28%, из Ирландии – 35%, из Румынии – 33%, из Бангладеш – 24%, из

Нигерии – 67%, из Германии – 47%, из Италии – 47%, из Южной Африки – 53% [\[39\]](#).

Однако образование, как и владение английским языком, не означает автоматически отказ от языка страны происхождения. До 50% африканцев, кто не говорит на английском в быту, признавались, что хорошо знают этот язык, но применяют это знание только в случае необходимости. Например, официальный язык Зимбабве – это английский, почти все выходцы из этого государства владеют им свободно. Но только 6% британских зимбабвийцев говорят на английском в домашних условиях, 58% основным языком назвали шона, а 35% – ндебеле. Для многих сомалийцев английский язык становится третьим или четвертым иностранным языком (после арабского, итальянского и французского), хорошее владение им в этой диаспоре – большая редкость [\[18, p. 164\]](#).

Высокий уровень безработицы был и остается заметной проблемой для африканских сообществ. По ситуации на 2021 г. в Англии и Уэльсе среди британцев процент лиц, работающих по найму, составлял 46,94%, самозанятых – 8,98%, безработных (исключая студентов) – 3,19%, а среди уроженцев Африки – 51,4%, 10,49% и 5,97%. Безработица среди африканцев (всех поколений миграции) в 2021 г. достигала 18,7%, из которых пятая часть (19,9%) были студентами, а общий процент экономически неактивного населения составлял 19% [\[40\]](#). Для сравнения, среди граждан Великобритании в 2021 г. было 22,8 млн (59,9%) работающих, 1,2 млн (3,1%) безработных, 14 млн (37%) – экономически не активных (студенты, дети, пенсионеры, инвалиды и т.д.), а среди владельцев паспортов африканских стран – 207,1 тыс. (62,1%), 28,8 тыс. (8,7%) и 97,5 тыс. (29,2%) [\[41\]](#).

Среди молодых африканцев Великобритании имеют место факты распространения культа насилия и жестокости. Почти половина (44%) африканцев в возрасте 18-24 лет не получает образование и дополнительные профессиональные навыки (среди британской молодежи аналогичного возраста – 25%). Вероятность оказаться за решеткой у африканских подростков Англии и Уэльса в три раз выше, чем у их британских сверстников. По одним данным, доля африканцев, находящихся в тюрьме, в пять раз выше, чем их доля в общем составе населения страны [\[42, p. 569\]](#), по другим – выше в семь раз [\[43\]](#).

В 2009 г. лица африканского происхождения в Лондоне совершили 54% всех уличных преступлений, 59% ограблений, 67% попрааний закона с применением оружия. Вероятность стать жертвой преступления у африканцев в два раз выше, чем в среднем по остальному населению страны. В 29% всех преступлений с применением огнестрельного (и в 24% – холодного) оружия пострадавшие были мужчинами африканского происхождения [\[44\]](#).

Безработица и преступность сочетаются с другими антисоциальными явлениями, в частности, подростковой беременностью. В 2010 г. по количеству детей, рожденных матерями, чей возраст не превышает 20 лет, британские африканцы с показателем 4% занимали промежуточное положение между индийцами (около 1,6%) и мигрантами из Карибского бассейна (до 9,5%).

Однако распространенность ранних беременностей не коррелируется с общей, безусловно, положительной демографической картиной среди африканцев. Согласно официальной статистике, в 1969 г. 5,98% зачатий в стране завершались искусственным прерыванием беременности, в 1971 г. – 11,32%, в 1976 г. – 15,17%, 1981 г. – 17,09%,

1986 г. – 18,02%, в 1991 г. – 19,6%, в 1996 г. – 20,55%, 2001 г. – 23%, в 2006 г. – 22,26%, в 2011 г. – 20,88%, в 2016 г. – 21,5%, в 2020 г. – 25,29%^[45]. Лидерами в относительных и абсолютных цифрах в этом отношении остаются местные жители. Доля африканцев, совершающих аборт, ниже, чем в среднем по стране, и уменьшается (с 12% в 2002 г. до 7% в 2021 г.)^[46].

Рост абсолютных и относительных показателей численности африканских общин неизбежно находит свое отражение на рынке труда и в сфере образования. Впрочем, наличие негативных социальных явлений среди выходцев из Африки не носит катастрофического характера, влияющего на сохранение и преумножение численности африканских общин Великобритании.

Заключение

В 2024 г. впервые в истории Великобритании, численность людей старше 65 лет превысила численность молодых людей младше 15 лет, 11,1 млн против 10,4 млн^[47]. Британцы неуклонно трансформируются в нацию предпенсионного возраста, подтверждая общий для западноевропейских государств тренд снижения численности местного населения и роста иммигрантских сообществ в абсолютных и относительных цифрах.

С 1951 г. каждые десять лет численность африканских диаспор Великобритании увеличится в полтора-два раза. Этот процесс в 1950-1990-х гг. обеспечивался за счет миграции из бывших колоний, с 2000-х гг. поддерживается благодаря высокой рождаемости, существенно превышающей то, что мы можем наблюдать среди коренных жителей страны. Современные британские африканцы составляют не менее 3% от населения страны, среди молодых людей их доля достигает 5%, а в младших возрастных группах приближается к 7%.

Выходцы из Африки сохранили свою идентичность, они не воспринимаются коренными жителями и друг другом в качестве местного населения. Африканская диаспора страны представлена приезжими и их потомками из более 10 государств (Нигерия, ЮАР, Зимбабве, Кения, Уганда и др.), что вносит свою лепту в развитие разнообразия всех сторон жизни современной Великобритании. Традиции, знание языков стран происхождения, социо-религиозные особенности, самовосприятие, очевидные внешние отличия, постоянный рост численности и доли в составе населения страны (вкуче с аналогичным трендами в других мигрантских сообществах) не дают оснований полагать, что на Туманном Альбионе в ближайшие десятилетия сохранится местная культура.

Британские острова перестанут быть «британскими» по составу населения уже, вероятно, к концу нашего века. Вполне возможно, что на этом архипелаге будет проживать конгломерат африканских, азиатских, восточно- и западноевропейских сообществ различного происхождения, вероисповедания, культуры и уровня организации. Столь кардинальные изменения, которые мы не наблюдали со времен Великого переселения народов IV-VII вв., вероятно, повлекут за собой и глубокую трансформацию всей парадигмы развития этого региона.

Библиография

1. Mid-Year Population Estimates, UK, June 2022. Office for National Statistics. 26 March 2024.
2. Coleman D. A. International Migration: Demographic and Socioeconomic Consequences in the United Kingdom and Europe // International Migration Review. 1995. No. 1 (29). Pp.

155-206.

3. Peach G. C. K. Immigrants in the Inner City // *The Geographical Journal*. 1975. No. 3 (141). Pp. 372-379.

4. *Ethnic minorities in Great Britain*. London: Commission for Racial Equality, 2007.

5. Census: Ethnic group, local authorities in the United Kingdom // Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/key-statistics-and-quick-statistics-for-local-authorities-in-the-united-kingdom---part-1/rft-ks201uk.xls>

6. Overseas-born population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by sex, by country of birth // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

7. Overseas-born population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by sex, by country of birth // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

8. Long-Term International Migration time series, 1991 to 2017 [Электронный ресурс] // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationageandsextable207/current/2.07ltimageandsex1991to2017.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationageandsextable207/current/2.07ltimageandsex1991to2017.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationageandsextable207/current/2.07ltimageandsex1991to2017.xls)

9. Long-Term International Migration time series, 2004 to 2017 // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationcitizenshiptable201a/current/2.01altimcitizenship2004to2017.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationcitizenshiptable201a/current/2.01altimcitizenship2004to2017.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationcitizenshiptable201a/current/2.01altimcitizenship2004to2017.xls)

10. Higgs P. African Philosophy and the Decolonisation of Education in Africa: Some critical reflections // *Educational Philosophy and Theory*. 2012. Vol. 44. Pp. 37-55.

11. England and Wales, England, Wales, regions of England and local authorities in England and Wales // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx>

12. Ethnic minority groups, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2203/barchart/datadownload.xlsx>

13. Number of non-EU nationals arriving in the UK long-term by nationality for the top 10 highest contributors in year ending (YE) December 2023, between YE December 2019 and YE December 2023 // Office for National Statistics. URL:

[https://www.ons.gov.uk/download/table?](https://www.ons.gov.uk/download/table?format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingdecember2023/8a605970.json)

[format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingdecember2023/8a605970.json](https://www.ons.gov.uk/download/table?format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingdecember2023/8a605970.json)

14. Sillitoe K., White P. H. Ethnic Group and the British Census: The Search for a Question // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (Statistics in Society)*. 1992. No. 1 (29). Pp. 141-163.

15. Resident population by sex, five-year age bands and country of birth compared to those who arrived in year prior to Census 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_9/datadownload.xlsx

16. Ethnicity by country of birth, usual residents, 2021, England and Wales // Office for

National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/fig19/datadownload.xlsx>

17. Population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by country of birth // Office for National Statistics. URL:

[https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls)

18. Mitton L. The Languages of Black Africans in England // Journal of Intercultural Studies. 2011. No. 2 (32). Pp. 151-172.

19. Usual resident population by ethnic group, 2011 and 2021 // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx>

20. Percentage of UK-born dual citizens by other passport held, top 10 EU and non-EU passport holders with UK dual citizenship, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2258/fig8/datadownload.xlsx>

21. Citizenship grants by previous country of nationality // Office for National Statistics. URL:

https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/546762/citizenship-q2-2016-tabs.ods

22. Percentage of non-UK-born residents by country of birth grouping and passports held, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:

https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_5/datadownload.xlsx

23. Annual data: Births (numbers, rates and standardised mean age of mother) // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls)

24. Total fertility rates by country of birth of mother, 2001 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL: [https://www.ons.gov.uk/file?](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx)

[uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx](https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx)

25. United Kingdom Population 2019 // World Population Review. URL:

<https://worldpopulationreview.com/countries/united-kingdom>

26. Get data for your table // NISRA Flexible Table Builder. URL:

https://build.nisra.gov.uk/en/custom/data?d=PEOPLE&v=RACIAL_EQUALITY_TEO

27. School and pupil characteristics // Webarchive.nationalarchives.gov.uk. URL:

<https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20130104055718/http://www.education.gov.uk/researchandstatistics/statistics/statistics-by-topic/schoolpupilcharacteristics?page=1>

28. Births and infant mortality by ethnicity, England and Wales // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/healthandsocialcare/childhealth/datasets/birthsandinfantmortalitybyethnicityenglandandwales>

29. Parents' country of birth // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth>

30. Ten most common countries of birth for non-UK-born fathers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig3/datadownload.xlsx>

31. The foreign-born population // Webarchive.nationalarchives.gov.uk. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20140721132900/http://www.statistics.gov.uk/downloads/theme_compendia/fom2005/08_FOPM_ForeignBorn.pdf
32. Live births, stillbirths and infant deaths: birthweight and mother's country of birth, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx>
33. Ten most common countries of birth for non-UK-born mothers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig2/datadownload.xlsx>
34. Live births, stillbirths, neonatal and infant deaths: ethnicity of infant and country, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx>
35. Disability status of care home resident populations with and without nursing by five-year age groups, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig07/datadownload.xlsx>
36. Percentage of the care home population aged 65 years and over in care homes with and without nursing by high-level ethnic group, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig09/datadownload.xlsx>
37. Percentage of the usual resident population aged 65 years and over in each high-level ethnic group living in care homes, by 10-year age groups in 2021 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig08/datadownload.xlsx>
38. Map of qualification levels of adult residents living in England and Wales, by country of birth // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2217ts/fig2/datadownload.xlsx>
39. Percentage of residents with higher education qualifications, by country of birth ordered by number of residents, England and Wales, 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator?uri=/peoplepopulationandcommunity/educationandchildcare/articles/howqualificationlevelsacrossenglandandwalesdifferbycountryofbirth/2023-05-15/3bcfbae5&format=xls>
40. Economic activity by country of birth, usual residents aged 16 years and over who arrived in year prior to Census 2021, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_10/datadownload.xlsx
41. Employment status for those aged 16 and over, England and Wales, March 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/datasets/migrationandthelabourmarketpassporthelbasedestimatesenglandandwales/census2021/lm05passportheldlabourmarketttables.xlsx>
42. Law I., Finney S., Swann S.J. Searching for autonomy: young black men, schooling and aspirations // Race Ethnicity and Education. 2014. No. 4(17). Pp. 569-590.
43. Ramesh R. More black people jailed in England and Wales proportionally than in US // The Guardian. 11 October 2010.
44. Violent inner-city crime, the figures, and a question of race // The Telegraph. 26 June 2010.
45. Conceptions in England and Wales // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2020>

46. Abortion statistics in England and Wales // GOV.UK. URL:

<https://www.gov.uk/government/collections/abortion-statistics-for-england-and-wales>

47. Census: Population of England and Wales grew 6% in a decade // BBC News. 28 June 2022. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу демографического присутствия африканских мигрантов и их потомков в современной Великобритании. Автор рассматривает количественные и качественные характеристики африканской диаспоры, начиная с середины XX века до настоящего времени, включая миграционные потоки, показатели рождаемости, расселение, социально-экономические характеристики и влияние на общую демографическую картину страны.

Методология исследования

Исследование основано на статистическом анализе данных двух основных источников: общенациональных переписей населения Великобритании (проводимых каждые 10 лет) и отчетов Государственной статистической службы. Автор использует количественные методы анализа демографических данных, сравнительный анализ показателей по этническим группам и временным периодам. Методологический подход является преимущественно дескриптивным с элементами аналитического обобщения.

Актуальность

Тема исследования обладает высокой актуальностью, поскольку миграционные процессы и их демографические последствия представляют одну из ключевых проблем современного развития западноевропейских государств. Изучение африканской миграции в Великобританию особенно значимо в контексте постколониальных связей и трансформации этнической структуры британского общества. Исследование затрагивает важные вопросы национальной идентичности, социальной интеграции и демографического будущего страны.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном статистическом анализе африканской диаспоры Великобритании на основе актуальных данных переписи 2021 года. Автор предоставляет детализированную картину динамики численности, половозрастной структуры, географического распределения и социально-экономических характеристик африканских мигрантов. Особую ценность представляет анализ демографического вклада африканцев в общую картину воспроизводства населения Великобритании.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, включающую введение, исторический контекст, анализ динамики численности и расселения, демографические характеристики, социально-экономические аспекты и заключение. Стиль изложения академический, однако местами

содержит оценочные суждения, которые могут быть восприняты как субъективные. Фактологическая база исследования обширна и подкреплена статистическими данными.

Вместе с тем, в работе присутствуют некоторые стилистические недостатки: использование эмоционально окрашенных выражений ("демографическое давление", "кардинальным образом меняют облик"), которые могут снижать научную объективность изложения. Также наблюдается определенная тенденциозность в интерпретации данных, особенно в заключительной части.

Библиография

Библиографический аппарат включает 47 источников, преимущественно официальные статистические данные британских государственных служб, что обеспечивает высокую достоверность представленной информации. Используются актуальные данные, включая результаты переписи 2021 года. Однако в списке источников замечен дефицит научных работ зарубежных исследователей по данной тематике, что могло бы обогатить теоретическую базу исследования.

Апелляция к оппонентам

Автор не вступает в полемику с другими исследователями и не рассматривает альтернативные точки зрения на изучаемые процессы. Отсутствует критический анализ существующих концепций миграции и интеграции. Работа носит преимущественно описательный характер без обращения к дискуссионным аспектам миграционной политики или теориям мультикультурализма.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования подкреплены статистическими данными: постоянный рост численности африканской диаспоры (в полтора-два раза каждые 10 лет), высокие показатели рождаемости среди африканцев по сравнению с коренным населением, сохранение этнокультурной идентичности. Автор прогнозирует кардинальную трансформацию этнической структуры Великобритании к концу XXI века.

Однако формулировка выводов содержит элементы алармизма и может быть воспринята как политически ангажированная. Прогнозы о том, что Британские острова "перестанут быть британскими по составу населения" и сравнение с "Великим переселением народов IV-VII вв." представляются излишне категоричными и недостаточно обоснованными научно.

Исследование представляет интерес для демографов, социологов, специалистов по миграционным процессам и британоведов. Статья может быть полезна для понимания современных демографических трендов в Западной Европе, однако требует критического осмысления представленных интерпретаций и выводов.

Общая оценка

Статья содержит ценный фактологический материал и представляет комплексный анализ африканской диаспоры в Великобритании.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Уманский Л.А. Становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина (1879-1912) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.71940 EDN: LMEQAW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71940

Становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина (1879-1912)

Уманский Леонид Алексеевич

ORCID: 0000-0002-2528-7402

аспирант; институт общественных наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119261, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

✉ leonidioum@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.71940

EDN:

LMEQAW

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2024

Дата публикации:

13-08-2025

Аннотация: Объектом исследования является социально-экономическое развитие Российской империи в эпоху модернизации Витте-Столыпина. Предметом исследования является становление и развитие химического сектора промышленности в четырёх приуральских (по используемой в т.ч. современниками классификации П. Семенова) губерниях – Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской – в контексте модернизационных процессов последней трети XIX – начала XX веков через призму трех базовых показателей – количества заводов, суммы годовой выработки и численности занятых рабочих, из которых также выводится прокси-показатель производительности труда. В основе корпуса источников работы лежат указатели фабрик и заводов

Российской империи и промышленные переписи, дополненные приложениями к губернаторским отчетам по анализируемым губерниям и рядом иных материалов. В основе исследования лежат историко-генетический, сравнительный (синхронный и диахронный) и количественные методы, применяемые в т.ч. с использованием компьютерных технологий. Основными выводами проведенного исследования является невозможность применения экономического районирования П. Семенова к химической отрасли и, соответственно, невозможности объединения четырех рассматриваемых губерний в единую Приуральскую группу. В двух – Оренбургской и Уфимской – губерниях химическая отрасль оказывается представлена слабо, в отличие от двух прочих – Вятской и Пермской – губерний, которые предлагается объединить в Камскую, в силу расположения ключевых предприятий именно на этой реке, группу с возможностью дальнейшего включения в нее и Казанской губернии, в настоящей статье не рассматривавшейся. Динамика развития химической промышленности прикамских губерний будет во многом определяться динамикой конкретных заведений – Любимова-Сольве и Ушкова, играющих определяющую роль в становлении отрасли в регионе; ввиду этого оказывается проблематичным говорить о соответствии динамики развития химической промышленности в заявленный период используемым моделям, предполагающим меньшую зависимость от факторов, способных влиять на деятельность отдельных заведений.

Ключевые слова:

Российская империя, Модернизация Витте-Столыпина, Индустриализация, Химическая промышленность, Приуральская область, Пермская губерния, Вятская губерния, Иностранный капитал, Производительность труда, Количественные методы исследований

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена истории становления и развития химической отрасли в контексте модернизационных процессов конца XIX – начала XX вв. в Приуральском регионе Российской империи. Существует множество подходов к выделению в составе империи отдельных макрорегионов. В данной статье речь пойдет о предложенной П. П. Семёновым Приуральской группе, включающей в себя Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии. Именно на классификацию П.П. Семёнова, пусть иногда и с некоторыми вариациями, опирались в рассматриваемый период главные статистические органы России [\[1\]](#). Посмотрим, насколько этот подход применим именно к химической промышленности.

Рис. 1 Приуральские губернии на карте Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)

В контексте анализа российской модернизации конца XIX – начала XX вв. химическая промышленность заслуживает специального рассмотрения, поскольку является примером одной из наиболее динамично развивающихся отраслей. Традиционно под этим определением понимают основную, пользуясь категориальным аппаратом Л. Б. Кафенгауза, химическую промышленность, и апеллируют к ней при необходимости указать на достижения российской индустриализации тех лет. В настоящем тексте это понятие будет использоваться в более широком значении, включая в себя те группы производств, которые относили к этой категории современники: химические и красочные, косметические, селитренные, сухой перегонки дерева (СПД), лаковые и сургучные, поташные, спичечные, смазочных масел и пороховые.

Хронологические рамки исследования охватывают период дореволюционной индустриализации России, старт которой отсчитывают с середины 1880-х гг., конец же или, вернее, прерывание, относят уже к 1910-м гг. и вступлению империи в Первую мировую войну. Внутри этого периода выделяют несколько отдельных этапов, и анализ того, насколько развитие химической промышленности рассматриваемого Приуральского региона соотносится с теми стадиями, которые выделяют для империи и всех отраслей промышленности в целом, и становится целью настоящей работы. Задачами, направленными на её достижение, являются: а) сбор и анализ статистического материала (первая часть статьи); б) анализ факторов, сформировавших представленную этой статистикой картину, как имевших место в конкретном регионе, так и ожидаемых на основании используемых моделей, но по тем или иным причинам в регионе не выявленных (вторая часть статьи).

Внутри обозначенного хронологического периода отдельные этапы развития промышленности исследователи могут определять по-разному. В настоящей работе предпочтение будет отдано двум моделям динамики промышленного роста, изложенным в работах А. Ю. Финн-Енотаевского [\[2\]](#) и Л. Б. Кафенгауза [\[3\]](#). Кафенгауз обозначает их как периоды капиталистической реконструкции (1887–1900), кризиса и последующей депрессии (1901–1908) и, наконец, предвоенного подъёма. Концепция же Финн-

Енотаевского, который делает акцент на потреблении, а не производстве, вводит дополнительную разбивку посткризисного периода, подчёркивает наличие колебаний – пусть и меньшей амплитуды – производства и в эти годы, вызванных, в том числе, революцией и последовавшим ростом потребительских возможностей населения.

Первый комплекс источников, лежащих в основе данного исследования, представляет собой группу изданий указателей промышленных предприятий Российской империи, вышедших в конце XIX – начале XX вв. Составлялись они разными авторами, что накладывало отпечаток не только на точное название, но и на используемый шаблон, в деталях варьирующийся от издания к изданию. Неизменным оказывались несколько ключевых показателей, которые важны для нашего исследования — количество предприятий, стоимость произведенной продукции за год в денежном эквиваленте (в источниках часто обозначается как «сумма производства») и численность рабочих. Также через прокси-показатель будет рассмотрена производительность труда, получаемая делением выработки на число работников. Первые издания этого типа содержали перечень отдельных предприятий (и здесь, согласно комментариям составителей, учитывались предприятия с выработкой равной или превышающей 2 тыс. руб.), а также сводные таблицы данных (в них учитывались все известные фабрики). В последующих изданиях ценз уже не упоминается, но полукустарные производства из статистики постепенно исчезают, и именно этим, немного забежав вперёд, в значительной степени будет объясняться сокращение количества предприятий в интервале между 1890 и 1894 гг., когда у указателя меняется команда составителей. Упомянутые перечни предприятий нередко критиковались исследователями [\[4\]](#), однако, для решения поставленных в данной статье задач они могут быть использованы. Дополняются эти указатели результатами промышленной переписи начала 1910-х гг., публикация которых состоит только из агрегированных таблиц, данные же по отдельным предприятиям отсутствуют [\[5\]](#).

Второй комплекс материалов, составляющих основу источниковой базы для данной статьи, — губернаторские отчёты, источник также имеющий свою специфику [\[6\]](#) и потому используемый выборочно, но интересный статусом своих [номинальных] составителей — умолчания и лакуны в этой ситуации также могут рассматриваться как своего рода сведения. Помимо них, для решения задач исследования привлекался ряд иных источников, обращение к которым оказывается слишком дискретно и ситуативно для того, чтобы упоминать о них в этом разделе отдельно.

Как уже было сказано выше, работа будет сфокусирована на трёх базовых показателях химической промышленности в Приуральском регионе: годовая выработка в денежном эквиваленте, количество предприятий и численность занятых на них работников, к которым будет добавлен рассчитываемый через них же прокси-показатель производительности труда. В нашем распоряжении девять хронологических срезов: предшествующий условному началу модернизации 1879 [\[7\]](#) и промежуточный 1884 [\[8\]](#) гг., уже попадающие в рамки первого периода 1890 [\[9\]](#), 1894 [\[10\]](#) и 1900 [\[11\]](#) гг., 1908 [\[12\]](#) г. как финальная точка посткризисной депрессии и 1910–1912 гг. как срезы предвоенной стадии роста.

Можно ожидать, что количество предприятий — показатель, который должен со временем сокращаться. Мелкие предприятия не выдерживают конкуренции и либо сворачиваются, либо поглощаются более крупными. Последние же демонстрируют рост,

идет процесс концентрации производства. Посмотрим, наблюдается ли она в химической отрасли рассматриваемого региона.

Если оставить в стороне Оренбургскую губернию, для химической промышленности которой в источниках содержатся меняющиеся показатели (поэтому график показывает то одно, то два предприятия, то не показывает их вовсе (рис. 2)), другие губернии Приуралья позволяют говорить именно о соответствующей модели тенденции.

Рис. 2. Динамика числа химических предприятий Оренбургской губернии, 1879–1912 гг.

Как уже говорилось во введении, первые три сборника включали в свои таблицы все известные их составителям предприятия, но вряд ли справедливо все их рассматривать как фабрики и заводы. Как упоминает Ю. Я. Рыбаков, тот же В. И. Ленин подвергал критике набор предприятий и у авторов следующего сборника (данные за 1894 г.) [\[4, с. 212-213\]](#), но именно издания Орлова выявляют проблему дефиниции наиболее отчётливо. В настоящей работе, тем не менее, было решено не исключать из рассмотрения эти [возможно, кустарные, возможно — полукустарные] производства и брать данные именно из таблиц, а не из списка предприятий с цензом в 2 тыс. руб. выработки. С нашей точки зрения, подобные заведения и их постепенное исчезновение из внимания составителей свидетельствуют об определённых тенденциях в химической отрасли, и обрезать этот пласт данных было бы неверно (кроме того, в ряде других регионов — например, губерниях Архангельской и Вологодской, имели место и объективные предпосылки для снижения их численности, поэтому можно предположить, что и в рассматриваемых губерниях речь может идти не только об источниковедческом и понятийном сюжете). Теперь обратимся к графикам, отражающим динамику количества предприятий химической отрасли в трех Приуральских губерниях — Вятской, Пермской и Уфимской (см. Рис. 3-5).

Рис. 3. Динамика числа химических предприятий Вятской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 4. Динамика числа химических предприятий Пермской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 5. Динамика числа химических предприятий Уфимской губернии, 1879–1912 гг.

На Рис. 3-5 хорошо видно, что начиная с 1890 г. все три губернии демонстрируют непрерывное сокращение и последующую стабилизацию числа химических предприятий. Для Пермской губернии это утверждение будет не совсем верным применительно к 1908 г., но наблюдаемое колебание — в абсолютных цифрах это три новых предприятия в 1908 г. и два закрытых к 1910 г. — не будет влиять на картину в целом. В некоторых случаях предприятия «исчезают», соответственно, можно говорить именно о закрытии. Так, например, в Кунгуре (Пермская губерния) в 1894 г. фиксируется два предприятия, в 1900 г. — уже одно, но даже в 1894 г. «исчезнувшее» впоследствии заведение характеризуется отсутствием данных о стоимости произведенной продукции (в источнике стоит прочерк) и всего двадцатью рабочими днями за год. Второе упомянутое предприятие при этом отличается от первого по профилю, поэтому после того, как предприятие Каблукова исчезает, заводов, относимых к категории химических и красочных, в городе (и уезде) не остаётся. В других случаях можно наблюдать процесс концентрации производства за счет слияния двух предприятий. Так, например, в 1894 г. в Екатеринбурге (Пермская губ.) было два спичечных завода – Логинова (в 1890 г. он указан как принадлежащий купцу, в 1894 г. его статус и владелец не указаны) и товарищества «Ворожцов и К°». К 1900 г. они сливаются, и источник фиксирует уже акционерное общество «Ворожцов и Логинов», а в указателе АО за 1913 г. можно будет найти уже таковое «Василий Логинов», без второго компаньона (и в названии, и в списке правления) [\[13, с. 189\]](#). В некоторых случаях предприятия, возможно, и не «исчезали» в реальности, но переставали фиксироваться источником. Так, в том же Екатеринбурге в 1894 г. был, помимо упомянутых спичечных, химический заводик Фолькман, который уже отсутствует в сборнике за 1900 г. Но и в 1894 г. он дал всего 1800 руб. выработки, а потому можно предположить, что предприятие продолжало существовать и в дальнейшем, но уже перейдя в разряд [полу-]кустарных производств. Таковы три основных варианта исхода для небольших и средних заведений, приводящих к тому, что конечные графики оказываются именно такими.

Показатель стоимости произведенной продукции, в отличие от количества предприятий, напротив, падать не должен. Можно предположить, что он увеличивается в период до кризисного 1900 г. и после завершения депрессии к 1909 г. и, в зависимости от рода выпускаемой продукции, по-разному реагирует на события 1900–1908 гг. Так ли это на самом деле? Для ответа на данный вопрос обратимся к графикам на Рис. 6-8.

Рис. 6. Динамика суммы выработки химических предприятий Вятской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 7. Динамика суммы выработки химических предприятий Оренбургской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 8. Динамика суммы выработки химических предприятий Пермской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 9. Динамика суммы выработки химических предприятий Уфимской губернии, 1879–1912 гг.

Анализ этих графиков следует предварить источниковедческим комментарием. По всей видимости, никакого провала в 1894 г., моментально приковывающего внимание на графике Вятской губернии, на самом деле не было. Дело в том, что большая часть выработки по этому региону приходится на два крупнейших его предприятия, принадлежащих П. К. Ушкову — это 78% от показателя по губернии и в 1879 г., и в 1908 г. А в сборнике за 1894 г. данных по выработке этих заводов просто нет — и совокупная цифра по губернии стремительно устремляется в пике. Почему сведений нет — можно только предполагать, но известно, что работать заводы не прекращали — тот же сборник фиксирует 330 и 356 (!) рабочих дней в отчётном году. Возможно, не успели отправить ведомости, возможно, ещё по какой-то причине — но выработка точно должна была иметь место.

Приведённые графики сразу отвечают на вопрос о том, можно ли считать применимой к химической отрасли методику районирования П. Семёнова. Ответ, с нашей точки зрения, оказывается отрицательным. Хорошо видно, что есть два региона, идущих схожим (учитывая вышесказанное про 1894 г.) путем при сопоставимом уровне абсолютных цифр — это губернии Вятская и Пермская. Наиболее заметное отличие — снижение выработки пермских заведений в период между 1908 и 1910 гг. и небольшое снижение показателя вятских предприятий между 1884 и 1890 гг. В остальном можно наблюдать непрерывный рост до 1908 г., для Вятской губернии продолжившийся и в 1910 г., после чего она выходит на плато, а для Пермской губ. прерванный упомянутым сокращением, после чего она также выходит на более-менее стабильные показатели на протяжении последних трёх лет. Сопоставление данных за 1879 и 1912 гг. дают рост почти в 26 раз для Пермской (и в 34, если сравнивать с пиковым 1908 г.) губернии, со 158 тыс. руб. до почти 4072 тыс. руб., и в 5 раз для Вятской — с 908 до 4666 тыс. руб. Разница между темпами кажется невероятной, но объяснение на самом деле достаточно простое — как в случае с уже упомянутыми заводами Ушкова в Вятской губернии, Пермская губерния также в заметной степени история одного — по выработке соды Любимова и Сольве — предприятия. И в 1879 г. его ещё просто нет — земля выкуплена, договора, вероятно, уже обсуждаются, но завода нет, запущен он будет в 1883 г. Впрочем, стоит оговориться, что между 1908 и 1910 гг. в Вятской губернии соотношение долей от суммы выработки меняется в пользу спичечных производств, которые оттесняют продукцию Ушкова на второй план.

Две другие губернии развиваются не столь динамично. Как уже упоминалось выше, в Оренбургской губернии химическая промышленность в используемых источниках то фиксируется, то исчезает. В 1879 г. сообщается об одном спичечной предприятии, в 1884 г. — одном сухой перегонки дерева (СПД, смола и дёготь) и химическом, пусть и

подразумевается под ним производство глистогонное из степных растений. В 1890 и 1894 гг. производств нет. В 1900 г. — два предприятия: спичечное и колёсной мази с сальными свечами (достаточно характерная для сборника (или среза?) за 1894 г. ситуация, при которой наряду с титульной продукцией может выпускаться ещё что-то, порою даже не относящееся к той же группе производств). В 1908 г. — два заведения, выпуском продукции из которых занимается только одно (второе принимает заказы на пропитку шпал, что в настоящей работе рассматривается как оказание услуг, а не товарное производство — и потому выносится за скобки), и это — спичечное предприятие. В 1910-е гг. заводы непосредственно химического профиля источником не фиксируются, но производства олифы всё же есть. Несоответствие, по всей видимости, объясняется многопрофильностью предприятия и вывод его составителями переписи в какую-то иную группу производств. Поэтому говорить о каком-либо развитии, динамике фактически не приходится — можно лишь наблюдать за очередной попыткой наладить производства, относимые к химической отрасли, и её угасанием.

Следует признать, таким образом, что говорить о существовании химического сектора в промышленности региона можно с очень большой натяжкой. Отдельные предприятия в источнике появляются, но после либо исчезают из них вовсе, либо уменьшают производство до такой степени, что становятся незаметны для их составителей. Как следствие, сложно говорить и о каких-либо трендах и паттернах — можно обозначить присутствие спичечного предприятия на трёх хронологических срезах из девяти, остальной набор выпускаемых наименований будет очень неоднороден и скромен — фармацевтические препараты, колёсная мазь, смола и дёготь, олифа. Преобладает сухая перегонка дерева, но с учётом того, что известный смолокурный заводик производил её для нужд медеплавильного предприятия того же владельца, сложно говорить об СПД как отдельной, а не вспомогательной отрасли.

Стоит при этом учитывать особенности промышленной жизни региона в целом. Так, например, в отчёте губернатора (вероятно, ещё В. Ожаровского) за 1911 г. сообщается, что «...из вновь возникших промышленных заведений следует отметить два завода в г. Челябинске <...>; оба завода начали новую в губернии промышленность. Первый изготовлял кафеля для печей, каминов, цементные плиты для полов, тротуаров, а также и огнеупорный кирпич. Второй завод оборудован для изготовления дробы и картечи...» [\[14, с. 20\]](#). На промышленность фабрично-заводскую в целом в упомянутом отчёте отведено чуть меньше страницы. Поэтому говорить о том, что именно химическая отрасль оказывается в каком-то особо уязвимом положении, не приходится, чему подтверждение можно найти и у Брокгауза (статья вышла в 1897 г.): «За исключением горнозаводской промышленности, заводская и фабричная деятельность в губернии весьма незначительна и ограничивается почти исключительно обработкой сырых животных продуктов и переделкой хлеба в напитки» [\[15\]](#).

Уфимская губерния к 1912 г. подходит с двумя наименованиями — спичками и колёсной мазью при тотальном, в соотношении 9:1 по выработке, доминировании первых — и интересно оказывается наблюдать за тем, как на протяжении рассматриваемого периода спички постепенно вытесняют остальные товары. Так, в 1879 г. их производств не фиксируется в принципе, в губернии есть только СПД и поташные производства. В 1894 г. спичечные производства дают уже четверть всей выработки. В 1908 г. — наряду с заведением по пропитке шпал, каковые, как уже упоминалось, мы не учитываем, — в губернии действует только спичечное заведение и на него, соответственно, приходится уже вся выработка.

Перейдем к показателю численности рабочих, занятых на предприятиях химической отрасли. Обратимся к графикам на Рис. 10-12.

Рис. 10. Динамика численности рабочих в химической отрасли Вятской губернии, 1879–1912 гг.

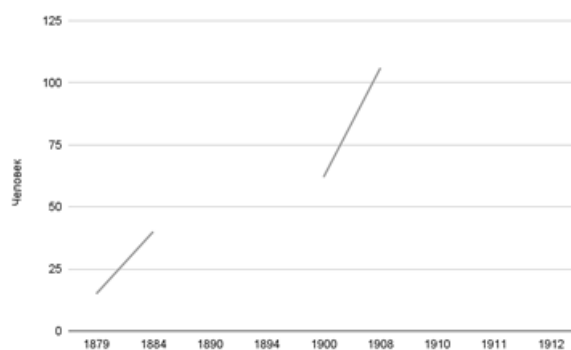

Рис. 11. Динамика численности рабочих в химической отрасли Оренбургской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 12. Динамика численности рабочих в химической отрасли Пермской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 13. Динамика численности рабочих в химической отрасли Уфимской губернии, 1879–1912 гг.

По причинам, уже обозначенным выше, оценивать динамику данного показателя применительно к Оренбургской губернии представляется сложной задачей. Применительно к ней невозможно говорить о каком-то поступательном движении, о развитии отдельных предприятий. Поэтому в данном случае ограничимся источниковедческим комментарием о том, что в переписи 1910–1912 гг. количество фабрик и рабочих вынесены в единую — и отличную от той, что содержит сведения по выработке — таблицу. Поэтому за последние три года опять, как и в случае с числом предприятий, можно наблюдать провал, хотя на самом деле выработка олифы имела место.

Данные по Вятской губернии интересны возможным эхом кризиса 1900 г. Вплоть до 1908 г. фиксируется рост численности занятых на химических производствах, но потом происходит резкое, почти вдвое, сокращение этого показателя, и на новом уровне он и остаётся вплоть до конца рассматриваемого периода. Уменьшение, напомним, числа предприятий в интервале между 1908 и 1910 гг. также имело место, но менее, чем в полтора раза, с 14 до 10. Сумма производства, напротив, между 1908 и 1910 гг. и 1911 и 1912 гг. росла, от 1910 к 1911 г. практически не менялась.

Пермская губерния интереснее всего своим 1894 г. Стат. сборники ничего конкретного о нём не скажут, тем более, что выработка никаких аномалий не обнаруживает. Однозначного ответа на данный момент у нас нет; возможно, он лежит в санитарной плоскости: про условия жизни рабочих в эпоху модернизации написаны тома, а конкретно где по Пермской губернии, где по Соликамскому её уезду, в котором расположен завод Любимова-Сольве, санитарный обзор за 1895 г., с которого они начинают вестись, отмечает проблемы и с гриппом, и с сифилисом, и с многими иными болезнями. Так, например, по обозначенному уезду было выявлено 470 человек больных только злой корчей [\[16, с. 18\]](#), вызываемой употреблением нехорошим зерном. С учётом того, что само сокращение, о котором идёт речь, составляет примерно семьсот человек за четыре года, к тому же как минимум часть из которых могла потерять работу просто в силу естественного стремления владельцев к экономии, видно, что порядки сопоставимы (учитывая, что 470 – цифра по населению уезда всего, но – только по одному уезду и одной болезни). В остальном график демонстрирует рост между 1879 и 1890 и 1894 и 1900 гг., падение примерно на треть после 1900 г. – и очень хочется списать это сокращение на промышленный кризис — и выход на плато на последнем отрезке 1910–1912 гг.

По Уфимской губернии прослеживается заметное (больше, чем в три раза) сокращение численности рабочих на предприятиях отрасли между в 1879 и 1900 гг., после чего

показатель выходит на уровень статистических колебаний. Архитектура графика синонимична графику числа предприятий с тем же годом как точкой перелома. Невозможно при этом не отметить, что этой точкой оказывается кризисный — с привычной точки зрения — год, после которого количество рабочих должно было бы снижаться, до этой точки — напротив, расти. В случае с Уфимской губернией, тем не менее, ситуация оказывается иной — падение вместо роста на первом, 1879—1900 гг., отрезке и отсутствие заметного влияния кризиса на втором, 1900—1912 гг.

Как уже говорилось во введении, предоставляемые источником данные по выработке и числу рабочих позволяют ввести — методом простого деления первого на второе — прокси-показатель эффективности или производительности труда работников сектора (см. рис. 14-17).

Рис. 14. Производительность труда в химической отрасли Вятской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 15. Производительность труда в химической отрасли Оренбургской губернии, 1879–1912 гг.

Рис. 16. Производительность труда в химической отрасли Пермской губернии, 1879–1912

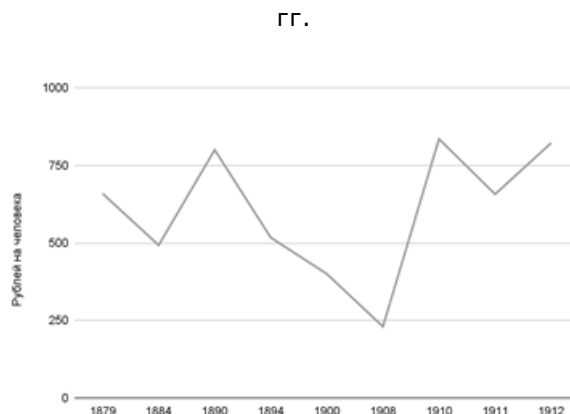

Рис. 17. Производительность труда в химической отрасли Уфимской губернии, 1879–1912 гг.

На Рис. 14 хорошо видно, что по Вятской губернии производительность стабильно – не считая 1894 г., про отсутствие данных по выработке ключевых заведений за который мы писали выше – растёт, делая заметный рывок между 1908 и 1910 гг., который, впрочем, является логичным следствием столь же резкого сокращения числа рабочих при сохранении темпов роста выработки. Заметны небольшие сокращения в периоды 1884–1890 и 1910–1911 гг., но говорить о падении всё же не приходится.

Оренбургскую губернию по понятным причинам оценивать очень сложно, но можно отметить, что на втором зафиксированном пике (напомним, что по 1910–1912 гг. нет данных по числу рабочих, хотя производства — есть) показатель ниже, чем на первом. Без цифр по последним трём годам утверждать что-либо однозначно сложно, но если предположить, что тенденция сохранилась, то можно было бы говорить об определённом усилии вопреки – каждый раз производительность ниже, но попытки поднять отрасль не прекращаются.

Пермская губерния также демонстрирует уверенное и непрерывное движение вверх по рассматриваемому показателю. График опровергает это утверждение на срезе за 1900 г., но если вернуться к данным по рабочим, можно будет обнаружить резкое сокращение их количества в 1894 г. и откат к предыдущему — и даже превышающему его — показателю в 1900 г. при, ещё шаг назад, уже к графикам выработки, старом темпе прироста выработки — на эти асинхронные колебания и реагирует уже искомый график; о реальном уровне производительности этот скачок ничего не говорит.

А вот по к Уфимской губернии говорить о падении уже можно, и неоднократном. Два небольших — между 1879 и 1884 и 1910 и 1911 гг. И одно постепенное, но значимое — на отрезке между 1890 и 1908 гг. Выше говорилось о том, что в этом регионе кризис 1900 г. не ощущается на ряде показателей, но именно производительность труда с 1900 г. ускоряет темп падения.

Как уже было сказано, в качестве своего рода лекала, накладываемого на химическую отрасль Приуральского региона, были взяты концепции А. Ю. Финн-Енотаевского, который был современником описываемых событий (используемая работа была издана в 1911 г.), и Л. Б. Кафенгауза, который имел возможность посмотреть на них уже с определённой, пусть и по-прежнему не очень большой, временной дистанции. Кафенгауз, если начать с более поздней оценки, выделяет три основные стадии:

- Период капиталистической реконструкции (1887–1900):
- Период кризиса, депрессий и замедленного роста (1901–1908):
- Предвоенный подъём (1909–1914) [\[3, с. 21\]](#).

Три ключевыми чертами первого этапа он называет: а) обосновывающее его название растущее производство предметов технического потребления, б) рост численности городского населения и реакция промышленности на новые потребительские практики и в) связь между промышленным ростом и доступностью иностранных капиталов и техники [\[3, с. 68\]](#). При этом последний фактор объясняет и отсутствие связи между динамикой промышленной жизни и урожаями — зависимость между двумя секторами хозяйства, с его точки зрения, была не очень высокой. Прослеживаются ли эти факторы в истории химической промышленности?

Техническое потребление действительно есть — к нему можно отнести предприятия и Ушкова (известь, сода, сульфат, купоросное масло) в Вятской губернии, и Любимова (сода) в Пермской. Это активно развивающиеся заводы и, выражаясь современным языком, бизнес — в обоих случаях владельцы будут расширять дело и открывать новые предприятия в других отраслях и других регионах (в Казанской или Екатеринославской губерниях, к примеру). Недаром история именно этих заведений обрстет солидным корпусом историографии.

А вот обнаружить отклик на новые запросы со стороны обывателя эпохи модернизации и урбанизации будет уже сложно. Так, если посмотреть на перечень продукции Вятской губернии в 1894 г. с точки зрения не выработки в рублях, а количества фабрик, можно будет увидеть следующий спектр наименований: восемнадцать спичечных заведений, четыре СПД, пять химических (хромовые соли, купорос медный и железный, кислоты серная и азотная, известь, глинозёмные протравы и немного красок, масло купоросное и соляное, немного масел эфирных и дубовой коры). По Пермской – двенадцать спичечных предприятий, одно СПД, пять химических (сода и натр, серная кислота, фосфор и пр.). По Уфимской — семь поташных, одно СПД и два спичечных.

Если посмотреть на те же данные уже в 1908 г., ситуация будет примерно той же. По Вятской губернии — девять спичечных предприятий, три СПД, химических — два предприятия Ушкова, спектром наименований ориентированные преимущественно на промышленность. По Пермской губернии в том же 1908 г. ситуация немного иная, но общей картины эти отличия не меняют: семь спичечных фабрик, четыре СПД, четыре чисто химических, при этом их продукция вновь нацелена в первую очередь на техническое потребление: сода, фосфор, хромпик, серная кислота. Понятно, что искать здесь определённые гибкость и реакцию на социальные изменения не приходится.

Открытым остаётся вопрос о том, почему химическая промышленность в Приуралье к 1908 г. фактически либо обслуживала другие промышленные отрасли, либо продолжала выпускать понятные, но давно уже привычные спички, ими и ограничивая интервенцию в поле повседневного потребления, как городского, так и сельского. И это при том, что Кафенгауз пишет, «...что в период 1900–1908 г. спрос на предметы непосредственного потребления рос быстрее, чем спрос на предметы производственно-технического характера, т.е. мы наблюдаем явление, обратное тому, что мы наблюдали в 90-х годах...» [\[3, с. 103\]](#).

С иностранными капиталами, про которые пишут и Л. Б. Кафенгауз, и А. Ю. Финн-

Енотаевский, вопрос интересный. П. В. Оль в своей работе [\[17\]](#) справедливо пишет, что отследить их участие в развитии отрасли можно далеко не всегда, и про их движение можно говорить преимущественно на примере акционерных предприятий, в уставе которых их участие — или даже наличие штаб-квартиры где-нибудь за рубежом — будет прописано прямым текстом. Поэтому говорить о вероятности присутствия подобных капиталов в бюджете малых или, вернее, меньших предприятий в настоящей статье представляется невозможным. Из крупных в рамках заданного региона действует уже упоминавшийся как доминирующий в своей Пермской губернии завод Любимова и Сольве — и именно с этого момента вопрос становится интересным, так как в Вятской губернии дело Ушкова развивается без участия иностранных средств, т.е., складывается ситуация, при которой есть два региона, два предприятия, схожих по своему масштабу и значимости для региона и химической отрасли империи в целом — но один опирается на капитал отечественный, другой — на иностранный. Поэтому говорить о присутствии его можно безусловно, считать же определяющим фактором развития — вряд ли. Кроме того, известно, что соляные выработки, коими являлись Березники и до выстраивания содового завода, — локация, встречающаяся не на каждом шагу, и ожидать интерес к ним со стороны стремительно растущей содовой промышленности стоило бы в любом случае. Советские авторы применительно к ним говорят даже о том, что «...концентрация рассола приближалась к насыщению, качество его превосходило все известные в то время месторождения» [\[18, с. 5\]](#). Можно, вспомнив приводимую М. Давыдовым историю про Донецко-Криворожский бассейн, обязанный своему становлению в качестве промышленного узла как подвижничеству конкретных людей, так и географическому положению, обусловившему лёгкий доступ предприятий к ресурсам [\[19\]](#), предположить, что запущен завод мог быть заметно позднее, но совсем без внимания он бы точно не остался.

И Кафенгауз, и Финн-Енотаевский (вероятно, сложно представить историка, который в принципе начал бы оспаривать этот тезис) отмечают значимость железных дорог для первого этапа модернизации Витте-Столыпина, причём речь идёт как о процессе их возведения, так и о полученном результате и их влиянии на торговлю и, как следствие, промышленность региона. Но если обычно железнодорожную горячку относят к более раннему периоду, в Приуралье даже губернские центры соединялись между собой и с остальной империей в 1880–1890-е гг., непосредственно в рассматриваемый период. И ещё в отчёте за 1894 г. пермский губернатор отмечает: «Тормозом для развития частной фабричной и заводской промышленности является отсутствие железнодорожного сообщения с внутренней Россией, вследствие чего на время зимы задерживается сбыт продуктов в торгово-промышленные центры России и заграницы» [\[20, с. 6\]](#). Примечателен комментарий про зиму, сразу акцентирующий внимание на значимости речных артерий — и, соответственно, некотором ослаблении значимости развивающейся железнодорожной сети, для стоящих на Каме заводов Ушкова и Сольве — в особенности.

Финн-Енотаевский применительно к первому периоду также пишет про концентрацию производства — и, как уже было сказано выше, она действительно наблюдается, как раз к 1900 г. в регионе остаётся примерно то же количество предприятий, на котором с ним и расстанемся в 1912 г. (30 против 26), пусть это и не значит, что речь идёт про одни и те же заводы.

Характерными особенностями кризисного периода Кафенгауз называет а) замедление развития тяжёлой промышленности, б) напротив, ускорение, особенно после 1905 г.,

развития лёгкой, потребительской отрасли и в) перебалансировку отраслей в целом (что не затронуло, впрочем, химическую, чей удельный вес остаётся практически таким же с небольшими колебаниями) [\[3, с. 118–120\]](#). Также он обращает внимание на постепенное смещение промышленных центров — и Приуралье оказывается одной из угасающих, уступающих в первую очередь южным губерниям, точек. «В общем итоге эпоха кризиса и обостренной конкуренции заставила наши промышленные предприятия, созданные в эпоху грюндерства 90-х годов, больше приспособить производства к нуждам всего народного хозяйства путем перехода от односторонней работы для транспортных и казенных заказов к работе на более широкий и более требовательный частный рынок» [\[3, с. 121\]](#), пишет он — и следует признать, что химическую отрасль заставить не вышло.

Как уже было показано выше, химическая отрасль региона и в 1890-е, и в 1900-е гг. не пыталась выйти за рамки технического производства, поэтому говорить о прикладной её составляющей фактически не приходится, хотя широкие рамки и гетерогенность химической группы производств по умолчанию предполагает обратное. В этом контексте следует проговорить тривиальную мысль: Приуралье — регион, где текстильная промышленность развита очень слабо. Если взять для примера 1908 г., она будет выглядеть следующим образом:

- Обработка хлопка: единственное на регион предприятие в Пермской губернии;
- Обработка шерсти: десять заведений в Вятской губернии, пять в Оренбургской, три в Пермской, одно в Уфимской;
- Обработка шёлка не представлена;
- Обработка льна и сопутствующие производства: пять заведений в Вятской губернии, восемь в Пермской, два в Уфимской;
- Производства т.н. V группы (разнообразные производства, носящие преимущественно декоративно-прикладной характер: шляпы, тюль, кружева, вышивка, шляпы, зонтики, клеёнки...): пять заведений в Вятской губернии и одно в Пермской.

На общем фоне сотен предприятий по империи и десятков по отдельным развитым в этой сфере губерниям показатели очень и очень скромные, в то время как именно эти отрасли оказываются стимулом и катализатором развития для химической группы производств.

Интересно расхождение в оценках революции 1905 г. и её последствий. Для Кафенгауза она оказывается скорее причиной повышения заработной платы рабочих и, потому, возможности для роста внутреннего рынка; оптика потребления для него оказывается более значимой (хотя про негативные последствия он, конечно, тоже упоминает). Для Финн-Енотаевского напротив, именно оптика производства и, соответственно, влияния — в первую очередь, разумеется, негативного — на него выходит на первый план.

Характерным чертами предвоенного подъёма с точки зрения Кафенгауза оказываются: а) «возросшие внутренние ресурсы страны и общее строительство во всех областях народного хозяйства» [\[3, с. 123\]](#) в качестве ключевых его факторов, что отличает этот период от подъёма 1890-х гг., основанном на железнодорожном строительстве и иностранном капитале (хотя как таковой он будет представлен и в эти годы), б) наличие свободных, накопленных за депрессивную фазу капиталов, в) года хороших урожаев,

теперь, ввиду первого фактора, в большей степени влияющих на промышленный рост, в том числе путём г) увеличения средств населения и, потому, «ёмкости внутреннего рынка». Также к этому можно прибавить топливный кризис и выравнивание баланса между тяжёлой и лёгкой промышленностью. Что из этого присуще региону?

Сам факт роста отмечается только в Уфимской и, отчасти, Вятской губерниях. Но Вятка — это и рост только в 1908–1910 гг., после чего показатели выработки выходят на плато, и в целом непрерывный, как уже отмечалось, подъём на протяжении всего (с рядом оговорок) рассматриваемого периода, поэтому говорить о новом его витке в этом случае не приходится. Поэтому можно заключить, что в отрыве от этих моментов химическая отрасль данной губернии действительно ложится в логику Кафенгауза. Интереснее Уфимская губерния, поскольку применительно к ней действительно можно говорить именно о положительных тенденциях, которые начинают фиксироваться со среза по 1908 г. Более того, этот рост в промежутке между 1908 и 1910 гг. (далее — плато, как и в Вятке) оказывается всего вторым отрезком с положительной динамикой, первый был отмечен между 1884 и 1890 гг. Оренбургская губерния в этот период демонстрирует не просто отсутствие роста, но, напротив, сокращение выработки. Как уже говорилось выше, технически считать этот процесс именно сокращением сложно, без уверенности в том, что в 1910 речь идёт про те же заведения, что и в 1908 г., но сухие цифры вне контекста дают именно такую характеристику. Пермская губерния на последних срезах тоже внезапно сокращает выработку и в шаблон положительной динамики не укладывается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводами исследования можно считать следующие наблюдения и размышления.

Говорить о приуральских губерниях как о едином регионе в контексте развития химической отрасли невозможно. Есть выделяемая нами отдельно Камская подгруппа (Вятская и Пермская губернии; Оренбургская также оказывается на пути следования этой реки, но её химическая промышленность к ней отношения уже не имеет), в которой отрасль уверенно развивается благодаря двум локомотивам — предприятиям Ушкова и Любимова, окружённых плеядой заводов меньшего размера, — и есть две другие губернии, в которых отрасль представлена, но скромнее по спектру вырабатываемой продукции, меньше по сумме выработки, а в случае с Оренбургской губернией — так и в принципе не на всех взятых срезах;

Возможно, чуть ближе к истине — для химической, опять же, промышленности — будет способ районирования, к которому обращается в другой, не той, к которой обращались при работе над этим текстом, работе В. Варзар, в которой к четырём губерниям присоединяется пятая, Казанская (и называться этот регион будет уже не «Приуральским», а «Восточным»). Пропасть между прежними губерниями не исчезнет, но можно предположить, что Казанская — так же Камская и так же с заводами Ушкова — будет ближе к первой приуральской подгруппе, в то время как в настоящем тексте она в принципе вынесена за скобки нашего внимания;

Несмотря на вышесказанное нельзя не заметить, что (при)уральский регион достаточно часто рассматривается в совокупности [\[21\]](#), и химическая дивергенция может служить в большей степени характеристикой самой химической отрасли, чем региона. В скобках можно заметить, что когда о ней будет писать Кафенгауз, он в принципе не будет уточнять границу между субъектами империи [\[3, с. 46\]](#);

Камскую подгруппу по большинству показателей вытягивают именно два (три технически, но заводы Ушкова мы рассматриваем часто как единое целое ввиду единых подходов к управлению ими) крупных предприятия. Фактически, говоря про эти губернии, говорим именно про эти заводы, что не отменяет присутствия иных заметных предприятий и владельцев, которые, однако, не дали бы такое расхождение с двумя другими губерниями в одиночку, без Любимова и Ушкова;

Почему эти заводы были основаны именно в этих губерниях и могли ли они появиться в Оренбургской или Уфимской губерниях — вопрос отдельный, если учесть, например, что Березники возникли на месте старой соляной разработки, есть вероятность и отрицательного, обусловленного геологическими, а не социально-экономическими особенностями региона, ответа.

Говорить о соответствии двух лидирующих губерний выбранному шаблону также не приходится или приходится лишь отчасти. Оценки и характеристики последнего этапа, с 1904 года и дальше, могут незначительно варьироваться, но, так или иначе, они не подразумевают того уверенного роста с незначительным плато уже в 1910-х гг., который показывает Вятская губерния, и того роста, что вплоть до 1908 г. непрерывно демонстрирует Пермская губерния, пусть после она и демонстрирует сокращение процентов на двадцать по выработке в деньгах. Обозначить эффект от промышленного кризиса 1900 г., соответственно, также оказывается затруднительно: даже если учитывать, что в корпусе источников 1908 г. шёл сразу за 1900, показатели первого точно нельзя назвать стагнацией по отношению ко второму, что было характерно для многих отраслей имперской промышленности, о чём пишет, например, Кафенгауз.

Отсутствие ярко выраженной реакции на кризис, приводит к несоответствию модели и на следующем этапе — предвоенный подъём не только не фиксируется, но напротив, фактически вместо него можно говорить либо о падении и выходе на плато (Пермская губерния, 1908–1912), либо о позитивных, но малозаметных колебаниях (Вятская и Уфимская губернии, 1910–1912), либо даже о падении (Оренбургская губерния, 1908–1912).

В то же время, динамика числа предприятий оказывается моделям послушна — их количество по всем, если не считать мерцающей химической отрасли Оренбургской, губерниям будет неуклонно сокращаться. В каких-то случаях, конечно, речь будет идти и об источниковедческих сюжетах, но в целом тенденция к сокращению общего числа фабрик и игроков на каждом конкретном продуктовом поле будет явной.

Несмотря на их размеры, можно предположить, что несоответствие шаблонам можно рассматривать в качестве своего рода статистической погрешности. Как уже было сказано выше, динамика химической промышленности выбранного регионов — это динамика конкретных предприятий по производству конкретной продукции, и если она оказывается, по тем или иным причинам, подчинена иным правилам, иным правилам оказываются подчинены губернии как таковые.

Определённые факторы, приводимые в работах Финн-Енотаевского, прослеживаются в рассматриваемом регионе. Так, например, сеть железных дорог возводилась, связывая губернские центры между собой и регион в целом с остальными частями империи, в последние двадцать лет XIX столетия, позже, чем в ряде других регионов страны, но аккуратно в описываемый период. Однако говорить однозначно про их эффект оказывается сложно, поскольку ключевые предприятия отрасли стоят на реках.

Некоторые факторы, однако, следует признать не принципиальными. Так, к примеру,

завод Любимова и Сольве — наглядный пример присутствия иностранного капитала, его значимости для развития отечественной промышленности; «империя Ушкова», как её часто называют, напротив, была выстроена без его привлечения. При этом оба предприятия оказываются ключевыми для своих регионов. В то же время нельзя не отметить, что иностранный капитал оказывается хорошим маркером включённости — и через химическую отрасль промышленности в том числе — Российской империи в процессы глобализации, которые в историографии называют «беспрецедентными» [\[22, с. 171\]](#). и сопоставление эффективности отдельных заводов на этом фоне оказывается уже не столь значимым.

Библиография

1. ЭСБЕ/Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%BD%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D1%8B_%D0%BF%D0%BE_%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%B8_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BC (дата обращения 19.09.2024).
2. Финн-Енотаевский А. Ю. Современное хозяйство России (1890–1910). СПб.: Изд-во М. И. Семёнова, 1911.
3. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России с 1887 по 1926/1927 г. // Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Эпифания, 1994.
4. Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в. М.: Наука, 1976.
5. Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910–1912 гг. / [Под ред. А.П. Якимова, К.И. Борзенко и др.]. Вып. 5 «Химические производства»; М-во торг. и пром. – Петроград : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914.
6. Бражникова А. С. О достоверности статистических данных, представленных в отчетах оренбургского губернатора 70-х гг. XIX в. // Клио. 2014. № 1(85). С. 64–65.
7. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Цар. Польским и Вел. княж. Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1881.
8. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики. – Изд. 2-е, испр. и знач. доп. СПб.: Тип. Р. Голике, 1887.
9. Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России: материалы для фабрично-заводской статистики. – Изд. 3-е, испр. и значит. доп. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894.
10. Михайловский В. И., Ланговой Н. П. Перечень фабрик и заводов. СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1897.
11. Варзар В. Е. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1903.
12. Варзар В. Е. Список фабрик и заводов Российской империи. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912.
13. Статистика акционерного дела России. СПб.: Типография т-ва «Печатное дело, 1913.

14. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1911 год. – Оренбург: Губ. тип., 1913.
15. ЭСБЕ/ Оренбургская губерния. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 19.09.2024).
16. Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. – Пермь: Электро-тип. губ. земства, 1896.
17. Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л.: Комиссия при Всесоюзной академии наук, 1925.
18. Вагнер Н. Н. Трудовое столетие содовиков. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1983.
19. Давыдов М. А. Модернизация Витте-Столыпина и её специфика. Вопросы теоретической экономики. 2017. №1. С. 109–131.
20. Обзор Пермской губернии за 1894 год. – Пермь: Типо-лит. губ. правления, 1895.
21. Воронцов В. П. Очерки экономического строя России. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1906.
22. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870 – наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Великие реформы Александра II оказали столь большое влияние на повседневную жизнь российского общества, что по отношению к ним дореволюционные историки выделяли дореформенный и пореформенный периоды. Действительно, те процессы, которые начались в 1860-е гг. оказали огромное влияние на модернизацию российской экономики, вызвав бурный рост целого ряда отраслей. В современных условиях представляется важным обратить внимание на исторический опыт развития отраслей экономики в условиях модернизации.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи. Автор ставит своими задачами проанализировать базовые показатели химической промышленности в Приуральском регионе, а также определить причины подъема химической промышленности перед Первой мировой войной. Хронологические рамки исследования охватывают период дореволюционной модернизации России.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в

себя 22 различных источника и исследования. Из привлекаемых автором источников укажем на указатели промышленных предприятий Российской империи, издававшие в конце XIX – начале XX вв., а также на губернские отчеты. Из используемых исследований отметим труды

А,Ю. Финн-Енотаевского, Л.Б. Кафенгауза, Ю.Я. Рыбакова, М.А. Давыдова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения пореформенной российской промышленности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как российской промышленностью в конце XIX – начале XX вв., в целом, так и химической промышленностью, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в контексте анализа российской модернизации конца XIX – начала XX вв. химическая промышленность заслуживает специального рассмотрения, поскольку является примером одной из наиболее динамично развивающихся отраслей». Автор фокусирует внимание «на трёх базовых показателях химической промышленности в Приуральском регионе: годовая выработка в денежном эквиваленте, количество предприятий и численность занятых на них работников, к которым будет добавлен рассчитываемый через них же прокси-показатель производительности труда». В работе отмечается, что «химическая отрасль региона и в 1890-е, и в 1900-е гг. не пыталась выйти за рамки технического производства, поэтому говорить о прикладной её составляющей фактически не приходится, хотя широкие рамки и гетерогенность химической группы производств по умолчанию предполагает обратное».

Главным выводом статьи является то, что «говорить о приуральских губерниях как о едином регионе в контексте развития химической отрасли невозможно».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 17 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечание: в названии статьи имеется опечатка: Становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина.

После исправления указанного замечания статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

Предмет исследования становление и развитие химической промышленности в приуральских губерниях Российской империи в контексте модернизации Витте-Столыпина в 1879-1912 гг. Методология исследования базируется на принципах объективности,

системности, научности и историзма. В работе использованы методы статистики и специальные исторические методы: историко-хронологический, историко-сравнительный и другие. Актуальность. В статье рассматривается концепция П.П. Семенова, который выделил в России макрорегион - Приуральская группа, включающую Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии. И эту классификацию с некоторыми изменениями брали за основу статистические органы России в конце XIX - начале XX в. В статье рассматривается история формирования и развития химической отрасли в Приуральском регионе Российской империи в контексте модернизационных процессов конца XIX — начала XX веков. В настоящее время Россия в очередной раз взяла курс на модернизацию страны и проблема формирования макрорегионов для развития экономики страны стала актуальной задачей. Опыт развития химической отрасли страны в определенном макрорегионе представляется актуальным с теоретической и практической точки зрения. Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна статьи определяется также тем, что в статье всестороннее и глубоко исследуется развитие химической промышленности, которая наиболее динамично развивалась в исследуемый период. В статье автор рассматривает развитие химической промышленности в более расширенном варианте, чем принято, включив в нее химические и красочные, косметические, селитренные, сухой перегонки дерева (СПД), лаковые и сургучные, поташные, спичечные, смазочных масел и пороховые и т.д. Новизна работы определяется также тем, что она построена на широком комплексе источников. Первая группа источников - это Источники, лежащие в основе данного исследования, представляют собой указатели промышленных предприятий Российской империи конца XIX - начала XX вв., составленные разными авторами и с разными шаблонами. Автор ориентируется при исследовании на количество предприятий, стоимость продукции за год и численность рабочих, производительность труда и другие показатели. Вторая группа источников - губернаторские отчеты (использованы выборочно), а также другие источники.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный с элементами описательности. Структура направлена на достижение цели и задач работы. В статье автор сфокусировал свое исследование на трёх базовых показателях химической промышленности в Приуральском регионе: годовая выработка в денежном эквиваленте, количество предприятий и численность занятых на них работников, к которым добавил рассчитываемый через них же прокси-показатель производительности труда в определенные хронологические периоды. В тексте статьи много интересных данных и материалов по анализируемым показателям, показывающие как развивалась промышленность и как это все можно трактовать с учетом выделенного макрорегиона и т.д. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В заключении автор приводит объективные выводы и отмечает, что как показывает анализ приуральские губернии не были единым регионом в контексте развития химической отрасли и приводит свои доводы.

Библиография работы состоит из 22 источников по теме исследования и смежным темам и показывает, что автор рецензируемой статьи очень хорошо знает предмет исследования. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации и также представлена в библиографии. Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную и актуальную тему и будет востребована специалистами и широким кругом читателей, интересующихся историей развития промышленности в России в конце XIX - начале XX века.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Козлова Д.И. Представления о правителе-меценате в посвящениях немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75495 EDN: LWIGXR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75495

Представления о правителе-меценате в посвящениях немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому

Козлова Дарья Игоревна

ORCID: 0009-0003-2268-7421

аспирант, Исторический факультет, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ darya.koslova@mail.ru

[Статья из рубрики "История и литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75495

EDN:

LWIGXR

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Дата публикации:

14-08-2025

Аннотация: В статье исследуются представления о фигуре правителя-мецената, засвидетельствованные в книжных посвящениях – особом историческом источнике, наиболее распространенном в XVI-XVII вв. Для исследования были отобраны посвящения от немецких литераторов к князю Людвигу (1579–1650), правителю небольшого центрально-германского княжества Ангальт-Кётен. Хронологические рамки исследования связаны с Тридцатилетней войной (1618–1648), временем наиболее активной деятельности князя в рамках основанной им в 1617 г. первой немецкой академии – просветительского «Плодоносящего общества», участниками которого стали самые выдающиеся поэты и писатели эпохи барокко, такие как М. Опиц, Ю. Г. Шоттель и Г. Ф. Гарсдёрффер. Основными источниками исследования статьи являются документы

личного происхождения – книжные посвящения и корреспонденция князя Людвиг Ангальт-Кётенского с литераторами. Характер источников и цель исследования, связанная с анализом восприятия князя Людвиг современниками, определяют подход к заявленной теме: работа основана на методологии «интеллектуальной истории», разработанной Л. П. Репиной, и социальной истории. Главным образом, в историографии освещена деятельность князя Людвиг, как правителя и главы Плодоносящего общества, а специальной литературы, изучающей его восприятие, как мецената, фактически не существует. Книжные посвящения – довольно специфический источник, в котором князь предстает в образе идеального мецената, в связи с чем, судить по ним о его личности можно лишь условно. Тем не менее, такие обращения содержат важную информацию о социальном статусе князя Людвиг. В статье сделан вывод о том, что благодаря преемственности в традициях написания посвящений, ведущих начало от первого текста такого типа к князю Людвигу – от поэта Мартина Опица в 1625 г., в кругу немецких интеллектуалов стал формироваться образ «идеального мецената», высокообразованного монарха, способного по достоинству оценить творчество литераторов и оказать поддержку в издательстве и поиске других состоятельных покровителей. Взамен литераторы обещали князю-меценату свою службу и возможность даровать его деяниям истинное бессмертие – запечатлеть их в своем творчестве и, тем самым, сохранить о них вечную память.

Ключевые слова:

Германия, Ангальт, Тридцатилетняя война, Плодоносящее общество, барокко, меценатство, патриотизм, литература, издательство, посвящения

В истории культуры Священной Римской империи германской нации XVII века особая роль принадлежит Асканиям, князьям из Ангальта — небольшого центрально-германского княжества, разделившегося на рубеже XVI-XVII вв. на несколько частей. Пик их меценатской деятельности совпал с трагической страницей в истории Германии — Тридцатилетней войной (1618-1648). Вопреки её разрушениям этот период стал временем широкой деятельности одного из главных меценатов Ангальта — князя Людвиг Ангальт-Кётенского (1579-1650). Большую часть своей жизни он посвятил руководству языковым «Плодоносящим обществом», основанным в 1617 г. Это была первая в империи «академия», научно-просветительская аристократическая организация [2, с. 173; 9, с. 17-32]. В программу общества, написанную князем Людвигом, были положены идеи общенемецкого патриотизма, «любви, добродетельности и учтивости, в первую очередь, по отношению к Отечеству» [18, с. 5], необходимости развития литературного немецкого языка, борьбы с иностранным влиянием в речи и формах общественного поведения. Князь Людвиг стремился поддерживать в первую очередь тех, кто культивировал немецкий литературный язык и выдвигал идеи любви к Отечеству [8].

Целью данной статьи является изучение представлений о правителе-меценате в среде немецких литераторов в период Тридцатилетней войны на примере их посвящений к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому. При нём в Плодоносящее общество вступило множество талантливых деятелей, которых он нанимал для выполнения заказов на свои различные «проекты» и оказывал им покровительство — художники, педагоги, ученые-лингвисты и грамматик. Однако в центре внимания меценатской деятельности князя находились литераторы. Он сотрудничал с самыми известными поэтами и писателями

эпохи барокко — Мартином Опицем, Филиппом фон Цезеном, Георгом Филиппом Гарсдёрффером, Юстусом Георгом Шоттелем и другими.

В немецкой историографии, разумеется, есть работы, посвященные истории правления ангальтских князей [\[22, 23, 24, 25, 48, 49, 50, 51, 61, 77\]](#) и отдельно князю Людвигу [\[37, 58\]](#). В самых ранних трудах, относящихся к XIX в., князь Людвиг фигурировал, в первую очередь, как основатель Плодоносящего общества. Причем оно рассматривалось, как исключительно патриотическая языковая организация, члены которой «занимались переводом иностранных произведений на немецкий язык» [\[50, с. 140\]](#). Взаимодействие князя Людвига с литераторами отчасти рассматривается в работах, посвященных деятельности языковых обществ XVII в. [\[42 54 55 66 74\]](#). Однако их восприятие князя Людвига, как мецената, целенаправленно прежде еще не изучалось. Пожалуй, наиболее вероятным объяснением этому является то, что его фигура в значительной степени оттенена исследованиями по истории Плодоносящего общества [\[20 21 38 56\]](#). Оно представлено в современных исследованиях, как светская патриотическая организация, в которой главную роль играли представители протестантской правящей элиты. К тому же, как отмечают историки Георг Шмидт и Андреас Херц литературными переводами и «культивированием языка», в соответствии с программой, занимались очень немногие его участники [\[52; 71, с. 9, 14-15\]](#). Таким образом, центральное место в историографии занимает деятельность князя Людвига, как правителя и главы патриотической организации, а специальной литературы, изучающей фигуру князя Людвига, как мецената, и его восприятие современниками — немецкими поэтами и писателями фактически не существует.

Предметом исследования статьи являются посвящения к князю Людвигу, позволяющие исследовать представления об образе правителя — покровителя искусств в годы Тридцатилетней войны. Посвящения литераторов к правителям представляют собой особый тип исторических источников. В XVI-XVII вв. почти в каждом издании литературного произведения имелось обращение к высокопоставленному лицу. Оно было такой же неотъемлемой частью в структуре книги эпохи барокко, как титульный лист, девиз и предисловие, и помещалось либо перед последним, либо внутри него [\[39, с. 871-885; 43, с. 164\]](#).

Первым примером такого обращения среди немецких литераторов в первой половине XVII века стало посвящение поэта Мартина Опица к князю Людвигу в 1625 г. [\[76, с. 92; 78, с. 507\]](#). Именно на него впоследствии ориентировались другие поэты при обращении к меценату — в частности, Юстус Георг Шоттель, Иоганн Мошерош, а также Кристиан Гайнц в одном из своих писем. Для исследования были привлечены, во-первых, посвящения отдельно к князю Людвигу: сборника стихов Мартина Опица «Восемь книг немецкой поэзии» (1625 г.) [\[65, с. 5-15\]](#), научного труда Юстуса Георга Шоттеля «Введение в немецкий язык» (1643 г.) [\[72, с. 3-13\]](#), книги о Плодоносящем обществе Карла Густава фон Хилле «Немецкая пальма» (1647 г.) [\[53, с. 29-36\]](#), третьего тома поэтического сборника Филиппа фон Цезена «Немецкий Геликон» (1649 г.) [\[79, с. 3-4\]](#), книги эмблем Франца Юлиуса фон дем Кнезебека «Три постоянных символа» (1643 г.) [\[57, с. 9-13\]](#). Во-вторых, посвящения ко всему Плодоносящему обществу и князю Людвигу, как его главе: двух частей «Разговорных игр для дам» Георга Филиппа Гарсдёрффера — первой (1641 г.) и третьей (1643 г.) [\[45, с. 6-9; 46, с. 7-9\]](#), аллегорической пьесы Иоганна Риста «Миролюбивая Германия» (1649 г.) [\[68, с. 12-18\]](#) и переиздания сборника сатирических

рассказов Иоганна Мошероша «Видения Филандера фон Зиттевальда» (1650 г.)[\[64, с. 1-10\]](#).

Книжное посвящение в XVII в. создавалось либо в поиске покровительства (среди отобранных для рассмотрения в данной статье это обращения Опица 1625 г. и Гарсдёрффера 1641 г.), либо в качестве благодарности за оказанное расположение (все остальные)[\[15, с. 82; 34, с. 3-4\]](#). Такие посвящения были, главным образом, направлены на то, чтобы поставить публику в известность о сотрудничестве между литератором и его адресатом-меценатом, и, таким образом, расположить читателя к себе и своему произведению[\[73, с. 600\]](#). Центральной темой каждого из подобных посвящений было восхваление покровителя, описание его добродетелей и достижений. Литераторы очень серьезно подходили к составлению обращений, проделывали работу, чтобы узнать полное имя, титулы, заслуги адресата, о чем можно судить по переписке Мартина Опица[\[26, с. 438-439, 452\]](#). Подобные литературные посвящения отличает высокопарная манера, граничащая с лестью. Однако существовало обязательное условие, чтобы похвала была уместной и правдивой, иначе обращение могло вызвать неудовольствие адресата[\[73, с. 130\]](#). Все посвящения небольшие по размеру — от одной до десяти страниц. Краткость была обязательным условием, в соответствии с придворным этикетом и представлением, что долго отвлекать высокопоставленное лицо неучтиво: как писал Мошерош, поскольку «князья принадлежат княжеским делам»[\[64, с. 6\]](#). Однако несмотря на небольшой размер, такие источники содержат ценную информацию о том, что представлял собой немецкий князь-меценат в исследуемую эпоху в глазах литераторов, ввиду того, что именно в посвящениях они подробно восхваляли, благодарили адресата и описывали свои ожидания к нему, как покровителю.

Помимо книжных посвящений для исследования были привлечены корреспонденция князя Людвиг с литераторами, а также официально-деловые документы Плодоносящего общества. Подход к теме статьи определяется с помощью методологического инструментария «интеллектуальной истории», разработанного Л. П. Репиной. Именно интеллектуальная среда эпохи Тридцатилетней войны определяла образ жизни немецких интеллектуалов и аристократов, формируя особую «интеллектуальную культуру», отраженную в устной и письменной речи[\[12, с. 8\]](#). Для объективного исследования представлений, характерных различным слоям немецкого общества в первой половине XVII в., необходимо рассматривать тексты источников, как отражение «интеллектуального климата» этого периода. Для изучения, насколько типичными или уникальными являлись те или иные представления о правителе-меценате в рамках данного социума, необходимо также учитывать методологию социальной истории[\[13, с. 408\]](#). Изучение представлений о князе Людвиге, как меценате, предполагает составление в данной статье социологической персонификации фигуры правителя — покровителя искусств.

В эпоху Тридцатилетней войны, как и всего раннего нового времени в целом, покровительство деятелям культуры было характерно для большинства немецких правителей. Меценатство было не только «хорошим тоном», но и частью политической стратегии по укреплению собственного государства: привлекая к себе деятелей искусств, правители способствовали и репрезентации своей власти, поднимали собственный авторитет[\[10, с. 248; 4, с. 300-301; 14, с. 6; 17, с. 56\]](#). В этом ключе поддержка наук и искусств стала обязательным аспектом политики и репрезентации власти. В то же время, на занятие меценатством князя Людвиге оказали влияние господствующие в

обществе в этот период духовно-нравственные идеалы — гуманистические культурные ценности, внимание к наукам и искусствам, образованию и просветительской деятельности [\[10, с. 235-236\]](#). В целом, все ангальтские князья имели отличное образование и на протяжении всей жизни уделяли большое внимание изучению языков, наук и искусств [\[50, с. 130\]](#). Людвиг Ангальт-Кётенский в молодости путешествовал около десяти лет, посетив ряд стран Европы, в том числе Англию, Францию, Нидерланды [\[58, с. 22; 70\]](#). Определяющее влияние на его художественный вкус оказало длительное пребывание в Италии (в течение шести лет), где он учился в Болонском университете, посетил двор флорентийских правителей Медичи, в 1600 г. был принят в Академию делла Круска и работал над её первым словарем [\[26, с. 187-189, 225-226; 32, с. 689\]](#). Князь Людвиг был искренне увлечен литературным творчеством и сам работал над довольно масштабными произведениями. Кроме большого числа стихотворений на немецком языке, он написал дидактическую поэму «Краткая история о вымышленном Купидине» (1637 г.) [\[29, с. 233-234\]](#), перевел с латинского «Христианского Сенеку» (1648 г.) [\[33, с. 456\]](#) и «Книгу Иова» (1638 г.), переложив второй на около 7000 александрийских стихов [\[30, с. 203\]](#); перевел с французского исторический роман «История великого императора Тамерлана» Жана Дю Бек-Креспена (1639 г.) [\[29, с. 417\]](#), «Священное описание мира» Поля Геслина и поэму «Мудрый старец» Симона Гуларта (1643 г.); а также переложил на немецкий язык ряд произведений с итальянского — «Триумфы» Петрарки (1643 г.) [\[31, с. 735\]](#), «Преследуемый Давид» (1643 г.) и «Ромул и Тарквиний» (1647 г.) Вирджилио Мальвецци [\[33, с. 324-325\]](#), «Венценосный Давид» Петра Вермильи (1648 г.) [\[33, с. 654\]](#).

В связи с этим, в посвящениях литераторов князь Людвиг фигурировал не только как «покровитель и защитник немецкого языка» [\[65, с. 11; 29, с. 723-724; 31, с. 524, 540\]](#), но единственный, кто может оценить по достоинству и «судить наиболее разумно» литературное творчество [\[68, с. 14\]](#). Наряду с ангальтскими поэтами Тобиасом Хюбнером и Дидерихом фон дем Вердером князь Людвиг носил неформальное звание «мастера рифм» [\[27, с. 14, 288-290\]](#) среди поэтов княжества Ангальт, а князь Кристиан II Ангальт-Бернбургский называл его «нашим Вергилием» [\[27, с. 212\]](#).

В свою очередь, литераторы, которым князь Людвиг оказывал поддержку, имели довольно неоднородное происхождение и образ жизни. Среди них были выходцы из аристократов (Т. Хюбнер, Д. фон дем Вердер, Ф. фон Шиллинг), из семей церковнослужителей протестантского толка (Ф. Цезен, Ю. Г. Шоттель, И. Рист, К. Гайнц), патрициата (И. Мошерош, Г. Ф. Гарсдёрффер, Г. Ф. Гейдер) и верхушки образованного бюргерства (М. Опиц). Все они имели и начальное школьное, и университетское образование, полученное как в немецких университетах, так и в ведущих европейских — Нидерландов и Италии. По образованию среди подопечных ангальтских князей были юристы (М. Опиц, Г. Ф. Гарсдёрффер, И. Мошерош, Т. Хюбнер), теологи (И. Рист), филологи и лингвисты (А. Бюхнер, Ф. Цезен, Ю. Шоттель). Именно образование определяло их основную деятельность. Никто из литераторов, которым покровительствовали ангальтские князья, не занимался исключительно творческой деятельностью. Например, Мартин Опиц с 1626 г. служил секретарем графа Карла Ганнибала фон Дона (причем называя его своим «меценатом») [\[27, с. 159; 28, с. 357-360, 462\]](#); имели военную карьеру и должности советников при княжеских дворах Тобиас Хюбнер (в Ангальт-Дессау) [\[28, с. 640\]](#), Дидерих фон дем Вердер (в Гессен-Касселе и Бранденбурге) [\[30, с. 553; 32, с. 803-806\]](#) и Ганс Филипп фон Гейдер (с 1636 г. в Ангальт-

Бернбурге) [36]; Георг Гарсдёрффер и Иоганн Мошерош имели юридическую карьеру [44, с. 166-168; 62, с. 704]; Иоганн Рист служил проповедником и домашним учителем [40, с. 646]; Фридрих фон Шиллинг был воспитателем сына князя Людвига, а затем гофмаршалом и советником в Кётене [36]; Филипп фон Цезен работал переводчиком и корректором в разных издательствах [67]. Таким образом, все литераторы, которым покровительствовал князь Людвиг, сочетали творческую деятельность с некой службой. С одной стороны, это объяснялось тем, что в этот период литература для многих образованных людей была лишь досугом, в первую очередь, для аристократов [1; 63, с. 74-99] — например, для Вердера, Хюбнера и Шиллинга. В соответствии с традициями воспитания, аристократы изучали иностранные и древние языки, многие занимались стихосложением — эти занятия были частью образа жизни высших слоев немецкого общества. С другой стороны, для литераторов незнатного происхождения сочетание занятия искусством с некой работой было во многом вынужденной практикой. Литературное творчество не приносило достаточного дохода, в связи с чем, поэты и писатели поступали на службу, чтобы иметь средства к существованию [6, с. 144; 7, с. 264]. Однако именно в таком случае можно судить, что это были в значении, приближенном к современному, литераторы-профессионалы, для которых литературное творчество было настоящим «призванием». В первую очередь, это касается Опица, Мошероша, Гарсдёрффера и Цезена [67]. Именно эти деятели, а не поэты-аристократы Вердер или Хюбнер вошли в историю немецкой литературы, как выдающиеся поэты эпохи Тридцатилетней войны [4, с. 304-305; 5, с. 61-90; 11, с. 311-312], и именно для них поддержка меценатов была особенно важна, что они пытались обосновать в своих посвящениях к князю Людвигу.

В связи с этим, первое обращение этого периода от Мартина Опица даже называют неформальной «программой концепции меценатства Опица», ставшей образцовой в жанре книжных посвящений в XVII в [76, с. 92; 78, с. 507]. Как объясняет Габриэль Шрамм в книге «Посвящение, читатель и драма», поскольку обращения публиковались, они не только объявляли придворному обществу об установленных отношениях с покровителем, но также являлись своего рода неформальными «договорами» или программами, в которых обращающийся писал не только о своих обещаниях и обязанностях, как подопечного, но и пожелания к деятельности самого покровителя [73]. Разумеется, такие посвящения отражали не реалии, а скорее идеальный вариант — то, каким меценатство должно быть, по мнению литераторов. Акцент в них был сделан на идеальном образе адресата. Литераторы стремились подчеркнуть исключительность князя Людвига, как образцового правителя [33, с. 452-453], выражали солидарность с программой Плодоносящего общества, идеями борьбы с иностранным влиянием [31, с. 190] и желание служить своим творчеством на благо Отечества [32, с. 927]. В свою очередь, говоря о себе и описывая свои качества и достижения, литераторы непременно использовали эпитеты «малый» [31, с. 540-544; 68, с. 17; 79, с. 4], «скромный» [29, с. 385; 31, с. 189-190], «смиранный» [33, с. 452-453], «недостойный» и «незаслуженный» [33, с. 412, 452-453; 68, с. 18], «обделенный красноречием» [31, с. 648]; постоянно подчеркивали свою преданность, покорность, готовность «с усердием» и «величайшей осторожностью» служить интересам и целям мецената [29, с. 364, 381, 385; 31, с. 189-190; 33, с. 225, 412, 452-453, 567; 68, с. 18; 79, с. 3-4], учиться [31, с. 428-430] и следовать «всем наставлениям и приказам» [29, с. 364; 32, с. 927]. Такая уничижительная манера была данью формату посвящения.

Однако, объясняя необходимость для князя Людвига взять их под покровительство,

вслед за Опицем многие литераторы апеллировали к взаимозависимости развития наук и искусств и процветания государств и доказывали, что правители также нуждаются в литераторах [\[29, с. 723-724; 65, с. 5-11; 72, с. 3-13\]](#). Почти все они при обосновании своей важной роли в государстве неоднократно ссылались на стремление всех монархов к бессмертию в памяти потомков [\[65, с. 5-6\]](#): этот аргумент использовали Мошерош, Шоттель, Хилле, Кнезебек и Рист [\[31, с. 190, 524, 540; 53, с. 32; 68, с. 13\]](#). Опиц писал, что именно поэзия обеспечивает бессмертие, поскольку та «переживет и дворцы, и гробницы, и крепости, и города» [\[65, с. 14\]](#). Продолжал эту мысль Мошерош, по выражению которого только «искусство способно создать неувядаемые цветы и плоды» [\[31, с. 580\]](#). Поэт писал — в масштабах вечности «перо может сделать больше, чем меч», оно «одно парит наверху, и то, что им создано, остается, пока стоит мир» [\[64, с. 10\]](#). Гарсдёрффер добавлял в одном из писем, посвященных дискуссии о роли поэтов в государстве, что без них «ни один язык нельзя выучить в совершенстве» и правильно говорить на нём, указывая тут же на роль поэзии в образовании — «пьесы служат для обучения неграмотных людей, трагедии воспитывают князей» [\[32, с. 674\]](#). Таким образом, литераторы доказывали свою незаменимость для правителей, во-первых, способностью своим творчеством «даровать» им бессмертие, во-вторых, своей ролью, как главных учителей и воспитателей. Таким образом, восхваление мецената в посвящениях литераторов предполагало также просьбу и обоснование для покровительства.

Взамен литераторы, разумеется, желали материального вознаграждения. Опиц писал: «когда искусства вознаграждаются и почитаются / они имеют тенденцию расти / если бы добродетель была безвозмездной / кого бы не раздражал тяжелый труд?» [\[65, с. 13\]](#). Кроме того, они искали поощрения для продолжения своей работы [\[26, с. 154, 270; 27, с. 428\]](#). Они подчеркивали, что одобрение мецената для них очень важно [\[30, с. 292; 31, с. 540\]](#). В условиях разрушительной войны и охватившего немецкое общество духовного кризиса, повлиявших на резкое падение количества издаваемых книг [\[4, с. 301; 16, с. 74\]](#), публиковаться было особенно трудно, а потому была так необходима поддержка покровителей. Например, члены Плодоносящего общества могли издавать на льготных условиях свои сочинения в издательстве, открытом князем Людвигом в Кётене в 1617 г. Литераторы выражали благодарность князю Людвигу за то, что «в такие беспокойные времена, на фоне лишений и критики», они нашли опору и смысл, направление для дальнейшей литературной деятельности в выполнении «святого дела» Плодоносящего общества [\[64, с. 5\]](#).

Более того, покровительство князя Людвига имело большое престижное значение для литераторов, поскольку он был главой знаменитого Плодоносящего общества. Репутация литераторов зависела от знатности их покровителей, причем, чем выше статус патрона и чем больше их количество, тем выше авторитет самого подопечного [\[17, с. 119; 47, с. 566; 60, с. 144\]](#). В связи с этим, Гарсдёрффер, Мошерош и Рист обращались в своих посвящениях ко всему Плодоносящему обществу, а не только к одному князю Людвигу, его главе. Принятие в такую знаменитую и влиятельную в интеллектуальных кругах организацию означало, что способности того или иного деятеля были оценены по достоинству. Вопросы престижа были чрезвычайно важны для литераторов, поскольку они представляли собой довольно замкнутую и малочисленную группу в эпоху Тридцатилетней войны [\[7, с. 264\]](#). Тем более, в связи с быстрым ростом числа членов Плодоносящего общества (к 1649 г. оно составляло 527 человека [\[32, с. 15\]](#)) при приеме

новых участников был объявлен строгий отбор [27, S. 212, 220]. Для немецких интеллектуалов вступление в Плодоносящее общество — главный проект князя Людвиг — позволяло получить доступ в особое социальное пространство для сотрудничества с людьми разного статуса. Как писал Опиц, главная цель поэта — «искать благосклонности и расположения знатных людей» [65, с. 5], которых среди членов общества было множество.

Тридцатилетняя война стала катализатором крушения традиционных социальных ориентиров, постепенной трансформации сословного строя [3, с. 290; 4, с. 4-5]. Под воздействием «кризиса XVII века» [19; 35, с. 28; 41; 59; 75] и военных действий, приведшей к разорению большей части немецких земель и ухудшению финансового положения их жителей, немецкое общество охватил глубокий духовный кризис, повлиявший на упадок немецкой науки и искусств [4, с. 301; 10, с. 453-465; 11, с. 312; 16, с. 74]. В этих обстоятельствах деятели культуры находились в отчаянном поиске некоей социальной опоры. Элементом стабилизации для них стала поддержка высокопоставленных меценатов. На фоне упадка многих немецких городов и университетов княжеские дворы в годы Тридцатилетней войны были главными центрами культурной жизни [4, с. 300], поэтому для деятелей искусства и науки наиболее желанным было найти покровительство в придворном обществе, иметь доступ в высшие круги.

Подводя итог, меценатская деятельность князя Людвиг, правителя небольшого немецкого княжества Ангальт-Кётен стала своеобразным культурным символом эпохи барокко в Германии. Он был инициатором создания первой общегерманской научно-просветительской организации — Плодоносящего общества, объединившего многих выдающихся немецких интеллектуалов. Князь Людвиг внес неоценимый вклад в развитие немецкого барокко, собирая вокруг себя деятелей культуры и покровительствуя различным начинаниям в сфере искусства, в первую очередь поэзии. Искусство очень много значило для князя Людвиг, он был искренне им увлечен и сам занимался творческой деятельностью. Благодаря взаимоотношениям князя Людвиг с литераторами, в немецкой культуре начал формироваться образ «идеального мецената», «покровителя искусств и защитника муз» [29, с. 723-724; 31, с. 524, 540; 65, с. 5-15], который способен не только воспринимать, но и создавать литературное творчество, а также стремившегося служить с помощью меценатской деятельности своему Отечеству.

Библиография

1. Европейская поэзия XVII века / Сост. И. Бочкаревой и др. М.: Художественная литература, 1977. 926 с.
2. История немецкой литературы / Пер. с нем. Общ. ред. и предисл.: А. Дмитриева. Т. 1: От истоков до 1789 г. / В. Шпиров, Х. Лангер, П. Вебер. М.: Радуга, 1985. 350 с.
3. История Германии: учебное пособие / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи. М.: Книжный дом "Университет" (КДУ), 2008. 544 с.
4. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке / Д. А. Баяк, Л. М. Брагина, И. Ю. Варьяш и др. / Под ред. Л. М. Брагиной и др. СПб: "Наука", 2017. 589 с.
5. История немецкой литературы. Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой (отв. ред.), А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2014. 811 с.
6. Кёнигсбергер Г. Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789 / Пер. с англ. Послесловие Д. Э. Харитоновича. М.: Издательство "Весь Мир", 2006. 319 с.

7. Лазарева А. В. Немецкая литература Тридцатилетней войны как исторический источник // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. 9. Воронеж, 2012. С. 263-280.
8. Лазарева А. В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) // Вопросы истории. 2. 2013. С. 110-121. EDN: VNMRCC
9. Лазарева А. В. "Чистый язык – сильная нация". "Плодоносящее общество" (1617–1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. 2005. 3. С. 17-32. EDN: SMIKWT
10. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия", 2002. 384 с. EDN: UUKVTJ
11. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: "Наука", 2020. 385 с.
12. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 22. 2008. С. 5-15. EDN: RETSLP
13. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с. EDN: REKNBF
14. Собираательство и меценатство в эпоху Возрождения / Ред.-сост. А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев. М.: РОССПЭН, 2015. 231 с.
15. Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с. EDN: VWLSEN
16. Шомракова И. А. Всеобщая история книги: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности. Санкт-Петербург: Профессия, 2008. 391 с. EDN: QWESYF
17. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова. М., 2002.
18. Anhalt-Köthen, Ludwig von. Kurtzer Bericht Von der Fruchtbringenden Gesellschaft Vorhaben. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1628. 62 S.
19. Aston T. Crisis in Europe 1560–1660. N. Y., 1965. 366 p.
20. Ball G. Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe / A. van Dixhoorn / S. S. Sutch (Ed.). V. 2. Leiden, 2008. P. 389-422.
21. Ball G., Conermann K., Herz A., Schmidt-Glintzer H. Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680). Hundert Jahre nach der Reformation. Forschungen der Arbeitsstelle der Sächsischen Akademie der Wissenschaften an der Herzog August Bibliothek // Wolfenbütteler Forschungen. 150. Wiesbaden: In Kommiss. bei Harrassowitz. Hrsg. von der Herzog August Bibl., 2017. 480 S.
22. Beckmann J. C. Historie des Fürstenthums Anhalt von dessen alten Einwohnern und einigen annoch vorhandenen alten Monumenten, natürlicher Gütigkeit, Eintheilung, Flüssen, Stäten, Flecken und Dörfern; Fürstl. Hoheit, Geschichten der fürstl. Personen, Religions-Handlungen, fürstlichen Ministris, adelichen Geschlechtern, Gelehrten, und andern Bürger-Standes Vornehmen Leuten. Abgefasset von Johann Christoff Beckmannen. Bd. I-VII. Zerbst: Verlegung Gottfried Zimmermans, 1710. Bd. 1-4, 588 S.; Bd. 5-7, 496, 390, 40 S.
23. Bertram P. E., Krause J. C. Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. Fortsetzung der Bertramischen Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. 2 Bd. Halle, 1782. 756 S.
24. Brademann J., Hecht M. Anhalt vom Mittelalter bis 1918 – Eine integrative Dynastie-und Herrschaftsgeschichte // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 141/142. 2005/2006. S. 531-575.

25. Brademann J. Ursprungsort, Herrschaft und Territorium kleinerer Reichsfürsten. Burg und Fürstentum Anhalt bis ins 16. Jahrhundert // Die Fürsten von Anhalt. Herrschaftssymbolik, dynastische Vernunft und politische Konzepte в Spätmittelalter und Früher Neuzeit / W. Freitag, M. Hecht (Hg.). // Studien zur Landesgeschichte, Bd. 9. Halle/Saale, 2009. S. 56-79.
26. Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen (BFGB). Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts Fruchtbringende Gesellschaft. Kritische Ausgabe. Reihe I, Abt. A: Köthen: 9 Bd. / Mitarb. v. D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1992. Bd. 1: 1617–1626. 552 S.
27. BFGB / Mitarb. v. A. Herz, D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1998. Bd. 2: 1627–1629. 558 S.
28. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2003. Bd. 3: 1630–1636. 753 S.
29. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2006. Bd. 4: 1637–1638. 813 S.
30. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig/Berlin, New York: de Gruyter, 2010. Bd. 5: 1639–1640. 711 S.
31. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 6: 1641–1643. 880 S.
32. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 7: 1644–1646. 1180 S.
33. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, N. Dorn, A. Zirr, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2019. Bd. 8: 1647–1650. 969 S.
34. Brown M. E. (Hg.) Dedications. An anthology of the forms used from the earliest days of book-making to the present time // Burt Franklin Bibliography and reference series. N. Y., 1965. (Reprint der Ausgabe von 1913) 470 S.
35. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 308 S.
36. Christian II. von Anhalt-Bernburg. Tagebücher. Personenregister [Электронный ресурс] // Digitale Edition und Kommentierung der Tagebücher des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg (1599–1656). Bearbeitet von R. G. Asch, P. Burschel, A. Schreiber, A. Zirr, A. Herz, A. Odier. Wolfenbüttel, 2013. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000228/start.htm> (дата обращения: 10.08.2025)
37. Conermann K., Hoppe G., Streuber I. Fürst Ludwig von Anhalt-Köthen (1579–1650) // Die Fruchtbringende Gesellschaft: zwei Aufsätze. Historisches Museum für Mittelanhalt. Köthen, 2002. 56 S.
38. Conermann K. War die Fruchtbringende Gesellschaft eine Akademie? Über das Verhältnis der Fruchtbringenden Gesellschaft zu den italienischen Akademien // Sprachgesellschaften, Sozietäten, Dichtergruppen / M. Bircher, F. van Ingen (Hg.) Hamburg, 1978. S. 103-130.
39. Deneler I. Widmungsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 4. De Gruyter, 1984. 769-1120 S.
40. Diecks T. Rist, Johann // Neue Deutsche Biographie. Bd. 21. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. 816 S.
41. General Crisis of the Seventeenth Century / Ed. by G. Parker, L. M. Smith. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. 283 S.
42. Gleixner U. Sprachreform durch Übersetzen. Die Fruchtbringende Gesellschaft und ihre "Verdeutschungsleistung" in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // Werkstatt Geschichte. 48. 2008. S. 7-23.
43. Haferkorn J. H. Zur Entstehung der bürgerlich-literarischen Intelligenz und des Schriftstellers in Deutschland zwischen 1750 und 1800. Deutsches Bürgertum und literarische Intelligenz 1750–1800 // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaften. 3.

- Stuttgart: Hrsg. von B. Lutz, 1974. S. 113-275.
44. Harms W. Moscherosch, Johann Michael // Neue Deutsche Biographie. Bd. 18. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. 816 S.
 45. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächspiele. Erster Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolffgang Endter, 1644. 452 S.
 46. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächspiele. Dritter Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolffgang Endter, 1653. 560 S.
 47. Hauser A. Sozialgeschichte der Literatur. München: C.H. Beck, 1958. 603 S.
 48. Hecht M. Anhalt und die Dynastie der Askanier in der Frühen Neuzeit // Mitteilungen des Vereins für Anhaltische Landeskunde. 21. Köthen, 2012. S. 91-106.
 49. Hecht M. Die Erfindung der Askanier. Dynastische Erinnerungstiftung der Fürsten von Anhalt an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // Zeitschrift für Historische Forschung. 33. 2006. S. 1-31.
 50. Heine G. Geschichte des Landes Anhalt und seiner Fürsten. Köthen: Verlag von E. Heine, 1866. 260 S.
 51. Hermann L. Die Geschichte Anhalts in Wort und Bild. Cöthen: Verlag von O. Schulze, 1900. 114 S.
 52. Herz A. Der edle Palmenbaum und die критическая Mühle. Die Fruchtbringende Gesellschaft als Netzwerk höfisch-adeliger Wissenskultur der frühen Neuzeit [Электронный ресурс] // Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. 2. 2009. URL: http://www.denkstroeme.de/heft-2/s_152-191_herz (дата обращения: 10.08.2025)
 53. Hille K. G. Der Teutsche Palmbaum. Das ist, Lobschrift Von der Hochlöblichen / Fruchtbringenden Gesellschaft Anfang / Satzungen / Vorhaben / Namen / Sprüchen / Gemähen, Schriften und unverwelklichem Tugendruhm / Allen Liebhabern der Teutschen Sprache zu dienlicher Nachrichtung, verfasst, durch den Unverdrossenen Diener derselben, Endter. Nürnberg, 1647. (Nachdruck: München, 1970). 231 S.
 54. Huber W. Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zur deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1984. 318 S.
 55. Hundt M. "Spracharbeit" im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius u. Christian Gueintz. Berlin, N. Y.: De Gruyter, 2000. 419 S.
 56. Klaniczay T. Die Akademie als die Organisationsform der intellektuellen Elite in der Renaissance // Sozialgeschichtliche Fragestellungen in der Renaissanceforschung / A. Buck, T. Klaniczay (Hg.) Wiesbaden, 1992. S. 1-15.
 57. Knesebeck F. J. Dreiständige Sinnbilder. Braunschweig, 1643. 204 S.
 58. Krause G. Ludwig, Fürst zu Anhalt-Köthen, und sein Land vor und während des dreissigjährigen Krieges. Köthen: Verlag von P. Krause, 1877. 1084 S.
 59. Krisen des 17. Jahrhunderts. Interdisziplinäre Perspektiven / Dir. M. Jakubowski-Tiessen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 126 S.
 60. Leiner W. Der Widmungsbrief in der französischen Literatur (1580–1715). Heidelberg: Winter, 1965. 495 S.
 61. Lindner H. Geschichte und Beschreibung des Landes Anhalt. Dessau, 1833. 649 S.
 62. Lorenzen K. Harsdörfer, Georg Philipp // Neue Deutsche Biographie. Bd. 7. Berlin: Duncker & Humblot, 1966. 784 S.
 63. Meid V. Das 17. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Lyrik vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Ed. by W. Hinderer. Stuttgart: Reclam, 1983. 645 S.
 64. Moscherosch J. M. Gesichte Philanders von Sittewald. 2. Teil. Straßburg, 1650. 709 S.
 65. Opitz M. Acht Bücher Deutscher Poematum. Breslau: David Müller, 1625. 366 S.
 66. Otto K. F. Die Sprachgesellschaften des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1972. 75 S.
 67. Pohl W. Philipp von Zesen Biographie [Электронный ресурс] // Deutsche Literaturgeschichte & Literaturepochen. URL:

<https://www.pohlw.de/literatur/sadl/barock/zesen/> (дата обращения: 10.08.2025)

68. Rist I. Das friedewünschende Teutschland. Hamburg: Heinrich Waerner (Witwe), 1649. 262 S.

69. Ritter H. Dictionary of Concepts in History. Reference sources for the social sciences and humanities. 3. N.Y., Westport, Conn., L.: Greenwood Press, 1986. 520 p.

70. Sachse D. Glaubens-Grund/ Als Der ... Wilhelm-Ludwig/ Fürst zu Anhalt ... Des ... Herren Ludwigen Des Eltern/ Fürsten zu Anhalt. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1651. 22 S.

71. Schmidt G. Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als политически мотивированная Sammlungsbewegung и höfische Академия // Die Fruchtbringer-eine Teutschhertzige Gesellschaft / Hrsg. v. K. Manger. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2001. 230 S.

72. Schottelius J. G. Der Teutschen Sprache Einleitung // Zu richtiger Gewiskeit und grundmeßigem Vermügen der Teutschen Hautsprache. Lübeck: Matthæi Düncklers Verlegung, 1643. 150 S.

73. Schramm G. Widmung, Leser und Drama: Untersuchungen zu Form-und Funktionswandel der Buchwidmung im 17. und 18. Jahrhundert. Göttingen: GOEDOC, Dokumenten-und Publikationsserver der Georg-August-Universität, 2011. 704 S.

74. Stoll Ch. Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft, Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen, Deutschgesinnte Genossenschaft, Hirten-und Blumenorden an der Pegnitz, Elbschwanenorden. München, 1972. 235 S.

75. Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. N.Y.: Harper & Row, 1967. 451 S.

76. Ungern-Sternberg W. Die Armut des Poeten // Text und Kritik. Zeitschrift für Literatur. 74/75. München, 1982. 142 S.

77. Wäschke H. Anhaltische Geschichte. 3 Bd. Cöthen: Schulze, 1912–1913.

78. Weise C. Christian Weisens Curiöse Gedancken Von Deutschen Brieffen: Wie ein junger Mensch/ sonderlich ein zukünfftiger Politicus, Die galante Welt wohl vergnügen soll; In kurtzen und zulänglichen Regeln ... vorgestellt ... Dresden: J.C. Mieth, 1691. 552 S.

79. Zesen P. Filip Zesens Durchaus vermehrter u[n]d Zum dritt und letzten mahl in dreien teilen aus gefartigter Hochdeutscher Helikon oder Grundrichtige anleitung zur hochdeutschen Dicht und Reimkunst. 2, Darinnen allerlei ahrten und gattungen deutscher gedichte samt einem Richtigen Anzeiger deutscher gleichlautenden und einstimmigen weiblichen oder abfallenden wörter ... zu finden sind. Wittenberg: Seelfisch, 1649. 340 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования являются посвящения немецких литераторов к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому (1579-1650), позволяющие реконструировать представления о правителе-меценате в эпоху Тридцатилетней войны. Автор анализирует девять посвящений, созданных в период с 1625 по 1650 год такими видными деятелями немецкой литературы барокко, как Мартин Опиц, Юстус Георг Шоттель, Георг Филипп Гарсдёрффер, Иоганн Мошерош, Филипп фон Цезен и другими. Выбор предмета исследования представляется обоснованным и актуальным для изучения культурной истории Германии раннего Нового времени.

Методология исследования

Методологическая база статьи опирается на инструментарий интеллектуальной истории (в трактовке Л.П. Репиной) и социальной истории. Автор рассматривает тексты посвящений как отражение «интеллектуального климата» эпохи, что позволяет выявить характерные для различных слоев немецкого общества представления о правителе-меценате. Такой подход представляется продуктивным для анализа избранных источников. Однако можно отметить, что автор недостаточно эксплицитно раскрывает применение заявленных методологических подходов в конкретном анализе текстов.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные изучению фигуры князя Людвиге как мецената и его восприятию современниками. Во-вторых, исследование вносит вклад в изучение культурной истории Германии периода Тридцатилетней войны, демонстрируя, как в условиях военного времени и духовного кризиса функционировали механизмы патроната и покровительства искусствам. В-третьих, работа расширяет наши представления о социальной роли литераторов в раннее Новое время.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка систематического анализа представлений о князе Людвиге Ангальт-Кётенском как меценате на основе посвящений немецких литераторов. Автор вводит в научный оборот ценный корпус источников, ранее не подвергавшихся комплексному изучению в данном ракурсе. Новым является и вывод о формировании в немецкой культуре XVII века образа «идеального мецената» - правителя, который не только покровительствует искусствам, но и сам занимается литературным творчеством.

Стиль, структура, содержание

Статья написана хорошим научным языком, структура работы логична и последовательна. Автор начинает с общей характеристики меценатской деятельности князя Людвиге и Плодоносящего общества, затем обосновывает цель исследования и анализирует историографию вопроса. Далее следует характеристика источников, описание социального состава литераторов и анализ их представлений о правителе-меценате.

Содержательно статья богата фактическим материалом, автор демонстрирует глубокое знание источников и исторического контекста. Особенно ценным представляется анализ социального происхождения литераторов и их мотивации в поиске покровительства. Однако местами текст перегружен деталями, которые могли бы быть сокращены без ущерба для основной аргументации.

Библиография

Библиографический аппарат статьи впечатляет своей полнотой - 79 наименований, включая источники и исследования на русском и немецком языках. Автор демонстрирует знакомство как с классическими работами по истории Германии XVII века, так и с новейшими исследованиями. Особенно ценно привлечение многотомного издания переписки Плодоносящего общества (BFGB), что позволяет автору опираться на широкий круг первоисточников.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно ведет полемику с существующей историографией, отмечая, что в современных исследованиях фигура князя Людвига «в значительной степени оттенена исследованиями по истории Плодоносящего общества». Критически оценивается и традиционная трактовка общества как исключительно патриотической языковой организации. При этом автор избегает резких оценок и стремится к объективному анализу различных точек зрения.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа. Автор убедительно показывает, что в представлениях немецких литераторов князь Людвиг выступал как «идеальный меценат», сочетавший покровительство искусствам с собственной литературной деятельностью. Важным представляется вывод о взаимозависимости литераторов и меценатов в условиях Тридцатилетней войны.

Статья будет интересна специалистам по истории Германии раннего Нового времени, исследователям истории литературы и культуры, а также всем интересующимся проблемами меценатства и патроната в европейской истории.

Замечания и рекомендации

Желательно более четко эксплицировать применение заявленных методологических подходов в конкретном анализе источников.

Статья выиграла бы от более компактного изложения некоторых разделов, особенно биографических сведений о князе Людвиге.

Полезным было бы включение сравнительного аспекта - сопоставления представлений о князе Людвиге с образами других немецких меценатов эпохи.

Заключение

В целом, рецензируемая статья представляет собой добротное научное исследование, основанное на солидной источниковой базе и современной методологии. Работа вносит существенный вклад в изучение культурной истории Германии XVII века и заслуживает публикации в научном журнале

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Герасёв И.Ю. Оборона Петрозаводска в сентябре 1941 года в отечественных и зарубежных источниках и литературе // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.74863 EDN: RUZBWB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74863

Оборона Петрозаводска в сентябре 1941 года в отечественных и зарубежных источниках и литературе

Герасёв Илья Юрьевич

соискатель; институт истории и международных отношений; Южный федеральный университет

185014, Россия, респ. Карелия, г. Петрозаводск, р-н Дровлянка, ул. Чистая, д. 9, кв. 133

✉ primus.74@mail.ru

[Статья из рубрики "Историософия, историография, источниковедение"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.74863

EDN:

RUZBWB

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Дата публикации:

19-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является комплексный обзор источников и литературы, посвящённый одной из малоизученных страниц Великой Отечественной войны — обороне Петрозаводска. Систематизация и анализ круга источников и литературы показывает, что данная тема должным образом не исследована. Статья призвана восполнить этот пробел, в ней собраны воедино сведения о трагических событиях сентября 1941 года и намечены пути для дальнейших изысканий. В статье уделено внимание, как архивным фондам, так и современным цифровым технологиям. В работе анализируется как советская, так и современная российская и зарубежная литература. В статье подчёркивается особая ценность мемуарной литературы, художественно-документальных произведений, а также источников, таких как фотографии и поисковая работа. Статья позиционируется как важный

источниковедческий ресурс для историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Карельского фронта в первый год Великой Отечественной войны. Особым вкладом автора в исследование темы является исчерпывающий на данный момент обзор источников и литературы впервые собранных воедино. Статья подчеркивает значимость изучения обороны Петрозаводска в 1941 году, обращает внимание на "белые пятна" в историческом освещении событий и предлагает направление для дальнейших исследований. В материале акцентируется внимание на разницу в объеме, качестве и достоверности информации в сравнении финских и отечественных источников, важность их анализа для воссоздания полной картины боев под Петрозаводском. Несмотря на значительный объем собранной информации, автор отмечает, что перечень источников и литературы на тему обороны Петрозаводска требует дальнейшего расширения, что делает данную работу актуальной для исследователей Великой Отечественной войны и истории Карелии.

Ключевые слова:

Историография, Карельский фронт, Великая Отечественная война, Петрозаводск, Источники, Архивы, Красная Армия, Финская армия, Оборона, Карелия

В начале 90-х годов XX столетия историки и исследователи получили возможность полноценно изучать военные архивы, засекреченные в советский период. Именно в это время доступ к российским архивным источникам существенно расширился, и для исследователей открылись неизвестные страницы начального периода Великой Отечественной войны. Это позволило по-новому осмыслить и представить общественности ранее неизвестные факты, раскрыть детали и дать возможность историкам закрыть «белые пятна», которыми изобилует первый год тех страшных событий.

В данной статье анализируются источники и литература, необходимые для изучения первых месяцев боев на Карельском фронте, а точнее, обороны Петрозаводска в сентябре 1941 года. Отсутствие монографических и диссертационных работ на данную тему побудило автора собрать все имеющиеся материалы. Несмотря на значительный объем собранной информации, представленный обзор источников и литературы не является исчерпывающим, и его расширение в будущем видится весьма вероятным.

Несмотря на значительный объем единиц хранения в российских архивах, восстановить полную картину событий на фронтах в 1941 году непросто. Большинство документов, касающихся первого периода войны, не сохранилось, что вынуждает исследователей проводить недели в читальных залах и буквально по крупицам собирать сведения об искомых участках фронта. Поиск данных о конкретном военнослужащем зачастую является ещё более трудоёмким: информация может быть разбросана по десяткам архивов и представлена в виде мелких фрагментов, не связанных между собой. На определение судьбы погибшего или пропавшего без вести солдата могут уйти годы, без какой-либо гарантии на успех.

Отсутствие документов о событиях 1941 года связано с огромными потерями материальной части и личного состава Красной Армии. В условиях тяжёлых, кровопролитных боёв, неразберихи и постоянных отступлений составление и сохранение документов были чрезвычайно затруднены. Во избежание захвата архивов противником многие командиры подразделений закапывали документы, принимали решение об их

уничтожении, а порой их просто не вели.

В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) можно найти документы о 313-й, 272-й, 37-й, 71-й стрелковых дивизиях, 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения, 1-й и 2-й лёгких стрелковых бригадах, образовавших оборонительные рубежи в период с августа по октябрь 1941 года на подступах к Петрозаводску^{[1][2][3]}. В фондах архива перечисленных воинских формирований, информации непосредственно о боевых действиях за город немного. Есть общие фразы в исторических формулярах, обрывистые данные в боевых приказах и донесениях, оперативных сводках и телефонограммах. Более подробные и структурированные сведения о событиях сентября 1941 года можно взять в журналах боевых действий, оперативных сводках, боевых донесениях и приказах фондов 7-й Армии и Карельского фронта. По ним можно выстроить цепь событий с передвижением советских и финских частей по квадратам, высотам и населенным пунктам. Однако эти данные не раскрывают всю картину происходящего, в том числе потери техники и личного состава^[4]. Наиболее интересным источником, найденным в ЦАМО за последние годы, стали политические донесения инструктора пропаганды 1068-го стрелкового полка 313-й стрелковой дивизии политрука Елина^[5]. В этой находке, от первого лица описывается ход боев под посёлком Пряжа и станцией Виллагора в сентябре 1941 года. В дневнике политрук детально рассказал о взаимоотношениях с подчиненными и свои действия для поддержания боевого духа личного состава. В своей тетради, он подробно описывает передвижения противника, детали местности, погодные условия и быт солдат. В его заметках можно найти привязку к населенным пунктам по датам, что существенно упрощает работу исследователей для детального изучения боевых действий на данном участке фронта. В Центральном архиве Министерства обороны сохранился доклад Мерецкого Сталину о последних днях обороны Петрозаводска. В докладе подробно изложено, что бои непосредственно за город проходили 28, 29, 30 сентября и в ночь на 1 октября 1941 года войска по приказу генерал-лейтенанта Гореленко начали организованный отход. В докладе описаны причины оставления города и действия подразделений в условиях окружения, отсутствия средств управления и некомплекта среднего и старшего комсостава^[6].

Документы из Российского государственного военного архива (РГВА) имеют сведения об истории Вооружённых сил и МВД СССР, включая документы войск НКВД, участвовавших в обороне Петрозаводска. В фондах архива можно ознакомиться с документами 15-го Краснознаменного мотострелкового полка НКВД принимавшего активное участие в обороне города. Полк был сформирован из 4-го Петрозаводского Краснознаменного пограничного полка НКВД для охраны тыла 8-й армии во время Советско-финляндской войны. Имевшая боевой опыт и семь Героев Советского Союза воинская часть вела боевые действия на трех самых сложных направлениях и несла большие потери. При изучении обороны Петрозаводска полезны документы о боевых действиях полка на Сямозерском и Пряжинском направлениях в период с августа по октябрь 1941 года^[7]. Также в фондах архива можно найти приказы, боевые распоряжения, списочный состав сводного батальона НКВД Карело-Финской ССР под командованием капитана Горькова. Особый интерес для исследователя представляет докладная записка капитана Горькова от 01.11.41 года на имя Наркома внутренних дел КФСР майора госбезопасности Баскакова. В ней он подробно излагает сведения о боевых действиях 3-й и 4-й роты сводного батальона за период с 27.09 по 16.10.41 года^[8]. В архиве заслуживают внимания документы 52-го Кировского стрелкового полка НКВД по охране железнодорожных сооружений, к которому был приписан бронепоезд БЕПО-52

изготовленный в Петрозаводском депо и участвовавшим в обороне города с юга^[9].

Документы, касающиеся формирований местного значения, таких как истребительные батальоны и подразделения местной противовоздушной обороны (МПВО), хранятся в Национальном архиве Республики Карелия. Они помогают восстановить картину работы этих полугражданских организаций и оценить их вклад в оборону и эвакуацию Петрозаводска. Исследование документов позволит уточнить данные о работе эвакуотройки и выявить новые сведения о деятельности руководства города по эвакуации населения и предприятий^[10]. В сентябре 1941 года истребительные батальоны и подразделения МПВО направлялись в самые незащищенные участки фронта. Не имея должной подготовки и снабжения, по сути вспомогательные подразделения выполняли функции кадровых подразделений. В фондах архива находятся боевые донесения истребительных батальонов, в которых подробно описываются боестолкновения с финскими частями на подступах к Петрозаводску в последние дни сентября 1941 года. Эти ценные источники помогают исследователю дополнить фактами общую картину событий сентября 1941 года под Петрозаводском.

В научном архиве Национального музея Республики Карелия содержатся уникальные документы начального периода Великой Отечественной войны: воспоминания очевидцев событий, связанных с обороной и эвакуацией Петрозаводска. Например, в архиве музея хранятся воспоминания очевидцев о трагедии лихтера № 485. Воспоминания капитана парохода «Кингисепп», буксировавший баржу с мирными жителями, которую финны расстреляли прямой наводкой 27 сентября 1941 года в Петрозаводской губе Онежского озера^[11].

Серьёзным объемом информации можно считать документы, находящиеся в Национальном архиве Финляндии^[12]. На сайте архива можно найти оцифрованные документы воинских подразделений, участвовавших в захвате Петрозаводска, включая донесения 30-го пехотного полка и отчёты 7-й пехотной дивизии. Эти документы дают подробные сведения о передвижениях финских войск, их вооружении и потерях. Особенностью финских документов можно считать подробность их составления с описанием деталей. Трудность при их изучении связана с невозможностью прямого доступа к документам архива из-за осложнившейся в последние годы политической обстановки, с языковым барьером и высокой стоимостью перевода документов на русский язык.

Значительный объём сведений о боях в Карелии осенью 1941 года содержится в фундаментальном труде на финском языке «Suomensota 1941–1945»^[13]. В книге Хейки Нурмио, изданной в 1952 году, рассматривается участие Финляндии в Великой Отечественной войне на стороне Германии, а также её роль в блокаде Ленинграда. В том числе в книге есть материалы о боевых действиях в районе Петрозаводска. В данном труде по дням расписаны передвижения финских войск с привязкой к населенным пунктам с описанием тактических действий и планов финского командования.

В российской литературе информация о Карельском фронте представлена обширным списком, но не представлены материалы о начальном этапе войны, в частности об обороне Петрозаводска в сентябре 1941 года. Отсутствие стратегических успехов, отступления, большие потери живой силы и материальной части делали эту тему непопулярной. Поэтому она практически не упоминается в таких фундаментальных трудах, как «История Великой Отечественной войны»^[14] и «История Карелии с

древнейших времён до наших дней»^[15]. Общие сведения об обороне Петрозаводска в сентябре 1941 года можно найти в трудах таких личностей, как Г. Н. Куприянов^[16], К. А. Морозов^[17].

Исследования современных карельских историков, таких как С. Г. Веригин и Г. В. Чумаков, позволяют взглянуть на оборону Петрозаводска с новых позиций. Монография доктора наук С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний» освещает военно-политическое и социально экономическое развитие Советской Карелии в период 1939-1945 годов^[18]. Работа Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта» раскрывает историю партизанского движения в Карелии, что позволяет дополнить общую картину событий на Карельском фронте в начальный период войны, где оборона Петрозаводска занимает ключевое место^[19].

Ценные сведения о боях под Петрозаводском можно найти в работах доктора исторических наук, профессора Ю. М. Килина в соавторстве с финским военным историком Ари Раунио «Jatkosodanhyökkäystaisteluja 1941»^[20]. В книге на финском языке описаны боевые операции, основные сражения первого года войны в Карелии. Представлены хронология событий, подробные схемы, карты с передвижением войск с обеих сторон в битве за Петрозаводск.

Среди исследований современных историков начального периода военных действий в Карелии можно отметить работу «3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941). Историческая хроника боевого пути. Тактический обзор боевых действий» под авторством К.А. Дубаренко, В.О. Терентьева и Р.А. Пановым^[21]. В этом труде анализируется трагический боевой путь 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения, которая была задействована в обороне Петрозаводска с юга и на этом закончила своё существование. Яркая, но короткая жизнь дивизии интересна своей историей создания и составом. Сформированная из добровольцев Фрунзенского, Выборгского и Приморского районов Ленинграда она включала в себя профессорско-преподавательский состав Политехнического института и испанцев эвакуированных в 1937 году. В книге использованы ранее не публиковавшиеся документы российских и финских архивов, карты, схемы и материалы из печатных изданий того времени.

Среди работ, имеющих прямое отношение к исследуемой теме, можно привести монографию историка-поисковика И. Ю. Герасева «Петрозаводск. Сентябрь 1941 года»^[22] и сборник документов «Рубежи Петрозаводска»^[23], также написанный И. Ю. Герасевым в соавторстве с историком и поисковиком Н.Н. Столеповой. Одной из особенностей этих работ являются проверка архивных документов на местности и использование места боя как исторического источника. В книге «Петрозаводск. Сентябрь 1941 года» приведены свидетельства участников поисковых работ, помогающие восполнить пробелы в архивных данных. В работе проанализированы интервью и воспоминания поисковиков, работавших в разные годы на рубежах Петрозаводска. Эти интервью содержат подробное описание поиска погибших солдат в районах, прилегающих к Петрозаводску, который активно велся в 1990–2010 годах. Подробности поиска, эксгумации, мест захоронения, документы личного происхождения, включая свидетельства поисковиков, значительно способствуют изучению мест боёв, тактики, быта и досуга солдат.

Художественно-документальные произведения представляют определённую ценность как источники. Хотя такие издания содержат элементы вымысла и субъективности, они основаны на реальных событиях и позволяют исследователю получить информацию, отсутствующую в официальных документах. В исследовании боёв 1941 года они играют важную роль, так как описывают личную жизнь людей, быт, эмоциональное состояние — аспекты, которые зачастую не отражены в архивных источниках. Поэтому при изучении обороны Петрозаводска полезно использовать воспоминания ветеранов. Например, реконструкция событий начальника штаба 313-й стрелковой дивизии В. И. Крапивина в книге «313-я Петрозаводская»^[24], который прошёл путь от командира роты до начальника штаба дивизии. Его личное знакомство с бойцами и большой опыт позволили ему подробно описать боевой путь дивизии от Петрозаводска до Берлина. Несмотря на художественную составляющую, эта книга даёт представление о событиях под Петрозаводском в 1941 году, о сложной обстановке на фронте и тяжёлой борьбе, позволившей задержать противника и эвакуировать население и предприятия города.

Также заслуживают внимания воспоминания ветерана 313-й стрелковой дивизии А. П. Кузнецова, описанные в книге «Это было, было. Записки артиллериста»^[25]. Эти записки рассказывают о первых боях дивизии под Красной Пряжей и содержат сведения о гибели командира 1070-го стрелкового полка В. И. Гнедина, который, согласно официальным архивным источникам, считается пропавшим без вести.

Среди важной литературы о боях под Петрозаводском можно выделить воспоминания ветерана 272-й стрелковой дивизии А. Ф. Фёдорова, изложенные в книге «В Карелии. На Свири. В Померании: Записки ветерана 272-й стрелковой дивизии»^[26]. В издании подробно описываются бои под Петрозаводском, события в Пряжинском и Прионежском районах и отступление через лес и болота, потери материальной части дивизии в районе деревни Верхние Важины.

В книге «Ленинград действует...» корреспондента ТАСС П. Н. Лукницкого содержится описание боёв и ситуации в Петрозаводске во время оставления его нашими войсками^[27]. В частности, приводятся подробности боёв 184-го сапёрного батальона, который отвечал за уничтожение важных объектов и инфраструктуры в городе.

Роман В. Линна «Неизвестный солдат»^[28], считающийся классикой финской литературы, описывает боевые действия в Карелии глазами финских солдат. Автор, сам участвовавший в войне, даёт представление о настроениях солдат и их восприятии происходящего. Описывает детали, позволяющие буквально погрузиться в события лета – осени 1941 года.

Сборник воспоминаний «Связисты Ленинградского фронта» также содержит описание последних часов обороны Петрозаводска и отступления через Соломенскую переправу^[29].

Малоизученной страницей обороны Петрозаводска является история бронепоезда БЕПО-52, который был изготовлен в местном вагонном депо и участвовал в боях за город. Подробности его боевого пути можно найти в повести А. Д. Блинова «Капкан. Невыдуманная повесть», опубликованной в журнале «Север» в конце прошлого века. Стоит отметить, что благодаря этой истории в 2009 году поисковики обнаружили обломки взорванного бронепоезда у деревни Ужесельги и передали их на вечное хранение в Национальный музей Республики Карелия^[30].

Особенно интересным материалом, появившимся за последние годы, можно назвать опубликованные рукописи-мемуары командира 313-й стрелковой дивизии Г.В. Голованова в книге В.И. Матвеева «В боях за Карелию». В своих мемуарах генерал-майор повествует о боях дивизии от момента формирования до Великой Победы, и немало материалов уделено боям под Петрозаводском [\[31\]](#).

При небольшом количестве информации о событиях сентября 1941 года фотографии оказались важным источником информации. Большим подспорьем в изучении обороны Петрозаводска стали фотоматериалы архива фотодокументов Финляндии SA-kuva, содержащего 160 тысяч фотографий периода 1939–1945 годов [\[32\]](#). На снимках зафиксированы важные детали событий того времени: оборонительные укрепления, быт солдат, вооружение. Порой на фотографии можно увидеть то, что нельзя отразить в документах и мемуарах. Выражение лиц пленных красноармейцев, разрушения зданий, количество утраченной техники показывают всю полноту трагедии, катастрофические последствия просчётов командования в первый год войны.

Проведённый анализ литературы в данной статье демонстрирует существенные трудности в изучении начального этапа боевых действий на Карельском фронте, особенно обороны Петрозаводска в 1941 году. Несмотря на расширение доступа к архивам и современным цифровым ресурсам, исследователям до сих пор необходимо сопоставлять многочисленные разрозненные источники, включая личные воспоминания, художественно-документальную литературу и материалы финских архивов. Таким образом, тема остается открытой для дальнейшего углублённого изучения, требуется комплексный подход для восстановления полной и объективной исторической картины.

Библиография

1. ЦАМО РФ. ф.1622 – 313-я стрелковая дивизия.
2. ЦАМО РФ. ф.1564 – 272-я стрелковая дивизия.
3. ЦАМО РФ. ф.340 – 7-я Армия.
4. ЦАМО РФ. ф.154 – 7-я Армия.
5. ЦАМО РФ. ф.1622. Оп.1. Д.205. Политдонесения 313-й сд.
6. ЦАМО РФ, ф. 340, оп. 5372, д.20, к. 10811, л. 72-80.
7. РГВА ф. 32880 – Главное Управление войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии.
8. РГВА ф. 38261 – Управление войск НКВД по охране железных дорог.
9. РГВА ф. 38358 – 52-й полк войск НКВД.
10. Национальный архив Республики Карелия (НА РК), Петрозаводск. Ф. Р-1394 – Совет Министров КФССР (1939–1956).
11. Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 1068.
12. Национальный архив Финляндии. Digitaaliarkisto [Электронный ресурс] – URL: <http://digi.narc.fi/>.
13. Suomensota1941-1945. 2 osa. Kustannusakeyhtio Kivi. Helsinki, 1952.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / П. Н. Поспелов, Е. А. Болтин, В. П. Московский и др. (ред. комиссия). – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. – 682 с.
15. История Карелии с древнейших времён до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблёва, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – 948 с.

16. Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. – 2-е изд., испр. и доп. – Петрозаводск: "Карелия", 1979. – 272 с.
17. Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы, материалы / ред.: К. А. Морозов (отв. ред.), Д. С. Александров. – Петрозаводск: "Карелия", 1975. – 447 с.
18. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. / С. Г. Веригин. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. – 544 с. EDN: QPQYET
19. Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта / Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов. – Петрозаводск: Компания РИФ, 2007. – 358 с.
20. Raunio A., Kilin J. Jatkosodanhyökkäystaisteluja 1941. – Keuruu, 2007.
21. Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941). Историческая хроника боевого пути. Тактический обзор боевых действий. – СПб., 2011. – 83 с. EDN: QPSSYD
22. Герасёв И. Ю. Петрозаводск. Сентябрь 1941 года. – Петрозаводск: Петропресс, 2023. – 192 с.
23. Герасёв И. Ю., Столепова Н. Н. Рубежи Петрозаводска. – Петрозаводск: Петропресс, 2015. – 130 с.
24. Крапивин В. И. 313-я Петрозаводская / В. И. Крапивин. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1968. – 126 с.
25. Кузнецов А. П. "Это было, было. Записки артиллериста" / А. П. Кузнецов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 120 с.
26. Фёдоров А. Ф. В Карелии. На Свири. В Померании: Записки ветерана 272-й стрелковой дивизии / А. Ф. Фёдоров. – Петрозаводск: Карелия, 1984. – 143 с.
27. Лукницкий П. Н. Ленинград действует... Книга 2. / П. Н. Лукницкий. – М.: Советский писатель, 1971. – 670 с.
28. Вьяйне Линна. Неизвестный солдат / Вьяйне Линна. – Выборг: Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2017. – 360 с.
29. Круглов В. А. Связисты Ленинградского фронта / В. А. Круглов. – Ленинград, 1991. – 294 с.
30. Блинов А. Д. Капкан. Невыдуманная повесть / А. Д. Блинов // Север. – 1995. № 4. – С. 134-152.
31. Матвеев В. И. В боях за Карелию / В. И. Матвеев. – Камышлов, 2021. – 358 с.
32. Военный фотоархив Финляндии [Электронный ресурс] – URL: <http://sa-kuva.fi/neo>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Историография боевых действий на территории Карелии в июне – октябре 1941 года», исходя из заглавия, должен представлять историографический обзор опубликованных исследований, касающихся первых месяцев Великой Отечественной войны на территории Карело-Финской АССР. Между тем содержание работы существенным образом отличается от заявленной темы; вообще, работе присущ целый ряд проблем, относящихся к базовым параметрам данного научного исследования. В итоге реализация заявленной темы оставляет желать лучшего. Автор изначально не может четко сформулировать, что же именно является предметом его

исследования; не имеют обоснования и четкой формулировки временные и территориальные рамки исследования. Так, автор пишет : «В данной статье анализируются литературные и документальные источники, необходимые для изучения первых месяцев боевых действий Северного и Карельского фронтов, а точнее, обороны Петрозаводска в сентябре 1941 года». Здесь мы сразу сталкиваемся с двумя проблемами: источниковедение и историография – две разные научные дисциплины, автор заявил темой историографию, но собирается анализировать источники, причем литературные? Далее: боевые действия Северного и Карельского фронтов – это одно, оборона Петрозаводска – это другое, масштаб боевых действий двух фронтов и оборона конкретного города чрезвычайно отличается, автор же ставит между ними знак равенства. Далее, в заглавии стоят временные рамки боевых действий в Карелии - июнь-октябрь 1941 г., это никак не обосновано в тексте, с учетом того что военные действия на территории Карело-Финской АССР шли до 1944 г.; упомянутая автором оборона Петрозаводска также не вписывается в эти рамки. Далее, примерно половину рецензируемого текста составляет даже не описание источников, а перечень архивов и интернет-ресурсов, где находятся источники по теме исследования. Во второй части работы автор решает все же обратиться к историографии вопроса и тут же обнаруживает непонимание или же небрежное владение базовой терминологией: «Поэтому она практически не упоминается в мемуарах, включая фундаментальные труды «История Великой Отечественной войны» и «История Карелии с древнейших времён до наших дней». Разумеется, оба указанных текста не являются мемуарными. В дальнейшем автор продолжает путать источники с историографией и вперемешку перечисляет сборники опубликованных документов и исследовательские работы. Опубликованные работы не анализируются, но просто перечисляются: «В последние годы благодаря ежегодным научно-практическим конференциям на базе Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета были изданы сборники статей о Карельском фронте, доступные как в библиотеках, так и в сети». К числу источников автор также относит художественные произведения. Работа выполнена на довольно низком научно-методическом уровне, требует существенной переработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В этом году наша страна отмечает восьмидесятилетний юбилей победы в Великой Отечественной войне, событие, которое без всякого сомнения объединяет миллионы наших граждан как в России, так и за ее пределами. Мы не властны над временем, но несмотря на то что свидетелей той войны с каждым годом становится все меньше, коллективная память о разгроме фашизма остается с нами. В этой связи вызывает важность изучение белых пятен Великой Отечественной войны, что сегодня облегчается доступом в закрытые ранее архивы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является оборона Петрозаводска осенью 1941 г. Автор стремится охарактеризовать источники и исследования по данной теме, а также определить перспективы ее дальнейшего изучения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать оборону Петрозаводска в сентябре 1941 года в отечественных и зарубежных источниках и литературе. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим документы из фондов Центрального архива Министерства обороны, Российского государственного военного архива, Национального архива Республики Карелия, научного архива Национального музея Республики Карелия, Национального архива Финляндии. Из используемых автором исследований отметим работы С.Г. Веригина, И.Ю. Герасева, Г.В. Чумакова и А.Н. Ремизова, в центре внимания которых находятся события Великой Отечественной войны в Карелии. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Великой Отечественной войны, в целом, так и операциями в Карелии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «большинство документов, касающихся первого периода войны, не сохранилось, что вынуждает исследователей проводить недели в читальных залах и буквально по крупицам собирать сведения об искомых участках фронта». Автор обращает внимание на то, что «отсутствие стратегических успехов, отступления, большие потери живой силы и материальной части делали тему Карелии осени 1941 г. малоизученной. Помимо архивов и исследований автор указывает на художественно-документальные произведения, так как «хотя такие издания содержат элементы вымысла и субъективности, они основаны на реальных событиях и позволяют исследователю получить информацию, отсутствующую в официальных документах». В работе показано, что «малоизученной страницей обороны Петрозаводска является история бронепоезда БЕПО-52, который был изготовлен в местном вагонном депо и участвовал в боях за город».

Главным выводом статьи является то, что имеются «существенные трудности в изучении начального этапа боевых действий на Карельском фронте, особенно обороны Петрозаводска в 1941 году».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, имеются опечатки («в российской литературе информация о Карельском фронте представлена обширным списком»).

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Астапов А.А. Паломническая деятельность на территории Таврической епархии до образования Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества: по материалам региональной церковной периодики (1869-1899) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75447
EDN: QIJAQA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75447

Паломническая деятельность на территории Таврической епархии до образования Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества: по материалам региональной церковной периодики (1869-1899)

Астапов Алексей Анатольевич

ORCID: 0009-0008-0020-7550

аспирант; кафедра "Всеобщая история и мировая культура"; Севастопольский государственный университет
Научный сотрудник; Научно-исследовательская лаборатория «Сакральные ландшафты Византийского порубежья»; Севастопольский государственный университет

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

✉ lex_1986@list.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75447

EDN:

QIJAQA

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2025

Дата публикации:

21-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является внутренняя и внешняя паломническая деятельность на территории Таврической епархии в период предшествовавший открытию Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества, состоявшемуся 2/15 апреля 1900 г. В качестве основного источника использованы материалы региональной церковно-периодической печати – Таврические епархиальные ведомости за 1869–1899 гг. Особое внимание автор уделяет

выявлению и локализации основных мест паломничества на территории Крымского полуострова и прилегающей к нему Северной Таврии, воссозданию логистических схем внешнего паломничества из Таврической губернии за пределы Российской империи, определению региональных особенностей паломничества к святым Палестины и Афона во второй половине XIX в., в т.ч. священнослужителей и монашествующих Таврической епархии. Основным методом исследования является системный подход, выявляющий особенности паломнической деятельности на партикулярном (местном) уровне и на макроуровне, в котором территория Таврической губернии превращается в своеобразную перевалочную базу на пути к центрам мирового христианского паломничества. Сопоставление двух уровней влечёт задействование сравнительного метода, который позволяет дать оценки их самостоятельности и взаимосвязи. Новизна исследования заключается в том, что автором впервые выполнен исторический обзор основных центров внутреннего паломничества, которые сформировались на базе мужских и женских монастырей Крымского полуострова и Северной Таврии. Выявлено, что большинство обителей испытывали трудности с размещением паломников, особенно накануне и в дни престольных праздников. Описан быт паломников, оставшихся без возможности постелиться в гостинице. В статье сообщается о взаимодействии Палестинской Комиссии, а затем и Императорского Православного Палестинского Общества со священноначалием Таврической епархии. Упомянуты имена духовных лиц и монахинь Таврической епархии, посетивших XIX веке Палестину и Афон. Рассмотрены основные маршруты внешнего паломничества – через Севастополь и Одессу. Основным выводом исследования является то, что внутренняя и внешняя паломническая деятельность в Таврической епархии – независимые друг от друга явления, поскольку ни местное епархиальное руководство, ни священнослужители и монашествующие во второй половине XIX в., кроме проведения ежегодного Вербного сбора, не принимали никакого участия в организации и сопровождении паломничества к реликвиям Святой земли и Афона.

Ключевые слова:

Таврическая епархия, Крым, Херсонес, паломничество, Православное Палестинское общество, ИППО, монастыри, Палестина, Афон, Таврические епархиальные ведомости

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания РАН, проект № FEFM 2024-0016

Интерес к паломничеству резко возрос на рубеже XX - XXI вв. благодаря появлению религиозного туризма, занимающего промежуточное значение между классическим паломничеством и познавательно-развлекательным туризмом. Среди молодых людей 20-27 лет в настоящее время приобретает популярность необычный формат отдыха, получивший даже необычное молодежное название «монастыринг» - поездки в монастырь на несколько недель с погружением в распорядок монастырской жизни. В сложившихся условиях обращение к предшествующему опыту является оправданным как с теоретической, так и практической точки зрения. Актуальность исследования усиливается двумя факторами: вторым воссоединением Крыма с Россией в 2014 г. и осложнением международной политической обстановки, недружественной по отношению к России. На повестке дня стоит вопрос о пересмотре возможностей внутреннего религиозного туризма, в котором неоспоримо возрастает роль Крыма как региона древнейшего распространения христианства.

Целью данной статьи является освещение как внутренней, так и внешней паломнической деятельности на территории Таврической епархии в период предшествовавший образованию Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества (далее - ИППО). Для выполнения поставленной цели автор стремится к решению следующих задач: выявление и локализация основных мест паломничества на территории Крымского полуострова и прилегающего к нему в пределах Таврической губернии Северного Причерноморья; воссоздание логистических схем внешнего паломничества из Таврической губернии за пределы Российской империи; определение региональных особенностей паломничества в Палестину и на Афон во второй половине XIX в. (до появления в 1900 г. Таврического отдела ИППО).

Материал и методы исследования: решение поставленных задач невозможно без грамотной методологии. Основным методом настоящего исследования является системный подход, выявляющий особенности паломнической деятельности на партикулярном (местном) уровне и на макроуровне, в котором территория Таврической губернии превращается в своеобразную перевалочную базу на пути к центрам мирового христианского паломничества. Сопоставление двух уровней влечёт задействование сравнительного метода, который позволяет дать оценки их самостоятельности и взаимосвязи. В работе не обошлось без использования идеографической компоненты, поскольку описания паломников всегда носят субъективный характер. Источниковая база исследования достаточно широка по количественному составу и состоит из 36 единиц. В то же время автор умышленно сузил источниковедческую базу, выбрав в качестве источника Таврические епархиальные ведомости, которые в силу своего содержания наиболее полно и системно освещали паломничество в Таврической губернии.

В последние годы изучением вопроса паломничества активно занимается научно-исследовательская лаборатория «Сакральные ландшафты Византийского порубежья», созданная в 2024 г. в Севастопольском государственном университете. За последние годы по паломнической деятельности в регионе были изданы работы Р.А. Близнякова, П.И. Пашковского, Е.В. Крыжко и др.^[2], которые рассматривают паломничество как общероссийское явление. Немалый интерес вызывают также публикации И.Г. Шаркова^[41], Р.А. Близнякова и М.А. Агатовой^[1]. Несмотря на то, что все обозначенные работы выходят за пределы нужной нам хронологии, их теоретический материал может быть полезен для осмысления паломничества как явления.

Настоящее научное исследование является одной из первых попыток смысловой реконструкции паломнической деятельности в Крыму до образования Таврического отдела ИППО. Автор исследования неспроста определяет хронологические рамки с 1869 года, времени выпуска первых номеров Таврических епархиальных ведомостей, до 1899 года включительно - последнего года перед созданием Таврического отдела ИППО. В этом интервале автор обращается к 1882 г. - времени образования Православного Палестинского Общества, которое придало паломничеству массовый характер. С 1900 г. внешнему паломничеству в Таврической губернии был предан более системный и осознанный характер, в том числе в отношении теоретической подготовки будущих паломников посредством проведения чтений о Святой земле и Афоне. Таким образом предполагается продолжение настоящего исследования с хронологическими рамками с 1900 по 1917 г.

В издании начала XX столетия в «Справочная записная книжка для паломников по России, Афону и Палестине» было отмечено: «наиболее посещаемые обители в России,

это: Соловецкий монастырь, Сергиево-Троицкая лавра, Александро-Невская, Киево-Печерская и Почаевская лавры, Саровская пустынь, Святые горы, Черниговский собор и мн. др. первоклассные обители» [\[24, с. 5\]](#). Там же находим, что среди наиболее замечательных обителей, рекомендуемых к посещению паломниками в Таврической епархии, значится единственный «Херсонский св. Владимира монастырь в 3 в. от Севастополя» [\[24, с. 11\]](#). Однако периодическая печать Таврической епархии, помимо названного монастыря, неоднократно упоминает о посещении паломниками ряда других христианских обителей Крыма и северной Таврии: Бахчисарайского Успенского скита, Параскевиевского Топловского женского монастыря, Космо-Дамиановской киновии [\[1\]](#), Корсунского единоверческого монастыря. Единожды как о местах совершения паломничества упоминаются древнейшая тысячелетняя Балаклавская обитель св. великомученика и победоносца Георгия, Инкерманский Свято-Климентовский монастырь [\[28, с. 1363, 1368\]](#) и Кизилташская киновия [\[38, с. 1018\]](#). Ни одного упоминания в паломническом контексте нет об Анастасиевской киновии, Катерлезском и Свято-Георгиевском монастырях.

Монастырь св. Владимир в Херсонесе уже в XIX в. привлекал большое количество паломников, особенно 15 июля (28 июля по новому стилю), в день памяти святого равноапостольного князя Владимира. Епархиальная периодическая печать 1879 г. сообщает нам о том, как проходило торжество в этот день: к 7-ми часам утра к Николаевскому адмиралтейскому собору в Севастополе прибывали местные войска со знамёнами, а также крестные ходы с хоругвями и иконами со всех церквей города и множество богомольцев. При участии севастопольского духовенства они сопровождали мощи святого равноапостольного князя Владимира по пути в Херсонесский монастырь [\[31, с. 761-762\]](#). В 9 часов утра шествие прибывало в обитель и принимало участие в праздничном богослужении. Неудобство для паломников составляла теснота монастырских церквей. Так церковь семи священномучеников Херсонесских «не могла вместить в себя и сотой части благочестивых богомольцев» [\[31, с. 762\]](#), поэтому войска расставлялись на улице с восточной и западной её сторон, а большая часть народа стояла под солнцем и наблюдала за богослужением. Внутри оказывались наиболее настойчивые паломники и высшие чины войска, однако «теснота, духота от ладана и от массы горевших свечей заставляли их выходить из церкви и давать места другим богомольцам» [\[31, с. 762\]](#). К половине обедни многие из них, скрываясь от солнца, удалялись в домовую Покровскую церковь, где с 8.00 совершалась ранняя литургия. Другие шли под обширные и прохладные своды строящегося Владимирского собора или на берег моря .

В 1888 году в обители состоялось большое празднование 900-летия Крещения Руси. В его организации своими пожертвованиями приняли участие городские думы, земские управы и предводители дворянства Таврической губернии. Управление Лозово-Севастопольской железной дороги, помимо обыкновенных (пассажирских), добавило в расписание 13 и 14 июля экстренные поезда из Симферополя в Севастополь, а 14, 15 и 16 июля - из Севастополя в Симферополь. Богомольцы, воспользовавшиеся в эти дни железной дорогой, должны были оплатить лишь половину проездной платы. «Главное управление Русского общества пароходства и торговли назначило большой пароход «Владимир» на время с вечера 14 по вечер 15 июля для помещения на нем духовенства, а малый пароход «Сокол» на 15 июля для бесплатной перевозки богомольцев из Севастополя в Херсонес и обратно» [\[42, с. 819\]](#).

13 июля 1888 г. состоялось освящение нижнего храма св. Владимира. На следующий

день вечером в нем же было совершено праздничное всенощное бдение. Прибывшим на праздник богомольцам во время помазания освящённым елеем раздавались маленькие бронзовые изображения святого Владимира. 15 июля, в сам день праздника, после прибытия крестного хода из Севастополя в Херсонесский монастырь, в храмах обители были совершены три архиерейские литургии: в домовая Покровской церкви, в монастырском храме семи священномучеников и в новоустроенном нижнем храме большого собора [\[23, с. 491\]](#). После завершения отделки последнего в 1891 году здесь хранились «части мощей св. равноапостольного князя и обретенные посредством раскопки в 1897 г. части мощей неизвестных святых, найденных в серебряном ковчеге» [\[28, с. 1357\]](#).

Возрождение монашеской жизни в Крыму в значительной мере является заслугой архиепископа Иннокентия (Борисова), задумавшего создать на территории полуострова подобие Афона. В конце 1840-х гг. «скала Успенская, как место славившееся издавна святынею и особенно посещаемое богомольцами» [\[26, с. 265\]](#), обратила на себя внимание архипастыря. Вследствие Высочайше утверждённого доклада Святейшего Синода в ущелье Мариамполь вблизи Бахчисарая было решено открыть главный скит с утверждением пустынножительства по чину святой горы Афонской. Этому скиту предписывалось подчиниться киновиям, которые в будущем могли возникнуть в Крымских горах.

К 15 августа, ко дню Успения Пресвятой Богородицы, в Бахчисарайской обители собиралось множество паломников. Особенное усердие и пламенную веру оказывали «потомки обитателей некогда прежнего здесь Мариуполя, — это Мариупольские греки Екатеринославской губернии, которые издалека приходя сюда поклониться месту чудесного явления иконы» [\[16, с. 90\]](#). Все они отличались от прочих богомольцев особой сосредоточенностью, а отличием мариупольских гречанок всегда была тёмная одежда [\[16, с. 90\]](#).

Значительное стечение богомольцев из Крыма, Северной Таврии и даже соседней Херсонской губернии наблюдалось в обители ежегодно до 23 августа [\[36, с. 125-126\]](#). В течение недели, предшествующей празднику, по длинной извилистой улице Бахчисарая, ведущей к мужской обители «беспрерывно тянулись вереницы подвод, экипажей и пешеходов. Вся масса богомольцев едва могла разместиться с подводами вплотную по всему глубокому оврагу монастыря» [\[39, с. 1236\]](#). На то время он представлял собой настоящую ярмарку с шалашами и крытыми деревянными навесами, где паломники не только проживали, но и могли приобрести для себя чай, разные съестные припасы и продукты. Общее количество богомольцев, начиная от предпразднества, заканчивая отданием праздника Успения Пресвятой Богородицы, при благоприятной погоде возрастало до 15000 человек и более [\[36, с. 125-126\]](#).

По сведениям епархиальных ведомостей Бахчисарайский Успенский монастырь с паломнической миссией посещали и воспитанники образовательных учреждений. В 1898 г. в обитель посетили учащиеся Симферопольского духовного училища в сопровождении смотрителя, некоторых преподавателей и надзирателей. Своё паломничество они совершили 24 апреля, в субботу пасхальной седмицы, на лошадях. В 5 часов утра к воротам училища подъехали 3 линейки и 4 фаэтона, на которых разместились все воспитанники (42 человека). Участники поездки отправились в конный путь, хотя в предыдущем то же расстояние было преодолено ими при помощи железной дороги [\[7, с. 1049-1050\]](#).

Другой значимой обителью, упомянутой в Таврических епархиальных ведомостях, - её и сегодня не обходят своим вниманием паломники, - был Параскевиевский Топловский женский монастырь. 24 июля 1888 г. за два дня до храмового праздника обители состоялось освящение храма преподобномученицы Параскевы, в котором неожиданно принял участие иерусалимский паломник из духовенства Санкт-Петербургской епархии - протоиерей Вознесенской церкви Василий Яковлевич Михайловский, не заставший епархиального архиерея в Симферополе [\[37, с. 939\]](#).

В женской обители имелся источник святой преподобномученицы Параскевы, почитавшийся в народе целебным. Пред ним находилась часовня, устроенная в виде иконостаса. В его центре находилась икона чтимой святой. У источника и часовни была устроена большая площадка, вымощенная камнем, где накануне храмового праздника в присутствии множества богомольцев торжественно совершалось всенощное бдение. После воскресных и праздничных литургий пелся молебен святой покровительнице обители. Ниже, в двадцати шагах от источника, был устроен большой бассейн и купальня с мужским и женским отделениями для богомольцев, желающих омыться в целебной воде [\[25, с. 183\]](#).

В монастыре имелась большая двухэтажная гостиницы для паломников, около неё было выстроено просторное одноэтажное здание, служившее кухней и трапезной для паломников [\[25, с. 182\]](#). 25 июля, канун храмового праздника, был днём усиленных забот сестёр и монахинь по приёму съезжавшихся в обитель целых семейств поклонников. В своих фургонах они привозили с собой самовары, кофейники, чашки, подушки с тюфячками и провизией. Монастырские гостиницы к этому времени, как правило, уже были заняты приглашёнными и почётными гостями. В толпе паломников была слышна «речь и южноруссов, и болгар соседних с обителью или дальних, и изредка слышна была греческая речь православных прихожан из соседних приходов» [\[37, с. 939\]](#). Торговцы, как и в Успенском Бахчисарайском монастыре, не забывали расставлять свои палатки для продажи съестного.

Ещё одним популярным местом паломничества в Крыму был Космо-Дамиановский монастырь. Ежегодно к 1 июля, дню памяти святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, множество богомольцев «со всего Новороссийского края, из черноморья и с Кавказа» [\[33, с. 173\]](#) устремлялось к целебному источнику в лесах под Алуштой, который на языке здешних татар именовался «не иначе, как водою здравия» [\[32, с. 140\]](#). И христиане, и мусульмане привозили сюда своих больных родственников и приятелей для исцеления. До 1854 года возле источника не было построек ни для размещения паломников, ни для совершения храмовых богослужений, поэтому «священники из Симферополя, Бахчисарая и других мест, совершали тут, по приглашению богомольцев, "чин освящения" воды и молебны святым бессребреникам» [\[32, с. 133\]](#). Первыми насельниками будущей обители стали иеромонах Макарий с монахом Игнатием, командированные сюда в 1856 г. из Бахчисарайского Успенского скита для устройства церкви и других зданий, в т.ч. для удовлетворения религиозных нужд богомольцев [\[32, с. 142\]](#). Они поселились в единственном небольшом домике, который был построен в 1855 г. симферопольским купцом 1-й гильдии, потомственным почётным гражданином, старостой Алексндро-Невского собора Симферополя Иваном Потаповичем Санютиным, получившим здесь исцеление от лихорадки, нервного расстройства и слабости всего организма [\[14, с. 15\]](#).

Для сбора воды из источника был устроен специальный колодец, над которым соорудили часовню, где для богомольцев освящали воду. Её пили, омывали больные части своего тела и разносили «по разным концам Новороссийского края, Черноморья и Дона» [\[32, с. 146\]](#). В нескольких саженях ниже от колодца была устроена купальня с разными частями для мужчин и женщин. Один из первых летописцев обители протоиерей Гавриил Исидорович Руднев писал, что «в этой купальне все богомольцы священным долгом считают купаться, и купаются не только здоровые, но и больные, и по вере многие получают исцеления» [\[32, с. 146\]](#).

В начале 1880-х г. в монастыре была одна деревянная гостиница для паломников 8 саженей в длину и 3 сажени в ширину, построенная в 1863 г. Поскольку она не могла вместить в себя всех желающих, особенно к 1 июля, дню престольного праздника монастыря, для посетителей обители в 1890 г. построили дополнительный корпус (4 на 3 сажени), а в 1896 г. ещё один (3,5 на 2 сажени) с балконом, под которым сделали чайную для паломников [\[14, с. 15\]](#). Большая часть богомольцев располагалась табором ниже монастыря, где Космо-Дамиановский поток впадал в р. Альму. Там же размещались и мусульмане, которые приезжали на своих мажарах целыми семьями и привозили к источнику собственноручно изготовленные из жёлтого воска свечи [\[33, с. 173\]](#).

В отдельные дни: 9 июля, в праздники Преображения Господня, Успения Пресвятой Богородицы и Крестовоздвижения (если не было бурь и дождей) - в Космо-Дамиановской обители также собиралось множество паломников. В октябре богомольцев было весьма немного, а с ноября по апрель паломничество совсем прекращалось. «В весьма редких случаях и только особенно предприимчивые и смелые богомольцы, и не иначе как пешком, заходят иногда в киновию и зимою; но это бывает в редкие годы и при исключительных обстоятельствах, когда бывают бесснежные или малоснежные зимы» [\[33, с. 174\]](#) - писал протоиерей Гавриил Руднев.

Последним местом, о котором дважды упоминается в периодической печати Таврической епархии как о паломническом центре, был Корсунский единоверческий монастырь, учреждённый в XIX веке для содействия обращению старообрядцев. Обитель содержалась за счёт принадлежащих ей соляных угодий. Выручка от продажи соли употреблялась на поддержание зданий, содержание монастырской братии и богомольцев, приезжавших в большом количестве. Доходы обители также использовались для приобретения различной церковной утвари, предметов религиозного назначения и инструментов [\[17, с. 391-392\]](#).

Главной святыней монастыря была древняя икона Божией Матери «Корсунская». В 1897 г. праздновалось 100 лет со дня основания обители. Сотни паломников посещали её преимущественно в летнее время, особенно в Успенский пост [\[13, с. 956, 981\]](#). Приют богомольцы находили в паломнической гостинице, располагавшейся в западной стороне от монастыря, однако, поскольку не все желающие могли найти в ней для себя кров, в 1897 г. было начато строительство другого подобного здания. Современники отмечали истовость и благолепие совершаемого в монастыре богослужения [\[13, с. 977\]](#).

Материалы Таврических епархиальных ведомостей указывают на неоспоримый факт больших бытовых затруднений, испытываемых паломниками в дни престольных праздников, несмотря на заботу монастырского священноначалия. Зной и палящее солнце упоминалось в сообщениях о первоклассном Херсонесском монастыре святого Владимира. Ещё большей бедой для паломников, не оказавшихся под крышей

паломнических гостиниц, были дожди. Для того чтобы принять участие в престольном празднике, они приезжали на фургонах, крытых холстом, и оставались на территории обители или возле неё в течение нескольких дней. Очевидец празднования Успения Пресвятой Богородицы в Успенском Бахчисарайском скиту вспоминал: «Во время всенощного бдения над Бахчисараем разразилась страшная гроза, хлынул дождь, который, не переставая до самого утра, лишил возможности богомольцев провести спокойно ночь. Угодья монастырские не могли укрыть всех богомольцев, которых собралось в Успенском ските более 7 тысяч, а потому большая часть их оставалась всю ночь под дождём» [\[39, с. 1237\]](#). Подобная ситуация нередко случалась в Топловской женской общежительной обители. «...В это дождливое время нам очень жаль было богомольцев... - писал свидетель празднования памяти святой преподобномученицы Параскевы 24-26 июля (по старому стилю), - чувствовалась нужда в более обширной и удобной гостинице для поклонников. Дай Бог, чтобы желание многих о более просторной гостинице скорее исполнилось при помощи добрых людей» [\[37, с. 946\]](#).

Со страниц Таврических епархиальных ведомостей мы можем узнать также и о русском паломничестве за пределы Российской империи, о мерах предпринимаемых правительственными и общественными организациями по улучшению быта русских паломников в Палестине и на Афоне. В 1880 г. впервые появляется информация о том, что Святейший Правительствующий Синод, учитывая ходатайство Палестинской комиссии о содействии к увеличению кружечного сбора в пользу палестинских поклонников, который проводился по всем церквам в Вербное воскресенье (за неделю до празднования Воскресения Христова), предписал «через "Церковный Вестник" московской и грузино-имеретинской синодальным конторам, епархиальным преосвященным и главным священникам гвардии и гренадер и армии и флотов сделать распоряжение об оказании возможного со стороны подведомственного им духовенства содействия к увеличению сбора пожертвований в пользу палестинских поклонников» [\[22, с. 504\]](#). Через пару лет в тех же епархиальных ведомостях сообщалось о единственном случае недоимки сборов по кружкам в пользу православных поклонников в Палестине за 1881 год, который произошел в Севастопольском благочинии. В итоге 37 р. 45 к. подлежали высылке в консисторию [\[6, с. 978\]](#).

В 1884 году, т.е. через два года после образования Православного Палестинского Общества, в Таврических епархиальных ведомостях впервые появилось сообщение об удешевлении пути в Иерусалим. За проезд в 3-м классе от Москвы до Яффы и обратно паломнику нужно было заплатить 46 руб. 50 коп., от Киева - 33 руб., от Воронежа через Таганрог - 38 руб. Там же сообщалось о начале продажи с 1 ноября 1883 года паломнических книжек, которые можно было сначала приобрести в Санкт-Петербурге, Троице Сергиевой Лавре, Москве, Воронеже, Перми и Казани, а затем и в других значимых городах Российской империи. Паломнические книжки были действительны целый год со дня их подачи. Благодаря им паломники могли на длительное время останавливаться в Курске, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и Константинополе [\[29, с. 59-60\]](#). После введения 1 декабря 1894 г. нового железнодорожного тарифа паломнические книжки для проезда в Иерусалим и на Афон стали ещё дешевле [\[9, с. 180\]](#).

Желающие получить билет 3-го класса только на пароход могли получить его от «Русского общества пароходства и торговли» после предъявления заграничного паспорта и внесения соответствующей оплаты: от Одессы или Севастополя до Яффы и обратно за 24 руб., от Таганрога за 29 руб. и от Батума за 28 руб. [\[29, с. 60\]](#).

В 1885 г. в Таврических епархиальных ведомостях было опубликовано воззвание Православного Палестинского Общества с просьбой об оказании пожертвований на особое сооружение, которое предполагалось воздвигнуть для предотвращения разрушительного влияния зимних дождей над недавно обнаруженным в Иерусалиме порогом судных врат, а также устройство храма, обители и ограждение стеной холма, носящего название «Малой Галилеи» или горы Га_лилейской на Елеоне [\[30\]](#).

В январе 1888 г. на страницах епархиального журнала впервые появилось Отношение Православного Палестинского Общества, подписанное его Председателем великим князем Сергеем Александровичем, на имя епископа Таврического и Симферопольского Мартиниана с просьбой повторить сделанные в истекших годах распоряжения о сборе по епархии во время празднования входа Господня в Иерусалим. По благословению иерарха по монастырям, соборам и церквям были разосланы надписи, поучения и беседы о пожертвованиях в пользу палестинских поклонников и на нужды православных жителей Св. Земли, а духовенству Таврической епархии было предложено разъяснить своей пастве значение предприятий Палестинского Общества и содействовать увеличению количества пожертвований [\[12\]](#).

В последующие годы письма Председателя Палестинского Общества публиковались снова и неизменно содержали резолюцию таврических архипастырей о содействии проведению сборов в день Вербного Воскресенья. Примечательно, что десятая часть вырученного на пользу палестинских поклонников сбора могла быть удержана в пользу местных приходских попечительств или приходских благотворительных обществ, если они изъявляли на то желание [\[27, с. 125\]](#).

В начале 1890-х гг. члены Православного Палестинского Общества получили возможность вносить членские взносы и пожертвования в пользу Общества в Севастополе: А. А. Гаврилову, проживавшему в своем доме на улице Малой Морской [\[8, с. 112\]](#).

Организация ежегодных сборов для нужд палестинских поклонников в Вербное воскресенье в значительной мере способствовала не только улучшению их быта, но и увеличению количества русских богомольцев на Святой земле и на Афоне. Благодаря Таврическим епархиальным ведомостям нам известно несколько случаев паломничества духовных лиц за пределы Российской империи в последней четверти XIX в.:

1. В 1884 г. «иеромонах Корсунского монастыря, состоящий при архиерейском доме Иоанн (Показанцев) уволен в отпуск за границу на шесть месяцев, для поклонения гробу Господню и другим св. местам» [\[5, с. 492\]](#);

2. В мае 1893 священник церкви Владимирской иконы Божией Матери с.Владимировки Бердянского уезда Павел Иванович Воронов для поездки на Афон [\[3\]](#);

3. «Иеромонах Херсонисского св. Владимира монастыря Иоанн, согласно прошению, уволен для поклонения св местам за границей — в Палестине и на св. Афонской горе — с 26 февраля по 26 августа сего 1898 года» [\[35, с. 445\]](#). В указанное время в монастыре на послушании пребывал только один насельник с таким саном и именем: 51-летний иеромонах Иоанн (в миру Иаков Венгеровский), из купеческого звания [\[4, л. 30 об.-51 об.\]](#).

Упоминание трёх означенных священнослужителей на страницах региональной церковной периодики было связано не только с исключительностью данного явления, но

и с предписанием Священного Синода, чтобы епархиальные архиереи «при увольнении священнослужителей, как белого, так и монашеского духовенства, на восток, для поклонения святым местам, снабжали увольняемых, независимо от паспорта, свидетельствами, за надлежащею печатью и непременно за подписанием собственной руки, с обозначением в сих свидетельствах срока отпуска, времени посвящения увольняемого в священный сан и последнего места службы, и с пояснением что увольняемый в запрещении священнослужения не состоит, а потому, с разрешения подлежащего православного духовного начальства, может священнодействовать в течение времени отпуска» [\[21, с. 717-718\]](#).

О мирянах, как впрочем и о монахинях-паломницах, епархиальная периодическая печать умалчивает, хотя из списков сестер Свято-Троице-Параскевиевского монастыря известно, что в 1898 г. на поклонении в Иерусалиме находились монахиня Пантелеймона, 64 лет (из государственных крестьян, в миру Иустиния Кидалова), а также монахиня Филарета (мещанка Полтавы, в миру Анна Петлюрина), 56 лет, и Агрипина Венедиктовна Немчинова, 31 года, из крестьян [\[4, л. 88-138\]](#). Единственным исключением является негативный случай, происшедший в 1869 году в селении Новой-Маячке Днепропетровского уезда. Отставной солдат Иосиф Градский, стоя у церковной паперти, отдавал верующим за пожертвования на Иерусалим «раскрашенные восковые свечи, разные травы и камешки, привезённые будто бы им из Иерусалима» [\[18, с. 215\]](#). По распоряжению местного священника и благочинного его задержали и выявили при проверке, что Градский, действительно, имел при себе заграничный паспорт и собирался отправиться на поклонение, решив таким нечестным образом пополнить сбережения для предполагавшегося паломничества.

Благодаря сообщению основателя и первого руководителя ИППО Василия Николаевича Хитрово известно, что за период с 1869 по 1875 год и с 1878 по 1879 год (т. е. за 7 лет) количество паломников из Таврической губернии, посетивших Святую землю, составило 326 чел. За период с 23 июля 1893 по 1 марта 1894 г. и с 1 марта 1895 по 1 марта 1899 г. (т.е. за 4 года и 7 месяцев) составило 847 чел. Таким образом, за все указанное время Святую землю посетило 1173 таврических паломника [\[40, с. 139\]](#) и из этого количества благодаря Таврическим епархиальным ведомостям нам известны имена всего лишь трёх священнослужителей и одного мирянина, т.е. 0,34 % от общего количества таврических паломников, тогда как только духовные лица (мужчины и женщины), отправлявшиеся с 1895 по 1899 г. на поклонение в Иерусалим, составляли более 1,5 % от общего числа паломников.

В конце XIX века Севастополь стал одним из пяти пунктов (наряду с Одессой, Таганрогом, Новороссийском и Батуми) отправления паломников на Святую землю и Афон. Примечательно, что паломники, взявшие пароходные паломнические билеты в Севастополе и Батуме, минуя Одессу, доставлялись прямым рейсом в Константинополь, где пересаживались на пароходы, шедшие из Одессы в Яффу или на Афон [\[15, с. 7\]](#). Таким образом отправился в свой путь на монашеский остров священник Павел Воронов, накануне остановившийся на ночлег в гостинице Ветцеля, где также, заплатил 2 рубля «специальному человеку» за визирование заграничного паспорта у турецкого консула. На следующий день в агентстве РОПиТ (Русское общество пароходства и торговли) он получил путевой билет до Афона и обратно, заплатив за него 16 рублей, и визированный паспорт, принесённый от консула. В 9 часов пароход уже «отошёл от пристани и мимо черноморских броненосцев быстро пустился в море... На другой день путешествия с полудня стали обрисовываться берега Малой Азии» [\[3, с. 821\]](#). Ещё через день из Одессы

прибыл пароход, на котором ехало несколько поклонников на Афон и Иерусалим. Поскольку пароход стоял в Константинополе три дня, то о. Павел Воронов все указанное время посвятил осмотру городских достопримечательностей [\[3, с. 824-825\]](#).

Несмотря на то, что епархиальные ведомости не сообщают о других маршрутах паломничества на Святую землю или Афон из Крыма, они все же существовали. Например, таврические паломники самостоятельно морским путём добирались до Одессы и там уже отправились в путь на пароходе Александрийской круговой или прямой линии к месту назначения [\[11, с. 11\]](#).

Епархиальные ведомости сообщали потенциальным паломникам важную информацию. Так, в январе 1891 г. появилось объявление о том, что «распоряжением г. Министра Внутренних Дел, по случаю приближения холеры к Иерусалиму, приостановлена выдача заграничных паспортов богомольцам, отправляющимся в Иерусалим на поклонение Св. мест. Посему Императорское Православное Палестинское Общество, с своей стороны, прекратило продажу Палестинских паломнических книжек, впредь до дальнейшего распоряжения» [\[19, с. 110\]](#). Похожее объявление появилось весной 1897 г., однако на этот раз целью данных мер, реализация которых началась 28 января, было предупреждение занесения в Российскую империю не холеры, а чумной заразы [\[20, с. 106\]](#). Пропуск русских паломников за границу в последнем случае был разрешён лишь в конце 1897 г. [\[34, с. 1258\]](#).

Единственный раз на страницах Таврических епархиальных ведомостей изучаемого нами периода встречается объявление рекламного характера о том, что «последние пароходы, на которых поклонники могут поспеть в Иерусалим ко дню Св. Пасхи, отойдут из Одессы 2 и 5 марта сего 1896 года» [\[10, с. 156\]](#).

Таким образом, обобщая информацию, мы можем выделить как минимум два направления паломничества, связанные с Таврической губернией: 1) путь к святыням Крыма и Северной Таврии - внутренне паломничество; 2) путь в Святую землю и на Афон - внешнее паломничество. Приведённые в исследовании источники и привлечённая литература не позволяют проследить конкретной взаимосвязи между двумя этими направлениями, поскольку ни местное епархиальное руководство, ни священнослужители и монашествующие во второй половине XIX в., кроме проведения ежегодного Вербного сбора, не принимали никакого участия в организации и сопровождении паломничества к реликвиям Святой земли и Афона. В связи с этим внутреннее и внешнее паломничества можно рассматривать как автономные, независимые друг от друга процессы. Основными местами внутреннего паломничества в Крыму были Бахчисарайский, Успенский скит, Параскевиевский Топловский женский монастырь и Космо-Дамиановская киновия, которые в дни престольных праздников посещали тысячи богомольцев, в Северной Таврии - Корсунский единоверческий монастырь, посещавшийся сотнями паломников. Богомольцы собирались на территории обителей накануне и в дни престольных праздников, гостиниц на всех не хватало, поэтому многие размещались в своих фургонах или под открытым небом. Количество людей привлекало различных торговцев, в т.ч. и местных татар, которые на территории монастырей или возле них проводили целые ярмарки. Внешнее паломничество совершалось на пароходах по двум маршрутам: из Севастополя в Константинополь и далее с пересадкой на пароход, следующий из Одессы до Афона и Святой Земли, или без пересадок из самой Одессы, куда также можно было добраться на пароходе или другим удобным наземным транспортом. До появления Палестинского Общества

паломничество за пределы Российской империи носило менее системный характер при отсутствии следов явного протекционизма. Последний отчетливо можно наблюдать после 1882 г., в т.ч. и на страницах Таврических епархиальных ведомостей в виде информации о паломниках из среды священнослужителей и монашествующих Таврической епархии, проездных тарифах, прекращения или возобновления выдачи заграничных паспортов и продажи паломнических книжек, пароходном сообщении и пр.

[\[1\]](#) Киновия - монастырь общежительного устава.

Библиография

1. Близняков Р. А., Агатова М. А. Таврический Отдел Императорского Православного Палестинского Общества (1900–1917 гг.): ПО материалам "Таврических епархиальных ведомостей" // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(79). С. 20-24. EDN: YMSDZR.
2. Близняков Р.А., Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Астапов А.А. Возникновение и основные тенденции деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в сфере организации паломничества (1882-1905) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 125-137. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72460 EDN: TMIQWJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72460
3. Воронов П., свящ. Заметки из поездки на Св. Афон // Таврические епархиальные ведомости. 1895. № 33. С. 820-834.
4. ГАРК Ф.118, оп. 1, д. 6234. Клировые ведомости монастырей Таврической епархии за 1898 год.
5. Епархиальные известия // Таврические епархиальные ведомости. 1884. № 11-12. С. 490-493.
6. Журнал № 7- 27-го августа 1883 года // Таврические епархиальные ведомости. 1883. № 21-22. С. 977-980.
7. Из жизни духовно-учебных заведений // Таврические епархиальные ведомости. 1898. № 7. С. 1049–1050.
8. Императорское Православное Палестинское Общество // Таврические епархиальные ведомости. 1891. № 1-2. С. 111-113.
9. Императорское Православное Палестинское Общество // Таврические епархиальные ведомости. 1895. № 7. С. 180.
10. Императорское Православное Палестинское Общество // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 156.
11. Калинин Н. И. Путешествие по святым местам Иерусалима, Палестины и Афона. Одесса: Надежда, 2009.
12. Копия Отношения Православного Палестинского Общества от 15-го Января 1888 г... // Таврические епархиальные ведомости. 1888. № 5. С. 207-209.
13. Корсунский первоклассный мужской монастырь Таврической епархии // Таврические епархиальные ведомости. 1897. № 35. С. 956-982.
14. Космо-Дамиановский монастырь в Крыму: исторический очерк / Сост. Послушник Сергей (Тринитко); под ред. Игумена Никиты (Полтава). Алушта, Киев: Факт, 2003.
15. Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока. Санкт-Петербург: Православное Палестинское общество, 1907.
16. Накропин А., священник. Пещерная скала Бахчисарайского Успенского Скита (Крымские пещеры) // Таврические епархиальные ведомости. 1880. № 2. С. 82-90.
17. О соляных угодьях Корсунского монастыря // Таврические епархиальные ведомости.

1870. № 12. С. 390-394.

18. О том, чтобы при церквах иметь достаточное количество крестиков и иконок для снабжения ими прихожан // Таврические епархиальные ведомости. 1869. № 7. С. 213-218.

19. Объявления // Таврические епархиальные ведомости. 1891. № 1-2. С. 110.

20. Объявление от Императорского православного палестинского общества // Таврические епархиальные ведомости. 1897. № 6. С. 106.

21. От 9 – 23 июня 1888 года за № 1163, о снабжении священнослужителей, отправляющихся на восток для поклонения св. местам, особыми свидетельствами // Таврические епархиальные ведомости. 1882. № 15. С. 715-718.

22. От 10-го – 29-го апреля 1880 года № 843, об увеличении кружечного сбора в церквах на поклонников в Палестине // Таврические епархиальные ведомости. 1880. № 10-11. С. 504.

23. От комитета по устройству празднования 900-летия со времени крещения св. благоверного князя Владимира в Херсонисе Таврическом // Таврические епархиальные ведомости. 1888. № 11. С. 491 (С. 490-492).

24. Павловский А. Справочная записная книжка для паломников по России, Афону и Палестине. Нижний Новгород: типо-лит. И. М. Машистова, [1908].

25. Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму // Таврические епархиальные ведомости. 1892. № 4. С. 180-186.

26. Письмо к Редактору Одесского Вестника об открытии Бахчисарайского Скита // Таврические епархиальные ведомости. 1890. № 6. С. 257-265.

27. Письмо Председателя Палестинского Общества... // Таврические епархиальные ведомости. 1889. № 4. С. 123-125.

28. Поклонение (южным) святыням Крыма // Таврические епархиальные ведомости. 1897. № 51-52. С. 1354-1374.

29. Православное Палестинское Общество // Таврические епархиальные ведомости. 1884. № 1-2. С. 59-60.

30. Православного Палестинского Общества Воззвание // Таврические епархиальные ведомости. 1885. № 7-8. С. 378-384.

31. Пятнадцатое июля в Херсонисском монастыре // Таврические епархиальные ведомости. 1879. № 16. С. 760-765.

32. Руднев Г., прот. Космодамиановская киновия, в Крыму, и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарие // Таврические епархиальные ведомости. 1882. № 3. С. 133-146.

33. Руднев Г., прот. Космодамиановская киновия, в Крыму, и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарие (окончание) // Таврические епархиальные ведомости. 1882. № 4. С. 172-192.

34. Распоряжением Высочайше учрежденной комиссии... // Таврические епархиальные ведомости. 1897. № 47. С. 1258.

35. Распоряжения Епархиального Начальства // Таврические епархиальные ведомости. 1898. № 7. С. 445.

36. Сведения о Бахчисарайской Успенской Церкви, устроенной в каменной скале // Таврические епархиальные ведомости. 1890. № 2-3. С. 118-127.

37. Торжество в Топловской женской общежительной обители, Феодосийского уезда, Таврической губернии, 24-26 июля 1888 года // Таврические епархиальные ведомости. 1888. № 19-20. С. 929-954.

38. Убийство игумена Парфения // Таврические епархиальные ведомости. 1878. № 24. С. 1018-1022.

39. Успенский скит в Бахчисарае (к 15-му августа) // Таврические епархиальные

ведомости. 1899. № 17. С. 1236–1239.

40. Хитрово В. Н. Откуда идут в Святую землю русские паломники // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб. 1900. март-апрель. С. 129-145.

41. Шарков И. Г. Просветительская и паломническая деятельность Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1900–1917 гг // Макарьевские чтения: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Республика Алтай, Горно-Алтайск, 21-22 сентября 2023 года. Республика Алтай, Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2023. С. 132-146. EDN: IFRCQI.

42. Юбилейное торжество в Херсонисском св. Владимира монастыре в день 900-летия со времени крещения Равноапостольного князя Владимира и Русского народа в 988 году по Рождестве Христовом // Таврические епархиальные ведомости. 1888. № 15-16. С. 652-819.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

За последние десятилетия различные виды туризма - от экстремального до промышленного - прочно вошли в жизнь десятков тысяч людей, а сам туризм прочно стал одной из ведущих сфер экономики. Среди видов туризма стоит отметить религиозный туризм, особенно распространившийся в нашей стране после распада СССР, что связано как с возрождением религиозной традиции, так и с открытием границ. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является паломническая деятельность на территории Таврической епархии до образования Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества в последней трети XIX века. Автор ставит своими задачами "выявление и локализация основных мест паломничества на территории Крымского полуострова и прилегающего к нему в пределах Таврической губернии Северного Причерноморья; воссоздание логистических схем внешнего паломничества из Таврической губернии за пределы Российской империи; определение региональных особенностей паломничества в Палестину и на Афон во второй половине XIX в."

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать паломническую деятельность в Крыму до образования Таврического отдела ИППО. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем на документы из фондов Государственного архива Республики Крым и материалов "Таврических епархиальных ведомостей". Из используемых исследований отметим работы Р.А. Близнякова и его соавторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения деятельности Таврического отдела ИППО. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей паломничества в целом, там и паломничеством из Крыма, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "сегодня стоит вопрос о пересмотре возможностей внутреннего религиозного туризма, в котором неоспоримо возрастает роль Крыма как региона древнейшего распространения христианства". Автор отмечает "как минимум два направления паломничества, связанные с Таврической губернией: 1) путь к святыням Крыма и Северной Таврии - внутренне паломничество; 2) путь в Святую землю и на Афон - внешнее паломничество". В работе показано, что

"местами внутреннего паломничества в Крыму были Бахчисарайский, Успенский скит, Параскевиевский Топловский женский монастырь и Космо-Дамиановская киновия, которые в дни престольных праздников посещали тысячи богомольцев, в Северной Таврии - Корсунский единоверческий монастырь, посещавшийся сотнями паломников".

Главным выводом статьи является то, что

"появления Палестинского Общества паломничество за пределы Российской империи носило менее системный характер при отсутствии следов явного протекционизма".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Безверхий Д.В. Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75545 EDN: QWLXHB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75545

Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова

Безверхий Дмитрий Валерьевич

аспирант, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1Б

✉ mitya.bezverhy@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75545

EDN:

QWLXHB

Дата направления статьи в редакцию:

15-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Несмотря на наличие большого количества работ, посвящённых биографии великого русского архитектора, живописца и мыслителя Василия Ивановича Баженова (1738–1799), персональная история его потомков мало изучена. Между тем они были помещиками Арзамасского уезда Нижегородской губернии, в котором император Павел I в 1796 г. пожаловал зодчему дворцовые с. Кардавилы, Никольское тож, д. Корино и д. Понетаевку. Многие страницы истории рода Баженовых, дворян Нижегородской губернии, остаются неизвестными широкой публике. Одной из них является убийство Ольги Александровны Баженовой (1820–1855), урождённой дочери коллежского советника Александра Струнина и жены майора Василия Всеволодовича Баженова (1803–1846) – внука известного архитектора. Персональная история (история через

личность) – одно из самых актуальных направлений в современной исторической науке, в которой в настоящее время наблюдается «культурный поворот», в ходе которого происходит уход от макроистории к микроистории. В центре внимания историков, проводящих исследования в русле возрождающегося биографического метода, оказываются судьбы отдельно взятых людей, реконструируемые персональные истории которых необходимы для воссоздания событий прошлого и понимания изучаемой исторической эпохи. В настоящем исследовании привлекался широкий круг источников, а также использовались такие методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и др., широко применялись перекрёстный анализ (перекрёстная проверка нескольких источников), биографический метод и методы вспомогательных исторических дисциплин (например, генеалогии). Таким образом, в статье делается попытка реконструкции персональной истории О. А. Баженовой в контексте исторической эпохи, в которой жила помещица, с представлением множества неизвестных ранее сведений из истории рода выдающегося зодчего, найденных в ходе долгих и кропотливых изысканий в таких архивах, как ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург), ЦГА г. Москвы и др. Кроме того, в работе приводятся реконструкции биографий некоторых персон из окружения Баженовых, что значительно расширяет контекст исследования и иллюстрирует применение просопографического подхода (создание коллективных биографий): реконструируются не только биографии ключевых фигур, но и их окружения, выявляя обширные социальные связи семьи Баженовых.

Ключевые слова:

персональная история, биографический метод, источниковедение, краеведение, генеалогия, крепостное право, архитектор Василий Баженов, Арзамасский уезд, Нижегородская губерния, просопография

Несмотря на наличие большого количества работ, посвящённых биографии великого русского архитектора, живописца и мыслителя Василия Ивановича Баженова (1738-1799), персональная история его потомков мало изучена. Между тем они были помещиками Арзамасского уезда Нижегородской губернии, в котором император Павел I в 1796 г. пожаловал выдающемуся зодчему в вечное и потомственное владение дворцовые с. Кардавилъ, Никольское тож, д. Корино и д. Понетаевку — всего по 5 ревизии 1795 г. 1000 душ мужского пола и около 15 000 десятин земли [\[43\]](#). Многие страницы истории рода Баженовых, дворян Нижегородской губернии, остаются неизвестными широкой публике. Одной из них является убийство Ольги Александровны Баженовой (1820-1855), урождённой дочери коллежского советника Александра Струнина и жены майора Василия Всеволодовича Баженова (1803-1846) — внука известного архитектора.

Персональная история (новая биографическая история, история через личность, история в биографиях) — одно из самых актуальных направлений в современной исторической науке. Н. Б. Селунская отмечает, что если «вернуться к изучению хозяйства помещиков-дворян... то работая с массовыми данными, характеризующими посевы, доходы, цены на землю, скот и инвентарь в сотнях и тысячах имений, историк не видит лиц и не интересуется индивидуальными судьбами владельцев этих имений. Эти судьбы выступают на первый план уже при другом подходе и иной исследовательской стратегии историка, когда он будет работать в жанре персональной истории, новой биографической истории,

используя биографический метод. Тогда на первый план выступит личность помещика, его индивидуальный опыт и персональная история, через которую, кстати, историк стремится увидеть и историческую эпоху, в которой жил герой его истории» [\[36, с. 10-11\]](#).

Таким образом, в настоящем исследовании делается попытка реконструкции персональной истории О. А. Баженовой в контексте исторической эпохи, в которой жила помещица, с представлением множества неизвестных ранее сведений из истории рода великого русского зодчего, найденных в ходе долгих и кропотливых изысканий в таких архивах, как ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАНО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург) ЦГА г. Москвы и др. Кроме того, в статье приводятся реконструкции биографий некоторых персон из окружения Баженовых, что значительно расширяет контекст исследования и иллюстрирует применение просопографического подхода (создание коллективных биографий): реконструируются не только биографии ключевых фигур, но и их окружения (родственники, воспитанники, поручители, соседи-помещики), выявляя обширные социальные связи семьи Баженовых. В работе были рассмотрены персональные истории не только дворян, но и дворовых людей и крестьян, которые были тесно связаны с событиями, описанными в статье, что демонстрирует несомненную значимость «человека второго плана» в истории.

В исследовании привлекался широкий круг источников. Были изучены не только материалы дела об убийстве О. А. Баженовой из РГИА и церковные документы (метрические книги, исповедные росписи) из ЦГА г. Москвы, ЦАНО, ГАНО (г. Арзамас) и др., но и также, к примеру, документы из таких фондов ЦАНО, как Арзамасский уездный суд (Ф. 153. Оп. 97), Арзамасский городской магистрат (Ф. 118. Оп. 25), Арзамасская дворянская опека (Ф. 653. Оп. 129а), Нижегородское губернское правление (Ф. 5. Оп. 46, 47, 48), Нижегородская палата гражданского суда (Ф. 177. Оп. 766), Нижегородское дворянское депутатское собрание (Ф. 639. Оп. 124, 125, 126) и др. (духовные завещания, формулярные списки, опекунские отчёты по управлению имениями, дела о внесении в дворянскую родословную книгу, списки дворян, судебные дела о долговых разбирательствах и разделе имущества и др.). Все дореволюционные даты приведены в статье по старому стилю.

Как уже известно, в 1805 г., уже после смерти В. И. Баженова, имения, пожалованные ему в Арзамасском уезде, были поделены между его тремя сыновьями. Для проживания генерал-майор и кавалер Константин Баженов (1771-1826) выбрал д. Корино, генерал-майор Владимир Баженов (1772-1820) — д. Понетаевку, полковник Всеволод Баженов (1774-1843) — с. Кардавиле. На 1805 г. в Кардавиле, Корине и Понетаевке было уже 1215 душ, и каждому из Баженовых досталось чуть больше 400 душ и около 5000 десятин земли. Братья владели крепостными в каждом населённом пункте [\[50\]](#). Константин, Владимир и их семьи впоследствии потеряли своё имущество за долги, и лишь Всеволоду удалось сохранить свои владения в Кардавиле, Корине и Понетаевке, которые позднее перешли по наследству его старшему сыну Василию. Данные населённые пункты ныне располагаются на территории Шатковского района Нижегородской области.

Василий Всеволодович Баженов, родившийся 9 марта 1803 г. в г. Рыбинске Ярославской губернии, был незаконнорождённым (внебрачным) сыном полковника Всеволода Баженова и лютеранки Марии Фёдоровны (Христиановны) — урождённой Шевиус, по первому браку Мельниковой (ок. 1776-1843). Его мать, исповедовавшая лютеранство, имела немецкие и шотландские корни, а в 1832 г. перешла в православие. В 1821 г. Василий был узаконен высочайшим указом Александра I за собственноручным

подписанием императора. После узаконения он был отдан на воспитание в Дворянский полк — военно-учебное заведение в Санкт-Петербурге [\[1, с. 62-68\]](#).

Согласно военной газете «Русский инвалид», в 1825 г. Василий выпущен из Дворянского полка и поступил на службу в лейб-гвардии Московский полк [\[31\]](#), где служил в 1825-1829 гг. и от прапорщика дослужился до поручика [\[32\]](#). В 1829 г. поручик Баженов был переведён капитаном в 30-й егерский полк [\[33\]](#). В 1831 г. Василий вышел в отставку по домашним обстоятельствам с чином майора [\[34\]](#). По окончании военной службы он вернулся к родителям в родовое имение Кардавилё. Уже в 1831 г. Василий был записан вместе с ними в исповедной росписи по Кардавилё [\[68, л. 321о6\]](#). Ещё 7 января 1827 г. по прошению отца Василий был внесён в третью часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии по Арзамасскому уезду, а утверждён в дворянском достоинстве 8 мая 1845 г. [\[87\]](#).

27 мая 1838 г. 35-летний Василий Всеволодович обвенчался первым браком в московской Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах (она же церковь Иоанна Воина на Божедомке) с Ольгой Александровной Струниной, которая была младше его на 17 лет [\[99\]](#). В ходе настоящего исследования выяснилось, что Ольга родилась 22 июня 1820 г. в Москве в доме умершей купеческой вдовы Анастасии Гавриловны Барышевой в семье служащего в Правительствующем сенате титулярного советника и ордена св. Анны 3 степени кавалера Александра Ивановича Струнина (впоследствии дослужился до коллежского советника) и его жены Устиньи Фёдоровны — урождённой дочери подканцеляриста Василькова. Крещение Ольги состоялось 27 июня в Георгиевской церкви в Грузинах, её восприемниками (крёстными родителями) стали служащий в Правительствующем сенате титулярный советник и кавалер Василий Георгиевич (Егорович) Хатенов (Хотенов) и девица Мария — дочь титулярного советника и кавалера Сергея Александровича Иванова [\[107\]](#).

В ходе изучения и сравнения различных документов был сделан вывод, что отец Ольги Александровны родился около 1780 г., а мать — около 1786 г. В формулярном списке Струнина за 1803 г. был указан его возраст — 23 года [\[29\]](#). Александр происходил из приказных, его отец Иван Петрович был канцеляристом (мать Александра — Евдокия Васильевна N). Согласно исповедной росписи московской церкви Успения на Вражке, в 1798 г. Устинье Фёдоровне, проживавшей в приходе этой церкви вместе со служащим в Правительствующем сенате дядей Петром Васильевичем Васильковым, было 12 лет [\[104\]](#). Устинья унаследовала от родного дяди здание каменных торговых бань в Лефортовской части г. Москвы, которое она продала в 1840 г. [\[93\]](#).

Помимо Ольги у Александра Струнина родилось ещё как минимум девять детей: Михаил (1811-1853), Пётр (1813-не ранее 1857), Мария (1815-1888), Иван (1817-ок. 1874), Клавдия 1-я (1818-1820), Евгений (1823-ок. 1874), Клавдия 2-я (1824-не ранее 1878), Павел (1825) и Николай (1827). Михаил и Пётр появились на свет в Санкт-Петербурге, остальные дети — в Москве. Павел и Николай умерли во младенчестве и были погребены вместе с Клавдией 1-й на Ваганьковском кладбище (захоронения утеряны). Михаил был крещён в Троице-Измайловском соборе, Пётр — в церкви Покрова в Большой Коломне. Иван, Клавдия 1-я, Павел и Николай были крещены в церкви Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе (она же церковь Рождества Богородицы за Смоленскими воротами или на Арбате), Мария была крещена в церкви Девяти Мучеников близ Пресни, Клавдия 2-я — в Князь-Владимирской церкви в Старых Садах, а

Евгений был крещён в церкви Пимена в Новых Воротниках. Семья часто переезжала с квартиры на квартиру до тех пор, пока не обзавелась собственным деревянным домом на каменном фундаменте под №637 (ранее №560) в 4-м квартале Сущёвской части г. Москвы. Струнины потеряли свой московский дом (их единственное имение) за долг коллежскому асессору и кавалеру Павлу Петровичу Копылову, который получил его в своё владение в 1845 г.

Михаил, Пётр, Иван, Евгений, Мария, Ольга и Клавдия 2-я были внесены вместе с отцом в третью часть дворянской родословной книги Московской губернии [\[92\]](#). За год до венчания Ольга Александровна Струнина окончила Московский Екатерининский институт благородных девиц (без шифра или медали, лишь с аттестатом) [\[21, с. 489\]](#). В исповедной росписи домовой церкви Екатерининского института за 1832 г. значится коллежского асессора Александра Иванова сына Струнина дочь Ольга (11 лет) [\[105\]](#). На 1838 г. отец Ольги занимал в Правительствующем сенате должность обер-секретаря [\[99\]](#).

Что касается поручителей (свидетелей) на венчании Баженова и Струниной, то со стороны жениха ими стали частный пристав Яузской части, коллежский советник и кавалер Митрофан Андреевич Карепин (вместо отца жениха), титулярный советник и кавалер Василий Георгиевич Хатенов, полковник и кавалер Александр Степанович (Стефанович) Ефремов; со стороны невесты — коллежский советник и кавалер Александр Иванович Струнин и служащий в Правительствующем сенате губернский секретарь Михаил Александрович Струнин [\[99\]](#). Будучи холостым, старший брат Ольги Александровны скончался в Москве в 1853 г. от холеры, а похоронен Михаил был на Ваганьковском кладбище (захоронение утеряно) [\[108\]](#).

Примечательно, что Митрофан Карепин упоминается как «частный пристав какой-то из московских частей» в воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского (1825-1897) — брата знаменитого писателя. Брат Митрофана, Пётр Карепин, был женат на Варваре Михайловне Достоевской (1822-1893) [\[18, с. 108\]](#). Сам Пётр Андреевич был поручителем на венчании Марии Александровны Струниной и штаб-лекаря Николая Павловича Жарова (1820-1864), которое состоялось в 1843 г. [\[103\]](#). У Жаровых появилось на свет как минимум четверо детей, крещённых в церкви Трёх Святителей у Красных ворот, близ которой у Николая Павловича был собственный дом: Александра (1844-не ранее 1853), Лидия (1845-не ранее 1869), Павел (1846-1848) и Владимир (1847-1848). Мария Александровна была погребена вместе с мужем в Москве на Лазаревском кладбище, где были погребены и их малолетние сыновья (ликвидировано в советское время) [\[35, с. 443\]](#).

Ольга Александровна родила Василию Всеволодовичу пять детей: Марию, Александра, Софью, Ольгу и Всеволода. Ранее уже были опубликованы даты рождения Александра, Ольги и Всеволода, обнаруженные в метрических книгах Покровской церкви с. Кардавиля [\[2, с. 73\]](#), однако сведения о рождении Марии и Софьи в этих книгах найдены не были и оставались неизвестными. По данным из исповедных росписей церкви с. Кардавиля было лишь известно, что Мария родилась около 1839 г., а Софья — около 1842 г., однако возраст, указанный в исповедных росписях, далеко не всегда точен.

В ходе настоящего исследования в надежде найти записи о рождении двух правнучек В. И. Баженова было принято решение обратиться к метрическим книгам Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах, в приходе которой в собственном доме проживали родители Ольги Александровны. И действительно, записи о рождении дочерей отставного майора Василия Всеволодовича Баженова и его законной жены

были выявлены в метрических книгах именно этой московской церкви.

В метрической книге за 1839 г. имеется запись о рождении 8 августа 1839 г. Марии Васильевны Баженовой, крещена в Крестовоздвиженской церкви 12 августа (восприемники: Пётр Александрович и Устинья Фёдоровна Струнины)^[100]. В метрической книге за 1842 г. имеется запись о рождении 17 мая 1842 г. Софьи Васильевны Баженовой, крещена в Крестовоздвиженской церкви 21 мая (восприемники: Василий Георгиевич Хатенов и Мария Александровна Струнина)^[102]. В метрической книге за 1841 г. была также найдена запись о смерти отца Ольги Александровны Баженовой, умершего 10 февраля 1841 г. в возрасте около 61 года от «нервической горячки» (устаревшее название тифа). В книге Александр был ошибочно записан как надворный советник^[101]. Согласно метрической книге Никольской церкви в Хамовниках, крёстный отец Ольги Александровны скончался 5 апреля 1847 г. в возрасте 67 лет от чахотки (туберкулёза)^[110]. Александр Струнин и Василий Хатенов были погребены на Ваганьковском кладбище, их захоронения утеряны.

Рассмотрим подробнее сведения о рождении других детей Василия Всеволодовича и Ольги Александровны из метрических книг Покровской церкви с. Кардавила. Александр родился в Кардавиле 22 апреля 1841 г., крещён в Покровской церкви 24 апреля (восприемники: полковник Всеволод Васильевич Баженов и вдова майорша Мавра Григорьевна Челищева)^[14, л. 260б-27]. Ольга родилась в Кардавиле 1 ноября 1844 г., крещена в Покровской церкви 2 ноября (восприемники: ротмистр и помощник директора Нижегородской ярмарки Василий Иванович Ешевский и вдова надворная советница Елизавета Ивановна Кашкарова)^[14, л. 970б-98]. Всеволод родился в Кардавиле 28 декабря 1845 г., крещён в Покровской церкви 3 января 1846 г. (восприемники: ротмистр Василий Иванович Ешевский и сестра Ольги Александровны, которая часто именовалась в метрических книгах в качестве восприемницы как «из столичного города Москвы коллежского советника дочь девица Клавдия Александрова г-жа Струнина»)^[14, л. 1370б-138].

Исследователь всегда должен обращать особое внимание на восприемников при крещениях и поручителей на венчаниях, ведь эти неслучайные имена зачастую иллюстрируют родственные, дружеские, соседские и профессиональные связи изучаемого семейства.

Вдовая майорша Мавра Челищева, ставшая крёстной матерью Александра Баженова, была помещицей соседнего с Кардавилем с. Кирман, а также д. Козловки и с. Измайлова Арзамасского уезда. В ходе исследования её ранее неизученной биографии была найдена несостыковка. Дело в том, что 31 января 1813 г. отставной майор Адам Иванович Челищев обвенчался вторым браком в Трёхсвятительской церкви с. Кирман с, как указано в записи из метрической книги этой церкви, «московской 2-ой гильдии купчихой девицей Маврой дочерью Григорьевой». Поручителями на венчании стали именно Баженовы: д. Понетаевки помещик и генерал-майор Владимир Баженов и д. Корина помещик, генерал-майор и кавалер Константин Баженов^[15].

Мавра, задолго до замужества с Челищевым сожительствовавшая с ним в его московском доме в Леонтьевском переулке (сохранился в изменённом виде), в исповедной росписи Воскресенской церкви на Успенском Вражке за 1802 г. была упомянута как 26-летняя «племянница его девица Марфа Григорьевна» (видимо, племянница Челищева по его первой жене — Анне Николаевне N)^[106]. Однако в ходе

архивных изысканий выяснилось, что Мавра, упоминавшаяся до замужества с Адамом всюду как девица (т. е. женщина, никогда не состоявшая в браке), до Челищева уже была замужем. По неизвестной нам причине факт её первого замужества был скрыт в церковных документах.

Согласно метрической книге Спасской церкви г. Арзамаса, Адам Челищев ушёл из жизни 26 декабря 1824 г. в возрасте 75 лет от натуральной болезни (т. е. по естественным причинам), а его прах обрёл вечный покой в Высокогорской пустыни [\[79\]](#). Однако по сведениям самой Мавры, её муж скончался в Арзамасе 24 декабря [\[46, л. 2\]](#). Вероятно, 24 декабря отставной майор скончался, а 26 декабря был погребён. Согласно духовному завещанию Челищева, датированному 9 марта 1823 г., имущества с крепостными и землёй в с. Кирманах, с. Измайлове и д. Козловке Арзамасского уезда (всего по 7 ревизии дворовых людей и крестьян 177 душ), купленные им в 1795 г. у князя Алексея Леонтьевича Шаховского, а также каменный дом в Тверской части г. Москвы достались его жене [\[46, л. 1\]](#).

Имения в Арзамасском уезде, которые Мавра унаследовала от второго мужа, она предоставила, как значится в её духовном завещании от 4 декабря 1843 г., своему **родному сыну от первого брака — полковнику Ивану Христиановичу Кролю**, служащему в Корпусе инженеров путей сообщения [\[49, л. 1\]](#). Согласно формулярному списку И. Х. Кроля, он был сыном иностранного купца и исповедовал православие. От первого брака (имя первой жены пока неизвестно) у Кроля были сыновья Николай и Пётр и дочь Любовь, а от второго брака с дворянкой Натальей Андреевной Кнорре у него была дочь Александра [\[23\]](#). Автором настоящего исследования было установлено, что в Кирманах жила и воспитывалась Любовь Ивановна Кроль (в первом браке жена поручика Пенхержевского, во втором — капитана Голубцова, в третьем — графа Кушелева-Безбородко) — внучка Челищевой и известная в своё время авантюристка. Любовь провела детство в арзамасском имении бабушки. Согласно исповедной росписи церкви с. Кирман, в 1831 г. родной внучке Мавры было 2 года [\[68, л. 418о6\]](#). Любовь наверняка посещала соседнее имение Баженовых и была знакома с потомками архитектора. Челищева завещала Кроль «серебро, драгоценные камни, жемчуг, белье и платья», а также обязала сына выдать внучке по выходе в замужество 10 000 руб. серебром [\[49, л. 4о6\]](#). В 1847 г. Любовь вышла замуж за поручика Пенхержевского, по случаю замужества дочери 16 октября 1847 г. И. Х. Кролю было выдано 2000 руб. серебром [\[23\]](#).

Известно, что во время своего пребывания в Дрездене Любовь Ивановна познакомилась с Фёдором Достоевским (1821-1881). В «Дневнике писателя» за 1876 г. он вспоминает, как его знакомая, русская графиня К., проживавшая тогда в Дрездене, в 1871 г. «по-простонародному» выругала немцев, когда те начали при ней критиковать Россию [\[19, с. 286-287\]](#). Согласно метрической книге православной церкви Архангела Михаила в Каннах, внучка Челищевой скончалась 13 апреля 1900 г. от мочеизнурения, 27 апреля Любовь была погребена на каннском протестантском кладбище [\[111\]](#).

В своём завещании Мавра Григорьевна Челищева указала, что «если смерть настанет меня в городе Арзамасе, то положить бранные остатки мои в монастырь Высокогорской пустыне возле мужа моего, а если в селе Кирманах, то возле церкви похоронить без малейшей пышности с одним духовником и приходским священником в простом дубовом черною краскою окрашенным гробе» [\[49, л. 3-3о6\]](#). Смерть настигла Мавру в Кирманах.

Согласно записи из метрической книги кирманской церкви, Челищева скончалась 7 декабря 1843 г. в возрасте 67 лет (причина смерти не указана), 11 декабря помещица была погребена при Трёхсвятительской церкви [\[63\]](#). Согласно метрической книге Воскресенского собора г. Арзамаса, сын Мавры от первого брака скончался в Арзамасе 8 сентября 1856 г. в возрасте 65 лет «скоропостижно, от апоплексического удара». Иван Христианович Кроль, вице-директор Департамента рассмотрения проектов и смет и генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения, был погребён 11 сентября в своём имении в с. Кирманах при церкви (вероятно, рядом с матерью) [\[9, л. 258о6-259\]](#).

Известно, что Адам Челищев завещал своё имение в сельце Донцы Михайловского уезда Рязанской губернии подпоручику Ивану Адамовичу Каютову (по 7 ревизии дворовых людей и крестьян 84 души), а также обязал Ивана и Мавру выплачивать денежное пособие коллежскому секретарю Александру Александровичу Каютову [\[95\]](#). Но кем же приходились Челищеву Каютовы? Из документов московского архива стало известно, что Иван и его родные братья Александр и Николай были воспитанниками Челищева, записанными в 1799 г. в московское 3-ей гильдии купечество (по Кошелейной слободе). Согласно ревизской сказке за 1811 г., Иван и его братья происходили из «незаконнорождённых», а фамилия Каютов была дана им Челищевым с разрешения Московского магистрата в 1806 г. [\[97\]](#).

Нет сомнений, что Александр, Иван и Николай Каютовы — внебрачные сыновья Адама Челищева, которых майор так и не узаконил. В 1807 г. Александр был исключён из купечества, избрав другой род жизни [\[97\]](#). Видимо, Челищев пристроил сына на гражданскую службу, т. к. в 1818 г. он упоминался в метрической книге церкви с. Кирман в качестве восприемника как «служащий в Московском почтамте губернский секретарь Александр Адамов сын Каютов» [\[78\]](#). Александр определённо приходился Челищеву сыном, ведь первая жена Адама, не оставившая майору наследников, последний раз упоминалась в исповедной росписи Воскресенской церкви на Успенском Вражке за 1790 г. (согласно ней, возраст Адама на 1790 г. — 33 года, Анны — 28 лет), а согласно метрической книге этой церкви, уже 15 августа 1791 г. у Челищева появился на свет сын Александр [\[98\]](#), который, однако, не был записан как незаконнорождённый, но с такими случаями мы уже встречались [\[1, с. 63\]](#). Александр упоминался и как Адамович, и как Александрович (по крёстному отцу — Александру Фёдоровичу Бибикову). Записи о рождении Ивана и Николая найдены не были, но они также родились в 1790-е гг. На 1811 г. Николаю было 15 лет [\[97\]](#). Иван в ревизской сказке за 1811 г. был записан как Алексеевич (по крёстному отцу), однако впоследствии упоминался уже почти только как Адамович.

Николай Каютов (по крёстному отцу Николаевич) в завещании Адама упомянут не был, о его судьбе сведений пока нет. В ревизской сказке купцов Кошелейной слободы г. Москвы за 1816 г. было указано, Николай «с 1813 года капиталу не объявлял и к подаче ревизской сказки не явился» [\[96\]](#). По прошению Челищева в 1811 г. Иван Каютов был исключён из купечества и определён в Московский университет, откуда он поступил на военную службу [\[94\]](#). Впоследствии Иван дослужился до подпоручика и стал родоначальником дворянского рода Каютовых в Рязанской губернии. Известно, что в 1826 г. Мавра Челищева была свидетелем со стороны Каютова на его венчании с Елизаветой Павловной Кондратьевой в московской церкви Николая Чудотворца в Хлынове [\[109\]](#). В 1829 г. Иван Адамович продал своё рязанское имение жене. К слову, Каютов также посещал Арзамасский уезд и с. Кирманы и был знаком с Баженовыми,

ведь он был одним из тех, кто засвидетельствовал в 1824 г. заёмное письмо в 50 000 руб. ассигнациями, данное подпоручиком Мстиславом Владимировичем Баженовым (1799-1824) поручице Анне Петровне Авдеевой [\[51, л. 858-859\]](#). Также Мстислав был должен Мавре Челищевой 3000 руб. ассигнациями [\[51, л. 851-852об\]](#).

Неизвестно, что именно связывало Баженовых и Василия Ешевского — крёстного отца Ольги и Всеволода Баженовых, в записях о рождении которых он именовался ротмистром и помощником директора Нижегородской ярмарки (ротмистр — это капитан в кавалерии). В исповедной росписи Варваринской церкви г. Нижнего Новгорода за 1845 г. автором настоящего исследования было случайно обнаружено семейство Ешевских: капитан Василий Иванович Ешевский (49 лет), его жена Александра Васильевна (33 года, урожд. Перфильева) и их дети: Стефан (16 лет), Анастасия (12 лет) и Василий (7 лет) [\[71\]](#). В ходе исследования было выяснено, что Василий Иванович, дворянин Костромской губернии, был помещиком сельца Шоргутова Кологривского уезда. 6 февраля 1829 г. в Шоргутове появился на свет упомянутый в исповедной росписи сын Ешевского — Стефан (Степан), ставший впоследствии выдающимся историком и профессором Московского университета (крещён 10 февраля, воспитанник — капитан 1 ранга и кавалер Гавриил Иванович Невельской) [\[5\]](#). Степан Васильевич ушёл из жизни в Москве 27 мая 1865 г., был погребён на Ваганьковском кладбище (могила утеряна) [\[35, с. 442\]](#).

Что касается Елизаветы Кашкаровой, крёстной матери Ольги Васильевны Баженовой, то удалось выяснить, что она была помещицей с. Федотова, с. Худошина, с. Верякуш и д. Дерновки Ардатовского уезда, расположенных неподалёку от Кардавиля. Эти имения она получила в наследство после смерти мужа — надворного советника Алексея Алексеевича Кашкарова (ок. 1759-1824) [\[1, с. 59-60\]](#). Кашкарова по большей части проживала в Федотове, но у неё также был дом в Арзамасе на Сальниковой улице (нынешняя улица Карла Маркса).

В Арзамасе Елизавета Ивановна была прихожанкой Воскресенского собора, 61-летняя вдова была отмечена в исповедной росписи этого собора за 1854 г. [\[8\]](#). Надворная советница ушла из жизни в с. Федотове 11 августа 1855 г. Согласно метрической книге Знаменской церкви, Кашкарова скончалась в возрасте 63 лет «от поноса и рвоты» (возможно, от дизентерии). 15 августа помещица была погребена в Федотове (вероятно, рядом с мужем) [\[83\]](#). В ходе изысканий было найдено духовное завещание Елизаветы Кашкаровой, датированное 2 октября 1852 г., благодаря которому стала известна её девичья фамилия — Приклонская. Согласно завещанию, имения Елизаветы достались её племяннику — коллежскому регистратору Петру Ивановичу Приклонскому (сын родного брата Елизаветы — гвардии подпоручика Ивана Ивановича Приклонского) [\[24\]](#).

Примечательно, что в метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля в записи о рождении крепостного (апрель 1840 г.) в качестве его воспитанников были указаны «майор Василий Всеволодович Баженов и дочь его девица Мария Васильевна Баженова» [\[14, л. 3об-4\]](#). На тот момент Марии Баженовой было 8 месяцев. Она также значится крёстной матерью крепостных в метрической книге в сентябре и октябре 1841 г. вместе с Всеволодом Баженовым: «села Кардавиля помещик полковник Всеволод Васильев Баженов и г. майора Василия Всеволодова Баженова дочь девица Мария Васильева Баженова», «села Кардавиля помещик полковник Всеволод Васильев сын Баженов и г. майора Баженова дочь девица Мария Васильева Баженова» [\[14, л. 29, 30\]](#).

Однако по указу Святейшего правительствующего синода от 27 августа 1837 г. восприемниками не могли становиться лица, не достигшие церковного совершеннолетия (не моложе 15 лет для лиц мужского пола и 13 лет для лиц женского пола) [\[22\]](#). Таким образом, церковь запрещала малолетним детям и младенцам становиться восприемниками. Мария Баженова, будучи ещё младенцем, просто не могла выполнять обязанности крёстной матери. Её упоминание в метрической книге как восприемницы имеет исключительно символическое значение. Между тем на примере Баженовых мы видим, что имелись случаи нарушения указа 1837 г.

В исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1843 г., поданной 19 августа, значатся на тот момент ещё живая вдовая помещица и полковница Мария Фёдоровна Баженова (66 лет), помещик и майор Василий Всеволодович Баженов (42 года), его жена Ольга Александровна (24 года) и их дети: Александр (3 года), Мария (4 года) и Софья (1 год) [\[69\]](#). В исповедной росписи за 1845 г. майор ещё был записан, в ней значатся помещик и майор Василий Всеволодович Баженов (42 года), его жена Ольга Александровна (23 года) и их дети: Александр (4 года), Мария (6 лет), Софья (3 года) и Ольга (8 месяцев) [\[70, л. 865\]](#).

Но в роспись за 1846 г. Василий Всеволодович уже не был внесён. Согласно метрической книге, 20 апреля 1846 г. он скончался в своём имении в возрасте 43 лет. Причиной смерти стала некая «неизвестная болезнь». 23 апреля его тело было предано земле при Покровской церкви с. Кардавиля [\[14, л. 148о6-149\]](#). Ольга Александровна сама писала в одном из своих прошений, что её муж ушёл из жизни именно 20 апреля 1846 г. [\[89\]](#). 29 января 1847 г. у вдовы Василия по неизвестным нам причинам скончался во младенчестве сын Всеволод. Он был похоронен рядом с отцом 31 января [\[14, л. 170о6-171\]](#). Младенец Всеволод успел попасть в исповедную роспись церкви с. Кардавиля за 1846 г., поданную 9 сентября. В ней значатся помещица и майорша Ольга Александровна Баженова (24 года) и её дети: Александр (5 лет), Всеволод (6 месяцев), Мария (7 лет), Софья (4 года) и Ольга (1 год) [\[72\]](#). В росписи за 1848 г., поданной 20 сентября, значатся вдовая помещица Ольга Александровна Баженова (26 лет) и её дети: Александр (7 лет), Мария (9 лет), Софья (6 лет) и Ольга (3 года) [\[73, л. 767\]](#).

После смерти мужа Ольга Александровна была назначена опекуной над имением своих малолетних детей и проживала вместе с ними в с. Кардавиле. В опекунском отчёте майорши по имению её детей за 1847 г. отмечалось, что за их обучение Баженова заплатила священнику с. Кардавиля 12 руб. серебром [\[54, л. 25\]](#). Возможно, кардавильский священник (на тот момент — Дмитрий Васильевич Щеглов) обучал малолетних Баженовых грамоте. В отчёте за 1853 г. сообщалось, что «старшая дочь [Мария] в селе Кардовиле при матери, для обучения ее находится гувернантка, сын [Александр] отдан в ноябре 1853 г. в Нижегородский дворянский институт и две дочери [Софья и Ольга] в Нижегородский женский институт 10 генваря 1854 года» [\[54, л. 10о6\]](#).

Софья и Ольга были отданы на воспитание в Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, а Александр был определён в Нижегородский Александровский дворянский институт. Их сестра Мария по неизвестным нам причинам не стала воспитанницей какого-либо учебного заведения. Видимо, гувернанткой Марии Баженовой была Александра Александровна Дмитриева, упоминающаяся в метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля за 1853 г. в качестве восприемницы как «госпожи Баженовой гувернанка Александра Александрова Дмитриева» [\[82\]](#). Согласно

опекунским отчётам, в 1851-1853 гг. на содержание Ольги с детьми и гувернанткой ушло в сумме почти 1500 руб. серебром. Отдельно стоит упомянуть жалование гувернантки. В 1851 г. оно составило 120 руб. (за 6,5 месяцев), в 1852 г. — 342 руб., а в 1853 г. — 200 руб. [\[55, л. 3; 54, л. 3, 11\]](#). В 1852 г. 30 руб. ушло «доктору на лечение детей, бывших первой раз в сильной кори» [\[54, л. 4\]](#). Также в опекунском отчёте за 1848 г. упоминались траты на лечение крестьян [\[54, л. 31\]](#). В 1851 г. на выписку музыкального журнала для детей Ольга потратила 11 руб. 50 коп. и для них же за прописи для письма и рисования она отдала 2 руб. [\[55, л. 4, 6\]](#).

В списке дворян Арзамасского уезда за 1854 г. перечислены дети вдовы майорши Ольги Александровны Баженовой, которые значатся проживающими вместе с ней в с. Кардавиле: Александр (13 лет), Мария (15 лет), Софья (11 лет) и Ольга (10 лет). Согласно источнику, на 1854 г. в их владении находилось наследственное имение в д. Корине (168 душ мужского пола и 150 душ женского пола) и с. Кардавиле (150 душ мужского пола и 137 душ женского пола), всего 318 душ мужского и 287 душ женского пола [\[85\]](#). Ещё в 1853 г. баженовские крестьяне Понетаевки (16 душ) были переселены в Кардавилу [\[39\]](#).

Возможно, Ольга Александровна так бы и продолжила управлять вотчиной до совершеннолетия всех своих детей и в итоге дожила бы до глубокой старости, если бы осенним вечером 1855 г. в семье Баженовых не произошла трагедия: мать семейства была смертельно ранена выстрелом в шею. В ходе исследования были изучены материалы дела об убийстве майорши О. А. Баженовой из РГИА, обстоятельства которого подробно рассматриваются в настоящей статье [\[27\]](#). Аналогичное дело имеется на хранении в ЦАНО [\[86\]](#). Материалы дела дополняются и уточняются различными фактами, установленными в ходе изучения других архивных источников, т. к. исследователь не может полагаться лишь на один источник, важно прибегать к перекрёстному анализу, т. е. перекрёстной проверке нескольких источников.

Вечером, 13 сентября 1855 г., в канун праздника Воздвижения Креста Господня, Ольга Александровна Баженова отстояла всенощную в Покровской церкви с. Кардавила. После неё она вернулась в господский дом вместе с бывшими у неё в гостях прапорщицей Евдокией Каллиниковной Недосекиной (ок. 1807-не ранее 1858; помещица д. Князёвки Арзамасского уезда) и Марией Фёдоровной Гераклитовой — 11-летней дочерью смотрителя Арзамасского уездного училища (родилась в Арзамасе 24 июля 1844 г.) [\[9, л. 20об\]](#).

По приходе домой Ольга Александровна приказала готовить чай, для которого посередине залы был поставлен круглый стол, расположенный около находившегося тут же фортепиано, которое стояло в простенке между окнами, выходящими в сад и обращёнными в сторону церкви. Напившись чаю, Баженова села за фортепиано и начала на нём играть, её же дочь Мария вместе с Недосекиной и Гераклитовой остались за столом. Спустя некоторое время внезапно раздался оглушительный ружейный выстрел, от которого разлетелись оконные стёкла и выбило обе рамы. Марию Баженову от выстрела «контузило в плечо», от испуга она и гости пришли в полное беспамятство. Когда испуганная дочь Ольги опомнилась, то в ужасе увидела, что её мать, сидевшая за фортепиано, упала на музыкальный инструмент. Из шеи майорши Баженовой текла кровь [\[27, л. 8-8об\]](#). Этот аккорд стал для Ольги Александровны последним. В опекунских отчётах майорши по имению её детей неоднократно упоминались траты на настройку

этого фортепиано, ставшего в итоге частью кровавой страницы истории рода Баженовых [\[55, л. 5; 54, л. 3, 11, 32\]](#).

Фадей Васильевич Богатин (примерный возраст на 1855 г. — 29 лет), крестьянин с. Кардавиля Баженовых, вечером 13 сентября был сторожем при доме своих господ. Незадолго до трагедии он обошёл вокруг господского дома, где уже был подан огонь, и зашёл в здание кухни, которое располагалось в 14 саженьях (почти 30 метров) от главного дома. Помимо других лиц, в кухне находилась дворовая жёнка Олимпиада Николаевна Строкина, которая через несколько минут после прихода Богатина пошла в дом Баженовых накрывать на стол для ужина. Олимпиада ушла, но вскоре вернулась в испуге и сказала, чтобы все скорее шли в барский дом [\[27, л. 9\]](#).

Прибежавший в дом Богатин увидел Ольгу Александровну, «сидевшую на стуле, опершись головою о фортепиано» [\[27, л. 2\]](#). Мария Баженова велела ему встать у окна, боясь, что выстрелы могут повториться. Увидев, что мать истекает кровью, она немедленно послала к соседям — помещикам А. Ф. Тархову (с. Кардавиля) и Е. А. Копиевой (с. Понетаевка). Раненную Ольгу Александровну перенесли в постель и напоили водой. Богатин побежал в церковь ударить в набат, после чего «в дом сбежалось очень много народу». Получив известие о случившемся в имении Баженовых происшествии, коллежский секретарь Александр Фёдорович Тархов (ок. 1810-1897) и дочь умершего генерал-майора Елизавета Алексеевна Копиева (ок. 1805-1888) немедленно прибыли в господский дом Баженовых, найдя Ольгу Александровну в постели в самом болезненном состоянии, в доме же толпилось множество людей и царил совершеннейший беспорядок [\[27, л. 806\]](#).

На следующий день в постели от полученных ран Баженова скончалась. Тело майорши после медицинского освидетельствования 17 сентября 1855 г. было предано земле при церкви с. Кардавиля [\[27, л. 8\]](#). Похоронами Ольги занималась её сестра Клавдия Струнина, которая потратила на них почти 330 руб. серебром, а также взяла из приходской церкви в долг покров для погребения покойной стоимостью 100 руб. серебром [\[57, л. 3, 4\]](#). Согласно записи о смерти помещицы из метрической книги Покровской церкви с. Кардавиля, Ольга Александровна была «убита из ружья, как видно из свидетельства, данного земской полицией» [\[14, л. 31606-317\]](#). В записи указано, что убитой было 34 года, однако ей было на год больше.

Генерал-майор и кавалер Фёдор Васильевич Анненков (1805-1869), военный губернатор Нижегородской губернии, поручил расследование убийства старшему чиновнику особых поручений Александру Дмитриевичу Жданову, который для поиска виновных предпринял поездки в Арзамас и его окрестности [\[27, л. 1\]](#). Свидетели покушения находились в шоковом состоянии и не могли вспомнить все детали происшествия. Мария Баженова подозревала дворовых и крестьян в убийстве матери, основываясь на том, что однажды, возвращаясь с матерью из Корина домой и подъезжая к Кардавилю, она увидела, что за ними гонятся неизвестные люди, от которых они едва успели уехать. Кроме того, вечером, перед совершением покушения на Баженову, их комнатная собака по кличке Полкан, которая была постоянным компаньоном Ольги Александровны, пропала и появилась уже только на следующий день [\[27, л. 806\]](#). В момент трагедии в Кардавиле из детей Баженовой была лишь 16-летняя Мария, ставшая свидетелем смерти матери, остальные же дети по исповедной росписи церкви с. Кардавиля были в отлучке уже второй год [\[75, л. 780\]](#). В исповедных росписях церквей г. Арзамаса за 1855 г. было обнаружено упоминание Ольги Александровны в качестве прихожанки Воскресенского

собора, проживающей у себя в имении [\[75, л. 6\]](#).

Приходской священник с. Кардавиля, Никита Яковлевич Тихов, напутствовавший Баженову на смертном одре, на допросе показал, что она никого в случившемся не подозревала и не знала, кто в неё выстрелил [\[27, л. 806\]](#). 14 сентября со слов Ольги Александровны, уже чувствовавшей приближение смерти, но всё же успевшей позаботиться о детях, было написано духовное завещание, по которому она отдавала свой арзамасский дом, купленный ею в 1852 г., в вечное и потомственное владение дочерям. Родовое же имение её детей было впоследствии поделено между ними в законном порядке.

Дворовые люди и крестьяне Баженовых на допросах показали, что не располагают сведениями о том, кто убил помещицу [\[27, л. 906-10\]](#). Они также показали, что не слышали звук выстрела [\[27, л. 2\]](#). Ничего об убийце не знали и крепостные соседних помещиков: А. Ф. Тархова (с. Кардавиля), Е. А. Копиевой (с. Понетаевка), И. Х. Кроля (с. Кирманы, д. Козловка) и Г. Н. Виноградова (д. Корино) [\[27, л. 10\]](#). Стоит отметить, что помещик Александр Тархов был ближайшим соседом Баженовых. Он также постоянно проживал в Кардавиле вместе со своим многочисленным семейством. Клавдия Струнина стала крёстной матерью многих детей Тархова и его жены Федосьи Александровны (ок. 1824-1894; урожд. Ренова), рождённых и крещённых в Кардавиле: Петра (1849), Натальи (1850), Николая (1852), Веры (1853), Иулии (Юлии) 1-й (1856), Иулии (Юлии) 2-й (1857). Крёстным отцом Николая Тархова стал штабс-капитан Севского пехотного полка и кавалер Евгений Струнин — брат Ольги Баженовой [\[14, л. 20306-204, 22606-227, 24706-248, 26906-270, 32106-322, 34706-348\]](#).

В ходе своей военной службы Евгений Струнин отличился участием в подавлении Венгерского восстания в 1849 г. и Крымской войне 1853-1856 гг. В 1857-1863 гг. он занимал должность городничего в г. Семёнове Нижегородской губернии [\[40, л. 906-14\]](#). За ранения, полученные в походах против неприятеля, брат Баженовой был причислен ко второму классу раненых [\[40, л. 14\]](#). Примечательно, что в 1871 г. Евгений сообщил, что крестили его в Москве в церкви Пимена, а вот на вопрос, кем были его восприемники, он не смог ответить, так как не помнил этого [\[41\]](#). Между тем у него и его сестры Ольги были одни и те же крёстные родители. Согласно формулярному списку Струнина от 3 сентября 1863 г., он был женат на дочери титулярного советника Анне Яковлевне Саханской, на момент составления списка детей у него не было [\[40, л. 10\]](#). В 1871 г. Евгений упоминался уже вдовцом, а из его детей была указана 7-летняя дочь Мария [\[41\]](#). Вероятно, жена Струнина была дочерью Якова Фёдоровича Саханского — титулярного советника и дворянина Черниговской губернии [\[28\]](#).

Подпоручик Пётр Александрович Струнин, уволенный из сформированной в период Крымской войны Сергачской дружины государственного подвижного ополчения №164 Нижегородской губернии для излечения некой болезни и проживавший с августа 1855 г. в арзамасском доме Ольги, подозревал в убийстве сестры дворовых и крестьян и в особенности находившегося при нём дворового человека Петра Савельевича Строкина, который часто по неизвестным причинам отлучался из арзамасского дома и был озлоблен на Баженову за её жестокое с ним обращение, сказав однажды, что «лучше быть в Сибири, нежели служить ей» и что «если б не дети — не пожалел бы себя» [\[27, л. 10-1006\]](#).

2 октября 1855 г. А. Д. Жданов напал на след преступника. 6 октября, после неоднократных допросов, Пётр Строкин (примерный возраст на 1855 г. — 42 года) сознался в убийстве майорши Ольги Александровны Баженовой [\[27, л. 4-4о6\]](#). Как показывают ревизские сказки, Строкин происходил из крестьян д. Корина. Он родился около 1813 г. в семье Савелия Кузьмича и Федосьи Строкиных и впоследствии был переведён из крестьян д. Корина в дворовые с. Кардавиля [\[42, л. 496о6\]](#).

По показаниям Строкина, его соучастниками были баженовские крестьяне с. Кардавиля: Андрей Ильич (примерный возраст на 1855 г. — 28 лет) и Севастьян Фёдорович (примерный возраст на 1855 г. — 39 лет) Жданкины. Андрей и Севастьян были братьями по матери. Севастьян происходил из крестьян д. Корина и впоследствии был переведён в крестьяне с. Кардавиля, где его мать Акулина Григорьевна венчалась во второй раз после смерти первого мужа [\[42, л. 502о6\]](#). Во втором браке у неё и родился сын Андрей. На допросах Жданкины показали, что Строкин был их дальним родственником [\[27, л. 11о6\]](#).

Ещё весной 1855 г. Пётр условился с братьями Жданкиными непременно убить барыню. Для этого он купил в Корине у знакомого солдатского сына Михаила ружьё за 1 руб. серебром [\[27, л. 10о6\]](#). Строкин спрятал ружьё у Севастьяна Жданкина, который, по словам Петра, и сам хотел убить Баженову. Жданкин намеревался убить барыню в то время, когда она ездила осматривать принадлежащую ей лесную дачу (участок земли с лесом), но встретить Баженову ему так и не удалось [\[27, л. 5\]](#). По показаниям Фадея Богатина, Севастьян подговаривал его убить Баженову, о чём Богатин сказал самой барыне, однако последняя не предприняла никаких действий [\[27, л. 11о6-12\]](#). Подвергнутая неоднократным допросам жена Строкина, Олимпиада Николаевна (примерный возраст на 1855 г. — 27 лет), показала, что о намерении мужа убить барыню не знала и соучастницей преступления не была [\[27, л. 12\]](#).

За неделю до убийства Строкин забрал у Жданкина ружьё, порох и три пули, одну из которых он выбросил. Пётр зарядил ружьё и спрятал его в пустом барском амбаре [\[27, л. 10о6\]](#). По показаниям Строкина, кроме Жданкиных никто о его намерении убить Баженову не знал [\[27, л. 11\]](#). Сами Жданкины отрицали свою причастность к убийству помещицы. Севастьян Жданкин на допросах показал, что не хранил у себя ружьё и не давал Строкину пули с порохом, однако при обыске в доме Севастьяна был найден кусок олова [\[27, л. 11о6\]](#). Строкин присовокупил, что к исчезновению барской собаки по кличке Полкан он не имел никакого отношения [\[27, л. 11\]](#).

Накануне покушения Пётр был отправлен Ольгой Александровной в Арзамас для установки в её доме зимних оконных рам. В доме Баженовой он окончательно принял решение убить ненавистную барыню. 13 сентября, во вторник, никому не сказав, убийца рано утром покинул Арзамас. По дороге в Кардавиля он зашёл в с. Луканово (около 5 вёрст от Кардавиля) узнать у местных жителей время. Пастух или скотник, у которого Пётр захотел узнать время, обратился к дьячку Спасской церкви Василию Ивановичу Касторскому (ок. 1797-1864), который сообщил, что «будет часа четыре по полудни», т. е. 16:00. Также Строкин зашёл в Луканове в кузницу. Пётр прибыл в вотчину своих господ вечером, когда уже смеркалось. В имении он пробыл недолго и ни к кому не заходил [\[27, л. 10о6\]](#).

По прибытии в Кардавиля Строкин взял из амбара ружьё, прокрался через рощу к

барскому дому и подошёл к окну, в котором увидел сидящую за фортепиано Ольгу Александровну. Пётр прицелился и произвёл выстрел в окно [\[27, л. 11\]](#). Дробь попала Баженовой в шею. Скорее всего, убийца целился барыне в голову, но промахнулся. От выстрела в голову майорша сразу бы скончалась. Между тем ранения в шею всё равно оказались несовместимы с жизнью. Две пули ранили Баженову «в левую сторону нижней части шеи и, оставив на этом месте одну круглую рану, вылетели, одна — поверх правой лопатки, другая — почти против затылка, на расстоянии одна от другой на полтора вершка. Опаленный на наружной части дома косяк свидетельствует, что выстрел произведен в упор» [\[27, л. 106\]](#). Рана была величиной в полвершка (2,22 см) [\[27, л. 8\]](#). Пули не застряли в теле майорши, вылетев насквозь, но даже после тщательного обыска они не были найдены в доме [\[27, л. 8\]](#).

После выстрела убийца бросился бежать в березовую рощу, а оттуда устремился в поле. Одноствольное кремнёвое ружьё с простым деревянным шомполом, из которого он застрелил помещицу, было спрятано им в двух верстах от Кардавиля в стоге сена в овраге Филимушка (именно такое название оврага приводится в деле об убийстве Баженовой) [\[27, л. 11\]](#). А. Д. Жданов действительно нашёл оружие убийства в этом месте [\[27, л. 506\]](#). В ходе исследования было установлено современное местоположение этого оврага, его примерные координаты — 55.139332, 43.853300. На межевом плане 3-й части с. Кардавиля (1853 г.) он был отмечен как овраг Филимониха [\[90\]](#). В годы советской власти примерно в этом месте одно время существовала деревня Филимушка (впоследствии ликвидирована).

Глубокой ночью Строкин вернулся в Арзамас и заночевал в доме Баженовой, а утром, в праздник Воздвижения, был у обедни вместе с братом убитой — Петром Струниным. Рано утром, ещё до обедни, пришедшие в дом плотники объявили Строкину и Степану Павловичу Ерёмкину, крестьянину д. Корина (примерный возраст на 1855 г. — 54 года), бывшему тогда сторожем при городском доме Ольги, что барыню застрелили из ружья. Ерёмкин удивился этой новости, однако Строкин попросил его пока не говорить об этом брату Ольги [\[27, л. 11\]](#). Струнин узнал о несчастье уже после обедни по дороге домой от кардавильского крестьянского мальчика Моклаева, обучавшегося в Арзамасе столярному мастерству [\[27, л. 10\]](#). Все полагали, что Строкин безотлучно находился в Арзамасе, что снимало с него всякие подозрения. Ничего не подозревавшие Клавдия Струнина и Мария Баженова брали его с собой уже после совершения убийства для сопровождения в Нижний Новгород, откуда они вместе вернулись в Кардавиль 30 сентября [\[27, л. 406\]](#).

Признавшийся в убийстве Баженовой Пётр Строкин заявил на допросах, что к этому преступлению его вынудило жестокое обращение барыни. «Бажениха», как Ольгу прозвали крепостные, давала дворовым людям самое скудное содержание, назначала крестьян на господскую работу в воскресные дни и злоупотребляла властью над крепостными: позволяла себе наказывать их розгами и допускала даже наказание плетью и бритьё голов. Между прочим, население арзамасских имений Баженовых было преимущественно мордовским (эрзя). Мордва в этих имениях была крещена в первой половине XVIII в., о чём автору любезно сообщил краевед Е. И. Парадеев (г. Москва). Отношение потомков архитектора В. И. Баженова к местному населению ярко иллюстрирует тот факт, что младший сын зодчего, Всеволод Баженов, называл мордву «хищными зверями» [\[47\]](#).

Строкин был поваром у Баженовой и получал для себя, жены, четырех малолетних детей

(Ивана, Пелагеи, Евдокии и Матроны) и тещи, вдовы Стефаниды Михайловны Пищевой, самое скудное содержание. По словам убийцы, одежды им не выдавалось никакой [\[27, л. 121\]](#), хотя в вышеупомянутых опекунских отчётах майорши Баженовой в 1847 г. было отмечено, что на одежду и обувь дворовых людей (согласно исповедным росписям, около 30 человек) было потрачено 15 руб. серебром, в 1848 г. — 20 руб., в 1851 г. — 25 руб., в 1852 г. — 25 руб., в 1853 г. — 25 руб., тогда как за эти же годы на одежду и обувь для Ольги и её детей ушло в сумме свыше 1500 руб. [\[55, л. 3, 4; 54, л. 3, 11, 25, 31\]](#).

Строкин назначался работать каждый день без выходных и праздников, неоднократно без причины был наказан розгами, постоянно получал от барыни взыскания. Баженова, отправляя Строкина в Арзамас для выполнения оконных работ, выдала ему на содержание одну пятиалтынную монету (монета достоинством 15 копеек), которая была до того стёрта, что её взяли только как гривенник (монета достоинством в 10 копеек) [\[27, л. 121\]](#).

Примечательно, что майорша Баженова и её дети были восприемниками большинства детей будущего убийцы. 10 ноября 1847 г. Строкин обвенчался в Кардавиле первым браком с дворовой девкой Олимпиадой Николаевной Пищевой [\[14, л. 168о6-169\]](#). Ольга Александровна стала крёстной матерью Пелагеи (1848), её сын Александр — крёстным отцом Евдокии (1850), её дочь Мария — крёстной матерью Матроны (1854) [\[14, л. 185о6-186, 225о6-226, 290о6-291\]](#).

На допросах другие дворовые люди также показали, что получали самое скудное содержание и терпели от Баженовой жестокое обращение. Между тем предводитель дворянства Арзамасского уезда А. Ф. Вешняков и окрестные помещики отзывались об Ольге как о хорошей помещице и про её жестокое обращение с крепостными ничего не знали. 29 августа, за две недели до убийства Баженовой, её дворовая девка Александра Трофимова, покинувшая барский дом из-за жестокого обращения, подала на помещицу жалобу военному губернатору Ф. В. Анненкову. Жалоба была препровождена предводителю дворянства Арзамасского уезда, однако он оставил её без внимания [\[27, л. 71\]](#).

По словам Александры, она была неоднократно без всякой причины жестоко наказана розгами, и **Баженова собственноручно отрезала её косу и обрила ей голову**. Одежды Трофимовой не выдавалось никакой, а из еды были только чёрный чёрствый хлеб и пустые щи, говядина выдавалась лишь на Рождество и Пасху. Баженова могла наказывать крепостную по несколько раз в день [\[27, л. 12о6\]](#). Согласно исповедной росписи церкви с. Кардавиля, в 1855 г. Александре было 22 года [\[75, л. 780о6\]](#). Вероятно, майорша была зла на Трофимову и за то, что последняя прижила сына. В метрической книге церкви с. Кардавиля за 1854 г. была найдена запись о рождении у Александры 1 марта 1854 г. незаконнорождённого сына Василия [\[14, л. 286о6-287\]](#). В исповедной росписи за 1855 г. Василий не был записан, в метрических книгах с. Кардавиля за 1854-1864 гг. запись о его смерти не имеется. Видимо, после смерти Баженовой Трофимова вернулась в Кардавиль, т.к. в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1856 г. отмечено, что она была на исповеди. Тем не менее её незаконнорождённый сын не был указан в росписи [\[76\]](#). В исповедной росписи за 1861 г. 27-летняя Трофимова значилась в отлучке один год [\[77, л. 896о6\]](#).

Ирина Егоровна Кирюшкина (ум. 1886), жена крестьянина Тимофея Михайловича

Кирюшкина (в деле об убийстве майорши ошибочно указано, что отчество Тимофея — Иванович), вместе с мужем просила Баженову дать им хлеба, но помещица отказала. Ирина, которой в 1855 г. было около 46 лет, для прокормления своего семейства была вынуждена просить милостыню, о чём было известно самой Ольге Александровне. **Многих женщин, в т.ч. и беременных, Баженова наказывала на барской работе нагайкой из собственных рук.** Беременная крестьянка Мария Кононовна Судаева (урожд. Конкина, примерный возраст на 1855 г. — 33 года) от побоев Баженовой упала на землю, а барская собака изгрызла ей руку [\[27, Л. 1206\]](#). В 1855 г. Судаева действительно была беременной, согласно метрической книге церкви с. Кардавиля, 27 июня у неё родился сын Павел, умерший 19 июля того же года [\[14, Л. 30506, 31506\]](#).

Также Баженова наказала нагайкой жену Андрея Ильича Жданкина, предполагаемого соучастника убийства, — Дарью Степановну (1829-1862; урожд. Белкова). В деле об убийстве Баженовой сообщается, что помещица наказала и больную дочь Ирины Кирюшкиной — Евгению [\[27, Л. 1206\]](#). Однако в ревизских сказках дворовых и крестьян с. Кардавиля Баженовых за 1850 и 1858 гг. никакая Евгения в семействе Кирюшкиных не значилась. В метрических книгах записи о её рождении или смерти также найдены не были. Согласно исповедной росписи за 1855 г., у Кирюшкиных было три дочери: Ева (15 лет), Устинья (12 лет) и Евдокия (8 лет) [\[75, Л. 783\]](#). Возможно, в деле об убийстве Баженовой речь шла о Еве?

По показаниям крестьян с. Понетаевки Е. А. Копиевой, с. Кирман И. Х. Кроля, д. Корина Г. Н. Виноградова, до них доходили слухи, что Баженова заставляла работать своих крестьян и в будние, и в воскресные дни и сама находилась на работах, на которых собственноручно наказывала крепостных, за что они на неё и роптали. Что касается баженовских крестьян д. Корина, то в своих показаниях они не сообщили о каком-либо жестоком обращении Баженовой, что и понятно, ведь Корино находилось неблизко (в наше время расстояние от Корина до Кардавиля — около 20 километров), и гнев кардавильской барыни не доходил до коринских крестьян [\[27, Л. 13\]](#).

Летом 1855 г., пока Баженова была в отъезде в Нижнем Новгороде, её дворовый мальчик, Михаил Егорович Жданкин (примерный возраст на 1855 г. — 16 лет), намеренно сломал её туалетный ящик, но ничего из него не украл. Сделал он это для того, чтобы покинуть барский дом, где Ольга его постоянно била, не кормила и не одевала. Жданкин сознался в порче ящика, за что барыня наказала его розгами и как мелкого преступника отправила из имения на содержание в рабочий (работный) дом [\[27, Л. 13\]](#). Вероятно, после гибели Баженовой Михаил был возвращён в Кардавиль, т. к. в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1856 г. отмечено, что он был на исповеди [\[76\]](#). В исповедной росписи за 1861 г. 21-летний Михаил значился в отлучке один год [\[77, Л. 897\]](#).

По словам гвардии штабс-капитана и кавалера Александра Фёдоровича Вешнякова, предводителя дворянства Арзамасского уезда, жалоб от дворовых и крестьян Баженовой на её жестокое с ними обращение до него не доходило, кроме жалобы дворовой девки Александры Трофимовой начальнику губернии. Будучи соседом Баженовой, Вешняков знал майоршу в вопросе управления ею крестьянами и дворовыми с хорошей стороны [\[27, Л. 13-1306\]](#). Неподалеку от Кардавиля он владел имением в с. Архангельском-Кобылине, уроженцем которого, вероятно, и был. Согласно исповедной росписи церкви с. Архангельского-Кобылина, Александру, сыну секунд-майора Фёдора Петровича

Вешнякова, в 1796 г. было 3 года [\[12, л. 29об\]](#). Предводитель дворянства считал, что при опекунстве Баженовой состояние имения её детей только улучшилось [\[27, л. 13об\]](#). Вешняков не только не принимал своевременных мер по прекращению бесчеловечных действий Баженовой, побудивших одного из дворовых людей убить её, но и получив от начальника губернии жалобу одной из дворовых девок на притеснения со стороны Баженовой, он даже не провёл по ней дознания, отозвавшись о помещице одобрительно.

Александр Тархов, Елизавета Копиева, Клавдия и Иван Струнины отзывались об Ольге Александровне как об «отличной» опекунше над имением её детей и никогда не замечали за ней, чтобы она жестоко обращалась с крепостными [\[27, л. 13об\]](#). К слову, фамилия Елизаветы Алексеевны была именно Копиева, а не Копьева, как ошибочно указано во многих источниках. Её отец всегда писал свою фамилию в документах таким образом: «Копіевъ» [\[53\]](#).

Евдокия Недосекина знала Баженову как соседнюю помещицу с хорошей стороны и даже слышала от её крестьян, что Ольга для них — «весьма хорошая барыня». О жестоком обращении прапорщица якобы ничего не знала [\[27, л. 13об\]](#). Между тем Недосекина сама была уличена в жестоком обращении с крепостными. Известно, что в страстную пятницу 1847 г. Евдокия нанесла своей крепостной девке Олимпиаде Петровой «жестокое побои». Об этом стало известно предводителю дворянства А. Ф. Вешнякову, который тогда своевременно принял меры и призвал Недосекину прекратить издевательства над Олимпиадой, однако прапорщица продолжила наносить ей побои, вследствие чего крепостная пустилась в бег [\[56, л. 41об-42\]](#).

Такие арзамасские помещики, как коллежский ассессор Николай Ильич Танеев (с. Архангельское-Кобылино), подпоручик Алексей Никанорович Трескин (с. Тоузаково), вдова титулярная советница Анна Григорьевна Попова (с. Постниково), вдова коллежская советница Марфа Григорьевна Краскевич (с. Никольское-Кобылино) по слухам знали Баженову также с хорошей стороны и ничего про её жестокое обращение с крепостными не знали. Поручик Николай Логинович Бётлинг (бывший помещик с. Постникова) и коллежский ассессор Фёдор Петрович Алексеев (помещик с. Бестужева) сообщили, что ничего про управление Баженовой имением её детей не знали, т. к. вот уже несколько лет не были у неё в гостях [\[27, л. 13об\]](#). Между тем Бётлинг и Алексеев были одними из тех, кто засвидетельствовал домашнее завещание Ольги 14 сентября 1855 г.

Вышеупомянутый Иван Струнин, брат Баженовой, был неслужащим дворянином. Он был определён в Дворянский полк в августе 1833 г., однако в январе 1836 г. оставил службу и вернулся на попечение родителей [\[45\]](#). Иван не имел своего собственного имения и выбрал в жёны бригадирскую дочь Наталью Ильиничну Танееву — помещицу с. Никольского-Кобылина и с. Архангельского-Кобылина Арзамасского уезда и родственницу известного композитора. Сергей Иванович Танеев (1856-1915) был племянником Натальи Ильиничны.

Венчание Струнина и Танеевой состоялось 7 февраля 1851 г. в Троицкой церкви с. Архангельского-Кобылина, оба венчались первым браком (поручители со стороны жениха — предводитель дворянства Ардатовского уезда, коллежский регистратор и помещик с. Архангельского-Кобылина Василий Николаевич Левашёв и помещик с. Ореховца Ардатовского уезда прапорщик Григорий Яковлевич Мартос; со стороны

невесты — предводитель дворянства Арзамасского уезда Александр Фёдорович Вешняков и помещик с. Костянки Арзамасского уезда, полковник и кавалер Николай Николаевич Кутлубицкий) [\[13\]](#).

Примечательно, что жена была старше мужа почти на 20 лет. Наталья, дочь бригадира Ильи Михайловича Танеева, родилась в Архангельском-Кобылине 24 ноября 1799 г. (восприемники: её брат Николай и сестра Надежда) [\[12, л. 53о6\]](#). В метрической книге архангело-кобылинской церкви в записи о своём рождении Наталья была ошибочно записана как Екатерина, под этим именем записывалась в исповедных росписях за 1800-1801 гг. (1800 г. — 1 год, 1801 г. — 2 года), однако в росписи за 1802 г. имя Екатерина было зачёркнуто и заменено Натальей, после чего Танеева записывалась всюду уже только как Наталья [\[12, л. 88о6, 96, 117\]](#). Исповедная роспись за 1805 г. ярко иллюстрирует многочисленность семейства Танеевых, в ней были записаны бригадир Илья Михайлович Танеев (53 года), его жена Александра Михайловна (39 лет) и их дети: Николай (13 лет), Михаил (12 лет), Сергей (11 лет), Иван (9 лет), Василий (3 года), Надежда (20 лет), Александра (19 лет), Настасья (17 лет), Анна (16 лет), Кириака (15 лет) и Наталья (5 лет) [\[12, л. 170о6\]](#). В росписи за 1796 г. в семействе Танеевых была также отмечена двухмесячная дочь Мария, умершая, по всей видимости, в раннем возрасте [\[12, л. 27\]](#).

Супруги Струнины постоянно проживали в Архангельском-Кобылине, в исповедной росписи Троицкой церкви за 1855 г. значатся Иван Александрович Струнин (37 лет), его жена Наталья Ильинична (55 лет) и сестра Натальи — бригадирская дочь Кириака Ильинична Танеева (62 года) [\[75, л. 297\]](#). К слову, за месяц до убийства сестры Иван Струнин был задержан полицией в Нижнем Новгороде за пьянство и буйственные поступки [\[38\]](#).

Наталья Ильинична Струнина пережила мужа. В исповедной росписи церкви с. Архангельского-Кобылина за 1873 г. Иван Струнин (54 года) ещё был записан вместе с Натальей (71 год), а в 1874 г. его имя уже было зачёркнуто, а жена отмечена вдовой госпожой [\[64, л. 485о6, 503\]](#). В метрических книгах этого села запись о смерти Ивана найдена не была. 76-летняя Наталья последовала за мужем 26 августа 1876 г., 28 августа дворянка была погребена в ограде при Троицкой церкви с. Архангельского-Кобылина [\[64, л. 367о6-368\]](#).

К слову, меньше чем через год после гибели Ольги Александровны её брат Пётр попытался совершить самоубийство. 4 мая 1856 г. Струнин, находившийся на улице в Казарменной слободе г. Арзамаса, захотел среди бела дня удавиться, туго завязав на шее тесёмку. От этого непоправимого поступка его смогли удержать мещанин Семён Александрович Цыбышев, мещанка Акулина Трофимовна Морозова, солдатка Анна Юдановна Зотова и будочник Семён Ефимович Филиппов [\[67, л. 15-16\]](#). По словам Цыбышева, когда он прибежал на подмогу, перед ним открылась такая картина: дрожа всем телом, Струнин лежал на земле, «у рта пена клубом, из носа сопли, лицо синее, руки подведены к шее и обе вместе», а на шее дворянина находилась тесёмка, которую самоубийца пытался затянуть как можно крепче [\[67, л. 16\]](#). По показаниям очевидцев, Пётр Александрович был «будто бы вне ума» [\[67, л. 21\]](#).

Вышеупомянутые лица пытались привести Струнина в чувства и освободить его шею, но он упорно сопротивлялся и требовал от них только одно: «зарежьте меня, предайте смерти». Наконец, шея была освобождена, но Пётр, находившийся в совершеннейшем помешательстве, попытался также проглотить лежавшую на земле кость, чтобы

подавиться, но и от этого его успели удержать [\[67, л. 18-1806\]](#). После инцидента Струнин был помещён на 8 дней в Арзамасскую градскую больницу [\[67, л. 21\]](#). Сам Пётр отрицал случившееся и говорил, что у него не было причин совершать суицид и что он ничего не помнит и не знает, как оказался в больнице [\[67, л. 1806, 2106\]](#). Между тем Струнин, проживавший в арзамасском доме наследников погибшей сестры, в то время не состоял на службе, был лишён всяких средств к существованию и находился в самом бедном и скудном положении [\[67, л. 1806, 2006\]](#). За попытку самоубийства по распоряжению Нижегородской духовной консистории Пётр был предан церковному покаянию сроком на пять лет [\[67, л. 13\]](#). После случившегося он был передан в с. Архангельское-Кобылино на попечение брату Ивану, однако в 1857 г. сообщалось, что Пётр уехал из Арзамасского уезда в Москву [\[67, л. 28\]](#). Дальнейшая судьба брата Баженовой пока неизвестна.

Подробного рассмотрения также заслуживает личность Евдокии Недосекиной как одной из свидетельниц убийства майорши Баженовой. В ходе исследования удалось реконструировать некоторые моменты её ранее неизученной биографии. Выяснилось, что Евдокия Каллиниковна (также упоминалась как Калентьевна, Калентий — вариант имени Каллиник), дочь штаб-лекаря и коллежского асессора Каллиника Михайловича Соколовского, с младенчества жила и воспитывалась в Арзамасском уезде в семье генерал-лейтенанта и кавалера Николая Осиповича Кутлубицкого (1775-1849) — генерал-адъютанта императора Павла I, коменданта Михайловского замка и помещика с. Костянки Арзамасского уезда. Отправляясь на службу в дальние края, Каллиник Соколовский оставил дочь у генеральши Лачиновой, которая, в свою очередь, передала её на воспитание Кутлубицким [\[56, л. 42-4206\]](#). В 1821 г. Соколовский упоминался служащим при карантинных заставах в Грузии [\[20, с. 548\]](#). Вероятно, мать Евдокии ушла из жизни в родах или вскоре после рождения дочери.

В 1827 г. Николай Осипович и его жена Евдокия Савельевна (1777-1840; урожд. Ваксель), воспитатели и благодетели Евдокии, выдали её замуж за арзамасского штаб-лекаря и коллежского асессора Ивана Алексеевича Костомарова (1791-1837). Венчание было совершено 9 сентября 1827 г. в Покровской церкви с. Костянки. Поручителями на венчании стали статский советник и кавалер Дмитрий Егорович Полчанинов (Полочанинов), надворный советник Иван Иванович Краскевич, поручик Иван Егорович Караулов, штабс-капитан Владимир Николаевич Зорин и гвардии поручик Павел Николаевич Кутлубицкий [\[65\]](#). В записи о браке отец невесты упоминается уже покойным.

3 мая 1837 г. первый муж Евдокии скончался. Вероятно, Костомарова отпевали в Троицкой церкви г. Арзамаса, т. к. одним из тех, кто засвидетельствовал его духовное завещание, датированное 6 апреля 1837 г., был священник именно этой церкви — Иоанн Соколов. К сожалению, найти запись о его смерти не представляется возможным, т.к. приходской вариант метрической книги Троицкой церкви за 1837 г. не сохранился, а в консисторском раздел об умерших отсутствует [\[80\]](#). Дата смерти Костомарова известна по «Русскому биографическому словарю» А. А. Половцова [\[30, с. 305\]](#).

Примечательно, что Кутлубицкие именовали воспитанницу Софьей Николаевной. В своём завещании Иван Костомаров указал, что его «достойная» жена Евдокия Каллиниковна, которую он назначил единственной наследницей всего своего имущества, «по воле благодетелей ее, генерал-лейтенанта Николая Осиповича Кутлубицкого и супруги его Авдотьи Савельевны, в обществе именуется Софьею Николаевною» [\[66, л. 2\]](#). Видимо, воспитатели Евдокии так обращались к ней с самого её младенчества. В большинстве

документов воспитанница Кутлубицких упоминается как Евдокия Каллиниковна, однако в части официальных прошений в присутственные места она именует себя Софьей Николаевной. И это действительно один и тот же человек, ведь в одном из прошений Евдокия поставила подпись таким образом: «прапорщица Авдотья Калинникова, известная в обществе под именем Софьи Николаевой, Недосекина руку приложила» [\[44\]](#).

Во второй раз Евдокия вышла замуж за отставного прапорщика Николая Александровича Недосекина (ок. 1801-не ранее 1866) — помещика с. Кирман, продавшего своё имение коллежской асессорше Екатерине Матвеевне Пастуховой в 1849 г. [\[25\]](#). Николаю же это имение досталось в наследство от матери Надежды Михайловны (ок. 1769-1841) [\[48\]](#). В исповедной росписи церкви с. Кирманы за 1831 г. были записаны вдовая гвардии корнетша Надежда Михайловна Недосекина (62 года) и её сын — отставной прапорщик Николай Александрович (30 лет) [\[68, л. 421об\]](#). В метрической книге кирманской церкви за 1831 г. Николай Александрович Недосекин и вышеупомянутая Любовь Ивановна Кроль (примерный возраст на 1831 г. — 2 года) были отмечены воспитанниками новорождённого сына дворового человека Надежды Михайловны [\[16\]](#).

К слову, Надежда Михайловна — дочь Михаила Андриановича Стremoухова и Екатерины Петровны Бутурлиной, в первом браке жена майора Гавриила Григоровича, во втором — подпоручика Юрия (Георгия) Адамова, в третьем — лейб-гвардии корнета Александра Недосекина. Скончалась в Кирманах 7 апреля 1841 г. от натуральной болезни, 10 апреля погребена при Трёхсвятительской церкви. Возраст умершей, указанный в метрической книге, — 90 лет (возраст умерших в метрических книгах зачастую указывался на глаз, что далеко не точно) [\[81\]](#). Третий муж Надежды Михайловны, Александр Пантелеевич Недосекин (ок. 1775 — ?), происходил из дворян Нижегородской губернии. Ещё в 1794 г. прапорщик Пантелей Гаврилович Недосекин, его жена Аграфена Кирилловна (урожд. Перкина) и их дети Александр и Матрёна были внесены во вторую часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии [\[88\]](#).

Согласно исповедным росписям за 1845, 1848, 1852 гг., Евдокия Каллиниковна вместе с мужем и воспитанником проживала в своём имении в д. Князёвке в приходе Христорождественской церкви с. Кожина [\[70, л. 946; 73, л. 939об; 74\]](#). В росписи за 1852 г. значатся прапорщик Николай Александрович Недосекин (51 год), его жена Евдокия Клеониловна (45 лет) и их воспитанник Владимир (12 лет). У Евдокии от Костомарова и Недосекина законных детей не осталось. На межевом плане 10-й части пустоши Шараповой близ д. Князёвки владения Е. К. Недосекиной за 1853 г. её воспитанник поставил подпись как «поверенный г-жи Недосекиной воспитанник Владимир Александров» [\[91\]](#). В росписях за 1845 и 1852 гг. Недосекина была ошибочно записана как Клеониловна, однако Клеоник и Каллиник — совершенно разные имена. В Князёвке во владении помещицы было лишь несколько крепостных, о чём говорит ревизская сказка за 1858 г., в которой имеется подпись самой Недосекиной [\[7\]](#). Видно, что Евдокия состояла в тесных связях с Баженовыми. Известно, что полковник Всеволод Баженов подарил ей земельный участок в Арзамасе [\[66, л. 1\]](#). В 1866 г. второй муж Евдокии упоминался ещё живым [\[26\]](#).

Нет смысла оправдывать жестокое обращение Ольги Александровны Баженовой с крепостными, однако важно рассмотреть причины, которые могли привести к формированию её жестокого поведения. Было выяснено, что первая беременность Ольги в 18 лет обернулась выкидышем на втором месяце беременности. После этого она

рожала почти каждый год в течение 7 лет. Есть основания полагать, что отношения Ольги и её мужа были непростыми. По показаниям Петра Строкина, муж Баженовой однажды рассорился с ней и хотел было застрелить жену из двух pistols, но Строкин успел вырвать их у него из рук, чем спас майоршу от неминуемой гибели [\[27, л. 121\]](#).

Когда Баженовой было 25 лет, её муж внезапно скончался, оставив Ольгу одну с крупными долгами, судебными разбирательствами и пятью малолетними детьми, старшему из которых не исполнилось и семи лет, а младшему и четырём месяцев. Из-за долгов семья чуть не лишилась всего имущества. Первоначально опекуном имения был назначен коллежский секретарь Александр Николаевич Жемайлов (помещик с. Кожина), при опекуновстве которого, по словам Ольги, вотчина стала стремительно приходить в упадок. Впоследствии опекуновство всё же вернули майорше. Баженова после смерти мужа очень нуждалась: в июне 1846 г. она сама сообщала, что детям даже курицы купить не может («в бытность мою в Нижнем Новгороде им [детям] курицы не давали, что засвидетельствуют сторонние люди») [\[89\]](#). Как показывает опекуновский отчёт майорши за 1846 г., в этот период семья действительно была вынуждена затянуть пояса. В отчёте за 1846 г. было отмечено, что на содержание детей ушло 102 руб. серебром. Отчёты за последующие годы иллюстрируют улучшение финансового положения семьи. В 1847 г. на детей было потрачено 200 руб., а в 1848 г. — уже 300 руб. [\[54, л. 20, 25, 27, 31\]](#).

В прошении императору Николаю Павловичу от 6 декабря 1846 г. Ольга писала, что «несчастные пять сирот за... долг должны лишиться последнего куска хлеба и умереть с голоду, потому я, как женщина, не имеющая никакого состояния, не могу пропитать их, они малы... отца и родных нет, кто ж будет содержать и воспитать их... не дай погибнуть бедным малюткам, окажи свою милость и спаси невинно гибнущее семейство от нищеты» [\[52\]](#). В январе 1847 г. умер во младенчестве её сын Всеволод. Кроме кредиторов Баженовой также докучали наследники имения её умершего мужа: его сестра Аграфена Всеволодовна (в замужестве Кудашкина) и Ксения Артемьевна Баженова (вдова Луки Всеволодовича Баженова, умершего в 1844 г. бездетным), от которых она смогла откупиться, чтобы те отказались от всяких претензий. В 1850 г. Ольга Александровна заложила всю арзамасскую вотчину своих детей в Государственном заёмном банке (сроком на 37 лет, сумма взятой ссуды — 32080 руб. серебром) [\[39\]](#).

В итоге Баженова всё же сумела наладить дела семьи и привести имение в порядок, однако можно предположить, что многочисленные трудности, с которыми Ольге пришлось столкнуться, внезапно свалившаяся ответственность и боязнь за будущее малолетних детей и вотчины могли расшатать её нервную систему, ожесточить характер и посеять в дворянке злость, которую она и вымещала на крепостных. Также здесь сыграло большую роль и само крепостничество, давшее помещикам вседозволенность и таким образом развратившее их. Видно, что больше всех от жестокости Баженовой страдали именно дворовые, и это неудивительно, ведь они жили при господском доме, всегда были на виду у помещицы и при случае сразу могли попасть под горячую руку разгневанной барыни. Впрочем, многие помещики злоупотребляли властью над крепостными, известный пример — Варвара Петровна Тургенева (1787-1850; урожд. Лутовинова), мать писателя Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883), которая также прослыла жестокой барыней.

Неудивительно, что окрестные помещики отзывались о Баженовой положительно и сообщали, что не располагают сведениями о её жестокости: они «покрывали» представительницу своей среды, в которой жестокое обращение с крепостными было нормой. Ещё в 1840 г. дворовые люди подпоручика Владимира Логиновича Бётлинга,

помещика с. Постникова Арзамасского уезда, совершили на своего барина покушение. Дворовые напали на Бётлинга в окрестностях его имения, и один из них нанёс Владимиру сильный удар дубиной по голове, однако помещику удалось спастись бегством. Обвиняемые в нападении признались, что намеревались убить Бётлинга, и причиной этому стало его жестокое с ними обращение. Владимир часто прибегал к телесным наказаниям своих крепостных. Примечательно, что окрестные помещики также или отзывались о Бётлинге положительно, или сообщали, что им ничего не известно о его жестокости.

За «дурное» обращение с крепостными имение помещика было взято в ведомство дворянской опеки, а сам Владимир переехал в Арзамас к брату Павлу Логиновичу и, возможно, больше никогда уже не жил в Постникове [\[84\]](#). В уездном городе Бётлинг начал карьеру чиновника, в ходе которой он дослужился до коллежского советника. Владимир умер в глубокой старости, согласно метрической книге Воскресенского собора г. Арзамаса, дворянин скончался 31 июля 1892 г. в возрасте 84 лет «от старческой слабости», 2 августа был погребён на арзамасском Всехсвятском кладбище (ликвидировано в советское время) [\[10\]](#).

В своём завещании архитектор В. И. Баженов призывал детей к заботе о крестьянах: «всячески старайтесь, чтобы крестьян излишно не отягощать работами ниже какими либо поборами незаконными и излишними... всегда помните, что и они наши братья, наши дети... просящему не откажите и помогите неимущим из крестьян ваших и таковым давайте всевозможную помощь» [\[3, с. 229\]](#). Тем не менее потомки архитектора, как выяснилось, не отличались гуманистическим, добросердечным отношением к крепостным, а жена его внука за жестокое обращение с ними поплатилась своей жизнью.

Однако случаев непомерного угнетения крепостных Баженовыми и другими помещиками в Арзамасском уезде было намного больше. Известный пример — поручик Фёдор Яковлевич Авдеев, помещик д. Шатовки и муж вышеупомянутой Анны Петровны, который в 1802 г. забил до смерти свою дворовую девку Стефаниду Васильеву. Согласно материалам Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, в том же 1802 г. по решению Арзамасского уездного суда убийца был приговорён к лишению дворянства, чинов и ссылке на каторгу с отобранием его имения в ведомство дворянской опеки [\[17, с. 276-277\]](#), но документы показывают физическое присутствие поручика в Арзамасском уезде в 1806 и 1811 гг. при своих прежних регалиях. В 1806 г. своей подписью поручик Ф. Я. Авдеев засвидетельствовал документ, связанный с Владимиром Баженовым [\[50, л. 2106\]](#), а в 1811 г. он же поставил подпись на ревизской сказке своих дворовых и крестьян д. Шатовки, которые были в его полном владении [\[6\]](#).

В ходе следствия сознавшийся в убийстве Строкин и подозреваемые соучастники (Жданкины, Богатин и Ерёмкин) содержались в Арзамасском тюремном замке [\[27, л. 1306\]](#). 8 июня 1856 г. уголовная палата вынесла приговор в отношении Строкина. Убийца Баженовой был приговорён к публичному бичеванию (сто ударов плетью) и бессрочной ссылке на каторгу с наложением клейма на тело [\[27, л. 18\]](#). Предводитель дворянства А. Ф. Вешняков был освобождён от всякого взыскания, несмотря на нерадивое исполнение лежащей на нём обязанности по надзору за управлением помещичьими имениями [\[27, л. 2306-24\]](#). Александр Фёдорович прожил долгую жизнь, скончавшись 4 ноября 1872 г. в возрасте около 79 лет в своём имении в с. Архангельском-Кобылине, 6 ноября он был

погребён при Всехсвятской кладбищенской церкви [\[64, л. 246о6\]](#).

В метрических книгах Никольской церкви Николаевского железоделательного завода Братской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии за 1866-1868 гг. были найдены упоминания ссыльнокаторжного Николаевского завода Петра Савельевича Строкина в качестве поручителя на венчаниях и восприемника при крещениях [\[4\]](#). Дальнейшие упоминания пока не найдены. Скорее всего, убийца Баженовой так и сгинул на каторге. В отсутствие мужа Олимпиада Строкина прижила как минимум три незаконнорождённых ребенка: Анастасию (1857), Агафью (1861) и Дмитрия (1863). Агафья и Дмитрий умерли во младенчестве [\[14, л. 353о6-354, 450о6-451, 531о6-532\]](#). В 1856 г. от кори умер единственный сын Петра Строкина — Иван [\[14, л. 335о6-336\]](#). Также не позднее 1858 г. умерла Матрона Петровна Строкина. В 1861 г. упоминаются живыми две дочери Петра — Пелагея и Евдокия [\[77, л. 896о6\]](#).

Олимпиада Николаевна, её внебрачная дочь Анастасия и мать Стефанида Михайловна (ок. 1800-1876) упоминаются в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1875 г. [\[60\]](#). Жена убийцы помещицы Баженовой скончалась в Кардавиле 25 июня 1889 г. в возрасте около 61 года. Причина смерти — «простудой». 27 июня Олимпиада была погребена на приходском кладбище с. Кардавиля [\[62\]](#).

Андрей Ильич Жданкин, Степан Павлович Ерёмкин и Фадей Васильевич Богатин в ходе следствия находились под стражей, но в итоге не понесли никакого наказания и были освобождены. Согласно метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля, Андрей Ильич скончался в Кардавиле 12 апреля 1865 г. в возрасте 39 лет от чахотки, 14 апреля был погребён на приходском кладбище [\[59\]](#).

Что касается Севастьяна Фёдоровича Жданкина, то в ходе архивных поисков удалось выяснить, что в 1855 г. он был судим по делу об убийстве Баженовой и по решению суда оставлен в подозрении. По освобождении из заключения Жданкин вернулся в Кардавиль. Пробыв в имении не более двух месяцев, крепостной самовольно отлучился на два года [\[58\]](#). В 1858 г., пока Жданкин был в бегах, его 39-летняя жена Акулина Софроновна умерла от чахотки [\[14, л. 381о6-382\]](#). Потомства Жданкины не оставили. Ещё в 1849 г. у них родилась дочь Гликерия, умершая во младенчестве [\[14, л. 205о6\]](#). После 1849 г. никаких сведений о рождении у них детей найдено не было. В 1859 г. Севастьян был пойман и возвращён в Кардавиль. Однако как вредный для крестьянского общества, в том же году «совершенно испортившейся нравственности и совсем неисправимый в поведении» Жданкин был сослан на поселение в Сибирь [\[58\]](#). В исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1861 г. он не значится [\[77, л. 897-901о6\]](#).

Близ Покровской церкви с. Кардавиля сохранилось беломраморное надгробие, которое в прошлом было увенчано белым крестом. Надпись на нём гласит: «Здесь покоятся Василий Всеволодович Баженов, жена его Ольга Александровна, сын их младенец Всеволод». Как было установлено в ходе натурного обследования, памятник лежит внутри провалившегося склепа, и пока неясно, был ли склеп разорён и сохранились ли под завалами останки Баженовых? Тем не менее чудом уцелевшее в годы советской власти надгробие хранит память о сложной и трагической судьбе потомков архитектора В. И. Баженова — помещиков с. Кардавиля Арзамасского уезда.

Как же сложилась дальнейшая судьба детей убитой Ольги Александровны? В 1856 г., пока шло следствие, никто из её детей не проживал в Кардавиле. В исповедной росписи

за этот год указана лишь 17-летняя Мария Баженова, но она на исповеди в 1856 г. не была (значилась в отлучке один год) [76]. До совершеннолетия всех детей Баженовой за ними и их владениями в Кардавиле и Корине в 1856-1861 гг. присматривала дворянская опека. В 1856 г. опекуном был Александр Фёдорович Тархов, в 1857-1859 гг. — ранее упомянутый Николай Павлович Жаров (коллежский ассессор и кавалер), в 1860-1861 гг. — Мария Баженова (как старшая в семье) [57]. Софья и Ольга в 1860 г. окончили институт благородных девиц. Софья была удостоена серебряной медалью, Ольга же окончила институт лишь с аттестатом [37, с. 129].

В исповедной росписи Покровской церкви с. Кардавиля за 1861 г. значатся дети умершего помещика и майора Василия Всеволодовича Баженова: Александр (20 лет), Мария (22 года), Софья (19 лет), Ольга (17 лет). Согласно росписи, вместе с ними в имении также проживали вдова надворного советника Устинья Фёдоровна Струнина (67 лет) и её дочь девица Клавдия Александровна Струнина (35 лет). В росписи имеется ошибка: Устинья была вдовой коллежского советника [77, л. 896об]. Мать майорши Баженовой пережила дочь почти на 10 лет, скончавшись в Арзамасе 12 октября 1864 г. в возрасте около 78 лет, причина смерти — «от преклонных лет». Устинья была отпета в Благовещенской церкви и похоронена на Всехсвятском кладбище [11].

После совершения выкупных сделок между крестьянами и Баженовыми (Кардавиль — 1867 г., Корино — 1872 г.) во владении Александра и его сестёр осталось больше 3500 десятин земли. Будучи латифундистами, Баженовы были достаточно состоятельными людьми. Как и многие дворяне после отмены крепостного права, часть земли они распродали, а часть заложили в банке. Также известно, что они зарабатывали продажей леса, которым были богаты их владения. Земли, пожалованные В. И. Баженову в 1796 г. за его великие труды, больше 120 лет продолжали кормить его потомков.

Александр Васильевич Баженов получил среднее образование в Нижегородском Александровском дворянском институте, где в 1860 г. окончил курс с серебряной медалью, а высшее — в Московском университете, где в 1865 г. окончил юридический факультет. 23 октября 1868 г. был внесён в третью часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии [87]. За свою продолжительную (около 40 лет) и плодотворную гражданскую службу в Нижегородской губернии Александр дослужился до действительного статского советника (1903). В 1905-1906 гг. занимал должность предводителя дворянства Нижегородской губернии. Александр так и не женился и потомства не оставил, уйдя из жизни холостым и бездетным. На нём в 1908 г. и пресеклась мужская линия рода Баженовых.

В метрической книге Александро-Невской церкви при Нижегородском Александровском дворянском институте, почётным попечителем которого в 1891-1897 гг. был Александр Васильевич, была выявлена запись о его смерти, произошедшей 8 ноября 1908 г. 67-летнего Баженова отпевали в домово́й церкви института — альма-матер его юности. В записи о смерти указано, что он умер «от гриппа». В ней также сообщается, что потомственный дворянин был погребён 10 ноября в Спасском монастыре г. Арзамаса [61]. Видимо, первоначально родные похоронили его в арзамасском Спасо-Преображенском монастыре, а после перезахоронили при Покровской церкви с. Кардавиля рядом с родителями и умершим во младенчестве братом. Надгробие Баженова из чёрного гранита сохранилось, надпись на нём гласит: «Александр Васильевич Баженов скончался 8 ноября 1908 г.». Надгробие Александра и надгробие его родителей и брата являются двумя единственными сохранившимися надгробиями из

обширного некрополя рода Баженовых и требуют скорейших научных обследования и реставрации.

Ольга Васильевна Баженова также замуж не вышла и детьми не обзавелась. Марина Александровна Яхонтова (1912-2001) в своих мемуарах по дошедшим до неё слухам описывала Баженову как богатую старую девицу, окружённую штатом прислуги, и властную особу с резким, неприятным характером [\[112, с. 102\]](#). Видимо, Ольга походила характером на свою мать. После революции правнучка зодчего была вынуждена оставить своё имение в Кардавиле, которое она унаследовала от брата.

Покидая усадьбу, она взяла с собой и хранившийся у неё знаменитый портрет В. И. Баженова в кругу семьи. Вскоре после этого хутор Баженовой был разграблен и сожжён. Таким образом, именно Ольга Васильевна Баженова спасла от неминуемой гибели единственный известный **на данный момент** портрет зодчего, хранящийся ныне в собрании Музея архитектуры имени А. В. Щусева. После революции она проживала неподалёку от Кардавиля у своей бывшей горничной, храня портрет великого прадеда. Впоследствии полотно было выкуплено у Ольги за бесценок её племянником — Всеволодом Алавердиевичем Багадуровым (1878-1954). После смерти Всеволода его сын Георгий продал портрет Музею архитектуры [\[113, с. 271\]](#). М. А. Яхонтова писала, что Баженова скончалась в конце 1920-х гг. [\[112, с. 102\]](#)

В ходе настоящего исследования было выяснено, что Ольга Васильевна ушла из жизни 21 апреля 1930 г. в возрасте 85 лет в с. Архангельском-Кобылине Шатковского района Нижегородской области, где последняя носительница фамилии знаменитого архитектора, видимо, и была погребена, а её могила так и пропала в безызначности (в 1951 г. с. Никольское-Кобылино и с. Архангельское-Кобылино Шатковского района были объединены в одно с. Архангельское).

Неизвестно, по какой причине Александр и Ольга Баженовы не обзавелись семьями. Возможно, если бы жизнь майорши Ольги Александровны Баженовой трагически не оборвалась в 1855 г., она бы прожила долгую жизнь и всё же побудила бы Александра и Ольгу пойти под венец и продолжить род. Но мать покинула детей тогда, когда они ещё были малолетними. Важно отметить, что до нас не дошли какие-либо мемуары потомков майорши, а в мемуарах Марины Яхонтовой нет ни слова об убийстве помещицы. Возможно, потомки жестокой барыни стыдились этой страницы истории рода Баженовых и держали её в тайне?

Что касается Марии Васильевны (в замужестве Фадеева) и Софьи Васильевны (в замужестве Богодурова) Баженовых, то они обзавелись семьями, однако их судьба и потомки заслуживают отдельного исследования. Подводя итоги, можно отметить, что в современной исторической науке в настоящее время наблюдается «культурный поворот», в ходе которого происходит уход от макроистории к микроистории, от генерализированной истории к конкретной. В центре внимания историков, проводящих исследования в русле возрождающихся биографического метода и новой биографической истории, оказываются судьбы отдельно взятых людей. Таким образом, прибегая к биографическому методу, исследователь занимается реконструкцией биографий или так называемых персональных историй не только выдающихся, но и рядовых людей, а реконструируемые персональные истории необходимы для воссоздания событий прошлого и понимания исторической эпохи, в которой жили герои его истории.

Список сокращений

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАКО — Государственный архив Костромской области

ГАО, г. Арзамас — Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас

РГБ — Российская государственная библиотека

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Библиография

1. Безверхий Д.В. Журналы Комиссии прошений как источник для реконструкции персональной истории потомков архитектора В.И. Баженова // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 48-74. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75302 EDN: ODOAWP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75302
2. Безверхий Д.В. Новые сведения о генеалогии семьи архитектора В. И. Баженова // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 65-83. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43716 EDN: UKLLMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43716
3. Василий Иванович Баженов: Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Я. Герчука. М.: Искусство, 2001. 304 с.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 9. Д. 1145. Л. 49, 58, 139, 142; Оп. 3. Д. 878. Л. 802.
5. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 3356. Л. 24об.
6. ГАО, г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 681об.
7. ГАО, г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 1-1об.
8. ГАО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1. Д. 51. Л. 85.
9. ГАО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 2. Д. 1.
10. ГАО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 2. Д. 4. Л. 376об-377.
11. ГАО, г. Арзамас. Ф. 64. Оп. 2. Д. 1. Л. 411об-412.
12. ГАО, г. Арзамас. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАО, г. Арзамас. Ф. 69. Оп. 1. Д. 6. Л. 269об-270.
14. ГАО, г. Арзамас. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАО, г. Арзамас. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.
16. ГАО, г. Арзамас. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 283.
17. Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. 8. Н. Новгород: тип. И.К. Владимирского, 1909. 419, 26, IV с.
18. Достоевский А.М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 397 с.
19. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881. Том 2: 1865–1874 / Сост. И.А. Битюгова, В.А. Викторович, Е.И. Кийко, Т.И. Орнатская. СПб.: Академический проект, 1999. 583, [3] с.
20. Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 2. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1821. [6], VIII, [2], 570, [1] с.
21. Московское училище ордена св. Екатерины, 1803–1903 гг.: Исторический очерк /

Составлен по поручению Совета училища комиссией преподавателей под общей редакцией инспектора классов В.А. Вагнера. М.: печатня А. Снегиревой, 1903. VIII, 560 с.

22. РГБ Отдел рукописей. Ф. 172 к.132 №3. Л. 120.
23. РГИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 6829.
24. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 122. Л. 15-18.
25. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 283. Л. 3.
26. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 350. Л. 13об.
27. РГИА. Ф. 1286. Оп. 16. Д. 942.
28. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 673. Л. 317.
29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803 г. Д. 37. Л. 5об-6.
30. Русский биографический словарь. Том 9 / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1903. 708 с.
31. Русский инвалид. 1825. № 74. С. 297.
32. Русский инвалид. 1829. № 172. С. 686.
33. Русский инвалид. 1829. № 196. С. 782.
34. Русский инвалид. 1831. № 85. С. 338.
35. Саитов В.И. Московский некрополь. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 517 с.
36. Селунская Н.Б. Возрождение биографического метода: "история в биографиях" и "история через личность" // Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в. СПб.: Алетейя, 2021. С. 8-20. EDN: MYWJTY.
37. Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, 1852–1902. Н. Новгород: тип. У.А. Скимунт (бывш. А.А. Ржонсницкого), 1902. 189 с.
38. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5615.
39. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 46 (1853 г.). Д. 80.
40. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 47. Д. 2888.
41. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 5913. Л. 141.
42. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1108.
43. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 25. Д. 394. Л. 1.
44. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 25. Д. 1176. 13-13об, 21.
45. ЦАНО. Ф. 142. Оп. 756а. Д. 24. Л. 4.
46. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1825 г.). Д. 1855.
47. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1829 г.). Д. 2053. Л. 35.
48. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1843 г.). Д. 23.
49. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1844 г.). Д. 28.
50. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 677.
51. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 1618.
52. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5002. Л. 184-184об.
53. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5004. Л. 2.
54. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5322.
55. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 6823.
56. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 7092.
57. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 8553.
58. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 10356. Л. 1-2.
59. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 195. Л. 596об-597.
60. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 516. Л. 210об.
61. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 1845. Л. 5об-6.
62. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 501. Л. 19об-20.
63. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 510. Л. 293об-294.
64. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 516.

65. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 531. Л. 59.
66. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1845 г.). Д. 87.
67. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558 (1856 г.). Д. 313.
68. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1046.
69. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1212. Л. 1167.
70. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1243.
71. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1252. Л. 72об.
72. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1257. Л. 789об.
73. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1291.
74. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1360. Л. 970об.
75. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1408.
76. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1425. Л. 775-775об.
77. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1504.
78. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 721. Л. 1248.
79. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 842. Л. 183.
80. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1052.
81. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1124. Л. 92об-93.
82. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1540. Л. 473об.
83. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1546. Л. 855об-856.
84. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 3619.
85. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4287. Л. 5об-6, 6об-7.
86. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4303.
87. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 6857. Л. 3-3об.
88. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9166. Л. 8, 14.
89. ЦАНО. Ф. 653. Оп. 129а. Д. 14. Л. 44-44об.
90. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 2168.
91. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 3710.
92. ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2159.
93. ЦГА г. Москвы. Ф. 32. Оп. 10. Д. 3283. Л. 1.
94. ЦГА г. Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9998.
95. ЦГА г. Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 8064. Л. 3-3об.
96. ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 149. Л. 167об.
97. ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 70. Л. 583-583об.
98. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 76. Л. 12об.
99. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 330. Л. 158об-159.
100. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 341. Ч. 8. Л. 496об.
101. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 363. Л. 715об-716.
102. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 373. Ч. 11. Л. 634об.
103. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 385. Л. 1274об-1275.
104. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 722. Л. 256об.
105. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1194. Л. 537.
106. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 2028. Л. 307об.
107. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1774. Л. 124об-125.
108. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 2125. Л. 183об-184.
109. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 2379. Л. 308об.
110. ЦГА г. Москвы. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1024. Л. 150об-151.
111. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1649. Л. 139об-140.
112. Яхонтова М.А. Наши корни / Вступ. слово А.А. Рыбаковой. Киров: Аверс, 2020. 152 с.
113. Яхонтова М.А. Моё время в моём восприятии. Т. 1. Киров: Аверс, 2020. 588 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова» представляет собой впечатляющее по объему привлечённых автором и вводимых им в оборот архивных материалов историко-биографическое исследование. В данной работе автор, отталкиваясь от конкретной персоны майорши О.А. Струниной-Баженовой, представляет довольно насыщенную фактурой картину жизни провинциального дворянства в предреформенные годы XIX века (1850-ые гг.). Заглавие работы («Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой...») не совсем корректно отображает содержание работы, она значительно выходит за рамки упомянутой криминальной истории, собственно история убийства и последовавшего за ним расследования занимает примерно треть текста, однако в данном случае это не представляется недостатком работы т.к. заголовок способен привлечь читателя именно криминальным сюжетом, в то время как сам текст опять-таки обращается к гораздо более широкому кругу социально-экономических процессов/проблем предреформенной России (крестьянский вопрос, экономическое состояние провинциального дворянства и т.д.). Научно-методический компонент работы довольно скромнен, автор логично определяет свой метод как просопографический т.е. история через персональные биографии, история через личность, реконструкция десятков персональных историй, которые в итоге сглаживаются в достаточно репрезентативную социально-экономическую картину, позволяющую делать наблюдения и выводы более широкого плана. Несмотря на довольно слабо проработанный теоретический фундамент работы равно как и отсутствие выраженного заключения/выводов, представляется что значительная ценность работы заключается именно в создании развернутого мультиперсонального нарратива, который – будучи основан на вводимых в оборот архивных материалах (ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАНО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург), ЦГА г. Москвы} позволит использовать раскрытые автором персональные истории майорши О.А. Баженовой и ее окружения в исследованиях более общего характера (крестьянский вопрос в Арзамасском уезде Нижегородской губернии в середине XIX века, история рода Баженовых, повседневная жизнь провинциального русского дворянства, преступность и правоохранительная практика в царской России. хозяйственный кризис дворянских имений накануне 1861 г. и др.). Работа в целом написана на должном научно-методическом уровне, представляет значительный интерес, вводит в оборот значительный объем архивных документов, сюжетно упорядоченных через многочисленные биографические нарративы. Возможно, в силу достаточно большого объема текста, для лучшего восприятия было бы уместно его деление на разделы, тем более что сюжетные нарративы меняются по ходу текста. Однако это не является принципиальным замечанием. Рецензируемый текст рекомендуется к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шестаков А.М. К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75553 EDN: QAAZZH
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75553

К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв.

Шестаков Александр Михайлович

ORCID: 0000-0002-3361-184X

независимый исследователь

454091, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

✉ katechon74@gmail.com

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75553

EDN:

QAAZZH

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Дата публикации:

26-08-2025

Аннотация: В статье исследуется проблема духовной власти беспоповских наставников в среде старообрядцев Южного Урала в XIX – начале XX вв. В качестве объекта исследования выступают южноуральские старообрядцы поморского согласия. Анализируется динамика отношений поморцев к институту наставничества. Особое внимание уделяется вопросу границ простираемой власти духовного наставника. Исследование феномена духовной власти поморских наставников проводится в рамках направления истории повседневности. Опираясь на гектографические и рукописные сочинения старообрядцев, а также архивно-следственные дела Челябинского, и Российского государственного исторического архивов, в статье исследуются нюансы заключения и расторжения бессвященнословных браков, религиозные рамки табу, виды дисциплинарных наказаний для членов старообрядческих общин как непосредственное

проявления духовной власти наставников. В основе методологического инструментария находится концепция формационно-стадиального подхода, на основе которой, в исследовании выделяются этапы трансформации духовной власти наставников. Кроме того, использовался историко-генетический метод, суть которого в последовательном раскрытии свойств и функций в анализируемой нами предметной области в процессе ее исторического развития. В результате исследования были выделены такие этапы трансформации духовной власти наставников как: 1) этап наставников-престарелых, 2) переходный период, 3) время «престарелого священства». Можно констатировать, что к 1909 году беспоповские духовные лидеры трансформировались в новый, особый вид священства – "нерукоположенных духовных отцов". Эти наставники обладали многими атрибутами и духовной властью сопоставимой с православными священниками. В частности, они "благословляли" браки, "ставили" новых наставников, крестили и исповедовали, налагали епитимьи. Вероятно, эта эволюция института наставничества могла оформиться в нечто большее, но революционное время и советский период остановили это богословское творчество. Между тем, настоящее исследование имеет прикладной характер, поскольку позволяет выстроить историческую преемственность воззрений и практик старообрядцев поморского согласия на Южном Урале.

Ключевые слова:

наставники, старообрядцы, духовная власть, поморцы, беспоповцы, властные отношения, брак, крещение, епитимья, христианство

По мнению религиоведа Мирча Элиаде, для профанного человека сакральный мир представляет собой опасное место, поскольку профанированный, мирской человек в виду своей духовной нечистоты, не готов войти в священный мир [\[1\]](#). Он не может принести жертву Богу, подобно Ветхозаветному Каину, его жертва не будет принята. Имеющий грешные намерения (помыслы) не может причаститься Божественных Тайн, подобно апостолу Иуде (по толкованию святых отцов, когда Иуда причастился в него вошел Сатана). Всякая попытка войти в сакральный мир духовно нечистому человеку (профану) обречена на провал. Отсюда возникает необходимость в посреднике, человеке находящимся между двумя мирами – профанным и сакральным. Посредник, в отличие от профанированного человека, имеет духовно чистый образ жизни и предварительное посвящение. Иными словами, посвященный человек исполняет роль проводника для духовно неразвитых - в мир священного.

Вследствие своего особого статуса, посредник имеет духовную власть – очищения и посвящения профана, а также допуска его в мир сакральных практик. Под термином очищение следует понимать – духовные упражнения, дисциплинарные запреты, акты послушания и покаяния. Посвящение включает в себя различные формы инициации, таинство хиротонии или благословения в священные и церковные степени. В статье анализируется феномен духовной власти старообрядческих наставников поморского согласия на территории Южного Урала, на основе богатого археографического и архивно-следственного материала.

Историография южноуральского старообрядчества широко изучена в общем контексте исследования вопроса. Однако узкие проблемы повседневной жизни старообрядцев, в особенности поморского согласия, остаются малоизученными, в виду отсутствия выявленных источников, затрагивающих этот круг проблем. Наиболее значительный исследовательский вклад в развитие темы старообрядческих наставников внес П. И.

Мангилев.

Историк П. И. Мангилев уделил глубокое внимание изучению проблемы генезиса поморского согласия на Южном Урале, а также истории возникновения общины поморцев в Златоусте и биографии местных настоятелей [2]. К теме изучения биографий духовных наставников поморской общины города Златоуста XIX – XX вв. обращались А. Г. Мосин [3], а также П. О. Половинкин [4]. Отдельного внимания заслуживает работа краеведа А. В. Ульянова, который провел глубокое исследование по изучению родословия династии поморских наставников станицы Петровской Челябинского уезда – Смолиных [5].

По теме духовных наставников обращает на себя внимание работа Н. А. Антипина. В ней впервые была предпринята попытка анализа власти в старообрядческой поморской общине Челябинска в XX веке [6]. В настоящей статье автор, обобщив опыт и результаты предыдущих исследований намерен проанализировать властные отношения внутри старообрядческих общин и сформулировать этапы трансформации духовной власти поморских наставников на Южном Урале.

Кто такой наставник.

Наставники стали появляться в среде старообрядцев вскоре после раскола в Русской православной церкви. Это явление напрямую связано с исчезновением в староверии священников, которые имели бы свое рукоположение до раскола. С другой стороны причиной генезиса наставничества является неготовность части старообрядцев пойти на уступку и начать принимать бегствующих священников из господствующей Церкви, имевших уже хиротонию от епископов, поставленных по реформированным книгам. Между тем как отмечал Зеньковский, старообрядцам симпатизировали многие епископы Православной Церкви – «первым из них, конечно, был епископ Павел Коломенский, замученный при патриархе Никоне» [7, с. 314]. Существовали епископы, которые испытывали симпатии к Старой вере и в послераскольное время. К таковым в частности, относился епископ Тамбовский Игнатий, угодивший в ссылку на Соловки и митрополит Нижегородский Исаия, исключенный с кафедры по доносу царю [Там же]. Несмотря на множество открыто и скрыто симпатизировавших староверию епископов и митрополитов никто из этих епископов не смог образовать отдельную иерархию и рукоположить новых священников для старообрядцев. Безысходная ситуация вынудила непримиримых ревнителей древлеправославия (как называли сами себя староверы) остаться без священства, искать свой путь, и он был найден. Место священника как руководителя общины занял пономарь, получивший в своей среде имя – наставник.

Кем были первые наставники.

В одном из самых ранних известных исторической науке беспоповских соборов, состоявшемся в Великом Новгороде в 1694 году, отчетливо видно, кем были первые старообрядческие наставники – неграмотные, пожилые люди, многие духовные чада, ставили подписи под решением собора вместо своих духовных отцов [8, с. 045]. Это объясняется тем, что с точки зрения первых беспоповцев, у стариков было крещение, Таинство миропомазания, венчанный брак от благодатных, дораскольных священников. То есть, онтологически пожилые, безграмотные люди имели на себе благодати Святого духа, больше, чем те, кто пришел в их общество от никониан, от господствующей Церкви, с их точки зрения, не имевших в себе никакой благодати Божией, от еретического сообщества. Поэтому эти безграмотные старики были в первых рядах

беспоповцев, отправляли Таинства крещения и покаяния и категорически являлись противниками браков, причем как староженцов (семейных пар пришедших в беспоповское общество), так и новоженцов (заклучивших брак уже находясь в беспоповщине).

В 8-м поставлении Новгородского уложения говорится – «жениться пожелают, а девицы замуж пойдут и венчаться станут у еретиков, от русских попов иже служат антихристу, или тако и не венчаны, сойдутся, по любви и по благословению родителей брак утвердят, и приживут между собой дети, а потом похожут бытии прияты на покаяние, или из нас кого духовного отца призывати станут в дома своя, или крестить детей своих и нам, отцы и братия, духовного дела отнюдь не творить, опасаяся лишения сана: на дух таковых не принимать, детей у них не крестить, и роженицам молитвы не давать и с ними ни питии, ни ясти, ни на молитве вкупе стояти, и на службу к себе не пускати, разве только при самой смерти, понеже, ведаючи, таковое самовольное отступление сотворили» [Там же, с. 044-045.].

Таким образом, уже первое поколение беспоповских наставников имели богатый набор возможных дисциплинарных наказаний – не принимать на покаяние, отказывать в крещении детей, не читать молитву от очищения скверны роженицам, запрет совместно вкушать пищу и отказывать в соборной молитве и лишь только при страхе смерти принимать на покаяние.

К первой четверти XVIII века старшее поколение, заставшее при своей жизни дораскольных священников, окончательно уходит, вслед и за последними иереями, поставленными по-старым книгам, дораскольными епископами. На их место приходят старообрядческие иноки и простецы, которые своим образом жизни, обетами нестяжательства и чистого жития в глазах ревнителей древлеправославия казались достойными для отправления Христовых Таинств. В частности, об этом говорится в труде «Поморские ответы» братьев Денисовых.

В ответе Денисовы писали, что «многие святые отцы, не будучи рукоположенными, водительствоваши стадо человеческих душ, пеклись о них, сами спаслись и других спасли, что многие пустыnnики, не будучи священниками, принимали исповедания человеческие, как заповедание церковное законополагает, чтобы умелый инок вместо неумелого священника это совершал, что святые апостолы заветуют исповедовать друг другу свои согрешения, как приемлется это и творениями святых великих отцов, и древним обычаем, и повелением править исповедь старцу» [\[9, с. 266\]](#).

Наставники-простецы

На территории Челябинского уезда и горнозаводской зоны Южного Урала в начале XIX в. центром распространения поморского согласия была Таловская волость, деревня Гагарье и ее округа. В этом месте проживал человек, которого гектографические и рукописные сочинения поморцев называли отцом всего поморского упования в Сибири и на Урале – Стефан (Степан) Кузьмич Тельминов.

В рукописи «Родословие поморской веры в Сибири и на Урале» утверждалось,, что, «Стефан Кузьмич в христианском нашем роде весьма значительная и высокоуважаемая личность по плотскому и духовному порождению, по плотскому же, будучи потомок деда своего страдальца Христова старца Михаела, иже в Кушунской пустыни огнем муческим скончался, значит то что Стефан Кузьмич страдальческого христианского корня, по духовному порождению т. е. водою и духом от благочестиваго старца и отца поморского выгоретцкия лавры жителя Гавриила Семеновича» [\[10, л. 23\]](#).

В деревне Гагарье С. К. Тельминов возвел собственный дом в 1800 году (по другим сведениям 1801 году [\[11, л. 278\]](#)), «состоящий из пяти комнат сеней и чулана, находящихся в одной нераздельной связи. Одна из числа таковых комнат, украшенная иконами, приобретенными им и односектаторами его, назначена была для богомоления» [\[12, л. 4-об. – 5\]](#). Археографические экспедиции Уральского Госуниверситета собрали сведения, из которых следует, что С. К. Тельминов был основателем деревни Гагарье [\[13, с. 157\]](#), а это значит, что молитвенный дом поморцев был первым зданием населенного пункта.

В 1821 году крестьянин деревне Березовой Челябинского уезда Егор Менщиков не допустил священника до крещения своего ребенка, а на следствии сообщил, что запретил крестить ребенка иерею, потому что он является старообрядцем, а у них все духовные требы выполняет «простолюдин». А в завершении Менщиков добавил, что сам он исповедуется у крестьянина деревни Гагарье Стефана Тельминова, который его новорожденного ребенка и крестил.

На следствии крестьянин Стефан Тельминов сообщил, что «он с самого рождения состоит в расколе и по примеру предков исповедует взрослых и крестит младенцев, а сам исповедуется у разных стариков, кои уже померли, ныне же по старости лет требы не исправляет, а рождающихся правнуков крестит. Дети его Платон и Евтихей» [\[14, л. 2\]](#).

В моленной С. К. Тельминова некоторое время служил некто ревностный пожилой мужчина, родом из Польши. Он категорически не принимал на молитву брачных людей. В то время территория Польши была местом компактного проживания безбрачных поморцев и федосеевцев. Факт проживания человека с такими взглядами свидетельствует, что и сам С. К. Тельминов придерживался так называемых бракоборных воззрений и потому принимал у себя близких себе по мировоззрению людей.

В поморской рукописи сообщается, что «у Степана Кузмича в моленной некоторое время управлял и отечествовал [был духовным отцом, наставником прим.] старичек из Польши. Этот поляк браки и брачных совершенно не принимал. Даже и самого Степана Кузмича за чадородие отлучал. Говорит: «Степан Кузмич, тебе не должно быть у налоя, потому что ты детей плодишь. Будь в отлучении, стань под порог. Если тебе быть у налоя, то весма будет соблазнительно» [\[15, с. 348\]](#).

В начале 1840-х г. в возрасте около 90-лет С. К. Тельминов скончался. В его бытность наставники считали себя простецами, то есть мирскими людьми, волею крайней необходимости, в отсутствие законного священника, исполняющими духовные требы – крещение и исповедь, не дерзающими сами благословлять браки. В качестве дисциплинарных наказаний применялось отлучение брачных и чадородных (тех у кого родились дети в семье) от совместной трапезы и моления. Со смертью Тельминова на Южном Урале начались тектонические изменения духовной жизни поморцев – введение брачного чина.

Переходный период

В 1840 году благословление на наставничество в Златоустовскую общину получил Трофим Васильевич Байдосов. Поморские рукописные сочинения сообщали, что в те времена жить старообрядцам было особо тяжело - «молились в подполах, скрывались от никонианских попов страха ради молились по домам. Браки не венчали, ходили к попам венчаться, ибо таков был обычай» [\[16, л. 1\]](#). Осознавая кризисное положение поморской

веры Байдосов начал переписку с московскими поморцами о браке, а затем ввел бессвященнословный брачный чин, но сам так и остался безбрачным.

В Златоустовской рукописи утверждалось, что - «Трофим Вас. списался с московскими староверами о браках, и потом ввел у себя браки, стал венчать в моленной. Трофим Вас. не побоялся что не последует прежде бывшим отцам или порвет связь с поморскими отцами, но он сохранил и то и другое, а браки все же ввел» [Там же, л. 1-об].

В 1850 году локальный опыт узаконения брачного чина Златоустовской общины поморцев закрепили повсеместно на Южном Урале. В деревне Гагарье Челябинского уезда старший сын покойного С. К.. Тельминова – Платон созвал собор, на котором бессвященнословный брачный чин утвердили. Теперь поморские наставники повсеместно стали благословлять браки по специальному чину без участия священника. Однако вместо консолидации и упрощения положения поморцев на Южном Урале произошел раскол и разделение на брачных и безбрачных. Во главе безбрачных поморцев, оставшихся верных положению согласия как при С. К. Тельминове и прежде ему бывших духовных руководителей, стал Евтихий Стефанович Тельминов – младший сын покойного известного наставника.

Из воспоминаний Савелия Яковлевича Мальцева ученика Е. С. Тельминова, можно узнать, что Евтихий Степанович был весьма ревностным, образованным и строгим наставником, не желавшим идти на компромиссы. У него в Гагарье была своя моленная. Он прошел четырехлетнее обучение церковной грамоте, наонному пению и уставу в Даниловском монастыре на Выгу.

«Мне очень понравилось устройство в молельне и особенно пение», - вспоминал Мальцев свою жизнь при моленной Тельминова, – «Меня тянуло в моленную, но часто ходить туда было опасно, так как все наше семейство, кроме дедушки, за женитьбу отца было отлучено. Я стал плакать и просить отца, чтобы он определил меня к молельне учиться уставной службе. Отец похлопотал – и наставник принял нас с матерью и братом к общей молитве чрез шестинедельный пост. После этого Тельминов видя мое усердие и безпрестанное хождение в молельню, принял меня в ученики (тогда мне было тринадцать лет) и я начал учиться хомовому пению. Учение шло успешно и на шестнадцатом году жизни, я уже знал весь ряд церковных служб и нередко правил за головщика» [\[17, с. 9\]](#).

До начала 1870-х г. в селе Сыростан, близ Миасского завода проживал видный духовный наставник Яков Артемьевич (фамилия его неизвестна). Он прославился как особо ревностный сторонник безбрачия, хотя при этом был женат, но всячески делал вид, что супруга ему не жена, а сожительница. Для большей убедительности, он заставлял ее носить по-девичьи одну косу на голове, а та покорно его слушалась.

«Браки никакия в полном и строгом смысле за законныя не признавал, за чадородие всегда мужа и жену как блудников отлучал, детей прихожан великороссийской Церкви всегда «змеятами» называл» [\[15, с. 352\]](#), - вспоминали близко знавшие Якова Артемьевича.

Своим духовным чадам он запрещал жениться, под страхом отлучения от Церкви. В одной поморской рукописи утверждалось, что «когда в Златоусте браки соборне признаны законными, и брачных сообщили вместе в молитвословии, ядении и питии со стариками и прочими, тогда за ето с зелнейшим порывом и порицанием Яков Артемьевич на Тр(офима) В(асильевича) и прочих златоустовских хр(и)стиан вооружился, везде

хулил и укорял златоустовцов, что оне-де Церковь Б(о)жию сделали блудницей, напринимали вместе молиться скверных блудников, так он называл молодых женатых людей. Все оне теперь отлученные, а с отлученными недолжно молится вместе ни в дому, ни в церкви. Если миаские или сыростанские христиане в Златоусте вместе помолются, то он всех тех отлучал» [Там же, с. 352-353].

29 июня 1875 г. урядник и наставник поморской общины станицы Петровской Челябинского уезда Иван Михайлович Смолин стал один из инициаторов собора в деревне Озерки, Кипельской волости, Челябинского уезда, Оренбургской губернии. Его имя фигурирует первым в списке духовных отцов собора. Собрание постановило крестить всех безбрачных, и не сообщаться с ними, ни в еде, ни в молитве.

В постановлении собора говорилось: «От сего времени будут от бракоборцев приходить к Церкви да крестятся. Если искусни на предстательство могут быть, а в обдержной власти нет. Мы не можем их убедить ствятым Писанием и останутся в своем упорстве. То стацами сообщения ни в чем не иметь. Кая часть свету ко тме В мимо прошедших годах, от феоdosиян и филипан брано иконное во ображение и телоносные кресты оставить в судьбах Божиих. А от сего времени не икон, не крестов от них не брать. А в замужество от них брать аще же обещаются принять баню крещения, а к ним дочерей своих не выдавать сифовы дщери с каиновыми да не смешаются» [\[18, л. 78-об\]](#).

На смену себе в настоятели в Златоустовской общины поморцев духовный отец Т. В. Байдосов благословил в 1882 г. двоеженца Василия Емельяновича Пильнова. По прежним понятиям, такая ситуация была в принципе невозможна. Достаточно вспомнить, что до 1850 года на Южном Урале брачных не допускали на молитву вообще, тем более в этом статусе нельзя было стать наставником. Как об этом говорится в одной из поморских рукописей – «хотя Василий Ем. и был двоеженец, но Трофим Вас. допустил это за хорошую и достойную жизнь» [\[16, л. 1-об\]](#). Самим фактом поставления в наставники Пильнова, Байдосов продемонстрировал свое отношение к институту наставников – как простецов, а не нового вида священства. Поскольку, канонические правила запрещают двоеженцам поставляться в священные степени.

На рубеже 1899-1900 гг. в Юрюзанском заводе Златоустовского уезда, Уфимской губернии в местной поморской общине настоятельствовал 60-летний наставник Лазарь Павлович Борисов. По воспоминаниям очевидцев, паства мало уважала его, за то, что «он пасомых своих не учил, а только укорял». Обвинял Борисов своих духовных чад, в том, что мало платили ему жалование как наставнику. При этом знавшие ситуацию внутри общины утверждали, что в месяц наставник поучал 5 рублей, за требы – крещение, покаяние – не менее 50 копеек, а иногда и до 5 рублей за совершение Таинства.

«При крещении полотенце, на которое принимают младенца, обязательно берет себе», - делился своими наблюдениями бывший поморец Мина Воробьев. – «А на свадьбах, сверх денежной ряды, берет платок, шаль или ковер, на котором должны стоять жених и невеста» [\[19, с. 11-12\]](#).

По сведениям Воробьева, наставник Борисов расхищал чужую паству. Совершал поездки в Уфу, где был свой наставник, и служил требы у местных купцов. Из-за этого уфимский наставник и игуменья женского поморского монастыря на горе Зигальга составили жалобу настоятелю златоустовской общины Филиппу Венедиктовичу Мурдасову, чтобы тот нашел на Борисова управу.

Узнав о жалобе, Борисов сам поехать к Мурдасову, чтобы обсудить с ним лично конфликт, а заодно взял и Мину Воробьева, как человека иногороднего. Там с глазу на глаз, Борисов и Мурдасов решили запретить в служении уфимского настоятеля и обернуть дело в пользу отца Лазаря Павловича.

Кроме прочего, Лазарь Павлович окормлял женский поморский монастырь на горе Зигальга. На рубеже XIX-начала XX века в роли игуменьи там служила 70-летняя матушка Серафима Тимофеевна. Посещал монастырь он, как бы парадоксально не показалось, ради благословления там браков.

«Нам прежде тоже не дозволено было разрешать им выходить замуж», - приводит слова отца Лазаря Павловича Воробьев. – «Из них и впали некоторые в распутство, а другие убежали за мирских, да и обвенчались, вот поэтому и разрешили им выходить замуж, а числятся они под моим приходом, потому я и езжу к ним» [Там же, с. 13].

Переходный период заканчивается 1909 г., когда в Москве созывается Первый Всероссийский собор поморцев, на котором будут сформулированы важнейшие представления о роли и природе наставника в общинах староверов-поморцев. Как можно заметить, переходный период включал в себя проявления двух антагонистичных тенденций – представления о наставнике как простеце, не дерзающем совершать священнические действия, полного религиозного фанатизма и бытовых запретов и в противоположность этому – наставник как нерукоположенный священник – венчающий браки, берущего за требы деньги, плетущего интриги и расхищающего чужую паству.

«Простецкое священство».

На Первом Всероссийском соборе впервые концептуально осмыслялась природа наставников и определилось место беспоповского духовного отца в жизни поморской Церкви. С докладом на соборе выступил наставник Терентий Акимович Худошин. С точки зрения его богословских изысканий, прообраз беспоповского настоятеля был найден в Ветхом завете, во времена египетского пленения еврейского народа.

Худошин писал, что «о старцах как духовных начальниках народа говорится неоднократно в Библии. Старцы людские, т. е. старейшины, являются законными представителями народа еще со времен египетского рабства. На них во времена Моисеева сошел Дух Святой для того чтобы они могли облегчить бремя народного управления, они же в последующей истории Израиля упоминаются многократно, как сохранившие за собою то самое значение, которое принадлежало им в Египте» [\[20, с. 74\]](#).

Наставник, по представлению Худошина, имеет благодать Святого Духа как и священник, а следовательно и аналогичную силу власти – «вязать и разрешать». В обоснование он привел в качестве примера день Святой Пятидесятницы, где по свидетельству книги Деяний святых Апостолов, и толкования святого Иоанна Златоуста, Дух Святой сошел не только на апостолов, но и на всех верующих христиан [Там же, с. 75].

Вторым аргументом Худошин использовал эпизод из книги Деяний святых Апостолов, где апостол от семидесяти Филипп, не имея священнической хиротонии, возлагал на крестившихся самарян руки, совместно с апостолами Петром и Иоанном, а значит, имел равную им благодать Святого Духа [Там же, с. 76].

Защищая бессвященное состояние поморской Церкви, Худошин утверждал, что ранняя Церковь не знала чинов епископа, священника и диакона, а лишь только чин апостолов. В доказательство этому тезису, он приводит слова Иоанна Златоуста, который допускал

такую возможность, как гипотезу. Уже из этого допущения Худошин пошел дальше и сформулировал вывод, что в день создания Церкви в день Пятидесятницы, на собрании верующих христиан были исключительно миряне, какими являются нынешние беспоповцы-поморцы.

Следующей идеей в докладе Т. А. Худошина было желание доказать, что не только священники, но и простецы, могут принимать исповедь. Ему это было необходимо сделать, чтобы в очередной раз подтвердить наличие у наставников духовной власти равносильной священству. Для этого Худошин привлек в качестве доказательства выписки и изречения святых отцов и книгу Пролог, где содержатся жития святых. Однако, все приведенные выписки, были явными свидетельствами исключительных случаев, выходящих из ряда общеупотребительной церковной практики. То есть, докладчик, а вместе с ним - вся поморская Церковь тех лет, возвела форс-мажорный опыт в повседневную практику. И все это было сделано лишь для того, чтобы создать новый, особый вид священства, по выражению старообрядца поповского направления Ф. Е. Мельникова (Шалаева) – «престецкое священство» [\[21\]](#).

«Итак, братие, наших отцов духовных нельзя считать простецами, но должно ставить выше их», - писал Худошин. – «Они, наши духовные руководители, пекущиеся о душах наших, стоят выше нас и достойны всякой части и почитания» [\[20, с.79\]](#).

Второй Всероссийский собор поморцев проходивший в 1912 году закрепил представления Т. А. Худошина о наставниках. В постановлении собора говорится, что «наставники, или духовные отцы и руководители, стоящие во главе христианских приходов, должны почитаться, как неимеющие священнослужительской степени, нерукоположенными пастырями Церкви», - утверждал Собор поморцев. – «Духовные права и обязанности наставников определяются священным Писанием, до нерукоположенных пастырей относящимся, и обычаем, оставленным Церкви блаженной памяти предками нашими. Избрание народное и благословение отца духовного на служение Церкви возводит наставника на почетное и первенствующее место в приходе» [\[22, с. 23-24\]](#).

Выводы.

Наставники появились как вынужденное явление и следствие церковного раскола в Русской православной Церкви XVII в. Под давлением обстоятельств и трансформации взглядов самих поморцев, содержание феномена наставничества менялось и постепенно развивалось. Все началось со стариков, которых избирали в наставники из-за факта наличия у них дораскольного крещения, миропомазания и венчания. Со временем в этой роли появился безбрачный мирянин, а уже во второй половине XIX в. место наставника занял брачный и даже второбрачный мужчина, а в начале XX в. идеологическое обоснование получил «нерукоположенный пастырь» не чем не уступающий священнику.

Почему происходили эти трансформации. Думается, что ответ на этот вопрос связан с изменениями в обществе в целом. В самые суровые, гонительные времена религиозный фанатизм, крепость веры усиливались и требования, предъявляемые к руководителю по сути, подпольной религиозной организации только умножались. И, наоборот, во время либерализации законодательства в отношении старообрядческого вопроса, нравы в староверских общинах упрощались. Появление браков на Южном Урале и брачных наставников, а тем более, второбрачных приходится на период правления Александра II. И в особенности, коренное изменение взглядов на природу наставников поморцев это последствия публикации Манифеста о веротерпимости 1905 года императора Николая II.

Вероятно, развитие мысли и представлений о наставниках как о нерукоположенных иереях получило бы большее развитие и концептуализацию, а возможно вылилось бы в нечто похожее на протестантских пасторов с возможностью совершения ими видимой евхаристии в форме воспоминания о жертве Христа. Однако, Первая мировая война и последующая гражданская отбросили поморцев от дальнейшего осмысления явления наставничества в жизни Поморского согласия.

На протяжении всего первого периода, когда наставники имели больше власти над своей паствой, тотально управляя личностью, в частности в вопросах брачной жизни и вопроса фертильности. Несмотря на то, что духовные отцы не благословляли браки, номинально тем самым имели меньше функций, но им удавалось шире распространять свою власть над пасомыми, связывая их епитимьями (духовными наказаниями), запрещая им жениться и размножаться.

Второй период включал в себя с одной стороны, отголоски безбрачного времени, а и с другой, расширение полномочий наставников – благословление браков. Большая часть поморских общин Южного Урала приняла брачный чин, а значит, наставники утратили в этих коллективах прежний властный контроль над личностью духовных чад. Они больше не могли насильственно подвергать их разводу (если брак был законным не с родственником) и социальному ostracism. Однако, долгое время сохранялась общины поморцев, где безбрачный уклад продолжал сохраняться.

После 1909 года идеологически на уровне Всероссийских соборов было закреплено универсальное представление о наставниках и их правах как «нерукоположенных пастырях», имеющих все атрибуты нового священства, а значит и права и обязанности – жалование, законные церковные требы и уважение в религиозном сообществе.

Библиография

1. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.
2. Мангилев П. И. Родословие поморской веры на Урале и в Сибири (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. 2005. Вып. 6: От средневековья к современности. С. 328–413.
3. Мосин А. Г. Златоустовские старцы // Урал. 1993. № 3. С. 197-204.
4. Половинкин П. О староверах Южного Урала // Старообрядец. 2001. № 22. С. 10-13.
5. Ульянов А. В. Неукротимый старец. Отставной урядник Иван Михайлович Смолин-духовный лидер челябинских старообрядцев-поморцев // Генеалогия и архивы: материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 кн. Кн. 2. Челябинск, 2025. С. 106-113. EDN: NBATUP.
6. Антипин Н. А., Шестаков А. М. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска // Вестник ЮУрГУ. Серия "Социально-гуманитарные науки". 2023. Т. 23. С. 6-13. DOI: 10.14529/ssh230101. EDN: GKIUFY.
7. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В двух томах. М.: Квадрига, 2009. – 688 с.
8. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исслед. из нач. истории раскола по вновь открытым памятникам, изд. и рукопис. Санкт-Петербург: т-во "Печатня С.П. Яковлева", 1898. – 504 с.
9. Денисов, Андрей (Вторушин Андрей Дионисиевич). Поморские ответы. Калуга: Фридгельм, 2022. – 320 с.
10. ЛАИ УРФУ. V Курганское собр. 96 Р/1209.
11. ОГАЧО. Ф.121. Оп. 1. Д. 11.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1840. Д. 441.

13. Мангилев П. И. Род зауральских старообрядцев-поморцев Тельминовых // Культура российской провинции: Памяти Марины Георгиевны Казанцевой. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2005. С. 152-165.
14. РГИА. Ф. 1284. Оп. 203. Д. 552.
15. Мангилев П. И. "Вопросы Озерскому Собору" как источник по истории полемики о браке у старообрядцев-поморцев Южного Урала и Зауралья // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 334-374.
16. ЛАИ УРФУ. II Горнозаводское собр. 27р/844.
17. Мальцев С. Я. Из воспоминаний бывшего раскольниковского наставника // Томские Епархиальные Ведомости. 1898. № 4. С. 8-17.
18. ЛАИ УРФУ. V Курганское собр. 204р/4052.
19. Воробьев Мина. Из записок бывшего старообрядца Мины Воробьева // Томския Епархиальная ведомости. Томск, 1900. № 24. С. 11-14.
20. Худошин Т. А. О настоятелях и наставниках // Деяния Первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак, происходившего в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7417, мая в дни с 1 по 12. Первый Всерос. собор христиан-поморцев, приемлющих брак. Москва, 1909. С. 74-79.
21. Шалаев. Простецкое священство // Церковь. 1912. № 8. С. 188-191.
22. Деяния Второго Всероссийского Собора христианского поморского церковного общества в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7421, месяца сентября в дни с 8 по 17. Второй Всерос. собор христиан-поморцев, приемлющих брак. Москва, 1912. – Москва: Совет соборов и съездов христиан-поморцев, приемлющих брак, 1912. – 278 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является феномен духовной власти наставников в старообрядческих общинах поморского согласия на Южном Урале в указанный хронологический период. Автор фокусируется на анализе трансформации природы, функций и легитимации власти этих духовных лидеров, что представляет собой узкоспециализированный и важный аспект в рамках изучения русского старообрядчества.

В основе работы лежит историко-антропологический подход, сочетающийся с элементами социальной истории и исторической феноменологии религии. Автор успешно применяет метод критического анализа архивных и археографических источников, что позволяет реконструировать практики и эволюцию института наставничества. Теоретической рамкой служит концепция сакрального и профанного Мирча Элиаде, которая, однако, могла бы быть более глубоко интегрирована в эмпирический материал на протяжении всего текста, а не только во введении.

Тема статьи находится в русле современных тенденций исторической науки, ориентированных на изучение микроистории, повседневности и неинституциональных форм религиозности. Исследование локальных особенностей старообрядчества, особенно на периферии Российской империи, представляет значительный интерес для преодоления «московоцентричности» в изучении раскола. Работа вносит вклад в понимание механизмов адаптации религиозных сообществ к меняющимся социально-политическим условиям.

Научная новизна заключается в первую очередь в привлечении и введении в научный

оборот нового комплекса архивных материалов из фондов РГИА, ОГАЧО и рукописных собраний ЛАИ УрФУ. Автору удается на конкретных примерах (деятельность С.К. Тельминова, Т.В. Байдосова, Е.С. Тельминова, Л.П. Борисова) проследить ключевые этапы эволюции института наставничества – от «простецов» до «нерукоположенных пастырей». Новым является и акцент на региональной специфике Южного Урала, где процессы внутри поморского согласия имели свои особенности.

Стиль статьи в целом соответствует научным стандартам, однако наблюдается некоторая неравномерность: теоретическое введение выдержано в сложном, концептуальном ключе, в то время как основная часть временами носит более описательный, нарративный характер. Структура статьи логична и последовательна: от общих теоретических предпосылок и историографии к конкретным примерам и итоговому анализу.

Список литературы релевантен и отражает ключевые работы по теме, включая как классические труды (С.А. Зеньковский, П.С. Смирнов), так и современные исследования региональных ученых (П.И. Мангилев, Н.А. Антипин). Присутствуют ссылки на широкий круг опубликованных и архивных источников, что является безусловным достоинством. Небольшим недостатком можно считать отсутствие в библиографии некоторых новейших работ по антропологии власти в религиозных сообществах, которые могли бы усилить теоретическую составляющую.

Автор корректно апеллирует к предшественникам, чьи работы составили основу историографии вопроса (Мангилев, Мосин, Половинкин). Критический пересмотр их выводов или углубление предложенных ими трактовок происходит не через прямую полемику, а через привлечение нового фактологического материала, что является вполне допустимым и продуктивным методом научной дискуссии.

Привлечение большого массива неопубликованных архивных и археографических материалов, что обеспечивает высокую степень достоверности и новизны исследования. Удачная попытка через биографии конкретных наставников показать макропроцессы, происходившие внутри всего поморского согласия, что делает работу репрезентативной и наглядной. Автор не просто описывает явление, но и выявляет этапы его трансформации (период «простецов», переходный период, формирование «простецкого священства»), увязывая их с внешнеполитическими факторами.

Из замечаний, стоит обратить внимание, что заявленная в начале теоретическая рамка (Элиаде) далее в тексте используется фрагментарно, не хватает сквозного анализа того, как именно концепция посредника между сакральным и профанным мирами работает в каждом из рассматриваемых кейсов. В некоторых разделах автор идет за источником, описывая события, но не всегда предлагает их глубокую интерпретацию. Например, факт назначения двоеженца наставником (В.Е. Пильнов) заслуживает более развернутого анализа с точки зрения кризиса традиционных норм и пересмотра понятия «благодати».

Ключевой вывод о том, что эволюция института наставничества от маргинального статуса «простецов» к статусу «нерукоположенных пастырей» была обусловлена как внешними факторами (либерализация государственной политики), так и внутренней логикой развития общин, представляется вполне обоснованным и убедительным. Вывод подкреплен приведенными примерами и соответствует поставленным исследовательским задачам.

Статья будет востребована специалистами по истории старообрядчества, религиоведами, историками России XIX – начала XX вв., а также антропологами, изучающими феномен религиозного лидерства.

На основании вышеизложенного считаю, что представленная статья «К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв.»

соответствует научным критериям и тематической направленности журнала «Genesis: исторические исследования». Работа обладает научной ценностью благодаря введению в оборот новых источников и детальной реконструкции малоизученного аспекта религиозной жизни Южного Урала, рекомендую опубликовать.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов П.А. «Возможен ли союз Англии и Китая?»: дипломатическая миссия Ли Хунчжана в оценках газеты «Московские ведомости» // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75594 EDN: SFLWMP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75594

«Возможен ли союз Англии и Китая?»: дипломатическая миссия Ли Хунчжана в оценках газеты «Московские ведомости»

Иванов Павел Александрович

ORCID: 0000-0003-0247-7606

преподаватель; кафедра всеобщей истории, философии и культурологии; Благовещенский государственный педагогический университет

675004, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104

✉ ip_27.95@list.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75594

EDN:

SFLWMP

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию дипломатической миссии Ли Хунчжана в Англию в 1896 г. и освещению данного события на страницах российской газетой «Московские ведомости». Цель работы: выявить и проанализировать, как газета описывала это событие, формируя представление о Китае и его отношениях с европейскими державами с российской перспективы. Предметом исследования является Ли Хунчжан как представитель китайской элиты, чья деятельность во внешней политике и реформаторская позиция оказали существенное влияние на международные отношения и внутренние преобразования Китая. Особое внимание уделяется его образу в «Московских ведомостях» – интерпретациям дипломатических задач, оценкам влияния его миссии на расстановку сил в Восточной Азии, а также тому, как эти нарративы конструировали характер взаимоотношений с европейскими державами с российской перспективы. Основным методом является контент-анализ статей и редакционных материалов «Московских ведомостей», опубликованных в период 1896 г., дополненный

историческим анализом для контекстуализации освещения миссии в рамках российско-китайских отношений. Результаты исследования показывают, что газета представляла многогранный взгляд на миссию, рассказывая как о потенциальных выгодах, рисках от сближения Китая с Западом. Выявлена закономерность в освещении, отражающая сочетание китайского осторожного оптимизма и настороженности в отношении англо-китайского сотрудничества. Полученные данные позволяют лучше понять российскую внешнюю политику конца XIX в., восприятие Китая и формирование общественного мнения о международных событиях. Полученные выводы могут быть использованы в современных исследованиях российско-китайских отношений, сравнительном анализе дипломатических стратегий и курсах по истории международных коммуникаций. Материал включает политические заметки и заголовки, позволяющие реконструировать медиареакцию на вопросы безопасности, торговых интересов и геополитических расчётов государств в данном историческом периоде. Источник позволяет проследить информационную стратегию газетной публицистики и служит основанием для дальнейших междисциплинарных исследований в области истории дипломатии и журналистики.

Ключевые слова:

Англия, внешняя политика, дипломатическая миссия, журналистика, Китай, Ли Хунчжан, международные отношения, Московские ведомости, периодическая печать, Российская империя

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Российская журналистика конца XIX в. освещала актуальную для того периода идеологическую повестку государства. Цензура, ставшая сильным инструментом трансляции государственных интересов, играла заметную роль в формировании элитарного, а затем и массового мнения. Поэтому неудивительно, что издатели искали правильные темы и стиль, подчеркивающие интересы Российской империи.

Выступая за защиту национальных приоритетов и критикуя Запад за излишние империалистические и милитаристские стремления, подведомственные отечественные издательства публиковали на своих страницах статьи для образованной публики, переводные репортажи иностранных корреспондентов и фельетоны для широкого потребления.

Одним из цензурируемых издательств Российской империи второй половины XIX в. являлись «Московские ведомости», представляющие яркий пример связующего звена между государством и обществом. Газета (с 1863 г. ставшая популярным консервативным изданием) являлась средством мобилизации правительственной линии и создавала каналы внутренней и международной коммуникации [\[18\]](#).

Основными темами освещения внешней политики являлись отношения с европейскими государствами, рост интереса к Восточной Азии и колониальные конфликты как предмет критики и похвалы. Данные темы затрагивали вопросы национальной безопасности и последующих интересов империи за рубежом.

Важнейшую роль в содержании газетной строки «Московских ведомостей» играли ключевые фигуры редакции и издания. Под управлением М.Н. Каткова, в период 1860-

1887 гг. газета была ведущей внутри страны, что стало результатом критики либеральных и революционных движений и продвижения России как ключевого актора в международной политики. Используя личный авторитет, Катков добился ценностной фильтрации материалов, привлекал известных историков и публицистов, тем самым сочетал мнения и аргументы [\[16, 17\]](#).

После 1887 г. издательство претерпело кадровые изменения. С потерей лидера вектор развития перешел к коллективному управлению, что сопровождалось перераспределением ответственности внутри редакции и последующим явным смягчением общего тона. Редакция стала осторожней и не вступала в конфронтацию с властью. Усилились прагматичные деловые и культурные рубрики, произошла ориентация на государственную дипломатию. Умеренные тезисы в поддержку официальных инициатив государства транслировали авторы колонок о внешней политике. Тем самым роль корреспонденции из-за границы и переводов зарубежных материалов и новостных лент увеличилась. Тем не менее, «Московские ведомости» оставались флагманом формирования общественной позиции и голосом публичной политики. В 1890-е гг. газета становилась всё более «системной», но с собственным консервативным акцентом [\[17\]](#).

Начиная с последней четверти XIX в. существование в условиях жесткой конкуренции вынуждало западно-европейские державы искать новые сферы влияния как на море, так и на суше. В связи с этим, политика европейских гегемонов была направлена на создание «систем гарантий», направленных на уничтожение стратегического баланса стран-соперниц. Коммерческие интересы и связанные с этим обязательства требовали наличия более «слабого» партнера.

Выбор направления оказался не случайным: с нарастающим индустриальным развитием Европы ярко выделялась усилившаяся конфронтация мировых держав (Великобритания, Австро-Венгрия, Франции, Германии и Российской империи), в частности, коллизия между Англией и Российской империей, по мере продвижения этих стран на восток (Центральная Азия, Индия, Китай), выходила на новый уровень [\[2, с. 145\]](#).

В то же время внутренние кризисы и конфликты в Азии стали причиной реформаторских неудач Цинской империи. Восточный сосед обращал на себя внимание как объект комплексной выгоды, который сложно было назвать союзом. Формальный «союз» представлял господство на новой территории в экономической, военной и политической сферах на прагматичных условиях «гарантий», но пересматривал позиции государств в мировой системе. Готовность контролируемого правительства пойти на принудительные реформы становилась обязательным условием сотрудничества. Поэтому вопрос о «принятии» восточного государства в систему глобальной мировой политики оказался более актуальным. В частности, выделялся цинский Китай, ослабевший после японо-китайской войны (1894-1895) и показавший пробелы внутренней модернизации [\[4, 7\]](#).

Региональные вызовы стали явной демонстрацией пробелов внутривнутриполитического курса правительства Цин. Период войны с Японией стал временем потери престижа и авторитета. Появилась угроза территориальной целостности империи, усиления иностранного вмешательства и внутренней дестабилизации, способной привести к изменениям настроений [\[19, с. 112\]](#).

В подтверждение данного тезиса стоит обратить внимание на уровень репрезентации общественного сознания политических процессов и тем самым на количество

упоминаний в прессе.

Важнейший государственный деятель поздней империи Цин, определявший направления развития страны в рамках модернизации (движение за «самоусиление») – Ли Хунчжан, являлся главным связующим звеном между Западом и Востоком в условиях международной активности. Его имя, как и предпринятые действия, находили свой отклик у европейских партнеров. «Его горячая приверженность к западно-европейской культуре, вызывающая враждебное отношение сторонников китайской старины», обусловила установление тесных научно-организационных связей с британским представительством [\[3, с. 25\]](#).

Ведущие европейские издательства начали следить за ним в период после 1880-х гг. Так он перестал быть «редким» гостем на страницах крупнейших газет, и «Московские ведомости» не оставались в стороне. Ажиотаж вокруг китайского лидера был связан не только с его именем, но и с самой империей Цин. Знакомство с Китаем проходило через персону дипломата, а Ли, в свою очередь, был транслятором европейской мысли на родине.

Целью Ли Хунчжана было предотвращение дальнейшей эскалации конфликта и ослабление давления заинтересованных акторов при помощи прагматичного лавирования между интересами европейских держав. В связи с этим, основным направлением его деятельности после 1896-1897 гг. стало налаживание личных связей через посещение европейских правительств в составе китайской делегации. Им был нанесен визит в Российскую и Германскую империи, Французскую республику, Великобританию, США, а также Бельгию и Канаду. Готовность к сотрудничеству и переговорам демонстрировалась стремлением получить выгодные кредиты, техническую и профессиональную помощь, инвестиции для содержания собственной армии и флота, фабрик и иных предприятий.

Обращая внимание на характер его визитов, принимающие стороны давали собственную оценку личного взаимодействия с гостем. От промежуточных и итоговых оценок зависела реальная готовность обеих сторон к союзу. Великобритания, как и Франция ориентировалась прежде всего на свободную торговлю и защиту собственных колониальных интересов. Однако интересы Англии были более конкретными: контроль морских путей и избегание сухопутных альянсов с последующим отказом от континентальных конфликтов. В связи с этим военно-политическое сотрудничество в Китае было маловероятным, а приоритетным стало заключение торговых соглашений.

Первые упоминания о возможном сотрудничестве двух империй в «Московских ведомостях» датированы 1879 г. В статье «Возможен ли союз Англии с Китаем?» рассматривалась возможная выгода союза держав. По версии английской печати обсуждения были вызваны «в виду настоящих и угрожающих в будущем захватов со стороны России в Средней Азии» и подчеркивали слабость китайской военной организации: «<...> Китай бессилен и для наступательной, и для оборонительной войны против европейской армии» [\[5\]](#).

Подчеркивая факт отсутствия формального союза, «ведомости» обратили внимание на английскую интерпретацию истории взаимодействий с Китаем в прошлом. Британская пресса описывала достаточно прагматично: «Вся история наших столкновений с Китаем показывает, что присутствие англичан в этой стране терпится только, что от них нельзя отделаться; что касается дружественных сношений с высшими китайскими чиновниками, то в этом отношении мы не достигли даже той стадии, которую сэр Томас

Уэйд называет «началом начала»» [\[5\]](#).

Следовательно, англо-китайский союз был маловероятен: «В китайцах до сих пор, как и во времена Цянь-луна, живёт тот основной принцип китайской политики, в силу которого не может быть и речи о равенстве других держав с Китаем». Более реален выверенный набор коммерческих соглашений (в зависимости от настойчивости англичан), которые могут помешать продвижению российских интересов. Британская пресса понимала, что английское присутствие в Азии могло ослабить возможности России: «Сколько бы, по-видимому, ни сталкивались наши настоящие интересы с интересами России, мы в конце концов обязаны, при естественном ходе событий, стоять к этой державе в дружественных и соседских отношениях» [\[5\]](#).

Говоря о роли Ли Хунчжана, «ведомости» позиционировали его как влиятельного, но не самостоятельного переговорщика. Прагматичность его действий стала результатом лавирования на противоречиях и считыванию возможных рисков. Сановник, заинтересованный в благе для собственной страны, оставался зависим от иностранных инвесторов. В контактах с европейскими державами, и в частности в Англией, он видел временное решение возникающих проблем цинского правительства без дальнейших перспектив на более долгосрочное сотрудничество и тем более – для внешнего влияния.

Общение с германскими и французскими коллегами не принесло желаемого результата, и даже раздосадовало азиатского господина: «Осмотр крупных фабрик в Германии и Франции и без того привёл к совершенной путанице в голове бывшего вице-короля Печили. Теперь ему предстоит ещё осмотреть такие же фабрики в Англии и в Соединённых Штатах». По сообщению «Иностранных известий» от 21 июля 1896 г., Ли Хунчжан завершил поездку во Францию и готовился к новой миссии: «По данным газеты «Indépendance Belge», в Париже предстоит окончательное обсуждение всех пунктов, о которых ранее велись переговоры между Францией и Китаем через посредничество Ли Хунчжана». Французский «Temps» добавлял: «Ли Хунчжан прибудет в Лондон в воскресенье, 2 августа (21 июля), экспресс-поездом из Саутгемптона. Поездка в Осборн к английской королеве состоится в среду следующей недели, 5 августа» [\[15, с. 4\]](#).

Основная цель визита осталась неизменна: посещение фабрик и заводов, осмотр флота и общение с вышестоящими чиновниками. Событие становится объектом пристального внимания зарубежных СМИ: «Daily Chronicle», «Daily News», «Indépendance Belge», «Journal des Débats», «Temps», «Times» и др. «Московские ведомости» предоставляли читателю иностранные новости в переводе и вели собственную хронологию событий.

Пребывание сановника продлилось месяц – до 22 августа. Программа встречи была подготовлена заранее: «Зная, что они не могут блеснуть своими сухопутными силами, англичане систематически этого избегают. Поэтому с вокзала Ли Хунчжана везли в парадных экипажах, но без военного конвоя, а только с придворными лакеями. Для Ли Хунчжана правительством был выделен снятый для этой цели дворец лорда Локсдэла» [\[12, с. 4\]](#).

Не остались без внимания и возможные слухи, которые английская печать спешила обнародовать. По мнению авторов, визит Ли был лишь только частью знакомства, окончательное решение о возможной торговле принимается цинский двор: «Английские газеты также подтверждают слухи о том, что Ли Хунчжан не получил полномочий самостоятельно принимать какие-либо окончательные решения относительно заказов чего бы то ни было. По выражению одной газеты, даже дюжину шеффилдских ножей он может купить лишь за свой счёт, а не за счёт правительства». Однако слухов было

недостаточно, чтобы задеть авторитет дипломата: «<...> Тем не менее его голос будет иметь важное значение, когда он вернётся в Китай, и поэтому за ним нужно ухаживать, тем более что, возможно, он имеет право заключать предварительные условия» [\[12, с. 4\]](#).

Анализируя характер возможных англо-китайских взаимоотношений в процессе визита, «Московские ведомости» опирались на противоречия: «Times» сообщали, что Ли Хунчжан не забыл той роли, которую Англия сыграла в японско-китайской войне. Эта «не забывчивость, конечно, может аукнуться Англии в данном случае». Английские же газеты подхватывали данный тезис, вводя в заблуждение иностранных «коллег»: «Другие английские газеты выражают ту же мысль, стараясь хитрить по отношению к России, Германии и Франции и сохраняя довольно высокомерный тон по отношению к Китаю, чтобы скрыть своё щекотливое положение» [\[12, с. 4\]](#).

«Ведомости» активно оперировали данными фактами и раскрывали истинное положение английской стороны. Аргументы были довольно убедительны: «В самом деле, Англия вовсе не желает ссориться с японцами из опасения, что тогда Япония поддастся влиянию России, Франции и Германии. С другой стороны, чрезмерная любезность по отношению к Китаю также неудобна, ибо повлекла бы разрыв с Японией. Даже постройка броненосцев для Китая – дело весьма щекотливое, потому что Китай прежде всего угрожает Японии. Словом, поездка Ли Хунчжана по Англии требует от лорда Солсбери чрезвычайного дипломатического искусства» [\[12, с. 4\]](#).

Статья «Англия на Дальнем Востоке» от 1 августа 1896 г. подробнее раскрывала истинный характер англо-китайской дипломатии: «<...> пока в Англии ухаживают за Ли Хунчжаном и стараются через него привлечь на свою сторону Китай, которого англичане оттолкнули своей политикой во время китайско-японской войны, английские дипломаты в Японии прилагают все усилия, чтобы сделать из Японии послушное орудие Великобритании на Дальнем Востоке. Япония нужна Лондону не в мирных целях – она нужна для того, чтобы, возбуждая осложнения и отвлекая на себя внимание России, дать Англии возможность более безопасно преследовать свои дела в других местах. Англичане даже особо не стараются это скрывать» [\[1, с. 4\]](#).

Оценка происходящего от «Московских ведомостей» была весьма положительной: «Англия окажется на Востоке такой же изолированной, как и в Европе, и попытки нарушить мир будут ещё более бесплодны, нежели до сих пор». Тайная работа в Японии могла окончиться полной неудачей и Ли Хунчжан сыграл бы в этом свою роль. Наличие гостя такого статуса само по себе вызывало подозрение у японской стороны, что было чревато возможным разрывом отношений с двумя государствами сразу [\[1, с. 4\]](#).

Сам Ли Хунчжан придерживался доброжелательного тона. 11 августа на приеме в свою честь он заявил, что поддерживает расширения англо-китайской торговли и обещал сделать всё возможное, чтобы «с помощью железных дорог открыть доступ в отдалённые уголки Китая» [\[1, с. 5\]](#).

Рубрика «Иностранные известия» продолжала оповещать о результатах общения господина Ли с английскими уполномоченными, печатая краткую сводку событий. 14 августа состоялась встреча с премьер-министром и одновременно министром иностранных дел Великобритании Р. Солсбери. Предметом обсуждения стал тарифный вопрос [\[8, с. 4\]](#).

Ли Хунчжан посетил столичный почтамт и Английский банк. Предметом интереса стало

качество связи, организованное телеграфным отделением. Китайский представитель изъявил желание связаться с «германским императором». Стоит предполагать, что данное желание со стороны Ли телеграфировать в Берлин было вполне несерьезным и даже забавным. Предположение можно построить из характера переговоров – из Берлина ответили, что Вильгельм II находится вне столицы и не имеет прямой связи. Созвониться удалось с Парижем, но беседа с министром иностранных дел Г. Ганото была непринужденной и состояла из обмена любезностями [\[13, с. 4\]](#).

Тем не менее после «беседы» Ли Хунчжан не забыл о настоящем характере своего визита: «В течение всей моей жизни, – сказал он, – я был сторонником промышленности, успехи которой я буду обеспечивать. Постройкой железных дорог я постараюсь сделать доступными для торговли самые отдалённые уголки Китайской империи и надеюсь, что когда-нибудь вы скажете, что я оправдал эти обещания». Но несмотря на столь обнадеживающие высказывания со стороны китайского сановника, редакция «Московских ведомостей» провела вполне подробный анализ имеющейся в наличии информации [\[13, с. 4\]](#).

Так, предметом дискуссий стал вопрос о повышении таможенных пошлин на товары, ввозимые Англией в Китай. С отсылкой на «Journal des Débats», газета давала вполне четкое описание неоднозначности происходящего: «<...> до сих пор неизвестно, удалось ли Хунчжану добиться от Англии согласия на повышение таможенных пошлин на ввозимые в Китай товары на 5-10%. Как известно, китайскими таможнями заведует англичанин сэр Роберт Гарт, а английские товары составляют 80% общего ввоза в Китай из Европы» [\[13, с. 4\]](#).

«Увеличение пошлин неизбежно повлечёт сокращение потребления. Это неприятно для Англии, и она ищет всевозможные предлоги, чтобы отказать Ли Хунчжану. Главный предлог – что у него нет надлежащих полномочий». Англия оставалась незаинтересованной в двустороннем сотрудничестве [\[13, с. 4\]](#).

Вопрос о повышении пошлин продолжал фигурировать в повестке китайского лидера. 15 августа господин Ли отправился из Лондона в Честер. Воспользовавшись возможностью поговорить с Р. Солсбери, он снова затронул таможенный вопрос. Но на этот раз диалог был эффективнее: «<...> беседа продолжалась более двух часов и, по-видимому, имела благоприятный для китайского посла исход, так как Ли Хунчжан вышел с бодрым, явно довольным видом» [\[10, с. 5\]](#).

Продолжая тему, отечественная корреспонденция обратила внимание на реакцию французских коллег: «Он хлопочет о разрешении повысить ввозные пошлины, но это, по словам «Journal des Débats», при нынешних порядках может привести лишь к обогащению мандаринов, но отнюдь не в общей пользе, ибо все таможни находятся на откупе у мандаринов, старающихся извлечь из своих привилегий всё, что возможно. Всё это на откупе у мандаринов, заботящихся единственно лишь о своих интересах, но отнюдь не о государственных. При таких условиях повышение пошлин, о чем хлопочет ныне Ли Хунчжан, не имеет никакого разумного основания, ибо эта мера может увеличить лишь доходы мандаринов-откупщиков, в то же время уменьшая ввоз европейских товаров. Судя по всему, хлопоты Ли Хунчжана в этом отношении вряд ли увенчаются успехом» [\[14, с. 3\]](#).

Таким образом главным вопросом для обсуждения европейской журналистики стало не укрепление торгово-промышленных связей с империей Цин, а детальное расследование

и прогнозирование неудач и промахов «коллег» посредством контакта с китайским представительством. Китай в данном случае выступал для них как предмет для вскрытия возможных изъянов в структурах недружественных государств.

В конце трехнедельного пребывания китайский посол был готов отправиться в Нью-Йорк. Этому посвящена статья «Отъезд Ли Хунчжана», опубликованная на страницах «Московских ведомостей» 15 августа 1896 г. (№ 223). Итоговый вердикт остался загадкой даже для английской прессы: «< ...> бывший вице-король Ли Хунчжан уехал из Англии, «унося приятные впечатления» по мнению большинства английских газет, и не вполне довольный результатом своего посещения по мнению некоторых, более искренних органов печати». Но его визит в качестве представителя совершенно «новой» страны и культуры весьма положительно сказался на реакции общественных масс, на чем акцентировали внимание: «Китайский посол был своего рода героем, за которым бежал народ, а в Уэльсе некий, по фамилии Джонс, дал своему новорожденному сыну имя Ли Хунчжан» [\[11, с 4\]](#).

Миссия Ли Хунчжана, по оценкам «ведомостей», не увенчалась успехом. Увеличение пошлин для Китая, на которые так рассчитывал Ли, было необходимо для уплаты процентов и долгов, взятых главным образом для покрытия военной контрибуции Японии: «<...> на внутренние реформы, на реорганизацию армии, на строительство железных дорог и разработку природных богатств Китая никаких ресурсов не остаётся». Ли Хунчжан рассчитывал на поддержку Англии, тем более что она уже дала согласие на повышение пошлин в отношении Японии, но личный ответ Солсбери был более уклончив: нужно посоветоваться с британскими торговыми палатами в Китае. Однако Ли возразил, что по японскому делу такого совещания не было, и для Китая важен сам факт согласия британского правительства, а не решения, принятые предшествующими правительствами [\[11, с 4\]](#).

Поведение Солсбери, пытавшегося оправдать действия по отношению к Японии, мерами, принятыми предыдущим министром иностранных дел Д. Кимберлеем, выглядело как попытка уклониться от обязательств и оттянуть желаемое. Цинский двор мог бы обойтись без британского согласия, введя внутренние сборы («ликин»), но «это сопряжено с большими неудобствами». И, несмотря на частично одностороннюю позицию автора, акцентирующего внимание на конкретных мотивах Британии, вполне уместны аргументы, что их заявления о желании развития Китая лицемерны. Ли Хунчжан – наиболее передовой и влиятельный реформатор в стране, чье влияние могло бы усилиться при поддержке европейской державы, но Солсбери этому не поспособствовал. Как итог, цинский переговорщик покинул королевство с впечатлениями, что «Англия – плохой друг Китая» [\[11, с. 4\]](#).

«Он надеется, что и он оставил впечатление и не будет скоро забыт. Он надеется по возвращении в Китай вновь получить власть не ради себя, а в интересах судьбы Китая». Поблагодарив англичан за гостеприимство, 22 августа после полудня господин Ли отплыл в Нью-Йорк [\[9, с. 5\]](#).

Периодическая печать конца XIX в. осталась крепким агентом формирования политических установок и оказывала влияние на общественную легитимацию внешнеполитических шагов. Вместе с этим, она давала полезную перспективу предпринятых действующей властью решений. Восприятие Китая в качестве арены соперничества западными «партнерами» должно повысить симпатию к России, и китайское представительство будет готово пойти на компромиссы, несмотря на заведомо

лестные отзывы и комментарии: «<...> Англия произвела на него глубокое впечатление обширностью накопленных знаний, богатством и силой британской нации и простотой, устойчивостью и открытостью народного характера». Однако данные дипломатические миссии показывали характер сближений: обсуждались кратковременные коммерческие и политические сделки, которые внешне напоминали элементы союза, но по сути оставались неравными и ситуативными [\[9, с. 5\]](#).

«Московские ведомости» вероятно рассматривали дипломатическую миссию Ли Хунчжана через призму интересов России в Манчжурии. Английская и иная зарубежная пресса часто представляла Ли Хунчжана другом и союзником России. Однако его симпатии к другим государствам ограничивались тем, что было выгодно и необходимо для его народа [\[6, с. 106\]](#).

Российско-китайское взаимодействие являлось приоритетным направлением, а противодействие давлению западных гегемонов в регионе – фактором сближения. В связи с этим поступательная критика в адрес европейских правительств и средств массовой информации вскрывала корыстный характер их предложений: Англия стремилась к извлечению выгоды, но не к помощи цинскому двору на равных условиях. Газета призывала рассматривать Китай как поле для расширения сферы влияния и экономических связей, что становилось аргументом в пользу альтернативной позиции российского правительства в отношении восточного соседа.

Библиография

1. Англия на Дальнем Востоке // Московские ведомости. – 1896. – № 209. – С. 6.
2. Андреева С. Г. Политика Китая на Дальнем Востоке в 1880-е гг.: к вопросу о порте Гамильтон / С. Г. Андреева // Общество и государство в Китае. – 2021. – Т. 51, № 40-1. – С. 144-191. DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-144-191 EDN: MFNDXE.
3. Благодер Ю. Г. Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – начала XX века / Ю. Г. Благодер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7-2(13). – С. 24-28. EDN: OIPTQR.
4. Буюров Д. В., Иванов П. А. Присоединение Синьцзяна к Китаю в рамках политики "самоусиления" Ли Хунчжана // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. 7. – С. 222-228. DOI: 10.58224/2658-5685.2024-7-5-222-228 EDN: NPROFT.
5. Возможен ли союз Англии с Китаем? // Московские ведомости. – 1879. – № 7. – С. 5.
6. Головачев В. Ц. "Он был другом нашего отечества": образ и роль Ли Хун-Чжана как подписанта Симоносекского и Московского договоров 1895–1896 гг. (российская перцепция) / В. Ц. Головачев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 97-109. DOI: 10.31857/S086919080015951-3 EDN: BGWSPT.
7. Иванов П.А. Оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. С. 1-16. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71579 EDN: SLESOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71579
8. Иностранные Известия. Англия // Московские ведомости. – 1896. – № 212. – С. 6.
9. Иностранные Известия. Англия // Московские ведомости. – 1896. – № 224. – С. 6.
10. Иностранные Известия. Англия. Конец сессии // Московские ведомости. – 1896. – № 216. – С. 7.
11. Иностранные Известия. Англия. Отъезд Ли Хунчжана // Московские ведомости. – 1896. – № 223. – С. 6.
12. Иностранные Известия. Англия. Поездка Ли Хунчжана // Московские ведомости. –

1896. – № 206. – С. 6.

13. Иностранные Известия. Англия. Пребывание Ли Хунчжана // Московские ведомости. – 1896. – № 214. – С. 7.

14. Иностранные Известия. Китай // Московские ведомости. – 1896. – № 217. – С. 5.

15. Иностранные Известия. Франция // Московские ведомости. – 1896. – № 198. – С. 6.

16. Московские ведомости. – М., 1756–1917. – Ежедневно. Государственная публичная историческая библиотека России. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32602> (дата обращения: 15.07.2025).

17. Московские ведомости. Историческая библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://hron.ru/organ/rossiya/mos_ved.php (дата обращения: 20.07.2025).

18. Памяти М. Н. Каткова // Русский вестник, издаваемый С. Катковой. – 1887. – Т. 190. – С. 150.

19. Сладковский М. И. Китай и Англия. – Москва : Наука, 1980. – 351 с.

20. Социальная структура Китая, XIX – первая половина XX в. / Т. Н. Акатова, В. П. Илющечкин, В. С. Кузес и др.; отв. ред. О. Е. Непомнин, Н. И. Фомина; АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1990. – 436 с.

21. Little A. Li Hung Chang: His Life and Times. – London : Cassell & Company, 1903. – 394 p.

22. Mannix W. F. Memoirs of Li Hung Chang. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1913. – 326 p.

23. Spence J. D. To Change China: Western Advisers in China 1620–1960. – Boston : Little, Brown and Company, 1969. – 354 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на наших глазах проходит динамичная трансформация монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с Вашингтоном ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых КНР, Россия, Иран, Бразилия. В этой связи вызывает интерес изучение событий конца XIX – начала XX века, когда при все гегемонии Англии и Германии также можно говорить о многополярности.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является визит Ли Хунчжана в Англию в 1896 году. Автор ставит своими задачами показать международную обстановку конца XIX века, рассмотреть взгляд газеты "Московские ведомости" на англо-китайские переговоры, а также определить позицию газеты исходя из внешнеполитических задач России.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать англо-китайские отношения конца XIX века с точки зрения газеты "Московские ведомости".

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на

материалы "Московских ведомостей". Из используемых исследований отметим труды Д.В. Буварова, П.А. Иванова, В.Ц. Головачева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения образов китайских чиновников в российской публицистике. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей международных отношений, так и ролью Китая в международных делах в конце XIX века. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в конце XIX века "выступая за защиту национальных приоритетов и критикуя Запад за излишние империалистические и милитаристские стремления, подведомственные отечественные издательства публиковали на своих страницах статьи для образованной публики, переводные репортажи иностранных корреспондентов и фельетоны для широкого потребления".

В центре внимания автора находится освещение визита китайского посланника Ли Хунчжана в Англию в европейской прессе. В работе показано, что

"Московские ведомости" вероятно рассматривали дипломатическую миссию Ли Хунчжана через призму интересов России в Манчжурии. Английская и иная зарубежная пресса часто представляла Ли Хунчжана другом и союзником России". Автор отмечает, что по мнению "ведомостей"

"Англия стремилась к извлечению выгоды, но не к помощи цинскому двору на равных условиях".

Главным выводом статьи является то, что газета "Московские ведомости" "призывала рассматривать Китай как поле для расширения сферы влияния и экономических связей, что становилось аргументом в пользу альтернативной позиции российского правительства в отношении восточного соседа".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тушканов И.В., Тушканов Д.И. Правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8.
DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75273 EDN: SGRYSF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75273

Правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в.

Тушканов Игорь Валентинович

ORCID: 0000-0001-8398-5025

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук

доцент; кафедра общетеоретических правовых дисциплин; Северо-Кавказский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева

350020, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234, каб. 305

✉ tushkanovi@rambler.ru

Тушканов Дмитрий Игоревич

ORCID: 0000-0001-5280-9205

кандидат исторических наук

независимый исследователь

350028, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Круликовская, д. 42/3 к. 2, кв. 562

✉ tushkanov-dmitrii@rambler.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75273

EDN:

SGRYSF

Дата направления статьи в редакцию:

23-07-2025

Аннотация: В статье рассматривается Положение о съездах деятелей по средней и мелкой промышленности и торговли 1913 г. как основной нормативный акт, регламентирующий формирование и деятельность общественной организации предпринимателей. Объектом настоящего исследования являются правоотношения,

связанные с процессом формирования, организации и функционирования съезда деятелей мелкой и средней торговли и промышленности, а также местных отделов съезда. Предметом выступает непосредственно Положение, подготовленное Министерством торговли и промышленности, одобренное Советом Министров России и утвержденное Императором Николаем II 5 июня 1913 года. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы как состав и типология съездов, их цели и задачи. Особое внимание уделяется составу и обязанностям совета съездов. Рассмотрены способы финансирования съездов, процесс формирования их программы занятий. Для достижения цели работы авторами использовались диалектический, историко-генетический, системный и сравнительно-правовой методы, объединенные принципами объективности и историзма. Основным выводом проведенного исследования является признание высокого уровня правового регулирования формирования и деятельности съездов деятелей средней и мелкой промышленности и торговли как общественной организации, представляющей интересы малого и среднего предпринимательства. Она имела все признаки юридического лица и вместе со своими местными отделами могла активно заниматься разрешением конфликтов между работниками и работодателями, созданием кредитных и потребительских обществ, учебных и просветительских учреждений, издавать книги, журналы, газеты. Особым вкладом авторов в исследование темы является рассмотрение Положения 1913 года как основополагающего нормативного акта, регламентирующего деятельность съездов мелких и средних предпринимателей. Научная новизна исследования заключается как в самой постановке задачи работы (правовой анализ Положения 1913 г., который ранее не проводился), так и в сделанных выводах, в том числе о возможности использования данного опыта в нормотворчестве современной России.

Ключевые слова:

гражданское общество, Император Николай II, малый бизнес, торговля и промышленность, общественная организация, Положение о съездах, Российская Империя, Совет Министров, средние предприниматели, съезд деятелей

В 2024 г. в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В. Путин указал: «Всё более значимый вклад в экономический рост вносят малый и средний бизнес. Сегодня его доля в таких отраслях, как обрабатывающие производства, туризм, IT, превышает 21 процент»^[1]. Следовательно, экономическая роль мелких и средних предпринимателей достаточно велика, однако их социальная активность пока остается на небольшом уровне. Так, в структуру Федерации Независимых Профсоюзов России входят Российский профессиональный союз работников инновационных и малых предприятий и Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса [См.: Структура Федерации Независимых Профсоюзов России // <https://fnpr.ru/structure/> Дата обращения 03 июля 2025 г.], но нет профсоюза именно самих предпринимателей. Торгово-промышленная палата Российской Федерации позиционирует себя как негосударственная, некоммерческая организация, представляющая интересы малого, среднего и крупного бизнеса, что не дает уверенности в соблюдении интересов именно малых и средних предприятий. Фактически только «Опора России» выступает как «общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства» [Опора России. Официальный сайт // <https://opora.ru/> Дата обращения 03 июля 2025 г.], то есть официальное объединение, представляющее интересы именно этого сегмента предпринимателей. В этой связи

неудивительно, что средний и малый бизнес в России продолжает испытывать определенные проблемы^[2], несмотря на существенную поддержку со стороны государства.

Между тем в отечественной экономической и государственно-правовой истории имеется немало положительных примеров активной деятельности общественных организаций предпринимателей, в том числе представителей малого и среднего бизнеса. Как справедливо отмечает А.А. Бессолицын, «несмотря на то, что на рубеже XIX – XX вв. в создании гражданского общества в нашей стране были сделаны лишь первые шаги, тем не менее опыт формирования и деятельности многочисленных общественных организаций, в том числе предпринимательских вызывает активный интерес»^[3, с. 5]. Этот интерес проявляется в появлении значительного числа работ, анализирующих различные аспекты деятельности предпринимательских организаций в Российской Империи. Среди публикаций последнего времени можно выделить труды А.А. Бессолицына^[3, 4, 5, 6], М.В. Карташовой^[7], Е.Ю. Рукосуева^[8], И.Н. Шапкина^[9] посвященные предпринимательским организациям России начала XX в.; а также исследования М.И. Роднова^[10], Д.П. Сарина^[11], Т.В. Шлевковой^[12], в которых рассматриваются территориальные аспекты деятельности предпринимателей, в том числе мелких и средних. Надо отметить, что большинство авторов рассматривали деятельность предпринимательских организаций Российской Империи, как социально-политическое и экономическое явление, лишь частично касаясь правовых аспектов проблемы. Так, например, из перечисленных исследователей, только Е.Ю. Рукосуев приводит примеры нормативно-правовых актов регламентирующих деятельность различных предпринимательских организаций^[8, с. 102 – 105], но без какого-либо юридического рассмотрения. Проблемы современного состояния правового регулирования малого и среднего бизнеса и особенностей его функционирования поднимаются в работах О.В. Горбач^[13], Е.Е. Немцовой, Н.Ю. Копыловой, О.Б. Ямбаевой^[14], Е.Е. Савиновой и О.А. Хвостенко^[15, 16] и других авторов. Однако, при этом вопросы каких-либо предпринимательских организаций, тем более периодических съездов различного масштаба не затрагиваются. Таким образом, анализ правового регулирования формирования и деятельности съездов представителей именно средней и мелкой торговли и промышленности в начале XX века фактически проводится впервые.

В Российской Империи было достаточно много предпринимательских организаций, среди которых наиболее распространенными были биржевые комитеты. В 1906 г. было утверждено Положение о Съездах представителей промышленности и торговли [Положение о Съездах представителей промышленности и торговли // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 26. (1906 г.). Часть первая. № 28265. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 03 июля 2025 г.], которое предоставляло возможности общероссийского объединения всем предпринимателям, но прежде всего представителям крупных компаний.

Между тем, мелкие и средние предприниматели имели (как и имеют в настоящее время) свои интересы, отличные от интересов крупного бизнеса. Это не могло игнорировать правительство страны, ведь, как обоснованно отметил М.И. Роднов, «значение мелкого и среднего бизнеса в экономике начала XX в. было весьма велико»^[10, с. 69]. Первоначально, видимо была надежда на инициативу и предложения Государственной Думы, но как известно, значительная часть депутатов больше занималась деструктивной критикой правительства или обсуждала проекты, которые были заранее обречены на

отклонение Государственным Советом [17, с. 71 – 85], а многие просто игнорировали законотворческую деятельность [18, с. 18, 22, 24]. В результате Министерство торговли и промышленности подготовило проект, который был одобрен Советом Министров Российской Империи, а 5 июня 1913 г. его утвердил Император Николай II. В результате было опубликовано и вступило в силу «Положение о съездах деятелей по средней и мелкой промышленности и торговли» [Положение о съездах деятелей по средней и мелкой промышленности и торговли. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 33. (1913 г.). Часть первая. № 39501. // https://nlr.ru/eres/law_r/search.php Дата обращения 03 июля 2025 г. – Далее Положение]. Именно данное положение является предметом представленного исследования, а объектом стали правоотношения, связанные с процессом формирования, организации и функционирования съезда деятелей мелкой и средней торговли и промышленности, а также местных отделов съезда. На основе принципов историзма и объективности в исследовании использовались диалектический, историко-генетический, системный и сравнительно-правовой методы.

В качестве обоснования говорилось, что «для выяснения и обсуждения вопросов, касающихся общих нужд средней и мелкой промышленности и торговли, для разработки мер, клонящихся к их преуспеванию, и для объединения представительства общих интересов той и другой учреждаются в С.-Петербурге съезды деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле» [Положение, п. 1], которые должны находиться в ведении Министерства торговли и промышленности.

Съезды могли быть: «1) общие – по вопросам, касающимся всех отраслей средней и мелкой промышленности и торговли; 2) групповые – по вопросам, касающимся отдельных отраслей средней и мелкой промышленности и торговли; 3) районные – по местным вопросам, касающимся средней и мелкой промышленности и торговли» [Положение, п. 3]. Такое разделение было наиболее эффективным, поскольку позволяло четко разграничить территориальные и отраслевые вопросы.

Целями съездов провозглашались объединение представительства интересов средней и мелкой промышленности и торговли вообще и отдельных их отраслей перед правительственными и общественными учреждениями; формирование местных общественных и профессиональных учреждений по средней и мелкой промышленности и торговле; «способствовать упорядочению отношений между трудом и капиталом» [Положение, п. 4]. Таким образом, средним и мелким работодателям фактически предлагалось частное социальное партнерство с работниками и их объединениями.

Также в задачи новых форм объединения предпринимателей входило создание полезных для членов съездов учреждений, к которым Положение относил «кредитные и потребительские общества, кассы взаимопомощи, ... специальные учебные заведения, курсы, информационные бюро и проч., ... выставки и музеи» [Положение, п. 4]. Съезды должны были изыскивать способы к устранению, посредством соглашения и третейского разбирательства, недоразумений, возникающих на почве торгово-промышленных интересов, собирать статистические сведения, издавать по вопросам торговли и промышленности исследования, периодические органы печати и проч. Следовательно, объединению мелких и средних предпринимателей предлагалось широкое поле деятельности, направленной на ускорение социально-экономического развития России, повышение уровня образованности и культуры торгово-промышленной буржуазии.

Съезды получали права юридического лица, то есть могли «от своего имени приобретать

права по имуществу, в том числе права собственности и другие права в имуществе недвижимом, принимать на себя обязательства, искать и отвечать в суде и иметь свою печать»[Положение, п. 5]. Это позволяло съездам решать поставленные задачи и достигать указанные в Положении цели.

Съезды могли состоять из действительных и совещательных членов[Положение, п. 6]. К действительным членам съездов относились: члены совета съездов, а также представители местных отделов, общественных по торговле и промышленности учреждений («биржи, съезды, совещательные конторы, комитеты торговли и мануфактур и проч.), промышленных и торговых организаций, состоявших из владельцев торговых и промышленных предприятий или их представителей и имевших целью объединение своих членов на почве экономических интересов, кредитных обществ, артелей и проч.; делегаты, «ежегодно избираемые на местных собраниях мелких и средних промышленников и торговцев в тех городах, где не имеется местных отделов съездов»[Положение, п. 7]. К совещательным членам относились «владельцы средних и мелких промышленных и торговых предприятий, не обязанных публичной отчетностью, с годовым оборотом не свыше 300000 рублей, а равно представители обществ и товариществ, со складочным капиталом не свыше 300000 рублей», а также «лица, приглашенные советом съездов для содействия последним своими познаниями и трудами»[Положение, п. 8]. Таким образом состав съезда обеспечивал представительство практически всех категорий мелкого и среднего предпринимательства, что позволяло рассматривать на съезде наиболее актуальные проблемы и предлагать способы их разрешения.

В соответствии с Положением общие съезды могли быть очередными (созывались советом съездов ежегодно в местах и сроки по определению предшествующего съезда) и чрезвычайные (созывались либо по постановлениям совета съездов, либо по заявлению не менее одной пятой части общего числа их членов)[Положение, п. 12]. Районные и групповые съезды созывались советом съездов по мере надобности, по заявлению представителей соответствующих групп промышленности и торговли. О созыве этих съездов должны были оповещаться все члены съездов[Положение, п. 13], при этом извещения о времени и месте созыва съездов вместе с программой вопросов, вносимых советом съездов, должны были рассылаться членам не позже, как за месяц до дня их созыва[Положение, п. 15]. Такой порядок подготовки съезда позволял каждому участнику его работы заблаговременно ознакомиться с повесткой дня и сформировать собственную позицию по обсуждаемым вопросам.

Чтобы вопрос был включен в программу занятий очередного съезда, он должен быть внесен не позже, как за полтора месяца до съезда. Все вопросы, предложенные по истечению означенного срока, вносились в программу по усмотрению совета. При этом все вопросы, включенные в программу съезда, должны были предварительно рассмотрены советом, который делал свое заключение. Вопросы, не вошедшие в программу и возникшие на самом съезде, могли быть разрешены только в том случае, если в заседании присутствовали не менее одной трети всех членов съезда[Положение, п. 17]. Хотя сами съезды считались состоявшимися «при всяком числе присутствующих представителей»[Положение, п. 18]. Отсутствие требований к кворуму вполне объяснимо: съезды – это общественные организации, построенные по демократическому принципу, решения которых не являлись обязательными даже для самих членов.

Доходы съездов составлялись из членских взносов, пожертвований, выручки от продажи изданий и других поступлений[Положение, п. 20], при этом размеры ежегодных взносов членов съездов определялись очередным съездом[Положение, п. 21]. Это позволяло

достаточно оперативно реагировать на изменение текущей экономической ситуации и в отношении деятельности самих съездов, и в целом в стране.

В качестве исполнительного органа съездов формировался совет, [Положение, п. 24], члены которого избирались «очередными съездами из числа действительных членов съезда сроком на три года. Число членов совета и кандидатов к ним» определялись самой организацией, затем члены совета избирали «из своей среды председателя, двух товарищей и казначея» [Положение, п. 25, 26]. Такой порядок формирования исполнительного органа позволял включить в него наиболее активных членов общественной организации. Для текущего управления делами совет съездов нанимал управляющего делами и его помощников, определяя «им в пределах сметы вознаграждение» [Положение, п. 32], при этом управляющий мог быть членом совета.

В обязанности совета входили составление программы вопросов, подлежащих обсуждению съездов, предварительная их разработка и представление съездам докладов по ним; «созыв съездов общих, районных и групповых; приведение в исполнение постановлений съездов; представительство съездов и их отделов перед правительственными и общественными учреждениями и лицами; сношение с подлежащими учреждениями и лицами по вопросам, входящим в круг действий съездов и их отделов; возбуждение ходатайств пред подлежащими ведомствами и дача заключений по означенным вопросам; общее заведывание делами съездов; прием в состав съездов новых членов; прием поступающих сумм, хранение их и расходование в пределах утвержденных съездами смет или по особым их постановлениям; представление съездам отчетов о деятельности, а равно смет и отчетов по приходу и расходу сумм; изыскание мер к развитию деятельности съездов и их отделов, к возможно полному объединению представительства средней и мелкой промышленности и торговли и к распространению местных учреждений по промышленности и торговле; назначение представителей на заседания и совещания, в коих обсуждаются вопросы, имеющие отношение к средней и мелкой промышленности и торговле, созываемыми правительственными и общественными учреждениями и частными организациями, как в России, так и за границей, по приглашению этих учреждений и организаций» [Положение, п. 28]. Таким образом важнейшими функциями совета были организационные и представительские, в том числе и в отношении государственных и зарубежных учреждений.

Совет собирался по мере надобности, причем «для действительности его постановлений требуется присутствие не менее одной шестой части общего числа его членов, включая и иногородних, в том числе председателя или одного из его товарищей» [Положение, п. 29]. Также совету предоставлялось право «приглашать в свои заседания с правом совещательного голоса представителей промышленных и торговых организаций и учреждений и отдельных предприятий, не состоящих членами съездов, и вообще лиц, участие которых в обсуждении разрешаемых советом вопросов будет признано полезным» [Положение, п. 30]. Это норма способствовала большей эффективности деятельности совета и всего объединения мелких и средних промышленников и торговцев.

Помимо общероссийского объединения, «для содействия съездам деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле в осуществление на местах целей, указанных в параграфах 1 и 4 Положения, и для постоянного участия в съездах через своих представителей» учреждались местные отделы съездов деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле» [Положение, п. 37]. Они могли «быть образованы в городах

по желанию местных средних и мелких промышленников и торговцев как для данного города, так и для тяготеющих к нему торгово-промышленных пунктов»[Положение, п. 38]. При этом, «членами местных отделов, кроме отдельных торговцев и промышленников», могли быть и организации»[Положение, п. 39]. «Первое общее собрание средних и мелких промышленников и торговцев для учреждения местного отдела» созывалось уполномоченным на это советом съездов. Собрание устанавливало «первоначальный размер взноса для членов отдела, район его действия, местонахождение комитета отдела, а также время и место общего собрания для избрания членов комитета»[Положение, п. 40]. Общее собрание отдела ежегодно должно было избирать из членов отдела комитет, в котором были председатель, его товарищ (заместитель), секретарь и казначей[Положение, п. 42]. Основными функциями комитетов отделов были аналогичны функциям совета, а средства каждого местного отдела формировались из тех же источников, что и доходы съездов[Положение, п. 48-51]. Результатом этих норм стала возможность формирования разветвленной сети территориальных отделений, объединявших местных средних и мелких торговцев и промышленников.

Выводы.

Можно вполне согласиться с мнением Е.Ю. Рукосуева, что «в начале XX в. в России сформировалась многоуровневая система представительства торгово-промышленной буржуазии, поддерживаемая правительством, каждое звено которой, дополняя друг друга, использовало различные приемы и способы (от ходатайств до прямого участия в работе правительственных учреждений) для лоббирования корпоративных и профессиональных интересов капитала»[8, с. 106]. Среди них важное место могли занимать съезды деятелей средней и мелкой промышленности и торговли, правовое регулирование функционирования которых осуществлялось Положением 5 июня 1913 г. Согласно этому документу съезды могли быть общие, групповые (по отраслям) и районные (территориальные), что позволяло охватить деятельностью все группы мелких и средних предпринимателей. Съезды были призваны решать задачи направленные на социально-экономическое и просветительское развитие страны. Именно на это, прежде всего, предполагалось тратить доходы съездов, которые формировались из членских взносов и других источников. Исполнительным органом съездов был совет, в составе председателя, заместителей, секретаря и членов совета (все они действовали на общественных началах), выполнявший, прежде всего организационные и представительские функции. Положение предусматривало и функционирование местных отделов во главе с избранными комитетами, что позволяло эффективно объединять мелких и средних предпринимателей по всей стране. Несмотря на то, что начавшаяся в 1914 г. мировая война и революционные события 1917 г. не позволили сформировать общероссийскую общественную организацию средних и мелких промышленников и торговцев, нужно признать, что правовое регулирование деятельности такой организации было продуманным и всесторонним. Нет сомнений, что подобный опыт может быть использован в современной нормотворческой деятельности. Так, например, в действующем федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» с последующими изменениями на 23.05.2025 г. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25971/page/1> Дата обращения 03 июля 2025 г.] говорится о некоммерческих организациях, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства (ст. 6, 9, 11), но подробная регламентация их деятельности отсутствует. Думается, что можно дополнить нормы указанного закона положениями о регулярных районных и городских съездах малых и

средних предпринимателей, где участники могли бы обсудить накопившиеся проблемы и избрать делегатов на съезды по субъектам Российской Федерации и на общероссийский съезд или на отраслевые съезды, где рассматривались бы специфические вопросы. В этом случае интересы малого и среднего бизнеса были бы представлены значительно полнее и эффективнее.

Библиография

1. Путин, В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>. Дата обращения 03 июля 2025 г.
2. Черная, О. А., Евграшина, Н. В., Супрун, Д. П., Жолуденко, А. А. Государственная поддержка малого бизнеса России: история возникновения, проблемы и пути их решения // Экономика и предпринимательство. 2024. № 10(171). С. 839-843. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.152. EDN: COBUPO.
3. Бессолицын, А. А. Предпринимательские организации в России в конце XIX – начале XX веков: мифы и реальность // Вестник ВГУ, Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 5-12. EDN: KVVUAV.
4. Бессолицын, А. А. Институциональные формы взаимодействия капитала и власти в России конца XIX – начале XX вв. (опыт предпринимательских организаций Поволжья) // Экономическая наука современной России. 2005. № 1 (28). С. 120-130. EDN: IEZYFD.
5. Бессолицын, А. А. Типология представительных организаций буржуазии в России во второй половине XIX – начале XX века // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1. С. 58-71. EDN: TIRQFJ.
6. Бессолицын, А. А. Социальное развитие русской буржуазии. 1861–1914 гг. (Краткий исторический очерк). Монография. М.: ООО "Русайнс", 2021. 158 с. EDN: DTNINK.
7. Карташова, М. В. Механизмы взаимодействия власти, общества и кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 2. С. 129 – 139. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.129-139. EDN: TMHNEC.
8. Рукосуев, Е. Ю. Организации предпринимателей в России в конце XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 99-109. EDN: RADOIH.
9. Шапкин, И. Н. Организованный капитал и труд. Деятельность союзов работодателей России в начале XX в. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 4. С. 531-555. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).531-555. EDN: YWWBWP.
10. Роднов, М. И. Роль среднего и мелкого бизнеса в хлебной торговле Уфимской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2009. № 1 (1). С. 68-77. EDN: NXCSDf.
11. Сарин Д.П. Роль предпринимательской организации горнопромышленников Юга России в создании сети горноспасательных станций в Донецком бассейне в 1902-1918 гг // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. С. 360-375. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73428 EDN: KALKPY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73428
12. Шлевкова, Т. В. Роль предпринимательских организаций в развитии рыбопромышленности Нижнего Поволжья (конец XIX – начало XX вв.) // ЭКО. 2017. № 12 (522). С. 172-179. EDN: ZUMEYJ.
13. Горбач, О. В. Отдельные вопросы правового регулирования статуса субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 35-40. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.2.35. EDN: JADBOS.
14. Немцова, Е. Е., Копылова, Н. Ю., Ямбаева, О. Б. К вопросу о нормативно-правовом регулировании малого и среднего предпринимательства // Развитие малого

предпринимательства в Байкальском регионе: Материалы 7-й международной научно-практической конференции, Иркутск, 21 ноября 2024 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. С. 428-434. EDN: GZAADI.

15. Савинова, Е. Е., Хвостенко, О. А. Проблемы и пути оптимизации бизнес-планирования в малом и среднем бизнесе России // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 06 декабря 2024 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки"", 2024. С. 164-170. EDN: SKHRNQ.

16. Савинова, Е. Е., Хвостенко, О. А. Особенности финансового менеджмента в организациях малого и среднего бизнеса: проблемы и решения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2025. № 1-2. С. 8-13. EDN: XXMLQW.

17. Правосознание и правовое регулирование в России: коллективная монография / Отв. ред. М. А. Гусарова, В. В. Ковалева; СКФ ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия". – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2024. – 178 с.

18. Соловьев, К. А. Государственная Дума Российской Империи: проблема депутатской дисциплины и законотворчества // Вестник РУДН, сер. "История России". 2011. № 4. С. 15-26. EDN: OJZOTN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В 2024 г. в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В. Путин указал: «Всё более значимый вклад в экономический рост вносят малый и средний бизнес. Сегодня его доля в таких отраслях, как обрабатывающие производства, туризм, IT, превышает 21 процент»[1]. Следовательно, экономическая роль мелких и средних предпринимателей достаточно велика, однако их социальная активность пока остается на небольшом уровне. Так, в структуру Федерации Независимых Профсоюзов России входят Российский профессиональный союз работников инновационных и малых предприятий и Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса[См.: Структура Федерации Независимых Профсоюзов России // <https://fnpr.ru/structure/> Дата обращения 03 июля 2025 г.], но нет профсоюза именно самих предпринимателей. Торгово-промышленная палата Российской Федерации позиционирует себя как негосударственная, некоммерческая организация, представляющая интересы малого, среднего и крупного бизнеса, что не дает уверенности в соблюдении интересов именно малых и средних предприятий. Фактически только «Опора России» выступает как «общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства»[Опора России. Официальный сайт // <https://opora.ru/> Дата обращения 03 июля 2025 г.], то есть официальное объединение, представляющее интересы именно этого сегмента предпринимателей. В этой связи неудивительно, что средний и малый бизнес в России продолжает испытывать проблемы[2], несмотря на существенную поддержку со стороны

государства. Между тем в отечественной экономической и государственно-правовой истории имеется немало положительных примеров активной деятельности общественных организаций предпринимателей, в том числе представителей малого и среднего бизнеса". Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Как справедливо отмечает А.А. Бессолицын, «несмотря на то, что на рубеже XIX – XX вв. в создании гражданского общества в нашей стране были сделаны лишь первые шаги, тем не менее опыт формирования и деятельности многочисленных общественных организаций, в том числе предпринимательских вызывает активный интерес»[3, с. 5]. Этот интерес проявляется в появлении значительного числа работ, анализирующих различные аспекты деятельности предпринимательских организаций в Российской Империи. Среди публикаций последнего времени можно выделить труды А.А. Бессолицына[3, 4, 5, 6], М.В. Карташовой[7], Е.Ю. Рукосуева[8], И.Н. Шапкина[9] посвященные предпринимательским организациям России начала XX в.; а также исследования М.И. Роднова[10], Д.П. Сарина[11], Т.В. Шлевковой[12], в которых рассматриваются территориальные аспекты деятельности предпринимателей, в том числе мелких и средних. Надо отметить, что большинство авторов рассматривали деятельность предпринимательских организаций Российской Империи, как социально-политическое и экономическое явление, лишь частично касаясь правовых аспектов проблемы. Анализ правового регулирования формирования и деятельности съездов представителей именно средней и мелкой промышленности фактически проводится впервые".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... важное место могли занимать съезды деятелей средней и мелкой промышленности и торговли, правовое регулирование функционирования которых осуществлялось Положением 5 июня 1913 г. Согласно этому документу съезды могли быть общие, групповые (по отраслям) и районные (территориальные), что позволяло охватить деятельностью все группы мелких и средних предпринимателей. Как всякий элемент гражданского общества, съезды были призваны решать задачи направленные на социально-экономическое и просветительское развитие страны. Именно на это, прежде всего, предполагалось тратить доходы съездов, которые формировались из членских взносов и других источников. Исполнительным органом съездов был совет, в составе председателя, заместителей, секретаря и членов совета (все они действовали на общественных началах), выполнявший, прежде всего организационные и представительские функции. Положение предусматривало и функционирование местных отделов во главе с избранными комитетами, что позволяло эффективно объединять мелких и средних предпринимателей по всей стране. Несмотря на то, что начавшаяся в 1914 г. мировая война и революционные события 1917 г. не позволили сформировать общероссийскую общественную организацию средних и мелких промышленников и торговцев, нужно признать, что правовое регулирование деятельности такой организации было продуманным и всесторонним. Нет сомнений, что подобный опыт может быть использован в современной нормотворческой деятельности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в. и определяет значение данного опыта для современной России. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков

формального характера.

Так, автор пишет: "Как всякий элемент гражданского общества, съезды были призваны решать задачи направленные на социально-экономическое и просветительское развитие страны" - "Как всякий элемент гражданского общества, съезды были призваны решать задачи, направленные на социально-экономическое и просветительское развитие страны" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографией, научными статьями, программным документом). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Можно вполне согласиться с мнением Е.Ю. Рукосуева, что «в начале XX в. в России сформировалась многоуровневая система представительства торгово-промышленной буржуазии, поддерживаемая правительством, каждое звено которой, дополняя друг друга, использовало различные приемы и способы (от ходатайств до прямого участия в работе правительственных учреждений) для лоббирования корпоративных и профессиональных интересов капитала»[8, с. 106]. Среди них важное место могли занимать съезды деятелей средней и мелкой промышленности и торговли, правовое регулирование функционирования которых осуществлялось Положением 5 июня 1913 г. Согласно этому документу съезды могли быть общие, групповые (по отраслям) и районные (территориальные), что позволяло охватить деятельностью все группы мелких и средних предпринимателей. Как всякий элемент гражданского общества, съезды были призваны решать задачи направленные на социально-экономическое и просветительское развитие страны. Именно на это, прежде всего, предполагалось тратить доходы съездов, которые формировались из членских взносов и других источников. Исполнительным органом съездов был совет, в составе председателя, заместителей, секретаря и членов совета (все они действовали на общественных началах), выполнявший, прежде всего организационные и представительские функции. Положение предусматривало и функционирование местных отделов во главе с избранными комитетами, что позволяло эффективно объединять мелких и средних предпринимателей по всей стране. Несмотря на то, что начавшаяся в 1914 г. мировая война и революционные события 1917 г. не позволили сформировать общероссийскую общественную организацию средних и мелких промышленников и торговцев, нужно признать, что правовое регулирование деятельности такой организации было продуманным и всесторонним. Нет сомнений, что подобный опыт может быть использован в современной нормотворческой деятельности"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории отечественного государства и права, предпринимательского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении небольших нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в.» для опубликования в журнале «Genesis: исторические исследования». Предметом исследования является правовое регулирование деятельности съездов деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле в Российской Империи, установленное Положением от 5 июня 1913 г. Автор детально анализирует правоотношения, связанные с формированием, организацией и функционированием этих съездов и их местных отделов. Методология исследования основана на принципах историзма и объективности. Автор применяет комплекс научных методов: диалектический (рассмотрение явления в развитии и взаимосвязи), историко-генетический (выявление причин и этапов становления правового института), системный (анализ структуры и функций съездов как системы) и сравнительно-правовой (неявное сопоставление с общими нормами о предпринимательских объединениях того периода). Источниковую основу составили законодательные акты (прежде всего анализируемое Положение из ПСЗРИ), а также научные публикации по истории предпринимательства. Исследование обладает высокой степенью актуальности. Интерес к историческому опыту самоорганизации и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в России закономерен в контексте современных усилий по развитию этого сектора, о чем свидетельствует упоминание Послания Президента РФ (2024). Проблемы адекватного представительства интересов МСП, поднятые автором во введении, остаются острыми и сегодня. Изучение дореволюционных правовых механизмов предоставляет ценный материал для осмысления возможных путей решения этих проблем. Основная научная новизна работы заключается, как указал сам автор, в «первом комплексном анализе правовых основ деятельности съездов именно средних и мелких предпринимателей» в дореволюционной России. Автор справедливо отмечает, что, несмотря на значительное количество работ по истории предпринимательских организаций Империи (Бессолицын А.А., Карташова М.В., Рукосуев Е.Ю., Шапкин И.Н. и др.), их правовое регулирование, особенно в сегменте МСП, оставалось слабо изученным. Данное исследование восполняет эту лакуну, фокусируясь на уникальном Положении 1913 г.

Стиль, структура, содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным стилем, соответствующим требованиям гуманитарных исследований. Язык четкий, терминология используется корректно. По структуре работы – усматриваются ее логичные части, но четко они не обозначены, что затрудняет восприятие предложенной информации читателем. Введение обосновывает актуальность и новизну, аналитическая часть последовательно раскрывает нормы Положения 1913 г. (цели, типы съездов, членство, финансирование, органы управления, местные отделы), выводы подводят итоги. В содержании автор демонстрирует уверенное владение материалом и источниковой базой. Орфография и пунктуация соответствуют нормам русского языка. Список литературы обширен и релевантен теме, включает как современные научные публикации (коллективная монография 2024 года под редакцией ред. М.А. Гусарова, В.В. Ковалева; научная статья 2025 года Сарина Д.П.) по истории предпринимательства в России начала XX в., так и более раннего периода (Бессолицын А.А., Карташова М.В., Роднов М.И. и др.), а также первоисточники (ПСЗРИ). В целом список литературы представлен 14 пунктами, только 11 из которых можно оценить, как научные. Это несколько ниже предъявляемого требования о минимальном пороге в 15 исключительно научных изданий. Для усиления доказательной значимости приводимых автором доводов и ее современного контекста рекомендуется добавить ссылки на

работы последних 2-3 лет (например: Горбач, О. В. Отдельные вопросы правового регулирования статуса субъектов малого и среднего предпринимательства в России / О. В. Горбач // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 2(101). – С. 35-40. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.2.35.; Немцова, Е. Е. К вопросу о нормативно-правовом регулировании малого и среднего предпринимательства / Е. Е. Немцова, Н. Ю. Копылова, О. Б. Ямбаева // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе : Материалы 7-й международной научно-практической конференции, Иркутск, 21 ноября 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. – С. 428-434; Государственная поддержка малого бизнеса России: история возникновения, проблемы и пути их решения / О. А. Черная, Н. В. Евграшина, Д. П. Супрун, А. А. Жолуденко // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 10(171). – С. 839-843. – DOI 10.34925/EIP.2024.171.10.152; Савинова, Е. Е. Проблемы и пути оптимизации бизнес-планирования в малом и среднем бизнесе России / Е. Е. Савинова, О. А. Хвостенко // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 06 декабря 2024 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2024. – С. 164-170 и другие). Апелляция к оппонентам в работе присутствует, но косвенная. Так, автор отмечает, что большинство предшествующих исследований (ссылки на Бессолицына А.А., Карташову М.В. и др.) рассматривали предпринимательские организации преимущественно как социально-политическое и экономическое явление, уделяя правовым аспектам недостаточно внимания. Он обоснованно позиционирует свою работу как восполняющую этот пробел, особенно в части МСП. Можно добавить, что исследование дает конкретный правовой инструментарий для дискуссий об эффективности исторических моделей взаимодействия государства и бизнеса. Автор приходит к обоснованному выводу, что Положение 1913 г. создавало продуманную и всестороннюю правовую основу для формирования разветвленной системы представительства интересов МСП через съезды (общие, отраслевые, районные) и их местные отделы. Несмотря на прерванную Первой мировой войной и революцией реализацию, этот опыт признается потенциально полезным для современного нормотворчества.

Вывод в работе присутствует, но носит постановочный характер без конкретизации предложений, потому считать цели написания статьи достигнутыми в полной мере нельзя. Тем не менее, статья может представлять интерес для историков права и государства, экономических исследователей в области предпринимательства, политологов, а также практических работников в области законотворчества и представителей объединений МСП, ищущих эффективные модели самоорганизации и диалога с государством. Работа вносит вклад в изучение правовой истории российского предпринимательства.

Для опубликования в избранном издании автору рекомендуется: конкретизировать выводы и предложения по теме исследования, добавить список источников научными изданиями в соответствии с требованиями журналов списка ВАК, дополнить полемику с возможными оппонентами, а также устранить мелкие технические погрешности в оформлении библиографии (ссылка 2 – убрать ввиду студенческого уровня издания, 4 – расшифровать издание, 12 – добавить издание).

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью на тему «Правовое регулирование съездов представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в.».

Предмет исследования. Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правовых норм, связанных со съездами представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в. Автор рассматривается практика деятельности данных съездов, делаются выводы по поводу их эффективности, направлений потенциального развития до фактического прекращения деятельности после начала Первой мировой войны. Рассматриваемые автором статьи проблемы изучаются в контексте возможного использования опыта для современной России. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения нормативно-правовых актов того времени, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования. Цель исследования прямо в статье не заявлена, однако ее можно понять исходя из названия и содержания рецензируемой работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения отдельных проблемных вопросов о съездах представителей среднего и малого предпринимательства в Российской Империи в начале XX в. и практики их деятельности. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм дореволюционного законодательства. В частности, отметим следующий авторский вывод: «было достаточно много предпринимательских организаций, среди которых наиболее распространенными были биржевые комитеты. В 1906 г. было утверждено Положение о Съездах представителей промышленности и торговли [Положение о Съездах представителей промышленности и торговли // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 26. (1906 г.). Часть первая. № 28265. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 03 июля 2025 г.], которое предоставляло возможности общероссийского объединения всем предпринимателям, но прежде всего представителям крупных компаний».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность. Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема съездов представителей бизнеса важна и неоднозначна. Сейчас, когда стоит задача объединения, консолидации бизнеса, обсуждение общих проблем на разных уровнях было бы полезно. Исторический опыт в этом плане мог бы пригодиться. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «в отечественной экономической и государственно-правовой истории имеется немало положительных примеров активной деятельности общественных организаций предпринимателей, в том числе представителей малого и среднего бизнеса. Как справедливо отмечает А.А. Бессолицын, «несмотря на то, что на рубеже XIX – XX вв. в создании гражданского общества в нашей стране были сделаны лишь первые шаги, тем не менее опыт формирования и деятельности многочисленных общественных организаций, в том числе предпринимательских вызывает активный интерес» [3, с. 5]. Этот интерес проявляется в появлении значительного числа работ, анализирующих различные аспекты деятельности предпринимательских организаций в Российской Империи».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна. Научная новизна предложенной статьи присутствует. Во-первых, научная новизна выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Исполнительным органом съездов был совет, в составе председателя, заместителей, секретаря и членов совета (все они действовали на общественных началах), выполнявший, прежде всего организационные и представительские функции. Положение предусматривало и функционирование местных отделов во главе с избранными комитетами, что позволяло эффективно объединять мелких и средних предпринимателей по всей стране. Несмотря на то, что начавшаяся в 1914 г. мировая война и революционные события 1917 г. не позволили сформировать общероссийскую общественную организацию средних и мелких промышленников и торговцев, нужно признать, что правовое регулирование деятельности такой организации было продуманным и всесторонним».

Предложенный и иные выводы по статье могут быть использованы в других научных исследованиях.

Во-вторых, автором сделаны конкретные предложения, связанные с тем, как следует разрешать проблемы в исследуемой сфере. Это может быть полезно практикующим юристам и иным специалистам. В частности, следует отметить следующий авторский вывод:

«в действующем федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» с последующими изменениями на 23.05.2025 г. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25971/page/1> Дата обращения 03 июля 2025 г.] говорится о некоммерческих организациях, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства (ст. 6, 9, 11), но подробная регламентация их деятельности отсутствует. Думается, что можно дополнить нормы указанного закона положениями о регулярных районных и городских съездах малых и средних предпринимателей, где участники могли бы обсудить накопившиеся проблемы и избрать делегатов на съезды по субъектам Российской Федерации и на общероссийский съезд или на отраслевые съезды, где рассматривались бы специфические вопросы. В этом случае интересы малого и среднего бизнеса были бы представлены значительно полнее и эффективнее».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования» так как она посвящена правовым проблемам, связанным с различными институтами и организациями, действовавшими в дореволюционной России.

Содержание статьи в целом соответствует ее названию, так как автор рассмотрел заявленные вопросы, достиг цели исследования, раскрыв суть рассматриваемых съездов.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования. мере тематика раскрыта в содержании статьи. Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография. Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Бессолицын А.А., Роднов М.И., Немцова Е.Е., Копылова Н.Ю., Ямбаева О.Б. и другие). Многие из

цитируемых автором являются признанными специалистами и экспертами в сфере истории отечественного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам. Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам. На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи «Рекомендую опубликовать»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.А. Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75588 EDN: SSGTMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75588

Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг.

Иванов Андрей Александрович

ORCID: 0000-0003-4097-9447

доктор исторических наук

доцент, кафедра гуманитарных наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

196084, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 51

✉ ivanovaa85@list.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75588

EDN:

SSGTMX

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию участия сотрудника Государственного департамента США Альфреда Уилла Клифота в определении стратегического курса в советско-американских отношениях. Актуальность данной темы состоит в освещении того, как внутриведомственные и межведомственные противоречия и дискуссии в государственном аппарате влияли на переход от политики санкций в отношении СССР к экономическому партнерскому. Целью статьи является реконструкция влияния субъективных и объективных факторов на внешнюю политику США в 1920-х гг. Подробно вскрывается специфика функционирования Отдела по делам Восточной Европы Госдепартамента, а также роль консульства в Риге на корректировку направлений советско-американского взаимодействия. В процессе проведения исследования автор привлек не только опубликованные документы и мемуары, но и материалы американских архивов. Методология исследования в основе строится на принципах социологического

конструктивизма. Для комплексной характеристики процессов в американском Госдепартаменте автор статьи использовал историко-биографический и историко-генетический методы. Хотя А. У. Клифот больше известен своей дипломатической деятельностью в Италии, Австрии и Германии в 1930-х гг., автору удалось реконструировать малоизвестные стороны его работы в Отделе по делам России и Отделе по делам Восточной Европы в 1920-х гг. В статье были детально проанализированы его выступления на публике, статьи в прессе и официальные меморандумы с 1919 по 1929 гг. Автор пришел к выводу, что А. У. Клифот в этот период не только существенно изменил свои взгляды на советский строй, но и способствовал снижению уровня антисоветских настроений в американском Государственном департаменте. Хотя дипломат на протяжении всего рассматриваемого периода открыто высказывался против официального признания СССР, в деловой переписке он регулярно приводил аргументы в пользу такого шага, а также всесторонне поддерживал развитие советско-американской торговли.

Ключевые слова:

советско-американские отношения, непризнание, Конгресс США, Отдел Восточной Европы, Государственный департамент, антибольшевизм, Коминтерн, Военная миссия США, внешняя торговля, консульство

Введение

Российская революция оказала огромное влияние на систему межгосударственных отношений, как в политическом, так и в экономическом измерении. Появление социалистического государства, стремившегося к распространению своего влияния в глобальном масштабе и не скрывавшего враждебности к капиталистической мир-системе, для большинства «великих держав» начала XX в. несло потенциальную угрозу дестабилизации международного «баланса сил». При этом представители предпринимательского сообщества на Западе сохраняли устойчивый интерес к российским природным ресурсам, производственным мощностям и рынку сбыта товаров народного потребления.

Интересно, что и руководство РСФСР выражало аналогичную заинтересованность в подобных торговых контактах – в мае 1918 г. Высшим советом народного хозяйства был представлен «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки». Согласно этому документу, с окончанием Мировой войны Германии придется «уступить свое первенствующее место в роли питателя народного хозяйства России средствами производства и продуктами потребления другой стране, капиталистически высоко развитой, но не настолько разоренной», и «такой страной в ближайшее время может быть только Америка» [\[1, с. 292\]](#). Так, по воспоминаниям Д. К. Пуля, возглавлявшего «Русское бюро» Госдепартамента, на протяжении 1920 г. его регулярно посещали американские предприниматели, заключившие с советским представителем Л. К. Мартенсом контракты на поставку продукции в Россию на сумму более 500 млн. долларов. Главным условием исполнения этих договоров являлось официальное признание большевистского правительства властями Соединенных Штатов, и дипломаты были вынуждены объяснять, что данное требование выходило за рамки торгово-экономических отношений, и у администрации В. Вильсона не было планов по признанию Совета народных комиссаров. Д. К. Пуль открыто заявлял, что «эти контракты были пропагандой, а не серьезным бизнесом», так

как РСФСР даже не располагала достаточными средствами для их оплаты [\[2, p. 476-477\]](#).

В американском правительстве были хорошо осведомлены о сложившемся противоречии, и среди чиновников господствовало мнение о двух возможных стратегиях выхода из него – либо оказании помощи антибольшевистским группам в свержении власти Совнаркома, либо воздействии на В. И. Ленина и его соратников для инициирования реформ по демократизации советского строя. Однако победа «красных» в Гражданской войне и отсутствие явных пропагандистских успехов заставили Государственного секретаря Ч. Э. Хьюза выбрать компромиссный сценарий. Соединенные Штаты продолжали придерживаться курса на политическую изоляцию РСФСР в ожидании возможного краха большевизма, но допускали негласные экономические контакты, если они «оказывали благоприятное влияние на общественное мнение» или позволяли получить ценную информацию о положении дел в Советской России [\[3, p. 12\]](#). Таким образом, в начале 1920-х гг. правительство США было вынуждено балансировать между курсом на конфронтацию с большевиками и установлением торговых отношений с РСФСР, что не могло не отражаться на деятельности Госдепартамента.

Альфред Уилл Клифот и российская революция

В частности, одним из сотрудников внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов, испытывавших в своей работе влияние этого амбивалентного курса, был А. У. Клифот – вероятно, наиболее компетентный американский дипломат в плане анализа политических программ российских социалистов. По крайней мере, по словам Э. Сиссона, он был не только «единственным государственным служащим, который в начале 1917 г. знал, что такое ленинизм», но и единственным, кто «демонстрировал навыки прогнозирования» того, как это учение способно влиять на развитие страны [\[4, p. 20\]](#). Так, во время обучения в Висконсинском университете А. У. Клифот подробно изучал научные основы социализма и анархизма, а его преподавателями были выдающиеся специалисты в области экономики труда – Р. Т. Эли и Дж. Р. Коммонс. В то же время, его знания о России были весьма ограничены – например, из работ психолога Г. Мюнстерберга, преподававшего в Гарвардском университете, он вынес суждение, что с политической точки зрения Российская империя была «наиболее далека от Америки». В свою очередь, «у русского человека все глубинные чувства окрашены религиозным представлением; он считает себя не лучше и не хуже самых жалких; тогда как американец, напротив, чувствует, что он не ниже самых лучших», то есть «русское чувство равенства унижает, а американское возвышает» [\[5, p. 537\]](#).

Непосредственное знакомство А. У. Клифота с практикой большевистских социальных экспериментов произошло в период Гражданской войны в России, участие в которой он принимал в качестве члена Военной миссии США на Северном фронте в звании лейтенанта. В его непосредственные обязанности входило противодействие вражеской пропаганде в регионе [\[6, p. 3\]](#), что позволило сформировать представление не только о технологиях советской агитационной работы, но и об общих методах, применявшихся российскими социалистами в процессе общественного переустройства. Многие из этих способов не встретили со стороны лейтенанта понимания или поддержки – к примеру, А. У. Клифот, который был ревностным католиком, крайне негативно отзывался об антирелигиозных кампаниях большевиков. Так, его возмущение вызвало не только вскрытие мощей русских святых в 1918–1919 гг., но и случаи их использования на школьных уроках в качестве пособий для доказательства отсутствия принципиальной анатомической разницы между останками обывателей и святых [\[7, p. 20\]](#). Стоит заметить,

что религиозная идентичность А. У. Клифота, вероятно, оказывала влияние на его оценки и суждения. В молодости он тесно общался с известными проповедниками Дж. Л. Джонсом и П. Э. Дитцем, а после поступления на государственную службу придерживался мнения, что дипломат должен исполнять не только финансовые или юридические, но и духовные функции – «помогать советом нуждающимся» и «утешать несчастных» [8, p. 44]. Отсюда, религиозная политика Совнаркома в первые годы Советской власти отталкивала лейтенанта от идеи кооперации с представителями социалистического движения.

Помимо этого, американский дипломат считал крайне неэффективными советские образовательные реформы – он был противником идеологизации содержания естественнонаучных курсов, ограничения школьного обучения приобретением трудовых навыков, замены традиционных уроков экскурсиями на предприятия и т. д. Одним из показавшихся ему абсурдным методических приемов педагогов в РСФСР было требование к школьницам регулярно меняться друг с другом предметами одежды для воспрепятствования формированию «инстинкта собственности» [7, p. 16].

Опыт контрпропагандистской работы на Русском Севере привел А. У. Клифота к убеждению, что главным средством инспирирования мировой революции для Коминтерна была именно агитационная деятельность. По его словам, «большевистское правительство располагает одной из самых обширных и мощных систем пропаганды, которые когда-либо знал мир», «в каждом советском городе и деревне есть штабы и бюро пропаганды», причем листовки печатались ими «на всех языках и диалектах» [7, p. 25]. Как следствие, по возвращении в США дипломат направил усилия на то, чтобы предотвратить популяризацию советской социальной модели, раскрыв американской общественности ее негативные стороны. В 1919 г. он дал несколько интервью газете «Нью-Йорк Таймс», выступал с лекциями перед кадетами Военного института Вирджинии, членами Американской конституционной лиги в Милуоки, Национальной гражданской федерации в Нью-Йорке и т. д. Ключевой тезис А. У. Клифота состоял в том, что в политическом смысле американизм и большевизм антагонистичны по своей сути, и противоречие между ними лежит не только и не столько в вопросе об отношении к частной собственности, сколько в конфликте между базовыми принципами демократизма и «диктатурой пролетариата». Отсюда, именно Соединенные Штаты должны были стать координационным центром для противодействия распространения социалистической идеологии в мире. При этом автор считал, что большевизм «обречен на поражение», а новое российское правительство будет сформировано из более либеральных партий [9].

СССР и слушания в Конгрессе США

После этой серии выступлений и публикаций А. У. Клифот в июне 1920 г. был принят на службу в Государственный департамент и сначала получил назначение в аппарат Консультанта по внешней торговле У. Фроста, но уже в следующем году был переведен в Отдел по делам России, возглавляемый Д. К. Пулем, с которым лейтенант имел значительное сходство во взглядах. Они не только были знакомы по совместной службе в России, но оба также исповедовали католицизм, оба были выпускниками Висконсинского университета и являлись сторонниками политики международного непризнания РСФСР. Вообще, под руководством Д. К. Пуля собралась группа дипломатов, имевших устойчивые антисоветские убеждения: Э. Янг, Б. Майлз, Дж. Лэндфилд и др.

Впрочем, между их позициями все же имелись определенные расхождения. К примеру,

А. У. Клифот в этот период стал выступать за возобновление торговых связей с РСФСР, хотя ранее сделки американских предпринимателей с советскими контрагентами он называл «взятками» со стороны В. И. Ленина за игнорирование нелегитимности Совнаркома [\[9\]](#). Так, в рамках слушаний в Конгрессе по данному вопросу в 1921 г. лейтенант, предложив придерживаться «эгоистического коммерческого подхода», детально охарактеризовал возможные направления советско-американского сотрудничества и положительно оценил платежеспособность Совнаркома, несмотря на «бедность и нищету» населения. На фоне рецессии 1920–1921 гг. предприниматели из США, по его мнению, могли получить огромную выгоду от инвестиций в российскую промышленность (представлявшую собой после длительной войны «гигантский экономический вакуум»), не встречая конкуренции со стороны местных частных фирм. В качестве доказательства готовности Совнаркома к легализации американских концессий А. У. Клифот привел цитаты из речи В. И. Ленина на собрании секретарей ячеек Московской парторганизации 26 ноября 1920 г., в которой глава правительства называл такой формат взаимодействия выгодным для Советской России. При этом те части данной речи В. И. Ленина, в которых говорилось о сохранении приверженности большевиков идее мировой революции и потенциальной возможности национализации иностранных концессий в случае конфликта с капиталистическими государствами, не были доведены до сведения членов Конгресса [\[10, p. 147-151\]](#).

Вместе с тем, некоторые из приведенных им аргументов были и против возобновления торговли. Так, А. У. Клифот утверждал, что наибольшую прибыль США могли бы извлечь из взаимодействия «с будущим российским правительством», которое сформируется после победы над большевиками, но «потенциально благоприятное положение» Соединенных Штатов «может быть подорвано неразумными отношениями с нынешними властями». При этом только Совнарком мог выступать полноценным торговым партнером, так как «покупательная способность русского населения пришла в упадок», а частная «деловая активность» была поставлена в Советской России вне закона. Исходя из этого, получалось, что торговля с РСФСР была «крайне желательна», но «в настоящее время она не может быть налажена в сколько-нибудь заметном объеме» [\[10, p. 147-148\]](#).

Тем самым, А. У. Клифот в ходе слушаний привел суждения и за, и против, оставив возможность депутатам Палаты представителей принимать самостоятельное решение без дополнительного давления со стороны сотрудников Отдела по делам России. Хотя в 1921 г. было принято отрицательное решение по вопросу о полной реанимации экономических отношений с РСФСР, во внутриведомственной переписке А. У. Клифот продолжал оставаться сторонником такого шага. Его мнение стоило на том, что советско-американская торговля уже была восстановлена де-факто, так как осуществлялась транзитом через другие страны – например, Латвию и Эстонию. В частности, по данным американской миссии в Ревеле только за 1920 г. в Советскую Россию поступило американских товаров на сумму более 28,7 млн. долларов, а за первое полугодие 1921 г. – еще на 22,8 млн. долларов. При этом в меморандуме «Русская торговля» А. У. Клифот выдвигал предположение, что реальные обороты могли быть примерно в два раза больше [\[11, p. 22\]](#).

Вместе с тем, в 1922 г. он был вынужден с сожалением констатировать, что только «новые и неизвестные» фирмы стремились вести бизнес в Советской России, в то время как опытные предприниматели из США не были готовы к таким рискам – их сдерживало как отсутствие в стране института частной собственности, так и прецедент с потерей многомиллионных инвестиций из-за революции [\[12, p. 52-53\]](#). Занятая им позиция не

всегда встречала понимание со стороны коллег – например, Э. Д. Дюранд, возглавлявший Восточно-Европейский отдел Бюро внешней и внутренней торговли, подверг критике проделанные А. У. Клифотом расчеты, полагая, что большая часть американского экспорта в СССР состояла из гуманитарной помощи. Впрочем, несмотря на это, его взгляды не создавали препятствий карьерному росту, и в ноябре 1923 г. А. У. Клифот стал заместителем главы Отдела по делам Восточной Европы – ключевого ведомства по анализу советско-американских отношений в рассматриваемый период.

Именно в этом статусе в 1924 г. ему удалось принять участие в важнейших слушаниях в Конгрессе об официальном признании СССР. Дипломат был в курсе, что власти СССР «были всегда наиболее обеспокоены установлением отношений именно с американским правительством», но в преддверии данной процедуры дипломат заверил бывшего российского посла в США Б. А. Бахметева, что отношение государственных органов к большевистской власти остается таким же непреклонным и измениться оно может только в результате «коварного заговора профессиональных политиков» [\[13, p. 27\]](#). В своем выступлении А. У. Клифот дал развернутую характеристику истории социалистического движения в Европе, России и США. Используя более сотни различных документов (манифестов, речей, партийных программ, протоколов и т. д.), он доказывал, что насильственное завоевание власти «неотделимо от коммунистических программ», и представители американского рабочего движения не являются исключением – они не только «приняли русскую коммунистическую программу насилия и силы», но и работали под прямым контролем Коминтерна [\[14, p. 79-158\]](#). Столь развернутая аргументация была принята во внимание парламентариями, поэтому резолюцию о признании СССР комитет отклонил.

Впоследствии, такие эпизоды трактовались отечественными дипломатическими работниками в том плане, что причины длительного непризнания Советского Союза (вопреки американскому общественному мнению) были связаны с предвзятостью сотрудников Госдепартамента, в особенности – Отдела по делам Восточной Европы. По воспоминаниям Л. Хендерсона, их обвиняли в том, что они «не представляли начальству истинное положение дел» в СССР исключительно из-за собственных «реакционных взглядов, религиозных предрассудков, личных обид или уязвленного тщеславия, посредственных умственных способностей, карьеризма» [\[15, p. 393\]](#) и т. д.

Истоки подобной необъективности, в числе прочего, объяснялись тем, что значительную часть работников внешнеполитического ведомства США, занимавшихся советско-американскими отношениями в 1920-х гг., составляли бывшие служащие посольства в Петрограде в 1917–1918 гг., принимавшие непосредственное участие в революционных событиях. Эту группу принято называть дипломатами «второго поколения» – в отличие от «первого поколения», имевшего длительный опыт работы в Российской империи, они не были носителями многих стереотипов о стране, но их мировоззрение находилось под психотравмирующим влиянием последствий падения самодержавия. Утверждалось, что для них социализм был неразрывно связан с «военным коммунизмом» и «красным террором», что препятствовало справедливому восприятию социально-экономических достижений большевиков. Дополнительным аргументом иногда служило то обстоятельство, что некоторые авторитетные американские дипломаты были женаты на бывших российских дворянках: Дж. Лэндфилд – на Л. Н. Лобановой-Ростовской, А. У. Клифот – на В. А. Лесли, а вдова М. Саммерса, служившего консулом в Москве в 1918 г., Н. В. Горяинова некоторое время даже работала в Госдепартаменте переводчицей.

Вопреки этому мнению, по замечанию Ч. Ю. Болена, сотрудников Отдела по делам

Восточной Европы для преодоления «эмоциональных противоречий, окружавших Советский Союз», специально обучали «прилагать особые усилия, чтобы проверять каждый факт, привлекая существенные доказательства» [\[16, p. 39\]](#). Отсюда, А. У. Клифот и его коллеги в целом старались придерживаться стратегии, обозначенной Ч. Э. Хьюзом, то есть модели ограниченного антисоветизма – отказывались видеть в социализме угрозу общественно-политическому строю Соединенных Штатов, но поддерживали экономическое сотрудничество с большевиками.

Отдел по делам Восточной Европы и «санитарный кордон»

Подобная компромиссная позиция, в реальности, предполагала регулярные конфликты как со сторонниками более радикальных мер в отношении Советского государства, так и с представителями американского социал-демократического движения. По воспоминаниям коллеги А. У. Клифота (и бывшего сослуживца по Военной миссии в России) – Э. Л. Пакера – в этот период «время от времени находился какой-нибудь сенатор или конгрессмен, который выступал за установление отношений с большевистским правительством» [\[17, p. 9\]](#). Как следствие, сотрудники Отдела по делам Восточной Европы брали за себя функцию оппонирования таким запросам, объяснения причин избрания Госдепартаментом курса на непризнание Совнаркома, оценки возможных рисков такого шага и т. д. В то же время, в Соединенных Штатах имела и место и противоположная тенденция по «демонизации» советского строя – зачастую на базе различных ненаучных концепций и «теорий заговора». К примеру, популярность приобрела книга Л. Стоддарта «Бунт против цивилизации», в которой революционные события 1917 г. в России трактовались как победа «философии недочеловека», а социалистический строй – как возврат общества к «варварству или даже дикости» [\[18, p. 2, 163\]](#).

Не меньшую угрозу объективному пониманию сущности социалистической идеологии в США создавал этнический фактор. Дело в том, что некоторые представители российской эмиграции для формирования «образа врага» активно эксплуатировали тему национального состава большевистской партии. Вероятно, наиболее известным и успешным из них стал бывший офицер Б. Л. Бразоль, который в серии книг и статей отстаивал идею, будто «русская революция была спровоцирована, профинансирована и возглавлялась евреями». Согласно делу в архиве Федерального бюро расследований, начиная с 1918 г. он неоднократно направлял донесения в Госдепартамент и другие американские правительственные учреждения с указанием лиц, замеченных в пропаганде коммунизма или анархизма на территории США [\[19, p. 6\]](#). Во избежание того, чтобы Ч. Э. Хьюз попал под влияние Б. Л. Бразоля (как это ранее произошло с Г. Фордом), в 1923 г. А. У. Клифот направил начальнику меморандум, в котором хоть и отмечал таланты российского публициста, назвал его «проницательным политиком», но «не заслуживающим доверия» [\[20, p. 685\]](#). При этом схожие оценки от него получали и деятели сионистского движения из числа эмигрантов – скажем, бывший член Украинской Директории А. Д. Марголин, которого после личной встречи весной 1922 г. американский дипломат назвал «довольно поверхностным человеком» [\[21, p. 454\]](#).

Вероятно, для А. У. Клифота этнический фактор при формулировке политических оценок не имел такого значения, как фактор конфессиональный, однако в правительстве Соединенных Штатов в рассматриваемый период вопросу национального самоопределения в Восточной Европе придавалось достаточно большое значение. Дело в том, что важным элементом Версальско-Вашингтонской системы международных

отношений стал так называемый «санитарный кордон» из лимитрофных государств вокруг РСФСР, в которых поддерживалось развитие националистических идеологий в качестве препятствия распространению большевизма в Европе.

В администрации В. Вильсона о данном проекте узнали в феврале 1919 г. из донесения члена исследовательской группы «Инкуайери» профессора А. Кулиджа, который изложил идею подполковника П. М. Острянского о формировании на фундаменте контролируемых антибольшевистскими группами территорий нескольких «федераций»: южной (Украина, Крым, Кубань и Дагестан); западной (Беларусь, Латвия, Литва и Эстонии); восточной (Сибирь, Урал, Поволжье и Туркестан); северной (Архангельский, Мурманский, Пермский и Вятский округа) [\[22, p. 57-58\]](#). В этих новообразованиях предполагалось полностью сохранить созданные антибольшевистскими силами системы власти и управления, и каждая «федерация» имела бы право на обладание собственной армией. При этом все эти территории формировали коллективное правительство из своих представителей, официальное признание которого странами Антанты обеспечило бы его популярность в народе и возможность вести зарубежную торговлю.

В период интервенции руководство внешнеполитического ведомства США данный проект не оценило, зато он вызвал интерес у европейских политиков. И французский Президент Ж. Клемансо, и итальянский Премьер-министр В. Орландо в январе – марте 1919 г. поддержали идею создания вокруг РСФСР «санитарного кордона» как способа противодействия политической «эпидемии», которую видели в большевизме. Хотя глава английского правительства Д. Ллойд-Джордж больше склонялся к блокаде РСФСР, идея противопоставления советскому интернационализму в Восточной Европе мощного националистического движения встретила одобрение в британском Кабинете, так как относительно успешным прецедентом выглядела Польша, где по донесениям разведки «большевизм временно утонул под волной национализма» [\[23, p. 200\]](#).

В начале 1920-х гг. концепция «санитарного кордона» все же нашла отклик и у членов правительства Соединенных Штатов, но ее реализация требовала решения ряда принципиальных вопросов, главным из которых являлась проблема официального признания лимитрофных государств, образовавшихся после распада Российской империи. Хотя независимость Финляндии и Польши была признана еще в 1919 г., Латвия, Литва и Эстония такого статуса не получили. Противниками данного шага выступали как различные эмигрантские организации, так и некоторые сотрудники Госдепартамента (например, помощник Госсекретаря Н. Дэвис), апеллировавшие к сохранению потенциальной возможности реставрации России в дореволюционных границах в случае краха советского строя. Ключевым аргументом этой позиции длительное время была неэффективность политики «военного коммунизма», с чем на Западе связывались ожидания на консолидацию антибольшевистских сил и эскалацию массовых восстаний в РСФСР.

Казалось бы, с переходом к модели НЭП вероятность данного сценария заметно снизилась, однако в 1921 г. аппарат Консультанта по внешней торговле все же дал отрицательное заключение по вопросу признания Латвии, Литвы и Эстонии, аргументировав этот шаг в духе дипломатии «первого поколения». Основным тезис заключался в том, что наибольший интерес для США представлял единый российский рынок, воссозданный после свержения большевизма, в то время как укрепление лимитрофов лишь препятствовало реинтеграции бывших имперских территорий.

Собственно, встреча А. У. Клифота с А. Д. Марголиным была посвящена именно судьбе территориальных владений Российской империи, и бывший член Директории отстаивал

главенствующую роль внешних сил в процессе обретения ими независимости. По его словам, «Франция и Великобритания заключили секретное соглашение, по которому Франция получила свободу действий на Украине, а Великобритания – в Прибалтике. Британцы добились успеха, поэтому прибалтийские республики сейчас независимы, тогда как французы проиграли, и Украину контролируют Советы» [\[21, p. 455\]](#). Такая постановка вопроса, вероятно, имела одной из своих целей побуждение американского правительства к оказанию помощи лимитрофным государствам, так как альтернативой для них было вхождение в состав СССР. Хотя данная позиция не во всем соответствовала действительности, она все же была доведена до сведения Ч. Э. Хьюза.

Таким образом, одним из ключевых для американской дипломатии в начале 1920-х гг. стал вопрос о степени самостоятельности лимитрофных образований. К примеру, Д. К. Пуль полагал, что Россия и Прибалтика представляли собой неразрывное единство – как Латвия, Литва и Эстония не смогли бы построить самодостаточную экономику, и вынуждены были бы существовать за счет постоянной внешней финансовой помощи, так и без балтийских портов восстановление экономической системы России было невозможно [\[24, p. 37\]](#). Альтернативной точки зрения придерживались американские дипломаты в Прибалтике, называвшие в своих донесениях национальные движения в регионе не столько полезными, сколько легитимными. Местные правительства пришли к власти в результате выборов и имели поддержку населения, не желавшего ни присоединяться к СССР, ни становиться частью какой-либо новой российской «федерации». При этом официальное признание как раз направило бы усилия этих стран в сторону построения эффективного хозяйства, и они могли стать ценными союзниками в борьбе против Коминтерна. Отсутствие же признания со стороны Соединенных Штатов вызывало лишь «враждебность», «глубочайшее сожаление и разочарование» в американской политике [\[25, p. 352\]](#).

Систематизировав все факты, в 1922 г. А. У. Клифот подготовил итоговый меморандум по вопросу о признании Латвии, Литвы и Эстонии. С одной стороны, этот шаг соответствовал принципу права наций на самоопределение, названные страны были внутренне стабильны, уже признаны некоторыми европейскими державами и даже вошли в Лигу Наций. С другой стороны, такая мера противоречила идее восстановления «демократической» России в дореволюционных границах и могла стать прецедентом для аналогичных действий в отношении других бывших частей империи [\[26, p. 625\]](#). С учетом всех обстоятельств, США все же признали независимость Латвии, Литвы и Эстонии в 1922 г., и это решение принципиально изменило схему работы Отдела по делам Восточной Европы.

Рижское консульство и советско-американские отношения

Одной из ключевых сложностей для подразделений Государственного департамента, занимавшихся анализом внутренней и внешней политики Совнаркома, было отсутствие достоверной информации о положении дел в РСФСР. Так, значительная часть документов американского посольства в Петрограде была уничтожена по приказу консула М. Саммерса в феврале 1918 г. [\[27, p. 99\]](#), а собственной агентурной сети на советской территории в распоряжении дипломатов не было. Возможность получения необходимых сведений часто зависела от личных связей – к примеру, А. У. Клифот лишь благодаря знакомству с помощником Министра торговли К. А. Гертером смог ознакомиться с донесениями сотрудников Американской администрации помощи голодающим в СССР [\[28\]](#).

После официального признания прибалтийских республик Рига превратилась в

своеобразный «аванпост» Отдела по делам Восточной Европы – в статусе посла его возглавил Э. Янг, ранее работавший вместе с Д. К. Пулем. Он смог привлечь на службу в консульство не только опытных дипломатов из центрального аппарата Госдепартамента, но и ряд офицеров разведывательной службы (С. М. Риис, М. Пертс, Ф. Р. Феймонвилл и др.). В результате, американское представительство в Риге превратилось в информационно-аналитический центр, куда курьерами из Москвы на регулярной основе доставлялись, переводились и обрабатывались советские книги, пропагандистские брошюры, тексты законов и декретов, а также около 50 периодических изданий. Более того, Э. Янг курировал аналогичную работу миссий в Париже, Копенгагене и Константинополе. Деятельность рижского представительства его глава сравнивал с клиринговой конторой, старавшейся снять с центральных структур Госдепартамента задачу проверки благонадежности намерений советских партнеров.

В 1927–1928 гг. в Риге ненадолго воссоединились бывшие сослуживцы по Военной миссии США на Севере России: А. У. Клифот, Э. Л. Пакер и Х. С. Мартин, сделавшие после войны карьеру на дипломатической службе. Вместе с Э. Янгом им удалось добиться от руководства в Вашингтоне еще большего расширения полномочий своего представительства. В частности, в феврале 1928 г. всем американским консулам было направлено распоряжение помощника Госсекретаря У. Дж. Карра предварительно согласовывать выдачу виз в Соединенные Штаты держателям советских паспортов именно с консульством в Риге. Дипломатов призывали запрашивать в Латвии имеющиеся у них сведения о заявителях, а также направлять подчиненным Э. Янга уведомления о принятых по визам решениях «вместе со всеми имеющимися биографическими данными, касающимися данного лица, включая цели его визита в Соединенные Штаты... и другую относящуюся к делу информацию» [\[29\]](#).

Однако в письме У. Дж. Карр указал, что это правило носило рекомендательный характер, поэтому в течение полугода данные из разных консульств поступали в Ригу довольно хаотично. Вероятно, американские дипломаты не слишком серьезно отнеслись к необходимости проведения расследований в отношении советских граждан, причем не столько из-за недооценки степени опасности социалистической пропаганды для США, сколько ввиду неготовности тратить дополнительное время на внутриведомственную переписку. Это заставило А. У. Клифота в августе 1928 г. обратиться к коллегам с просьбой систематизировать обмен сведениями. По его словам, невыполнение американскими посланниками предписаний руководства не только приводило к «неизбежным задержкам» документов, но и лишало консульство «оснований, на которых можно было бы провести расследование». Как следствие, он просил сообщать о заявителях максимально полную информацию – не только имя и фамилию, дату и место рождения, номер советского паспорта, род занятий, цель визита в США, но даже «дейтельно до ноября 1917 г.», а также «занимаемые должности в партии, Коминтерне и правительственных организациях» [\[29\]](#).

Помимо этого, на новом месте службы А. У. Клифот вновь занялся исследованием вопроса организации советско-американской торговли в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений. В преддверии перехода СССР к реализации первого «пятилетнего плана» объемы американских поставок в страну составляли 72,5 млн. долларов, что для Соединенных Штатов равнялось лишь 1,1% от общенационального экспорта. Одной из причин столь ограниченных размеров торговых операций А. У. Клифот видел в отсутствии официального признания Советского Союза. С присущей ему склонностью систематизировать преимущества и недостатки любого политического действия, дипломат 3 мая 1929 г. направил Госсекретарю записку с

изложением сути сложившейся ситуации.

В этом документе А. У. Клифот утверждал, что отсутствие в Москве официального представителя, способного защищать интересы американских предпринимателей, влекло за собой постоянные задержки при прохождении товаров из США. Конечно, некоторым фирмам было удобнее работать именно в неофициальном режиме, в значительной степени минуя контроль со стороны государственных органов Соединенных Штатов, однако для крупных корпораций этот вариант не подходил [\[20, p. 491\]](#). Масштабные планы модернизации советской промышленности делали поставки станков, запчастей и оборудования в СССР весьма привлекательными для заокеанских производителей, однако без заключения межгосударственных соглашений о правилах торговли этот рынок не мог эффективно развиваться. С другой стороны, по мнению А. У. Клифота, именно отсутствие официальных дипломатических отношений можно было трактовать как инструмент защиты бизнеса, так как в этих условиях советские правоохранительные органы «не осмелились бы арестовать известного американского предпринимателя» притом, что они «без колебаний арестовывают немцев» [\[31, p. 1\]](#). Получалось, что раз Германия признала СССР, то противоречия на экономической почве разрешались в рамках официально утвержденных государствами правил, а отсутствие признание со стороны Соединенных Штатов создавало риск бесконтрольной эскалации конфликта. Неизвестно, какое решение планировал принять Госсекретарь Г. Л. Стимсон после ознакомления с аргументами А. У. Клифота, однако в октябре 1929 г. в США началась «Великая депрессия», которая отчасти способствовала советско-американскому сближению.

Заключение

Карьерный путь и эволюция убеждений А. У. Клифота являются достаточно репрезентативными для понимания изменения отношения американских чиновников к Советской России и СССР в годы «непризнания». Взаимодействие стран в 1920-х гг. в политико-экономическом смысле балансировало между изоляцией и кооперацией, что находило свое отражение в борьбе различных точек зрения сотрудников правительственных структур. Составленные А. У. Клифотом документы отражали этот комплекс противоречий в аппарате Госдепартамента США – дипломат стремился придерживаться объективности в своих оценках, не присоединяясь ни к сторонникам участия в противоборстве с СССР, ни к апологетам социалистической модели развития.

Служба в Отделе по делам России и в Отделе по делам Восточной Европы неочевидным образом привела к заметной либерализации его взглядов на советско-американское взаимодействие. Однако меморандумы А. У. Клифота, как и его выступления в Конгрессе демонстрировали с одной стороны – дисциплинированность в исполнении приказов и рекомендаций руководства, а с другой стороны – нежелание вступать в полемику с носителями и просоветских, и антисоветских убеждений. Подобная осторожность, вероятно, показывала попытку скрыть личное отношение к проблеме, что являлось не только грамотной карьерной стратегией, но и оставляло шанс доказать перспективность собственного подхода в будущем – с изменением политической ситуации в стране и кадровых перестановках в правительстве. Собственно, переход от радикального антисоветизма к идее необходимости официального признания социалистического государства произошел во многом благодаря осознанию выгоды экономического сотрудничества с Советским Союзом – огромный вклад в этот процесс внести аналитики, которое смогли представить достаточные аргументы и убедить руководство страны в преимуществах отказа от конфронтационного сценария.

Библиография

1. Документы внешней политики СССР. Том I. М.: Госполитиздат, 1959. 776 с.
2. Poole D. C. The Reminiscences of DeWitt Clinton Poole. New York: Columbia University, Oral History Research Office, 1972. 498 pp.
3. Propas F. L. The State Department and the Russian Revolution: The Making of Policy, 1918–1924 // UCLA Historical Journal. 1982. Vol. 3. Pp. 3–20.
4. Sisson E. One Hundred Red Days. New Haven: Yale University Press, 1931. 455 pp.
5. Munsterberg H. The Americans. Garden City: Doubleday, Page & Company, 1914. 612 pp.
6. National Archive of the United States (NAUS). RG120. File 27A.
7. Kliefoth A. W. Bolshevism: By an Eye-Witness from Wisconsin. Milwaukee: American Constitutional League of Wisconsin, 1920. 32 pp.
8. What a Consul Does // The American Foreign Service Journal. 1929. Vol. 6. №2. P. 44.
9. Says Lenin Would Bribe Americans // The New York Times. 1920. January 31. P. 3.
10. Conditions in Russia: Hearings before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, Sixty-six Congress. 3rd Session. Washington: United States Government Printing Office, 1921. 254 pp.
11. NAUS. RG59. File 661.00.
12. Siegel K. A. Loans and Legitimacy: The Evolution of Soviet-American Relations, 1919–1933. Lexington: University Press of Kentucky, 1996. 211 pp.
13. Saul N. E. Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 454 pp.
14. Recognition of Russia: Hearings before a Subcommittee of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Sixty-eighth Congress. 1st Session. Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 1924. 530 pp.
15. Henderson L. W. A Question of Trust: The Origins of U.S.-Soviet Diplomatic Relation / Ed. by G. W. Baer. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. 579 p.
16. Bohlen C. E. Witness to History, 1929–1969. New York: Norton, 1973. 576 pp.
17. Association for Diplomatic Studies and Training. Oral History Collection. Earl Packer papers. Series 1. Box 1. "Interview with Earl Packer, October 27, 1988".
18. Stoddard L. The Revolt against Civilization: The Menace of the Under-Man. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 274 pp.
19. NAUS. RG65. File 32668594.1.
20. Spence R. The Tsar's other Lieutenant: the Antisemitic Activities of Boris L'vovich Brasol, 1910–1960. Part II: White Russians, Nazis, and the Blue Lamoo // Journal for the Study of Antisemitism. 2012. Vol. 4. №2. Pp. 679–706.
21. NAUS. RG59. File 860E.
22. NAUS. RG59. File 763.72119.
23. Public Records Office. Cabinet Papers 24/81.
24. NAUS. RG59. File 860N.01.
25. Tarulis A. N. American-Baltic Relations 1918–1922: The Struggle over Recognition. Washington: The Catholic University of America Press, 1965. 397 pp.
26. Arens O. Wilsonianism and Self-determination without Wilson: United States and Estonia, 1918–1922 // The Journal of Baltic Studies. 2024. Vol. 55. №3. Pp. 611–630. DOI:10.1080/01629778.2024.2366862
27. NAUS. RG59. File 124.612.
28. Hoover Institution Archives. American Relief Administration. Box 261. Folder 2.
29. NAUS. RG84. File. 811.11.
30. NAUS. RG59. File. 611.1115.
31. NAUS. RG59. File. 661.621.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является анализ карьерной траектории и трансформации политических взглядов американского дипломата Альберта У. Клифота в 1920-е годы. Автор работы фокусируется на его роли как репрезентативной фигуры, чьи позиции и составляемые им документы отражали внутреннюю борьбу и спектр мнений Государственного департамента США по вопросу выстраивания отношений с Советской Россией, а затем с СССР. Исследование ставит личность Клифота в более широкий контекст поиска баланса между изоляцией и кооперацией в советско-американских отношениях указанного периода.

Методологическую основу статьи составляет традиционный для исторической науки проблемно-биографический подход, сочетающий элементы анализа внешней политики и интеллектуальной истории. Автор опирается на принципы историзма и системности, пытаясь проследить причинно-следственные связи между личным опытом дипломата, его служебной деятельностью и эволюцией его убеждений. Основными методами выступают критический анализ архивных документов (меморандумов, выступлений) и историко-сравнительный метод для сопоставления позиции Клифота с другими течениями в американском истеблишменте.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Во-первых, оно вносит вклад в понимание исторических корней сложных и амбивалентных отношений между Россией и США. Во-вторых, работа обращается к классической, но актуальной проблеме взаимодействия идеологии и прагматизма (в данном случае экономического) в международных отношениях. В-третьих, исследование микроистории отдельного чиновника позволяет глубже понять механизмы принятия внешнеполитических решений в бюрократических системах, что представляет интерес не только для историков, но и для политологов.

Научная новизна статьи заключается в том, что статья выводит из тени относительно малоизученную, но показательную фигуру американской дипломатии — А. У. Клифота. Если ключевые фигуры этого периода (как, например, Чарльз Эванс Хьюз или Уильям Буллит) изучены достаточно хорошо, то взгляды и роль чиновников среднего звена, непосредственно готовивших аналитические материалы, часто остаются за кадром. Автор предпринимает попытку проанализировать эволюцию взглядов Клифота не как резкий переход, а как постепенный процесс, обусловленный профессиональной деятельностью и рациональным расчетом.

Стиль статьи соответствует канонам академического письма. Логика изложения прослеживается: от общего контекста к конкретной фигуре и ее характеристике. Список источников и литературы является несомненным сильным стороной работы. Библиография демонстрирует глубокое погружение автора в тему и солидную источниковую базу.

Автор полемизирует с упрощенными подходами к истории советско-американских отношений, которые сводят их к прямой конфронтации или, наоборот, к идеализированному сотрудничеству. Тезис о «балансировании между изоляцией и кооперацией» и фигура Клифота как «объективного» аналитика, не присоединявшегося к крайним точкам зрения, удачный аргумент в пользу более сложной и многогранной интерпретации истории двусторонних отношений. Автор мог бы усилить этот аспект, прямо указав на существующие направления в историографии (например, классическую или ревизионистскую, пост-ревизионистскую) и определив свою позицию относительно

них.

Обращение к фигуре А.У. Клифота позволяет детализировать и «очеловечить» сложные бюрократические процессы в Госдепе, выходя за рамки изучения только топ-чиновников. Вдумчивая работа с архивными материалами, включая ранее не вводившиеся в научный оборот документы, придает работе высокую степень достоверности и фундаментальности. Автор избегает крайних оценок, пытаясь понять логику и мотивы своего героя, увязывая эволюцию его взглядов с прагматическими соображениями (экономическая выгода), а не только с идеологическими изменениями.

В качестве замечания стоит отметить, что в статье отсутствуют явно сформулированные цель и задачи исследования, а также автор не рассуждает о выбранном методе, не определяет теоретическую рамку (например, теорию бюрократической политики, концепцию «прагматизма»), что делает анализ местами излишне дескриптивным.

Ключевой вывод статьи заключается в том, что эволюция взглядов Клифота от «радикального антисоветизма» к признанию необходимости официального признания СССР была обусловлена в первую очередь прагматическим осознанием выгод экономического сотрудничества, а его осторожная позиция была не только карьерной стратегией, но и попыткой сохранить пространство для маневра для будущего. Этот вывод представляется вполне обоснованным и логично вытекающим из представленного материала. Причем, такое наблюдение вполне вписывается в современную историографию, подчеркивающую роль экономического интереса и бюрократической борьбы в процессе признания СССР Соединенными Штатами.

Статья вызовет закономерный интерес у специалистов в области истории международных отношений, американистики и истории дипломатии.

Статья «Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг.» обладает значительным научным потенциалом и явными достоинствами, главные из которых — новизна темы и сильная источниковая база. Можно рекомендовать статью для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Рипак И.А. Система сохранения секретности в рамках Манхэттенского проекта // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75505 EDN: SLEDVY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75505

Система сохранения секретности в рамках Манхэттенского проекта

Рипак Илья Александрович

ORCID: 0009-0009-3856-7006

преподаватель; Отделение "Общеобразовательная подготовка"; Колледж туризма Санкт-Петербурга

194291, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, пр-кт Луначарского, д. 66 к. 1

✉ ilka-95@mail.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75505

EDN:

SLEDVY

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2025

Аннотация: Атомное оружие, являющееся на сегодняшний день одним из основных инструментов сохранения "долгого мира", впервые появилось на свет в США во время Второй мировой войны в результате деятельности интернационального коллектива ученых с опорой на американскую инженерно-промышленную базу и в рамках американских же организационных усилий. Одним из важнейших условий деятельности в рамках инициативы США по созданию атомного оружия было сохранение секретности как об отдельных аспектах нового оружия, так и о самом факте разработки инструмента такой силы – как от врагов, так и от союзников. Даже само название "Манхэттенский проект", которым обозначали данную инициативу, служило делу сохранения тайны о ней. В рамках данного исследования рассматриваются меры, предпринятые руководством Манхэттенского проекта для сохранения тайны создания атомного оружия. Кроме того, рассматривается влияние этих мер на темпы проекта, на формирование культуры секретных городов проекта и безопасность шедших в них работ. Данное исследование основывается прежде всего на рассмотрении источников личного происхождения – мемуаров сотрудников Манхэттенского проекта и интервью с его

участниками. Сохранение секретности в рамках Манхэттенского проекта не стало темой каких-либо отдельных зарубежных исследований, однако ряд работ, посвященных проекту в целом, касались данного вопроса. Труды отечественных исследователей также лишь констатируют существование такой системы. Данная работа призвана хотя бы отчасти заполнить эту лакуну. Кроме того, в условиях напряженности современных международных отношений, одним из факторов которой являются попытки ряда стран, не входящих в ядерный клуб, заполучить в свое распоряжение атомное оружие, любые исследования, касающиеся истории создания и распространения атомного оружия, являются особенно актуальными. В заключении исследования делается вывод о том, что необходимость сохранять секретность представлялась американскому руководству фактором столь важным, что стала одной из отправных точек формирования самой организационной структуры Манхэттенского проекта – что, в свою очередь, породило ряд проблем исследовательского, инженерно-конструкторского и управленческого характера. При этом цель проекта все же была достигнута в приемлемые сроки, а утечки информации не носили критического характера.

Ключевые слова:

Манхэттенский проект, Вторая мировая война, атомная бомба, ядерное оружие, атомный проект, секретные города, безопасность научных разработок, промышленный шпионаж, разведка, ядерное нераспространение

Вторая мировая война ускорила развитие множества уже существующих на момент ее начала технологий и положила начало целым технологическим направлениям. Как и всегда, когда дело касается военных технологий, государства-интересанты стремятся скрыть собственные научно-технические и инженерные разработки и добыть информацию о таковых у оппонентов и союзников. Сфера ядерных вооружений исключением не стала. Более того, система сохранения секретности, установленная в рамках американского проекта по разработке ядерного оружия «Манхэттен», для своего времени не имела аналогов в мире если не по применяемым методам и мерам, то по уровню их масштабированности. В зарубежной историографии нет отдельных работ, посвященных теме сохранения секретности в рамках атомного проекта США, но часть обобщающих исследований и трудов, посвященных отдельным аспектам проекта, касаются этого вопроса. Отечественная историография же, будучи значительно скромнее по количеству работ о Манхэттенском проекте в целом, обычно лишь констатирует наличие такой системы безопасности и конспирации, не рассматривая вопрос подробнее. Изучение истории разработки и создания первых образцов атомного оружия в контексте современной международной напряженности и потенциального расширения круга владельцев ядерных арсеналов представляется невероятно актуальным, особенно в связи с явным недостатком специализированных и обобщающих трудов по этой тематике в отечественной историографии.

Манхэттенский проект, само название которого является следствием стремления скрыть информацию о разработке ядерного оружия в США, включал в себя три основных и более десятка второстепенных площадок, на каждой из которых работали от нескольких десятков, до десятков тысяч сотрудников. Только на пике его существования в нем было задействовано суммарно около 130 000 человек, а общая сумма людей, работавших в разное время в годы войны на площадках проекта, переваливает за полмиллиона. При таком количестве задействованных кадров, количество которых регулярно менялось как

в связи с обыкновенной текучкой, так и с переходом проекта на новые этапы, назвать сохранение секретности просто «проблемой» является серьезным преуменьшением. Военно-административный руководитель проекта генерал Лесли Гровс был вынужден выстроить такую систему безопасности и сохранения секретности, что она в разной степени влияла на жизнь и работу каждого из многочисленных сотрудников Манхэттенского проекта, начиная от рабочих строительной сферы, занимавшихся возведением основных научно-исследовательских и промышленных мощностей проекта, заканчивая учеными высшего уровня, вовлеченных непосредственно в разработку и развитие методов получения делящегося вещества и конструкционные работы при создании первых атомных бомб. Не удивительно, что тема секретности является одной из наиболее упоминаемых в воспоминаниях участников Манхэттенского проекта.

Целями всех конспирационных мероприятий было сокрытие информации об атомном проекте, с одной стороны, от Германии, Японии, СССР и Великобритании (от последней – в определенные моменты осложнений англо-американских отношений и в связи с опасениями недостатка собственных английских мер сохранения секретности), а с другой – от внутрисполитических акторов США, которые могли вмешаться в процесс производства ядерного оружия и негативно на него повлиять. Для достижения цели сохранения секретности использовался принцип необходимого знания («need-to-know»), при котором доступ к информации ограничивался абсолютно у всех лиц, даже имеющих необходимый уровень допуска в научной, военной, политической и бюрократической системах США, кроме тех, кому информация была напрямую нужна для исполнения своих обязанностей в рамках атомного проекта. Для претворения этого управленческого принципа в жизнь, Гровс применял метод компартиментализации. Он заключался в отделении подразделений Манхэттенского проекта друг от друга и их информационной изоляции – руководители разных отделов не должны были знать, чем конкретно занимаются их коллеги из других подразделений [\[5, с. 253-255\]](#). Такие меры замедляли прогресс самого проекта, но способствовали сохранению секретности. Советская разведка все равно знала, что американцы разрабатывают атомное оружие, однако можно с уверенностью сказать, что она могла бы получить значительно больше деталей технического и теоретического характера о ядерной бомбе, если бы не усилия генерала Гровса, который стал новатором пусть не в самих методах засекречивания, но в уровне их масштабирования.

В практическом смысле система Гровса выражалась в полном запрете участникам проекта на распространение информации о своей деятельности, включая собственные семьи. Даже если сотрудников задерживали на месте работы в связи с какими-либо кризисными ситуациями, их домочадцы об этом не получали никакой конкретной информации – ни о том, когда член семьи вернется, ни почему он остался на работе [\[2, с. 16\]](#). Личная переписка всех значимых членов проекта проверялась и подвергалась цензуре, за персоналом велось неусыпное наблюдение, а военные регулярно патрулировали обнесенные оградами резервации проекта, вход на которые возможно было осуществить исключительно через КПП. Все основные точки проекта были зашифрованы кодовыми номерами и названиями: Лос-Аламос – «Site Y», Окридж – «Site X», Хэнфорд – «Site W». Зоны Хэнфорда скрывались под номерами 100, 200, 300, 700 и 1100, а производительные мощности Окриджа носили названия S-50, Y-12, X-10 и K-25. Даже само название проекта происходило от намеренно законспирированного наименования «Манхэттенский инженерный округ» [\[3, с. 41\]](#).

Многие ученые, нужда проекта в которых была очевидна, не имели возможности присоединиться к нему даже при наличии собственного желания – их отбраковывала

служба безопасности (к концу войны в ее состав входило 485 человек) [1, с. 140]. Основными причинами отказа от найма ценных кадров служили нахождение родственников в зоне нацистской оккупации и связи с коммунистическими (и, шире, левыми) организациями. Исключение было сделано для высших и незаменимых кадров проекта, таких как его научный руководитель Роберт Оппенгеймер, чьи связи с левыми были запутаны, носили скорее личный характер и, в конечном итоге, спустя десятилетие после окончания проекта, послужили причиной (или поводом) его отстранения от секретной информации по атомной энергии, и один из инициаторов проекта Лео Силард, который числился среди авторов знаменитого эйнштейновского письма Рузвельту и чей брат оставался в Венгрии (погибнув в конце войны в лагере Берген-Бельзен). Проверки первых ученых, присоединившихся к Манхэттенскому проекту выражались лишь в получении подтверждения от их коллег информации об их благонадежности [8, с. 171]. Иные ученые, не подошедшие под критерии Манхэттенского проекта, могли догадываться или даже знать, что происходит за закрытыми воротами и дверями научно-исследовательских центров проекта, таких как Лос-Аламос, Металлургическая лаборатория Чикагского университета и Радиационная лаборатория Калифорнийского университета в Беркли, так как их знания в некоторых сферах были буквально бесценны и их коллеги, работавшие на проект, приезжали к ним советоваться, задавая вопросы в обтекаемой форме [2, с. 12]. Кроме того, сам Оппенгеймер успешно преодолел систему компартиментализации в пределах Лос-Аламоса, настаивая на том, что без полноценного обмена информацией между отделами научно-исследовательского комплекса сроки разработки ядерного оружия превысят разумные и допустимые пределы [7, с. 106]. В конечном итоге, система сохранения секретности и процедуры безопасности в отношении научного состава проекта оказались несколько непоследовательными в связи с мощнейшими горизонтальными связями в научной среде и неэффективностью работы ученых без поддержания этих связей – редкая брешь в общей структуре конспирации, выстроенной Гровсом.

Режим секретности в контексте работы менее именитых членов Манхэттенского проекта, представителей его среднего и нижнего звена, заключался в целом комплексе мероприятий. Любые посторонние лица, которые даже случайно проявляли интерес к месту работы сотрудников проекта, немедленно удостоивались беседы с представителями службы безопасности, если на них поступал донос (*Philip S. Anderson, Jr.'s Interview // Voices of the Manhattan Project. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/philip-s-anderson-jrs-interview/>*). Сами сотрудники, помимо досмотра при входе и выходе с режимных объектов, должны были проходить подробный инструктаж, где им в подробностях описывали все правила поведения, запреты и штрафные санкции за нарушение условий секретности. Ни одна деталь работы персонала не должна была быть озвучена за пределами их рабочих мест. При этом абсолютное большинство рабочих, инженеров, технических специалистов знали свою конкретную зону ответственности, но не имели абсолютно никакого понятия, над чем они работают в общем плане и какова в широком масштабе роль конкретно их работы (*Ruth Huddleston's Interview // Voices of the Manhattan Project. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/ruth-huddlestons-interview/>*).

Большинство сотрудников такое положение дел устраивало – людям для удовлетворения патриотических чувств хватало знания того, что они делают некий вклад в военные усилия родной страны (*Colleen Black's Interview (2005) // Voices of the Manhattan Project. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/colleen-blacks-interview-2005/>*), а материальные потребности закрывались зарплатами значительно выше среднего по стране даже для низовых кадров (*Jackie Peterson's Interview // Voices*

of the Manhattan Project. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/jackie-petersons-interview/>; Willie Daniels's Interview // Voices of the Manhattan Project. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/willie-danielss-interview/>). Вместе, требования соблюдения секретности со стороны службы безопасности и воспроизводившаяся внутри рабочих команд «культура тишины», в совокупности с отсутствием персонального понимания цели собственной работы, лишали сотрудников проекта инициативы обсуждать даже с собственными коллегами подробности своих трудов или строить предположения о том, над чем они, в конце концов, трудятся в целом. Параллельно с этим руководством точек проекта с целью конспирации велась работа с местными средствами массовой информации. Так, полковник Франклин Маттиас, руководитель Хэнфорда, где производили оружейный плутоний, посещал окружающие комплекс города, прося у местных представителей СМИ содействия в сохранении секретности. Кроме того, он обращался в Управление цензуры, которое согласилось оказывать помощь по запросу, если возникнет такая необходимость. Наконец, еще до вышеуказанных мероприятий, Маттиасам была разработана легенда для сокрытия истинной природы Хэнфордского комплекса. Так как основная компания-оператор в Хэнфорде, Дюпон, была уже известна своими работами с взрывчатыми веществами, комплекс был замаскирован под производство гексогена [4, с. 183-184]. Как вспоминал Маттиас, на местах под его руководством не было зафиксировано ни одного акта целенаправленного шпионажа; его же указом британская делегация, в которую входил небезызвестный Клаус Фукс, осужденный за шпионаж в пользу СССР в 1950 г., не была допущена в реакторную зону Хэнфорда [6, с. 79-80].

Из всех точек Манхэттенского проекта наиболее закрытой являлся Лос-Аламос – центральный и наиболее крупный научно-исследовательский комплекс проекта. Все имена ведущих ученых маскировались вымышленными, даже сами слова «физик» и «химик» скрывались за неприглядно звучащими «шипучка» («fizzler») и «вонючка» («stinker») [4, с. 159]. Режим секретности распространялся и на государственные удостоверения: например, в водительской лицензии не указывалось ни имени, ни подписи владельца документа, а домашний адрес вписывался один на всех – «Абонентский ящик 1663» (Box 1663). На этот же адрес приходили письма из внешнего мира, он же был указан в свидетельствах о рождении детей, появившихся на свет в городе в период ведения проекта. Название «Лос-Аламос» не присутствовало ни в каких официальных документах и для американского общества город просто не существовал. При этом вся корреспонденция и телефонные разговоры подвергались контролю и жесткой цензуре [3, с. 41-42]. Лос-Аламос, таким образом, стал единственным городом в США, где была институализирована государственная цензура даже на уровне личного общения и личной переписки, что противоречило как букве Конституции, так и политической культуре страны. Своеобразным протестом против такого положения дел стало формирование тесных горизонтальных связей между членами сообщества Лос-Аламаса, что особенно было актуально в контексте крайне изолированного образа жизни ученых и их семей здесь. Логичным следствием этого также было появление городского самоуправления, часто оспаривавшего решения военной администрации, касавшихся условий жизни в городе, и старавшегося сделать жизнь в рамках закрытого города достаточно комфортной [3, с. 48-49].

Система сохранения секретности Лос-Аламаса подвергалась постоянным испытаниям, связанными со случайными обстоятельствами и человеческим фактором. Так, например, радио Лос-Аламаса, в целях конспирации транслировавшееся не через радиоволны, а по проводному вещанию, регулярно играло в домах близлежащего города Альбукерке,

откуда тянулись линии электропередач для борьбы с хроническими перебоями электричества в секретном городе проекта. Жители Альбукерке не могли понять, почему у всех ведущих на загадочном радиоканале есть имена, но нет фамилий [3, с. 57]. В другом случае, математик фон Нейман спорил на деньги с капитаном службы безопасности, что сможет провести группу ученых на объект без его ведома – что ему и удалось сделать, воспользовавшись зияющей дырой в установленном ограждении периметра, и без того регулярно используемой сотрудниками в личных целях. Однако наибольшему стрессу подвергал сотрудников службы безопасности знаменитый физик Ричард Фейнман, любивший взламывать чужие сейфы (пользуясь примитивностью устанавливаемых коллегами кодов) и вытаскивать оттуда секретные документы ради азарта и чувства собственного удовлетворения (*Joseph Rotblat's Interview // Voices of the Manhattan Project*. [сайт]. URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/voices/oral-histories/joseph-rotblats-interview/>). Он же просил жену и отца писать ему письма с шифрами, которые служба безопасности не могла взломать, на почве чего между ученым и сотрудниками службы возникали конфликты [9, с. 95-96].

Секретность Манхэттенского проекта вела не только к замедлению прогресса исследований, но, в ряде случаев, напрямую к потенциальным техногенным катастрофам. Так, Ричард Фейнман вспоминал, как из-за отсутствия понимания свойств веществ, с которыми работают специалисты Окриджа, рабочие комплекса начали концентрировать большие объемы нитрата урана в тарах, сложенных близко друг к другу. При большой концентрации вещества была реальной угрозой начала непроизвольной цепной реакции, которая высвободила бы больше количество радиации. Для решения проблемы военной администрации пришлось разрешить ученым провести для специалистов Окриджского комплекса инструктаж по свойствам радиоактивных веществ и основам обращения с ними, что, разумеется, являлось очередным примером вынужденного нарушения системы сохранения секретности. Завод был перестроен после перепланировки, проведенной руководством Окриджа с учетом полученных рекомендаций [9, с. 103-109].

Таким образом, глубочайшая заинтересованность руководства Манхэттенского проекта (и, шире, американской военно-политической верхушки) в сохранении секретности американской атомной инициативы стала одной из отправных точек строительства всей организационной структуры проекта. Невероятно высокий уровень секретности замедлял проект и порождал проблемы, которые, при неудачном стечении обстоятельств, могли обернуться техногенной катастрофой. Тем не менее, достаточно высокая адаптивность системы управления позволяла справляться с подобными вызовами в «ручном режиме», не изменяя базовые принципы организации. Политика всеохватывающей секретности вылилась в появление в среде сотрудников проекта культуры молчания, при которой люди практиковали самоцензуру даже в разговорах с домочадцами у себя дома. При всех негативных аспектах и следствиях установленной системы сохранения секретности, она справилась со своей основной задачей: ни Германия, ни Япония, ни Великобритания, ни СССР не смогли получить достаточный объем информации для проектирования собственного атомного оружия без самостоятельных глубоких исследований в данной сфере. Хотя последние две страны и получили определенную фору (Великобритания за счет сотрудничества с США, СССР за счет отдельных успешных актов шпионажа), им пришлось вести собственные разработки преимущественно самостоятельно.

Библиография

1. Groves L.R. Now It Can Be Told: The Story of Manhattan Project. N.Y.: Harper & Row, 1962. 464 p.
2. Howes R.H. Their Day in the Sun: Women of the Manhattan Project. Philadelphia: Temple University Press, 1999. 264 p.
3. Hunner J. Inventing Los Alamos: The Growth of an Atomic Community. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 2004. 288 p.
4. Kelly C.C. The Manhattan Project: The Birth of the Atomic Bomb in the Words of Its Creators, Eyewitnesses, and Historians. N.Y.: Black Dog & Leventhal, 2007. 495 p.
5. Norris R. Racing for the Bomb: General Leslie R. Groves, the Manhattan Project's Indispensable Man. New Hampshire: Steerforth Press, 2002. 722 p.
6. Sanger S.L., Craig W. Working on the Bomb: An Oral History of WWII Hanford. Portland: Continuing Education Press, 1995. 264 p.
7. Schweber S.S. In the Shadow of the Bomb: Oppenheimer, Bethe, and the Moral Responsibility of the Scientist. Princeton: Princeton University Press, 2007. 260 p.
8. Teller E., Shoolery J.L. Memoirs: A Twentieth-Century Journey in Science and Politics. Cambridge: Perseus Publishing, 2001. 640 p.
9. Фейнман Р. Радость познания. М.: АСТ, 2021. 352 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Автор статьи исследует комплексную систему обеспечения секретности в рамках американского атомного проекта "Манхэттен" периода Второй мировой войны. Предметом анализа выступают организационные принципы, методы и практики засекречивания информации, примененные генералом Лесли Гровсом для защиты сведений о разработке ядерного оружия от внешних противников и внутривластных акторов США. Исследование охватывает различные уровни системы безопасности – от высшего научного руководства до рядовых сотрудников проекта.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном подходе, сочетающем анализ архивных документов, мемуарной литературы и устных свидетельств участников проекта. Автор активно использует материалы проекта "Voices of the Manhattan Project", что позволяет представить живые голоса очевидцев. Методологически работа опирается на принципы исторической реконструкции и институционального анализа, рассматривая систему секретности как целостную организационную структуру. Однако методологические основания исследования эксплицитно не артикулированы, что несколько снижает теоретическую строгость работы.

Актуальность

Актуальность исследования обоснована автором убедительно. В условиях современной международной напряженности и потенциального расширения круга ядерных держав изучение исторического опыта обеспечения секретности атомных программ приобретает особую значимость. Автор справедливо указывает на недостаток специализированных работ по данной тематике в отечественной историографии, что делает исследование востребованным для российского научного сообщества.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в системном анализе механизмов секретности Манхэттенского проекта как целостного явления. Автор впервые в отечественной историографии предпринимает попытку комплексного рассмотрения данного аспекта американского атомного проекта. Новизной обладает анализ "культуры молчания", сформировавшейся среди участников проекта, а также исследование противоречий между требованиями секретности и эффективностью научной работы. Ценным является рассмотрение казусов нарушения режима секретности и их последствий.

Стиль, структура, содержание

Статья написана в академическом стиле, характеризующемся ясностью изложения и логической последовательностью. Структура работы продумана и соответствует логике исследования: от общих принципов системы секретности к конкретным практикам на различных объектах проекта. Содержание богато фактическим материалом, автор демонстрирует глубокое знание темы и умение работать с разнородными источниками.

Вместе с тем, наблюдается некоторая диспропорция в освещении различных аспектов темы – значительное внимание уделено Лос-Аламосу при относительно кратком рассмотрении других объектов проекта. Также можно отметить недостаточную проработку сравнительного аспекта – сопоставления американской системы секретности с аналогичными системами других стран.

Библиография

Библиографический аппарат статьи включает 9 источников, преимущественно на английском языке. Источниковая база представлена мемуарами участников проекта, научными монографиями и материалами устной истории. Привлечение воспоминаний Р. Фейнмана на русском языке расширяет доступность материала для российского читателя.

Однако библиография может быть оценена как недостаточно полная. Отсутствуют ссылки на архивные документы, что ограничивает источниковую базу исследования. Также недостаточно представлены работы по истории американских спецслужб и общие исследования по истории науки и техники периода Второй мировой войны, которые могли бы обогатить контекст исследования.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно позиционирует свою работу в историографическом контексте, указывая на лакуны в зарубежной и отечественной литературе. Отмечается отсутствие специальных работ по теме секретности в зарубежной историографии и констатирующий характер упоминаний данной проблемы в отечественных исследованиях. Однако полемический элемент в статье выражен слабо – автор не вступает в дискуссию с существующими интерпретациями, ограничиваясь констатацией историографических лакун.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Основные выводы исследования представляются обоснованными и значимыми. Автор убедительно демонстрирует, что система секретности Манхэттенского проекта была беспрецедентной по масштабам и в целом эффективно выполнила свою задачу, несмотря на внутренние противоречия и отдельные нарушения режима. Ценным

является вывод о формировании специфической "культуры молчания" среди участников проекта.

Статья представляет несомненный интерес для широкой читательской аудитории: историков науки и техники, специалистов по истории спецслужб, исследователей Второй мировой войны. Материал может быть полезен и для современных специалистов в области информационной безопасности как исторический пример организации режима секретности в крупномасштабных проектах.

Общая оценка

Представленная статья является качественным исследованием важной и недостаточно изученной в отечественной историографии темы. Несмотря на отдельные недостатки в методологическом обосновании и некоторую неполноту библиографии, работа вносит значимый вклад в изучение истории Манхэттенского проекта и может служить основой для дальнейших исследований в данной области. Статья заслуживает публикации в научном журнале после незначительной доработки библиографического аппарата.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ахремчик О.Г. Первый скульптор и член Союза художников СССР из Хакасии: Ирина Карачакова и ее нереализованный проект // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75582 EDN: SLREDR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75582

Первый скульптор и член Союза художников СССР из Хакасии: Ирина Карачакова и ее нереализованный проект

Ахремчик Ольга Геннадьевна

ORCID: 0009-0009-4747-3247

преподаватель; Минусинский колледж культуры и искусства
соискатель; кафедра истории; ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова

655017, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, 90

✉ to-olga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие - памятники истории и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75582

EDN:

SLREDR

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является история создания первым хакасским скульптором и первым членом Союза художников СССР Ириной Карачаковой монументального проекта "Дружба", который был задуман как памятник к 250-летию присоединения Хакасии к России. Объектом исследования является творчество и деятельность И.Н. Карачаковой, её вклад в развитие монументальной скульптуры региона и страны, её роль как пионера в этой области. Обращается внимание на замысел, признание и откладывание реализации памятника "Дружба", поднимается вопрос о причинах нереализации проекта и значении этого проекта для культурной идентичности Хакасии, который до сих пор недостаточно изучен. Таким образом, исследование направлено на анализ исторического контекста, художественной ценности и культурного значения монументального искусства Хакасии, с особым акцентом на нереализованный проект "Дружба". Исторический анализ: изучение исторических документов, архивных материалов, эпистолярного наследия для реконструкции событий, связанных с созданием и реализацией проекта "Дружба". Иконографический анализ:

Анализ символики памятника "Дружба" – его элементов, мотивов, чтобы понять замысел автора. Метод "малой истории": Исследование конкретного события (нереализованного проекта) для понимания более широких социальных и культурных процессов. В целом, научная новизна заключается в комплексном исследовании нереализованного культурного объекта, его создателя и контекста, что способствует более полному пониманию истории и культуры Хакасии. В результате работы мы пришли к следующим выводам. 1. Художественное освоение общественного пространства в СССР было тесно связано с задачами формирования государственной идеологии, визуализации политических целей (в данном случае – дружбы народов и утверждения исторических нарративов). 2. Проект "Дружба" получил институциональную поддержку, однако сталкивался с административными коллизиями и отсутствием межведомственной координации. 4. И.Н. Карачакова, являясь первым хакасским скульптором и первым членом Союза художников СССР из Хакасии, внесла значительный вклад в развитие монументального искусства Хакасии и всего Советского Союза, открыв новый путь для художников региона и получив признание на всесоюзном уровне.

Ключевые слова:

И.Н. Карачакова, первый хакасский скульптор, Союз художников СССР, памятник Дружба, монументальное искусство, Республика Хакасия, хакасский скульптор, советское искусство, Союз художников, память народа

Современный интерес к исследованию нереализованных художественных и архитектурных инициатив в советский период обусловлен необходимостью переосмысления культурного наследия XX века в контексте региональной истории, политики памяти и формирования идентичности. В данной работе предпринимается попытка комплексного анализа истории создания памятника «Дружба» в Хакасии — от появления идеи и художественного замысла до бюрократических препятствий и окончательной остановки проекта.

Актуальность темы определяется несколькими факторами: во-первых, уникальной художественной и культурной ценностью наследия первого члена Союза художников СССР из Хакасии и первого хакаского скульптора и И.Н. Карачаковой; во-вторых, значением проекта для общественно-политической жизни Хакасии в советский период; в-третьих, возможностями его переосмысления в рамках современной культурной политики региона. Проект монумента «Дружба» отражает особенности художественного мышления и идеологических установок эпохи 1950–1970-х годов, что позволяет более глубоко понять взаимосвязь искусства, государственной политики и региональной идентичности в советский период, а фигура Ирины Николаевны Карачаковой представляет собой уникальное культурное явление, требующее комплексного осмысления и переоценки в рамках регионального и общероссийского культурного дискурса.

Целью настоящего исследования является всесторонний научный анализ истории создания проекта монумента «Дружба» в Хакасии, раскрытие его художественной концепции, социально-политического контекста, причин нереализации и последствий для регионального культурного пространства.

Для достижения этой цели в работе ставятся следующие задачи: рассмотреть хронологию проектирования монумента «Дружба» и инициативы, предпринятые

различными органами власти в 1950–1970-х гг. по его реализации; провести анализ эпистолярного наследия, отражающего процесс художественно-архитектурного поиска; исследовать роль переписки И.Н. Карачаковой с архитекторами как важного источника по истории искусства и междисциплинарного творческого взаимодействия, оценить значение незавершённого проекта для историко-культурной памяти региона и возможности его реконцептуализации в современном культурном контексте.

Предлагаемое исследование основывается на широком круге источников: архивных материалах, переписке автора с архитекторами, публикациях в периодической печати, официальных документах Хакасского облисполкома, а также материалах из фондов Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова.

Работа представляет интерес не только для историков искусства и архитектуры, но и для специалистов в области культурной политики, музейного дела и регионалистики.

Ожидаемые результаты: результатом исследования станет комплексное представление о судьбе памятника "Дружба", его месте в истории культуры Хакасии. Исследование позволит выявить факторы, приведшие к забвению памятника, а также оценить перспективы его реабилитации и включения в культурный ландшафт региона. Полученные данные могут быть использованы для разработки рекомендаций по сохранению культурного наследия и развитию творческой деятельности художников и скульпторов Хакасии.

В исследовательской практике существует несколько работ, посвящённых развитию монументального искусства в Советском Союзе, однако региональный контекст Хакасии, особенно в аспекте карьеры Карачаковой, остаётся незаслуженно забытым. Жизнь и творчество И.Н. Карачаковой как первого члена Союза художников СССР из Хакасии и первого скульптора, её деятельность в области монументального искусства не были достаточно подробно исследованы в историографии, что делает тему особенно актуальной для современной науки. Согласно характеристике на члена Союза художников СССР скульптора Ирины Николаевны Карачаковой, данной Ленинградским отделением Союза художников РСФСР, мы находим следующие данные, что «В 1951 г. окончила скульптурный факультет института им. И.Е. Репина Академии Художеств СССР и в том же году принята в члены Союза художников СССР. Произведения И.Н. Карачаковой широко известны советскому зрителю. Они экспонировались на многих всесоюзных, республиканских и ленинградских художественных выставках. И.Н. Карачакова участник выставки на IV Всемирном фестивале молодежи в Будапеште. Ряд произведений скульптора И.Н. Карачаковой находятся в собраниях музеев: Государственной Третьяковской галерее, Львовской картинной галерее, Ленинградском медицинском музее и др.» [17 с.1]. И далее указывается, что «О творчестве скульптора И.Н. Карачаковой изданы ряд очерков и статей в журналах «Советская женщина», «Смена», газетах «Советская Россия» «Советская культура», «Литературная газета», «Советская Хакасия». В ноябре 1971 г. в журнале «Советская женщина» на китайском языке опубликована большая обзорная статья о творчестве Ирины Николаевны» [17.с.2]. Первый материал, исследующий творчество Карачаковой был опубликован в 1952 г. в журнале «Смена» [10]. Автор А. Палладин рассматривает дипломную работу Ирины Карачаковой «Алишер Навои», касается немного биографии скульптора и пишет, что это только первые ее шаги в искусстве. В ноябре 1960 г. в Абакане был проведён открытый конкурс, в котором приняла участие И.Н. Карачакова на лучший проект монумента, приуроченного к 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России, рассмотрению результатов этого конкурса в региональной прессе было посвящено

несколько статей [16,5,11]. В 1961 г. в журнале «Этнографическое обозрение» опубликована статья С.В. Иванова «Современное искусство народов Сибири (скульптура)», где в краткой форме была поставлена проблема изучения скульптуры в современном искусстве народов Сибири - хантов, манси, чукчей, эскимосов, якутов, алтайцев, тувинцев, бурят и хакасов. Автор статьи отметил хакасских скульпторов, в том числе и И.Н. Карачакову. Достаточно подробно в статье дан обзор творческой деятельности молодого скульптора. О памятнике «Дружба» в статье сказано следующее: «Одна из последних работ И. Н. Карачаковой— проект памятника-obeliska в г. Абакане, посвященного исторической дате — 250-летию добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства». [4. С.26]. Конечно, столь краткая информация не достаточна для анализа этого проекта. Рассмотрению становления хакасского профессионального искусства посвящена работа И.К. Кидиековой, в которой автор дает оценку творчеству некоторых художников, в частности, Г.А. Аткинина, Д.П. Черепанова, А.Ф. Калинина, И.Н. Карачаковой и др., однако роли первого члена Союза художников СССР и первого скульптора в становлении монументального искусства Хакасии уделено внимания не было [6]. В книге А.С. Кызласова и В.Н. Тугужековой «Писатели и художники Хакасии» [7] впервые были опубликованы биографии ведущих хакасских художников-живописцев, графиков, скульпторов и мастеров прикладного искусства. Есть в этой книге и упоминание об И.Н. Карачаковой, но очень кратко и без анализа ее деятельности в Союзе художников и без рассмотрения ее скульптурных произведений. Становлению и развитию изобразительного искусства в Хакасии (1920–2000-е годы) посвящена кандидатская диссертация М.П. Чебодаевой. Как она пишет в своей работе: «Развитие изобразительного искусства в 1960-1980 - е гг. стало реальным фактом художественной жизни Хакасии. В те годы сформировалась творческая индивидуальность многих мастеров. Были созданы произведения, обогатившие изобразительное искусство. В тот период ведущую роль играла живопись. В те годы скульптура отставала от других видов изобразительного искусства живописи и графики; но все же были созданы произведения станковой и монументальной скульптуры (И.Н. Карачакова)» [18.С.15]. В 2014 г. вышел в свет фотоальбом, посвященный коллекции И.Н. Карачаковой, подаренной ею Хакасии. Альбом сопровождают две обзорные статьи о жизни и творчестве скульптора и о предметах коллекции. В статье А.Ф. Чепашевой рассматривается очень кратко история памятника «Дружба», но полную картину работы над проектом проследить невозможно [10. С.15-17].

Таким образом, Памятник «Дружба», как важный элемент культурной пропаганды СССР в национальном регионе, не получил достаточного внимания в работах, посвящённых изобразительному искусству. Проект И.Н. Карачаковой до сих пор не был исследован в контексте того, как он создавался первым хакасским скульптором, первым членом Союза художников СССР Ириной Карачаковой, что подчеркивает необходимость разработки темы.

В 1950-е гг. в СССР началась масштабная кампания по празднованию юбилеев добровольного присоединения различных народов к России. Так, в 1956 г. отмечалось 200-летие присоединения Горного Алтая. В этом контексте руководство Хакасской автономной области также инициировало подготовку к празднованию аналогичной исторической даты. Решением обкома партии и Хакасского облисполкома день празднования 250-летия присоединения Хакасии к России был назначен на 15 июня 1958 г. Поскольку тогда область входила в состав Красноярского края, то обком обратился с просьбой «войти с ходатайством в бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров Российской Федерации: а) разрешить учреждение бронзовой медали «250-

летие добровольного присоединения Хакасии к России»; б) соорудить в г. Абакане монумент, посвященный 250-летию присоединения хакасского народа к России; в) отпустить средства для проведения юбилейного праздника в сумме 1.500 тысяч рублей...» [11]. 17 июня на Первомайской площади Абакана состоялся митинг трудящихся в связи с закладкой памятника в честь 250-летия добровольного присоединения Хакасии к России. Председатель облисполкома А. И. Крапивин сказал: «Мы присутствуем на закладке монумента, который всегда будет говорить о великой дружбе народов нашей страны». Под звуки гимна Советского Союза был снят покров с глыбы белого мрамора, на лицевой стороне которого открылась надпись: «Здесь будет сооружен монумент в честь 250-летия присоединения Хакасии к России» [11]. Интересно, что правовое оформление закладки памятника произошло позднее - на заседании исполкома облсовета депутатов трудящихся 1 июля 1958 г. Пункт 328 был озаглавлен «О сооружении обелиска в гор. Абакане». В нем говорилось: «В ознаменование 250-летия добровольного присоединения Хакасии к России исполком областного Совета решил: 1. Соорудить в 1958 г. в городе Абакане на Первомайской площади обелиск в ознаменование 250-летия добровольного присоединения Хакасии к России. 2. Провести открытый конкурс на лучший проект обелиска в гор. Абакане... Установить срок представления проектов на конкурс 1 сентября 1958 г....» [11]. В 1958 г., после длительного отсутствия на родине, И.Н.Карачакова прибыла в Хакасию по приглашению известного археолога Л.Р.Кызласова и приступила к сбору материалов для памятника, чтобы принять участие в конкурсе. Памятник в начале носил имя «Солнце». По итогам конкурса, который состоялся в 1960 г. была организована выставка, на которой экспонировались 10 конкурсных работ. Газета «Хакасия» 10 ноября 1960 г. опубликовала открытое письмо в редакцию, в котором выразила общественное одобрение проведению конкурса и, в частности, проекту И.Н.Карачаковой. В публикации отмечалось: «Во всем облике обелиска звучит пафос гуманизма и жизнеутверждения. Венчающая обелиск аллегорическая фигура женщины-хакаски олицетворяет образ современной Хакасии. Свободная Хакасия как бы родилась из недр великой братской дружбы...» [16]. В проекте органично использованы символические образы: фигура молодой женщины в национальном костюме с поднятым рогом, дерево как символ вечной дружбы народов, солнечные лучи, вписанные в каменную глыбу. Проект был удостоен первого места. Тем не менее, уже в 1961 г. бюро ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР приостановили проектирование и строительство монумента. Основанием послужили многочисленные критические замечания, высказанные художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР. В рамках заседания художественно-экспертного совета при Министерстве культуры РСФСР были озвучены конкретные замечания к проекту монумента, представленного И.Н. Карачаковой. Так, Андрей Петрович Файдыш-Крандиевский — известный советский скульптор-монументалист, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Сталинской премии первой степени — выразил сомнение в композиционном решении скульптурной фигуры, венчающей обелиск. Он отмечал: «Может быть, не стоит размещать её в подобной позе на столь высоком пилоне. Колени фигуры при восприятии снизу окажутся на уровне взгляда, что создаст неудачный ракурс. Фигура должна быть аллегорической, но при этом современной и выразительной по силуэту. Думаю, её целесообразнее поставить, а не усаживать» [8. С.9]. Он также обратил внимание на недостаточную архитектурную проработку постамента, подчеркнув, что взаимодействие между архитектором и скульптором было недостаточным: «Пьедестал выглядит случайным, особенно вызывают вопросы его скосы, которые должны быть выразительными по силуэту» [8.С.9].

Другой член экспертного совета, Зиновий Моисеевич Виленский — народный художник СССР, лауреат Сталинской премии — охарактеризовал фигуру, венчающую памятник, как «камерную» по своему решению, подчеркнув её несоответствие масштабам монументальной пластики: «Фигурка решена неплохо, но она решена как статуэтка камерная, такая вещь может быть в экспозиции музея, может стоять близко для рассмотрения снизу. Но наверху она потеряет свое значение» [8.С.10]. Архитектор Алексей Николаевич Душкин — член-корреспондент Академии архитектуры СССР, трёхкратный лауреат Сталинской премии — предложил пересмотреть идею подачи образа степной девушки, критикуя статичность фигуры: «Та идея, которая заложена в верхней фигуре, что это дитя степей, — не кажется ли вам, что степь можно было гораздо более дать в развевающейся одежде, а не в комнатной фигуре, которая присела на краю скалы, не говоря о ее архитектонике. Откуда вы не посмотрите, фигура не будет смотреться» [8.С.12].

После заседания совета И.Н. Карачакова приступила к серьёзной переработке проекта. В музеях и архивах сохранились многочисленные карандашные и гипсовые эскизы, свидетельствующие о её поисках архитектурно-художественного решения. В это же время она активно вела переписку с привлечёнными к работе архитекторами — Владимиром Сергеевичем Васильковским и Игорем Ивановичем Фоминым. Владимир Васильковский, советский архитектор и художник, обучавшийся на архитектурном факультете Института им. И.Е. Репина в одной мастерской с И.Н. Карачаковой (профессор Е.А. Левинсон), в письмах к ней неизменно выражал уважение, обращаясь официально по имени и отчеству, а прощался не иначе как «Имею честь быть В.П.С. Васильковский» (Ваш покорный слуга. Прим. Авт.). В письме от 29 мая 1962 г. он писал: «Дорогая Ирина Николаевна! Я взял чертежи постамента с намеками на барельефы. Буду их дорабатывать у себя в мастерской. Генеральный план также забрал — наклею на подрамник и выведу тушью. В четверг получу фасады из фотолаборатории» [12.С.2]. Игорь Иванович Фомин, народный архитектор СССР, профессор Института им. И.Е. Репина, был не только педагогом, но и другом скульптора. Он обращался к Ирине Николаевне с теплотой, называя её в письмах «моя дорогая принцесса Ми». Из их переписки видно, что к 1962 г. проект монумента столкнулся с финансовыми и административными затруднениями и возникла идея сооружения монумента на общественные средства. Так как Хакасская автономная область имела краевое подчинение, все вопросы необходимо было решать в Красноярске. 15 сентября 1962 г. Фомин пишет: «Из деятелей Крайкома по нашему вопросу он рекомендует обратиться к секретарю по культуре – тов. Макеевой Полине Георгиевне, что очевидно полезно сделать еще по пути в Абакан для выяснения обстановки и настроений. Форма сооружения памятников на общественные средства там известна и находит поддержку, так что можно надеяться на благополучное завершение вашей благородной миссии» [14.С.1-2]. В письме от 3 ноября 1962 г. Фомин с сожалением констатировал отсутствие ясности в судьбе памятника: «Володя рассказал о вашем разговоре, но самого главного в нём не было — какова дальнейшая судьба памятника, что меня очень волнует» [15.С.1-2]. В это время в переписке Васильковского появляются сведения о разногласиях между учреждениями: «Из Абакана пришло письмо по поводу парка вокруг памятника, но оформительский комбинат отказывается брать заказ, считая, что проект должен идти через живописно-скульптурный комбинат» [13.С.1-2].

На основании анализа всей переписки можно заключить: проект монумента «Дружба» с самого начала сталкивался с множеством препятствий — как художественных, так и организационно-финансовых. В этой связи было принято решение инициировать строительство памятника на общественные средства. 27 ноября 1962 г. Ирина

Николаевна опубликовала открытое письмо в газете «Хакасия», где изложила своё видение дальнейших шагов: «Авторы надеются, что трудящиеся Хакасии окажут не только содействие и поддержку, но и примут самое деятельное участие в деле сооружения этого монумента. Предполагается, что на закладку монумента придут представители от каждого предприятия, учебного заведения, общественных организаций, представители интеллигенции, рабочие, колхозники, комсомольцы, пионеры и посадят по одному дереву. Таким образом, не только символически, но и практически создание памятника превратится во всенародное дело. Открытие монумента приурочивается к знаменательной дате – 50-летию Октябрьской революции. К сожалению, сейчас строительство памятника приостановлено. Но мы верим и надеемся, что общественность Хакасии и руководство области приложат все силы, чтобы добиться разрешения на осуществление обещанного народу памятника. И. Карачакова, скульптор» [5]. Однако работы возобновлены не были. Несмотря на это, идея сооружения монумента «Дружба» не была окончательно забыта. В контексте подготовки к 100-летию юбилею со дня рождения В.И. Ленина, на Первомайской площади г. Абакана было решено установить памятник вождю. Однако власти региона, осознавая символическую значимость незавершённого проекта, сочли необходимым вернуться и к вопросу монумента «Дружба», обещанного общественности еще в 1950-х гг. 21 февраля 1969 г. Ирина Николаевна Карачакова получает официальную телеграмму от председателя исполкома облсовета Хакасской автономной области Василия Архиповича Угужакова, в которой содержится просьба о возобновлении работы над памятником: «ПРОСИМ ДАТЬ ВАШЕ СОГЛАСИЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТЫ ПАМЯТНИКОМ ДРУ НАРОДОВ ЗПТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ПАВШИМ ВОИНАМ АБАКАН РАЗРЕШЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ИМЕЕТСЯ ТЧК ПРИ СОГЛАСИИ СООБ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫЕЗДА АБАКАН= ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ОБЛСОВЕТА УГУЖА [3]. В ответном письме от декабря 1969 г. И.Н. Карачакова поздравляет Угужакова с наступающим Новым годом и отмечает, что так и не получила официального вызова для возобновления проектных работ. Она подчёркивает необходимость разъяснить «данное недоумение», указывая на свою готовность приступить к работе при наличии чёткой административной координации. 21 апреля 1970 г. она получает письмо от начальника областного управления культуры Андрея Константиновича Танзыбаева, в котором сообщается о завершении работ над памятником В.И. Ленину и выражается намерение вернуться к строительству монумента «Дружба»: «Ирина Николаевна! У нас большое, знаменательное событие – открыт в г. Абакане памятник В.И. Ленину. Теперь очередь за памятником «Дружба» ...памятник решено построить на привокзальной /ж.д./ площади. Посоветуйте, пожалуйста, с чего начинать, что надо предпринять, в каком состоянии мы оставили Ваш эскиз памятника, кого еще, кроме Вас, вы намерены привлечь...Средства на сооружение памятника Дружбы» мы гарантируем за счет областного бюджета» [2].

Таким образом, уже в 1970 г. в регионе фиксируется политическая воля и бюджетная готовность к реализации памятника. Однако, несмотря на ряд положительных сдвигов, процесс вновь оказался затянут по ряду объективных и субъективных причин, включая недостаточную административную поддержку, сложности с межведомственным согласованием и отсутствие целостной архитектурной концепции, признанной художественным сообществом. Лишь спустя шесть лет, в 1976 г., под давлением общественности Хакасии, республиканские власти вновь иницируют усилия по возобновлению реализации монумента «Дружба». Секретарь Хакасского обкома КПСС И.С. Родин и председатель исполкома облсовета В.А. Угужаков направляют в Совет Министров РСФСР официальное письмо с просьбой о включении в государственный план проектирование памятника, но несмотря на эти усилия, строительство не началось.

Более того, обелиск, установленный на Первомайской площади как символическая закладка будущего памятника, был перенесён на Привокзальную площадь, где он находится до настоящего времени. Таким образом, символ памяти остался, но обещанный монумент не был воплощён в материальной форме.

История художественного освоения общественного пространства в Советском Союзе во многом определялась задачами формирования государственной идеологии, визуализации идей дружбы народов и утверждения исторических нарративов. Одним из ярких, но в то же время незавершённых примеров подобной практики стал проект монумента «Дружба», разрабатывавшийся в Хакасии в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Его автором выступила Ирина Николаевна Карачакова — первый профессиональный скульптор, первый член Союза художников СССР хакасского происхождения, чья творческая деятельность оставила значительный след в культурной истории региона. История проекта монумента «Дружба» представляет собой уникальный пример художественно-политической инициативы, не реализованной несмотря на общественную значимость, творческий потенциал и институциональную поддержку. Сложности, с которыми сталкивались авторы и организаторы проекта, были обусловлены целым рядом факторов: критические замечания художественно-экспертного сообщества, требующие серьёзной переработки концепции; административные коллизии и отсутствие устойчивой межведомственной координации; затягивание процесса согласования архитектурных решений и сметного финансирования; постепенное смещение приоритетов региональной культурной политики.

На сегодняшний день обелиск, установленный как временный знак, может рассматриваться не только как незавершённый художественный объект, но и как артефакт, хранящий память об амбициозной идее культурного единения, которой так и не суждено было реализоваться. С учётом этого, возможно, настало время для научного и общественного обсуждения вопроса о переосмыслении проекта монумента «Дружба» в контексте современности, его музейной репрезентации или архитектурной реконцептуализации в рамках республиканского культурного пространства.

И.Н. Карачакова оставила яркий след в истории монументального искусства Хакасии и всего Советского Союза. Её творческая деятельность не только была важным этапом в формировании художественной среды региона, но и сыграла значительную роль в культурной политике того времени. Являясь первым членом Союза художников СССР от Хакасии, Карачакова открыла новый путь для художников региона, обеспечив их признание на всесоюзном уровне.

Библиография

1. Анненко А.Н. Так гуляли наши деды [Электронный ресурс] / А.Н. Анненко // Абакан рф.: [портал]. – Режим доступа: http://gorod.abakan-rf.ru/authors_projects/hronograf_annenkovjune_1958/ (1958 год). Дата обращения: 17.08.2025.
2. Государственное автономное учреждение культуры Республики Хакасия "Хакасский национальный музей имени Л. Р. Кызласова" (ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова). ХНKM КП6548/40.
3. Государственное автономное учреждение культуры Республики Хакасия "Хакасский национальный музей имени Л. Р. Кызласова" (ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова). ХНKM КП6548/41.
4. Иванов С.В. Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР. Современное искусство народов Сибири (скульптура) // Этнографическое обозрение.

1961. № 6. С. 9-28.

5. Карачакова И. Монумент "Дружба" в Абакане // Советская Хакасия. 1962. 27 нояб. С. 6.

6. Кидиекова И.К. Изобразительное искусство Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан. 1972.

7. Кызласов А.С., Тугужекова В.Н. Писатели и художники Хакасии. Абакан, 1997.

8. Министерство культуры РСФСР, Главное управление по делам искусств. Стенограмма заседания художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре 20 марта 1961 г. Проект памятника "Дружба" для г. Абакана, скульптор т. Карачакова. г. Москва: ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ХКМ ВФ № 963/34. с.

9. Наследие последней принцессы Хакасии. Фотоальбом / Сост. О. Ахремчик, Ю. Кудряшов. Абакан: ООО "Кооператив "Журналист", 20014. – 136 с., ил.

10. Палладин А. Скульптор Ирина Карачакова // Смена. 1952. № 10.

11. Палладин А. Поговорим о Хакасии // Советская женщина. 1971. № 11. С. 23-25.

12. Письмо В.С. Васильковского к И. Карачаковой от 29.05.1962 г. ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ХКМ КП 6548/58. С. 2.

13. Письмо В.С. Васильковского к И. Карачаковой от 4.09.1964 г. ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ХКМ КП 6548/56. С. 1, 2.

14. Письмо И.И. Фомина к И.Н. Карачаковой от 15.09.1962 г. ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ХКМ КП 6548/54. С. 1-2.

15. Письмо И.И. Фомина к И.Н. Карачаковой от 3.11.1962 г. ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ХКМ КП 6548/51. С. 1-2.

16. Тачеева Т. О конкурсе на лучший проект памятника – обелиска / Т. Тачеева, А. Тугужеков // Советская Хакасия. 1960. 10 ноября.

17. Характеристика члена Союза художников СССР скульптора Ирины Николаевны Карачаковой // ГАУК РХ ХНKM им. Л.Р. Кызласова. ВФ 963.54(1), ВФ 963.54(2).

18. Чебодаева М.П. Становление и развитие изобразительного искусства в Хакасии (1920–2000-е годы): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2004. С. 15. EDN: ZMXKWR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является комплексный анализ истории создания нереализованного проекта монумента «Дружба» в Хакасии, посвященного 250-летию добровольного вхождения региона в состав России. Исследование выполнено на фоне творческого пути и роли его автора – Ирины Николаевны Карачаковой, первого хакасского скульптора и члена Союза художников СССР. Статья выходит за рамки биографии или описания отдельного арт-объекта, фокусируясь на взаимодействии искусства, идеологии, региональной политики и институциональных механизмов культурного производства в позднесоветский период.

Автор применяет системный подход, сочетая историко-генетический метод для реконструкции хронологии событий – от зарождения идеи в 1958 г. до финальных попыток реанимации проекта в 1970-е гг.; историко-культурный анализ для интерпретации художественной концепции памятника в контексте советской монументальной пропаганды и символики дружбы народов; источниковедческий анализ при работе с корпусом разнообразных источников (архивными документами, эпистолярным наследием, материалами периодической печати). Следует отметить

успешное использование микро-исторического подхода на примере конкретного, локального и неудавшегося проекта для исследования исторических процессов – взаимодействия центра и периферии, роли экспертного сообщества, значительных бюрократических барьеров.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом академического сообщества к советскому культурному наследию, переосмыслению истории искусства соцреализма, а также к региональным аспектам культурного строительства, потребностью в сохранении забытых имен и незавершенных проектов, важных для формирования национально-культурной идентичности субъектов РФ, а также практической значимостью для современной культурной политики Хакасии, музеефикации наследия и возможной реконцептуализации проекта в наши дни.

Автор впервые вводит в научный оборот целый пласт архивных материалов, прежде всего переписку И.Н. Карачаковой с архитекторами В.С. Васильковским и И.И. Фоминым, а также документы Хакасского облисполкома, которые позволили не только детально восстановить историю проекта, но и проанализировать личные и профессиональные взаимоотношения ключевых фигур, их стратегии преодоления административных препятствий. Впервые столь подробно реконструирована и критически осмыслена роль художественно-экспертного совета Минкультуры РСФСР при «заморозке» изучаемого проекта. Статья заполняет существенный пробел в истории советской монументалистики в контексте развития искусства Сибири.

Стиль статьи соответствует жанру академического исследования. Терминология используется адекватно. Структура статьи в целом логична. Список литературы и источников достаточны для раскрытия темы.

К главным достоинствам статьи можно отнести: введение в научный оборот нового комплекса архивных источников, междисциплинарность и комплексность подхода, убедительная и нюансированная аргументация. Автор избегает упрощенных трактовок («талантливый художник против тупой бюрократии»), показывая сложную паутину художественных разногласий, административных проволочек и меняющихся политических контекстов.

К недостаткам статьи можно отнести отсутствие иллюстративного материала: эскизов Карачаковой, фотографий временного обелиска, планов площади, которые могли бы существенно обогатить восприятие темы.

Ключевой вывод статьи о том, что неудача проекта была обусловлена комплексом причин – художественной критикой «сверху», административной неразберихой, недостатком финансирования и изменением идеологических приоритетов, – представляется абсолютно убедительным и доказанным.

Статья вызовет значительный интерес у специалистов различных гуманитарных профилей: историков, искусствоведов, культурологов и регионоведов. Она также может быть полезна музейным работникам и практикам в сфере культурной политики в Хакасии.

Несмотря на отмеченные незначительные недостатки, представленная статья «Первый скульптор и член Союза художников СССР из Хакасии: Ирина Карачакова и ее нереализованный проект» обладает высокими научными достоинствами, соответствует критериям академического журнала «Genesis: исторические исследования» и может быть рекомендована к публикации.

Англоязычные метаданные

Pilgrimage as a phenomenon in the religious life of individuals and society in Western Europe during the Middle Ages (based on materials from foreign historiography)

Malishev Dmitrii Arkad'evich

PhD in History

Senior Researcher; Scientific Research Laboratory 'Sacred Landscapes of the Byzantine Borderlands';
Sevastopol State University (SevGU)

295007, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Bespalova str., 110e

✉ darkmalyshev@mail.ru

Abstract. The article analyzes pilgrimage as a phenomenon in the religious life of individuals and society in Western Europe during the Middle Ages. The author deliberately resorts to such geographical localization because the primacy in the process of Christianization in Western Europe was indisputable, and this part of the continent was almost half a millennium ahead of the European barbarians in the East and North. The experience of the Western European pilgrim has a greater chronological span and richer material for study. The research represents a comparative approach based on the study of foreign scientific experience. The author refers to the experience of English-speaking publications, attempting to study pilgrimage as a European phenomenon through the main stages of historical development in the region. According to the researcher's intention, the article is part of a future trilogy of historical works dedicated to this issue. Using historical-genetic, comparative-historical, and interdisciplinary approaches, the author conducts a systematic study of pilgrimage in the everyday life of people in medieval Europe. The methodology of the research takes its specificity into account. The author works more with historiographical facts than with historical ones, which shifts the focus towards historiography, transforming each studied unit into a source. The author of the article makes the first attempt in Russian historiography to study and summarize the Western Christian experience of pilgrimage, including in works that indirectly touch on this issue. Such an approach undoubtedly adds novelty to the research, considering the introduction into the domestic historiographical discourse and historical information field of information from studies that are not always accessible due to language barriers and publishing policies. The author concludes that pilgrimage as a phenomenon is exclusively connected with Abrahamic religions. In terms of logistics, it includes primary - Palestinian - and secondary - local - routes. Western European pilgrims after the Great Schism of 1054 did not exclude Eastern Christian shrines from their points of visit. The Crusades have a genetic affinity with individual pilgrimages. Pilgrimage led to a partial Easternization of Western Europe in a socio-cultural dimension. The work may be useful for all those interested in the history of Christianity and pilgrimage, having a practical focus that can benefit people engaged in travel and the formation of logistics for routes in religious tourism.

Keywords: The anti-pilgrimage, Iter Francorum, peregrinationes secundariae, The Reformation, pilgrimage, peregrinationes primariae, The Crusades, Santiago de Compostela, The True Cross, Credencial del Peregrino

References (transliterated)

1. Martin Gray. Le Puy // World Pilgrimage Guide. URL:

https://ru.sacredsites.com/europe/france/le_puy.html

2. Aleksandrova T. L. Epigrammy imperatitsy Evdokii v kontekste ee pervogo palomnichestva v Ierusalim // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya. 2015. Vyp. 3 (43). S. 9-31. DOI: 10.15382/sturIII201543.9-31 EDN: UCKWGT
3. Bliznyakov R. A., Malyshev D. A. Istoricheskoe prostranstvo cheloveka srednevekovoi Frantsii: k postanovke voprosa // Nauchnyi vestnik Kryma. 2017. № 6 (11). S. 1-10.
4. Flori Zh. Boemund Antiokhiiskii. Rytsar' udachi. SPb.: EVRAZIYa, 2013. 336 s.
5. Jean Sorabella. Pilgrimage in Medieval Europe // The Metropolitan Museum of Art. 2011. Apr. 1. URL: <https://www.metmuseum.org/essays/pilgrimage-in-medieval-europe>
6. Gusenova D. A., Alikhanova Z.-B. T. Dukhovnost', turizm i palomnichestvo v islame // Islamovedenie. 2014. № 1. S. 45-53. EDN: SERRXP
7. Samyi dlinnyi put' mira i marshrut palomnichestva! // Put' Ierusalima. URL: <https://www.jerusalemway.org/ru/> (data obrashcheniya: 23.07.2025)
8. Author Anonymous. Pilgrimage // St Andrews Encyclopaedia of Theology. 2024. Aug. 29. [Elektronnyi dostup]. URL: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (data obrashcheniya: 27.07.2025)
9. Le Goff Zh. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. M.: Izdatel'skaya gruppa "Al'ma Mater"; Gaudeamus, 2023. 400 s. (Epokhi. Srednie veka. Issledovaniya).
10. Pernu R. Alienora Akvitanskaya. M.: EKSMO, 2025. 320 s.
11. Flori Zh. Alienora Akvitanskaya. Nepokornaya koroleva. SPb.: Evraziya, 2012. 432 s.
12. Pernu R. Khil'degarda Bingenskaya. M.: Izdatel'stvo frantsiskantsev, 2014. 135 s.
13. Ers Zh. Istoriya Krestovyykh pokhodov. SPb.: EVRAZIYa – ID Klio, 2017. 320 s.
14. S'yuard D. Monakhi voyny. Istoriya voenno-monasheskikh ordenov ot vozniknoveniya do XVIII veka. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2018. 319 s.
15. Anna Trono and Luigi Oliva. Innovations in a Traditional Landscape of Pilgrimage: The Via Francigena del Sud towards Rome and Other Apulian Pilgrim's Routes // Religions. 2021. Vol. 12. No. 1065. P. 1-19.
16. Luchitskaya S. I. Puteshestvie v Svyatuyu Zemlyu v XII-XIII vv.: Ocherk istorii povsednevnoi zhizni // Homo viator: Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyi fenomen. M.: IVI RAN, 2010. S. 72-102.
17. Oke Zhan-Klod. Srednevekovaya Venetsiya. M.: "Veche", 2014. 384 s.
18. George C. Exploring Europe's Historic Pilgrimage Sites // The Wanders. 2025. Apr. 26. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.thewanders.eu/europes-historic-pilgrimage-sites/#the-medieval-pilgrimage-boom>
19. James Bugslag. Local Pilgrimages and Their Shrines in Pre-Modern Europe // Peregrinations: Journal of Medieval Art and Architecture. 2005. Vol. 2. Iss. 1.
20. Inokinya Ekaterina (Elena Vladimirovna Kopyl). Retseptsiya vzglyadov svt. Grigoriya Nisskogo i blzh. Ieronima na svyatye mesta Palestiny: Ierusalimskii patriarkh Khristianf Notara // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2018. Vyp. 84. S. 56-76. DOI: 10.15382/sturII201884.56-76 EDN: YPMFXV
21. Mazin K. A. Palomnichestvo i turizm: sravnenie skvoz' prizmu tysyacheletii // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2009. № 4. S. 8-24. EDN: KYTAIN
22. Sheval'e P. Genrikh III. M.: TERRA, 1997. 848 s.
23. Mun'e R. Ubiistvo Genrikha IV (14 maya 1610). SPb.: Evraziya, 2008. 416 s. EDN: VRXRKV
24. Ueir E. Genrikh VIII. Zhizn' korolevskogo dvora. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2024. 800 s.

25. Fuks E. Istoriya pravov. T. 1: Epokha Renessansa. M.: OOO Gruppa Kompanii "RIPOL klassik", Izdatel'stvo "Pal'mira", 2018. 395 s.

Crimean Regional Branch of IPPO: 125th Anniversary of the Taurida Department and the First Decade of Its Reestablishment

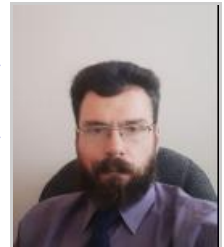
Bliznyakov Roman Aleksandrovich

PhD in History

Head of the Scientific Research Laboratory, Institute of Social Sciences and International Relations; Sevastopol State University

33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia

✉ bliznyakov80@mail.ru

Abstract. The article analyzes the activities of the recreated Crimean Regional Branch of the international public organization "Imperial Orthodox Palestine Society" (hereinafter - MOO IPPO, or IPPO) over a ten-year period in comparison with the activities of the pre-revolutionary Tauride Department of IPPO. The subject area of the research includes the study of all areas of activity, both modern and pre-revolutionary representation in Crimea and the nearby Northern Black Sea region. The research is based on a wide and diverse source base, consisting of a corpus of modern sources generated by the regional branch, and pre-revolutionary documents - statistical reports (IPPO Reports), periodicals, and foundational documents. The literature, on the contrary, has a small nomenclature due to the narrowness of the particular dimension of the study and is represented by a small group of researchers in national historiography. Using a comparative method and a diachronic approach, the author draws parallels in the formation of the pre-revolutionary Tauride Department and the Crimean Regional Branch, as well as analyzes the activities of the representations in modern and pre-revolutionary Crimea based on the main areas of operation: educational, pilgrimage, historical and cultural. The author of the article makes the first attempt in modern historiography to summarize the ten-year experience of the recreated Crimean Regional Branch, which undoubtedly gives it absolute novelty, complemented by compositional originality, consisting of the first comparison of representations in a diachronic context. This work may be useful for all those interested in the history of IPPO, its regional branches, Crimean studies, the history of pilgrimage, and the Holy Land. In the course of the conducted research, the author confirms the hypothesis that the modern Crimean Regional Branch is a direct continuation of the traditions and legal successor of the pre-revolutionary Tauride Department. The objective set and the tasks solved allowed finding similarities in the main areas of activity of the two representations of the Society that existed in different epochs. The comparative analysis concludes that the Crimean Regional Branch at the present stage has a stronger scientific component, with its popularization activities aimed at studying the pages of domestic history, while the pre-revolutionary Tauride Department was more knowledgeable in matters of pilgrimage activities.

Keywords: Nicholas II, Crimean War, Crimean Spring, Pilgrimage, Crimean Regional Division, Tavrichesky Department, IPP, Livadia, Yevpatoria, Bishop Nikolai Ziorov

References (transliterated)

1. Goraiko A. V. K 5-letiyu vossozdaniya Penzenskogo otdela IPPO ob aktual'nosti

- issledovaniya istorii Penzenskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva do 1917 g. // Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii. 2023. № 3(29). S. 98-107. EDN: GFIYEN.
2. Smirnov S. N. Deyatel'nost' eparkhial'nogo otdela Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Tveri v kontse XIX veka // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2023. № 4. S. 71-86. DOI 10.26456/vthistory/2023.4.071-086. EDN: AUQTOJ.
 3. Kuznetsov I. V. Sotsial'nyi sostav Vladimirskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v dorevolutsionnyi period // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2023. № 115. S. 66-78. DOI 10.15382/sturII2023115.66-78. EDN: MOXFWT.
 4. Antonov E. P. Yakutskii otdel Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v istorii Yakutii // Gumanitarnyi vektor. 2024. T. 19, № 2. S. 62-72. DOI 10.21209/1996-7853-2024-19-2-62-72. EDN: MYYEUG.
 5. Tsys' V. V. Otdely Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale KhKh vv.: osnovnye napravleniya, sodержanie i rezul'taty deyatelnosti. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskii gosudarstvennyi universitet, 2014. 247 s. EDN: WDCEKD.
 6. Sharkov I. G. Prosvetitel'skaya i palomnicheskaya deyatelnost' Tavricheskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1900–1917 gg. // Makar'evskie chteniya: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Respublika Altai, Gorno-Altaysk, 21-22 sentyabrya 2023 goda. Respublika Altai, Gorno-Altaysk: BITs GAGU, 2023. S. 132-146. EDN: IFRCQI.
 7. Bliznyakov R. A. Tavricheskii Otdel Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (1900–1917 gg.): po materialam "Tavricheskikh eparkhial'nykh vedomostei" // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5(79). S. 20-24. EDN: YMSDZR.
 8. V Krymu uchredyat otdelenie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2014. 17 mar. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/v-krymu-uchredyat-otdelenie-imperatorskogo-pravosl-307433> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 9. V Tsentre IPPO proshla vstrecha Sergeya Stepashina s ministrom informatsii Kryma // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2014. 9 apr. URL: <https://www.ippo.ru/world/article/v-centre-ippo-proshla-vstrecha-sergeya-stepashina--100529> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 10. Ustav Mezhdunarodnoi obshchestvennoi organizatsii Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo (osnovano v 1882 godu) (utverzhden v novoi redaktsii Tret'ei konferentsiei 3 iyunya 2014 g.) // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. URL: <https://www.ippo.ru/old/about/doc/ustav/2014/index.html> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 11. V svete zadach, postavlennykh Vladimirom Putiny, IPPO mozhet vnesti vesomyi vklad v integratsiyu Rossii i Kryma // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2014. 19 avg. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/v-svete-zadach-postavlennykh-vladimirom-putiny-ipp-100698?ysclid=mdo5ryolru570315098> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 12. Mitropolit Simferopol'skii i Krymskii Lazar' odobril ustanovku v Livadii pamyatnika

- imperatoru Nikolayu II pod egidoi IPPO // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2015. 18 mart. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/mitropolit-simferopolskiy-i-krymskiy-lazar-odobril-101190> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
13. Upravlyayushchii delami IPPO prinyal uchastie v sobranii Krymskogo otdeleniya // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2015. 19 maya. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/upravlyayuschiy-delami-ippo-prinyal-uchastie-v-sob-101213> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 14. V Krymskom federal'nom universitete po initsiative IPPO proshla konferentsiya pamyati imperatora Nikolaya II // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2015. 20 maya. URL: <https://www.ippo.ru/science/article/v-krymskom-federalnom-universitete-po-iniciative-i-101217> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 15. Resheniem Soveta Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva Mitropolit Simferopol'skii i Krymskii Lazar' byl nagrazhden Ordenom Velikoi knyagini Elizavety Fedorovny – Simferopol'skaya i Krymskaya eparkhiya UPTs. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/resheniem-soveta-imperatorskogo-pravoslavnogo-pale-202929> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 16. Sergei Stepashin otkryl v Evpatorii pamyatnik Nikolayu II // Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: sait. 2016. 17 maya. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/sergey-stepashin-otkryl-v-evpatorii-pamyatnik-niko-401850> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 17. Bliznyakov R.A., Kryzhko E.V., Malyshev D.A. Sergei Shchevelev – otechestvennyi vostokoved: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2017. № 2. S. 162-171. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.2.22236 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22236
 18. Krasnopol'skaya V. V Krymu vozrodili odnu iz stareishikh obshchestvennykh organizatsii Rossii. Teper' de-yure // Krymskie izvestiya: sait. 2023. 13 iyul. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/103-partii-i-obshchestvennye-organizatsii/21266-v-krymu-vozrodili-odnu-iz-stareishikh-obshchestvennykh-organizatsij-rossii-teper-de-yure?ysclid=mdo6sxzwp45195928> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 19. Vostochnaya voyna v istorii narodov Kryma (fil'm pervyi). Mediakholding "Kul'tura natsii" // Rutube: sait. URL: <https://rutube.ru/video/55a0adadea8d2233446cce183d72c7b7/?ysclid=mdo6uet576830567844> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 20. Vladimirova V. Istoricheskaya pamyat' – v pravoslavnykh "Zernakh" // Krymskie izvestiya: sait. 2022. 5 dek. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/101-istoriya/19959-istoricheskaya-pamyat-v-pravoslavnykh-zjornakh?ysclid=mdo6yb09xz784357169> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
 21. Delegatsiya iz Kryma posetila Tyumenskii industrial'nyi universitet // Tyumenskaya liniya: sait. 2025. 28 fevr. URL: <https://t-l.ru/376770.html> (data obrashcheniya: 25.07.2025).
 22. Kozlova V. IPPO v Krymu: novye gorizonty i fokus na molodezh' // Krymskie izvestiya: sait. 2025. 3 iyul. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/103-partii-i-obshchestvennye-organizatsii/25121-ippo-v-krymu-novye-gorizonty-i-fokus-na-molodjzh> (data obrashcheniya: 25.07.2025).
 23. Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v 1900–1901 godu // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. XII. 1901 g. № 4 i №5. Sankt-Peterburg. 1901. S. 716-722.
 24. Astapov A. Aleksandro-Nevskii kafedral'nyi sobor Simferopolya. Simferopol': N. Orianda, 2021. 320 s.

25. Bliznyakov R. A. Sobor – eto bol'shoi vosklitsatel'nyi znak v dele vrozozhdeniya dukhovnosti v Krymu // Krymskie izvestiya: sait. 2022. 21 okt. URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/101-istoriya/19671-sobor-eto-bolshoj-vosklitsatelnyj-znak-v-dele-vrozozhdeniya-dukhovnosti-v-krymu> (data obrashcheniya: 25.07.2025).
26. Slovo, skazannoe Preosvyashchennym Nikolaem pri otkrytii Tavricheskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva 2 aprelya 1900 g. // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Noyabr'-Dekabr' 1900 g. Sankt-Peterburg. 1901. S. 643-648.
27. Spisok dolzhnostnykh lits // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XI. Prilozheniya. Sankt-Peterburg. 1901. S. 195.
28. Spisok dolzhnostnykh lits // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XIV. Prilozheniya. Sankt-Peterburg. 1904. S. 91.
29. Spisok dolzhnostnykh lits // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XVI. Prilozheniya. Sankt-Peterburg. 1906. S. 67.
30. Chleny Obshchestva // Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1902–1903 godu. Sankt-Peterburg, 1904. S. 10-16.
31. Chteniya o Sv. Zemle // Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1902–1903 godu. Sankt-Peterburg, 1904. S. 16-69.
32. Prodazha izdaniy // Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1902–1903 godu. Sankt-Peterburg, 1904. S. 89-93.
33. Otchet Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva za 1908–1909 god // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XX. Vypusk II. 1909 g. Sankt-Peterburg. S. 201-235.
34. Otchet Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva za 1908–1909 god // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXI. Vypusk II. 1910. S. 203-235.
35. Doklad obshchemu godovomu sobraniyu Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva 24 aprelya 1911 goda // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXII. Vypusk II. 1911. S. 251-282.
36. Doklad obshchemu godovomu sobraniyu Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva 8 aprelya 1912 goda // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXIII. Vypusk II. 1912. S. 185-205.
37. Letopis' Palestinskogo Obshchestva // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXIII. Vypusk III. 1912. S. 381-394.
38. Obshchee godovoe sobranie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva 26 aprelya 1915 g. // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXVI. Vypusk I–II. 1915. S. 124-147.
39. Doklad sekretarya Obshchestva A. A. Dmitrievskogo // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Tom XXVII. 1916. S. 169-176.
40. Bliznyakov R. A., Pashkovskii P. I., Kryzhko E. V. Palomnicheskaya deyatelnost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1905–1914 gg. // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. 2025. T. 10, № 2(38). S. 49-66. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.667. EDN: KIYDDE.
41. Bliznyakov R.A., Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V., Astapov A.A. Vozniknovenie i osnovnye tendentsii deyatelnosti Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v sfere organizatsii palomnichestva (1882-1905) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2024. № 6. S. 125-137. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72460 EDN:

TMIQWJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72460

42. Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V., Bliznyakov R.A. Palomnichestvo kak yavlenie i osobennosti rossiiskoi palomnicheskoi deyatelnosti v Palestine vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2024. № 5. S. 63-72. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70781 EDN: CXQALD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70781
43. Bliznyakov R. A., Malyshev D. A., Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo i russkoe palomnicheskoe dvizhenie v 1914–1918 godakh // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. 2024. № 4(27). S. 79-100. DOI: 10.56621/27825884_2024_27_79. EDN: PWUPHD.
44. Kratkoe rukovodstvo pravoslavnyim russkim palomnikom, otpravlyayushchimsya na poklonenie svyatyim mestam Vostoka. Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. Sankt-Peterburg, 1907. 56 s.
45. Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva, Samoderzhitsa Vserossiiskago, iz Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda, Preosvyashchennomu Nikolayu, Episkopu Tavricheskemu i Simferopol'skomu // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 15 maya 1903 g., № 10. S. 584-585.

Africans in contemporary demography of the United Kingdom

Karpov Grigory

Doctor of History

Senior Researcher, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences

123001, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of African diasporas in contemporary Britain concerning the demographic situation in the country. The object of the research is Africans in the United Kingdom. The subject of the study is the demographic indicators of communities of African origin. The chronological framework of the work primarily covers the early decades of the 21st century. The lower boundary of the indicated period is, due to the logic of scientific inquiry and as necessary, extended to earlier events. A detailed analysis has been carried out on the history of migration from Africa, the dynamics of the absolute and relative number of British Africans, the birth rate, and fertility indicators within their communities in the second half of the 20th century and the early 21st century. The author pays special attention to the study of settlement patterns and the age and gender structure of migrants from Africa, the role and place of parents of African descent in the reproductive component of the country. Related issues faced by British Africans in the fields of education, employment, crime, and social welfare are also addressed. The author relies on a problem-historical approach, combined with the analytical method, principles of historicism, and objectivism, which form the methodological basis of the work. Quantitative analysis was used to process statistical materials. Since the mid-20th century, the number of British Africans has increased approximately one and a half to two times every ten years. This process was primarily driven by migration from former colonies between the 1950s and 1990s, and since the 2000s, it has been maintained by a high birth rate significantly exceeding what can be observed among the indigenous population. The African diaspora is primarily represented by newcomers and their descendants from Nigeria, South Africa, Zimbabwe, Kenya, Uganda, and Somalia. Traditions, knowledge of the languages of their countries of origin, socio-religious features, self-perception, obvious external differences, and a consistent increase in number and share within

the country's population position Africans as significant actors rapidly changing the local culture. By the end of this century, it is likely that the dominance of the British population on the British Isles will cease, and a conglomerate of Afro-Asian and European communities of various origins, religions, cultures, and levels of organization will reside.

Keywords: migration, diaspora, identity, colonialism, fertility, Africa, population, demographics, United Kingdom, culture

References (transliterated)

1. Mid-Year Population Estimates, UK, June 2022. Office for National Statistics. 26 March 2024.
2. Coleman D. A. International Migration: Demographic and Socioeconomic Consequences in the United Kingdom and Europe // International Migration Review. 1995. No. 1 (29). Pp. 155-206.
3. Peach G. C. K. Immigrants in the Inner City // The Geographical Journal. 1975. No. 3 (141). Pp. 372-379.
4. Ethnic minorities in Great Britain. London: Commission for Racial Equality, 2007.
5. Census: Ethnic group, local authorities in the United Kingdom // Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/key-statistics-and-quick-statistics-for-local-authorities-in-the-united-kingdom---part-1/rft-ks201uk.xls>
6. Overseas-born population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by sex, by country of birth // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls>
7. Overseas-born population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by sex, by country of birth // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls>
8. Long-Term International Migration time series, 1991 to 2017 [Elektronnyi resurs] // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationageandsextable207/current/2.07ltimageandsex1991to2017.xls>
9. Long-Term International Migration time series, 2004 to 2017 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/longterminternationalmigrationcitizenshiptable201a/current/2.01altimcitizenship2004to2017.xls>
10. Higgs P. African Philosophy and the Decolonisation of Education in Africa: Some critical reflections // Educational Philosophy and Theory. 2012. Vol. 44. Pp. 37-55.
11. England and Wales, England, Wales, regions of England and local authorities in England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx>
12. Ethnic minority groups, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National

- Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2203/barchart/datadownload.xlsx>
13. Number of non-EU nationals arriving in the UK long-term by nationality for the top 10 highest contributors in year ending (YE) December 2023, between YE December 2019 and YE December 2023 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/download/table?format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingdecember2023/8a605970.json>
 14. Sillitoe K., White P. H. Ethnic Group and the British Census: The Search for a Question // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (Statistics in Society). 1992. No. 1 (29). Pp. 141-163.
 15. Resident population by sex, five-year age bands and country of birth compared to those who arrived in year prior to Census 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_9/datadownload.xlsx
 16. Ethnicity by country of birth, usual residents, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig19/datadownload.xlsx>
 17. Population in the United Kingdom, excluding some residents in communal establishments, by country of birth // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality/januarytodecember2017/populationbycountryofbirthandnationalityjan17todec17.xls>
 18. Mitton L. The Languages of Black Africans in England // Journal of Intercultural Studies. 2011. No. 2 (32). Pp. 151-172.
 19. Usual resident population by ethnic group, 2011 and 2021 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx>
 20. Percentage of UK-born dual citizens by other passport held, top 10 EU and non-EU passport holders with UK dual citizenship, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2258/fig8/datadownload.xlsx>
 21. Citizenship grants by previous country of nationality // Office for National Statistics. URL:
https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/546762/citizenship-q2-2016-tabs.ods
 22. Percentage of non-UK-born residents by country of birth grouping and passports held, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_5/datadownload.xlsx
 23. Annual data: Births (numbers, rates and standardised mean age of mother) // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls>
 24. Total fertility rates by country of birth of mother, 2001 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?>

- uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx
25. United Kingdom Population 2019 // World Population Review. URL:
<https://worldpopulationreview.com/.countries/united-kingdom>
 26. Get data for your table // NISRA Flexible Table Builder. URL:
https://build.nisra.gov.uk/en/custom/data?d=PEOPLE&v=RACIAL_EQUALITY_TEO
 27. School and pupil characteristics // Webarchive.nationalarchives.gov.uk. URL:
<https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20130104055718/http://www.education.gov.uk/researchandstatistics/statistics/statistics-by-topic/schoolpupilcharacteristics?page=1>
 28. Births and infant mortality by ethnicity, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/healthandsocialcare/childhealth/datasets/birthsandinfantmortalitybyethnicityenglandandwales>
 29. Parents' country of birth // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth>
 30. Ten most common countries of birth for non-UK-born fathers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig3/datadownload.xlsx>
 31. The foreign-born population // Webarchive.nationalarchives.gov.uk. URL:
https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20140721132900/http://www.statistics.gov.uk/downloads/theme_compendia/fom2005/08_FOPM_ForeignBorn.pdf
 32. Live births, stillbirths and infant deaths: birthweight and mother's country of birth, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx>
 33. Ten most common countries of birth for non-UK-born mothers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig2/datadownload.xlsx>
 34. Live births, stillbirths, neonatal and infant deaths: ethnicity of infant and country, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx>
 35. Disability status of care home resident populations with and without nursing by five-year age groups, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig07/datadownload.xlsx>
 36. Percentage of the care home population aged 65 years and over in care homes with and without nursing by high-level ethnic group, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL:
<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig09/datadownload.xlsx>
 37. Percentage of the usual resident population aged 65 years and over in each high-level ethnic group living in care homes, by 10-year age groups in 2021 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL:

- <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig08/datadownload.xlsx>
38. Map of qualification levels of adult residents living in England and Wales, by country of birth // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2217ts/fig2/datadownload.xlsx>
39. Percentage of residents with higher education qualifications, by country of birth ordered by number of residents, England and Wales, 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator?uri=/peoplepopulationandcommunity/educationandchildcare/articles/howqualificationlev elsacrossenglandandwalesdifferbycountryofbirth/2023-05-15/3bcfbae5&format=xls>
40. Economic activity by country of birth, usual residents aged 16 years and over who arrived in year prior to Census 2021, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2226/figure_10/datadownload.xlsx
41. Employment status for those aged 16 and over, England and Wales, March 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/dataset/migrationandthelabourmarketpassporthelbasedestimatesenglandandwales/census2021/lm05passportheldlabourmarketttables.xlsx>
42. Law I., Finney S., Swann S.J. Searching for autonomy: young black men, schooling and aspirations // Race Ethnicity and Education. 2014. No. 4(17). Pp. 569-590.
43. Ramesh R. More black people jailed in England and Wales proportionally than in US // The Guardian. 11 October 2010.
44. Violent inner-city crime, the figures, and a question of race // The Telegraph. 26 June 2010.
45. Conceptions in England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2020>
46. Abortion statistics in England and Wales // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/abortion-statistics-for-england-and-wales>
47. Census: Population of England and Wales grew 6% in a decade // BBC News. 28 June 2022.

The formation and development of the chemical industry in the Urals provinces of the Russian Empire in the context of the modernization of Witte-Stolypin (1879-1912)

Umanskii Leonid Alekseevich

Postgraduate student; Institute of Social Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., Moscow, 119261, Russia

✉ leonidioum@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the socio-economic development of the Russian Empire in the era of modernization of Witte-Stolypin. The subject of the study is the formation and development of the chemical industry sector in four Ural provinces (according to P. Semenov's classification used by contemporaries, among others) – Vyatka, Orenburg, Perm and Ufa – in the context of modernization processes in the last third of the XIX – early XX centuries through the prism of three basic indicators – the number of factories, the amount of annual output and the number of employed workers, from which a proxy indicator of labor productivity

is also derived. The corpus of sources of work is based on indexes of factories and plants of the Russian Empire and industrial censuses, supplemented by appendices to the governor's reports on the analyzed provinces and a number of other materials. The research is based on historical-genetic, comparative (synchronous and diachronic) and quantitative methods, including those using computer technology. The main conclusions of the study are the impossibility of applying the economic zoning of P. Semenov to the chemical industry and, accordingly, the impossibility of combining the four provinces under consideration into a single Ural group. In two provinces – Orenburg and Ufa – the chemical industry is poorly represented, unlike the other two – Vyatka and Perm provinces, which are proposed to be merged into the Kama group, due to the location of key enterprises on this river, with the possibility of further inclusion of the Kazan province. The dynamics of the development of the chemical industry in the Kama provinces was largely determined by the dynamics of specific institutions – Lyubimov-Solvay and Ushkov, who play a decisive role in the formation of the industry in the region; therefore, it turns out to be problematic to talk about the correspondence of the dynamics of the development of the chemical industry in the declared period to the models used, assuming less dependence on factors that can influence the activities of individual institutions.

Keywords: Quantitative research, Labor productivity, Foreign capital investment, Vyatka Province, Perm Province, Ural region, Chemical industry, Industrialisation, Modernization in the late Russian empire, Russian empire

References (transliterated)

1. ESBE/Delenie Rossii na raiony po estestvennym i ekonomicheskim priznakam [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%BD%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D1%8B_%D0%BF%D0%BE_%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%B8_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BC (data obrashcheniya 19.09.2024).
2. Finn-Enotaevskii A. Yu. *Sovremennoe khozyaistvo Rossii (1890–1910)*. SPb.: Izd-vo M. I. Semenova, 1911.
3. Kafengauz L. B. *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii s 1887 po 1926/1927 g. // Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-e gody XX v.)*. M.: Epifaniya, 1994.
4. Rybakov Yu. Ya. *Promyshlennaya statistika Rossii XIX v.* M.: Nauka, 1976.
5. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Evropeiskoi Rossii v 1910–1912 gg.* / [Pod red. A.P. Yakimova, K.I. Borzenko i dr.]. Vyp. 5 «Khimicheskie proizvodstva»; M-vo torg. i prom. – Petrograd : t-vo «Pечатnya S.P. Yakovleva», 1914.
6. Brazhnikova A. S. O dostovernosti statisticheskikh dannykh, predstavlenykh v otchetakh orenburgskogo gubernatora 70-kh gg. XIX v. // *Klio*. 2014. № 1(85). S. 64–65.

7. Orlov P. A. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii s Tsar. Pol'skim i Vel. knyazh. Finlyandskim: Materialy dlya fabrichno-zavodskoi statistiki. SPb.: Tip. br. Panteleevykh, 1881.
8. Orlov P. A. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii i Tsarstva Pol'skogo: Materialy dlya fabrichno-zavodskoi statistiki. – Izd. 2-e, ispr. i znach. dop. SPb.: Tip. R. Golike, 1887.
9. Orlov P. A., Budagov S. G. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii: materialy dlya fabrichno-zavodskoi statistiki. – Izd. 3-e, ispr. i znachit. dop. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1894.
10. Mikhailovskii V. I., Langovoi N. P. Perechen' fabrik i zavodov. SPb.: Tipografiya I. A. Efrona, 1897.
11. Varzar V. E. Spisok fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1903.
12. Varzar V. E. Spisok fabrik i zavodov Rossiiskoi imperii. SPb.: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1912.
13. Statistika aktsionernogo dela Rossii. SPb.: Tipografiya t-va «Pечатное дело, 1913.
14. Statisticheskii obzor Orenburgskoi gubernii za 1911 god. – Orenburg: Gub. tip., 1913.
15. ESBE/ Orenburgskaya guberniya. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%8F (data obrashcheniya: 19.09.2024).
16. Sanitarnyi obzor Permskoi gubernii za 1895 god. – Perm': Elektro-tip. gub. zemstva, 1896.
17. Ol' P. V. Inostrannye kapitaly v narodnom khozyaistve dovoennoi Rossii. L.: Komissiya pri Vsesoyuznoi akademii nauk, 1925.
18. Vagner N. N. Trudovoe stoletie sodovikov. Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo, 1983.
19. Davydov M. A. Modernizatsiya Vitte-Stolypina i ee spetsifika. Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. 2017. № 1. S. 109–131.
20. Obzor Permskoi gubernii za 1894 god. – Perm': Tipo-lit. gub. pravleniya, 1895.
21. Vorontsov V. P. Ocherki ekonomicheskogo stroya Rossii. SPb.: Tipografiya aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron, 1906.
22. Kembridzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy Novogo i Noveishego vremeni. T. 2: 1870 – nashi dni. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013.

The perceptions of a ruler-patron in the dedications of German writers of the Thirty Years' War (1618-1648) to Prince Ludwig of Anhalt-Köthen

Kozlova Daria Igorevna

Postgraduate student; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ darya.koslova@mail.ru

Abstract. The article examines the ideas about the figure of a ruler-patron of the arts, attested to in dedications – a special historical source, widespread in the 16th-17th centuries. For the study, dedications from German writers to Prince Ludwig (1579–1650), the ruler of the

German principality of Anhalt-Köthen, were selected. The framework of the study is connected with the Thirty Years' War, the time of the work of the prince in the first German academy – the «Fruitbearing Society». The nature of the sources and the purpose of the study, related to the analysis of the perception of Prince Ludwig by his contemporaries, determine the approach to the stated topic: the work is based on the methodology of «intellectual history» developed by L. P. Repina and social history. The historiography covers the activities of Ludwig as a ruler and head of the Fruitbearing Society, and special literature studying his perception as a patron of the arts actually does not exist. Book dedications are a rather specific source in which the prince appears as an ideal patron of the arts, and therefore, judging his personality by them can only be conditional. Nevertheless, such addresses contain important information about the social status of Prince Ludwig. The article concludes that, thanks to the continuity in the tradition of writing dedications, which began with the first text of this type to Prince Ludwig – from the poet Martin Opitz in 1625, the image of the ideal patron began to form in the circle of German intellectuals: a highly educated monarch who was able to appreciate the work of writers and provide support in publishing and finding other wealthy patrons. In return, the writers promised the prince-patron their service and the opportunity to grant his deeds true immortality – to capture them in their work and, thus, preserve their eternal memory.

Keywords: publishing, literature, patriotism, patronage, Baroque, Fruitbearing Society, Thirty Years' War, Anhalt, Germany, dedications

References (transliterated)

1. Evropeiskaya poeziya XVII veka / Sost. I. Bochkarevoi i dr. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 926 s.
2. Istoriya nemetskoi literatury / Per. s nem. Obshch. red. i predisl.: A. Dmitrieva. T. 1: Ot istokov do 1789 g. / V. Shpivok, Kh. Langer, P. Veber. M.: Raduga, 1985. 350 s.
3. Istoriya Germanii: uchebnoe posobie / Pod obshch. red. B. Bonvecha, Yu. V. Galaktionova. T. 1: S drevneishikh vremen do sozdaniya Germanskoi imperii. M.: Knizhnyi dom "Universitet" (KDU), 2008. 544 s.
4. Istoriya kul'tury stran Zapadnoi i Tsentral'noi Evropy v XVII veke / D. A. Bayuk, L. M. Bragina, I. Yu. Var'yash i dr. / Pod red. L. M. Braginoi i dr. SPb: "Nauka", 2017. 589 s.
5. Istoriya nemetskoi literatury. Novoe i noveishee vremya / Pod red. E. E. Dmitrievoi (otv. red.), A. V. Markina, N. S. Pavlovoi. M.: Rossiiskii gos. gumanitarnyi un-t, 2014. 811 s.
6. Kenigsberger G. G. Evropa rannego Novogo vremeni, 1500–1789 / Per. s angl. Posleslovie D. E. Kharitonovicha. M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2006. 319 s.
7. Lazareva A. V. Nemetskaya literatura Tridsatiletnei voyny kak istoricheskii istochnik // Germaniya i Rossiya: sobytiya, obrazy, lyudi: sbornik rossiisko-germanskikh issledovaniy. 9. Voronezh, 2012. S. 263-280.
8. Lazareva A. V. Obraz vruga i stanovlenie nemetskoi natsional'noi idei v gody Tridsatiletnei voyny (1618–1648) // Voprosy istorii. 2. 2013. S. 110-121. EDN: VNMRCC
9. Lazareva A. V. "Chisty yazyk – sil'naya natsiya". "Plodonosyashchee obshchestvo" (1617–1680) v bor'be za nemetskuyu natsional'nuyu samobytnost' // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2005. 3. S. 17-32. EDN: SMIKWT
10. Prokop'ev A. Yu. Germaniya v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648. SPb.: ITS "Gumanitarnaya Akademiya", 2002. 384 s. EDN: UUKVTJ
11. Prokop'ev A. Yu. Tridsatiletnyaya voyna. SPb.: "Nauka", 2020. 385 s.
12. Repina L. P. Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoi epokhi // Dialog so

- vremenem. 22. 2008. S. 5-15. EDN: RETSLP
13. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 559 s. EDN: REKHBF
 14. Sobiratel'stvo i metsenatstvo v epokhu Vozrozhdeniya / Red.-sost. A. V. Doronin, O. F. Kudryavtsev. M.: ROSSPEN, 2015. 231 s.
 15. Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo / Per. s fr. i poslesl. I. K. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 272 s. EDN: VWLSEN
 16. Shomrakova I. A. Vseobshchaya istoriya knigi: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti. Sankt-Peterburg: Professiya, 2008. 391 s. EDN: QWESYF
 17. Elias N. Pridvornoe obshchestvo: issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoi aristokratii, s vvedeniem: sotsiologiya i istoriya / Per. s nem. A. P. Kukhtenkova. M., 2002.
 18. Anhalt-Köthen, Ludwig von. Kurtzer Bericht Von der Fruchtbringenden Gesellschaft Vorhaben. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1628. 62 S.
 19. Aston T. Crisis in Europe 1560–1660. N. Y., 1965. 366 p.
 20. Ball G. Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe / A. van Dixhoorn / S. S. Sutch (Ed.). V. 2. Leiden, 2008. P. 389-422.
 21. Ball G., Conermann K., Herz A., Schmidt-Glintzer H. Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680). Hundert Jahre nach der Reformation. Forschungen der Arbeitsstelle der Sächsischen Akademie der Wissenschaften an der Herzog August Bibliothek // Wolfenbütteler Forschungen. 150. Wiesbaden: In Kommiss. bei Harrassowitz. Hrsg. von der Herzog August Bibl., 2017. 480 S.
 22. Beckmann J. C. Historie des Fürstenthums Anhalt von dessen alten Einwohnern und einigen annoch verhandenen alten Monumenten, natürlicher Gütigkeit, Eintheilung, Flüssen, Stäten, Flecken und Dörfern; Fürstl. Hoheit, Geschichten der fürstl. Personen, Religions-Handlungen, fürstlichen Ministris, adelichen Geschlechtern, Gelehrten, und andern Bürger-Standes Vornehmen Leuten. Abgefasset von Johann Christoff Beckmannen. Bd. I-VII. Zerbst: Verlegung Gottfried Zimmermans, 1710. Bd. 1-4, 588 S.; Bd. 5-7, 496, 390, 40 S.
 23. Bertram P. E., Krause J. C. Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. Fortsetzung der Bertramischen Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. 2 Bd. Halle, 1782. 756 S.
 24. Brademann J., Hecht M. Anhalt vom Mittelalter bis 1918 – Eine integrative Dynastie- und Herrschaftsgeschichte // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 141/142. 2005/2006. S. 531-575.
 25. Brademann J. Ursprungsort, Herrschaft und Territorium kleinerer Reichsfürsten. Burg und Fürstentum Anhalt bis ins 16. Jahrhundert // Die Fürsten von Anhalt. Herrschaftssymbolik, dynastische Vernunft und politische Konzepte v Spätmittelalter und Früher Neuzeit / W. Freitag, M. Hecht (Hg.). // Studien zur Landesgeschichte, Bd. 9. Halle/Saale, 2009. S. 56-79.
 26. Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen (BFGB). Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts Fruchtbringende Gesellschaft. Kritische Ausgabe. Reihe I, Abt. A: Köthen: 9 Bd. / Mitarb. v. D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1992. Bd. 1: 1617–1626. 552 S.

27. BFGB / Mitarb. v. A. Herz, D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1998. Bd. 2: 1627–1629. 558 S.
28. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2003. Bd. 3: 1630–1636. 753 S.
29. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2006. Bd. 4: 1637–1638. 813 S.
30. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig/Berlin, New York: de Gruyter, 2010. Bd. 5: 1639–1640. 711 S.
31. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 6: 1641–1643. 880 S.
32. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 7: 1644–1646. 1180 S.
33. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, N. Dorn, A. Zirr, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2019. Bd. 8: 1647–1650. 969 S.
34. Brown M. E. (Hg.) Dedications. An anthology of the forms used from the earliest days of book-making to the present time // Burt Franklin Bibliography and reference series. N. Y., 1965. (Reprint der Ausgabe von 1913) 470 S.
35. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 308 S.
36. Christian II. von Anhalt-Bernburg. Tagebücher. Personenregister [Elektronnyi resurs] // Digitale Edition und Kommentierung der Tagebücher des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg (1599–1656). Bearbeitet von R. G. Asch, P. Burschel, A. Schreiber, A. Zirr, A. Herz, A. Odier. Wolfenbüttel, 2013. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000228/start.htm> (data obrashcheniya: 10.08.2025)
37. Conermann K., Hoppe G., Streuber I. Fürst Ludwig von Anhalt-Köthen (1579–1650) // Die Fruchtbringende Gesellschaft: zwei Aufsätze. Historisches Museum für Mittelanhalt. Köthen, 2002. 56 S.
38. Conermann K. War die Fruchtbringende Gesellschaft eine Akademie? Über das Verhältnis der Fruchtbringenden Gesellschaft zu den italienischen Akademien // Sprachgesellschaften, Sozietäten, Dichtergruppen / M. Bircher, F. van Ingen (Hg.) Hamburg, 1978. S. 103-130.
39. Deneler I. Widmungsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 4. De Gruyter, 1984. 769-1120 S.
40. Diecks T. Rist, Johann // Neue Deutsche Biographie. Bd. 21. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. 816 S.
41. General Crisis of the Seventeenth Century / Ed. by G. Parker, L. M. Smith. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. 283 S.
42. Gleixner U. Sprachreform durch Übersetzen. Die Fruchtbringende Gesellschaft und ihre "Verdeutschungsleistung" in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // Werkstatt Geschichte. 48. 2008. S. 7-23.
43. Haferkorn J. H. Zur Entstehung der bürgerlich-literarischen Intelligenz und des Schriftstellers in Deutschland zwischen 1750 und 1800. Deutsches Bürgertum und literarische Intelligenz 1750–1800 // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaften. 3. Stuttgart: Hrsg. von B. Lutz, 1974. S. 113-275.
44. Harms W. Moscherosch, Johann Michael // Neue Deutsche Biographie. Bd. 18. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. 816 S.
45. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächspiele. Erster Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolfgang Endter, 1644. 452 S.

46. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächspiele. Dritter Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolfgang Endter, 1653. 560 S.
47. Hauser A. Sozialgeschichte der Literatur. München: C.H. Beck, 1958. 603 S.
48. Hecht M. Anhalt und die Dynastie der Askanier in der Frühen Neuzeit // Mitteilungen des Vereins für Anhaltische Landeskunde. 21. Köthen, 2012. S. 91-106.
49. Hecht M. Die Erfindung der Askanier. Dynastische Erinnerungstiftung der Fürsten von Anhalt an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // Zeitschrift für Historische Forschung. 33. 2006. S. 1-31.
50. Heine G. Geschichte des Landes Anhalt und seiner Fürsten. Köthen: Verlag von E. Heine, 1866. 260 S.
51. Hermann L. Die Geschichte Anhalts in Wort und Bild. Cöthen: Verlag von O. Schulze, 1900. 114 S.
52. Herz A. Der edle Palmenbaum und die kritische Mühle. Die Fruchtbringende Gesellschaft als Netzwerk höfisch-adeliger Wissenskultur der frühen Neuzeit [Elektronnyi resurs] // Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. 2. 2009. URL: http://www.denkstroeme.de/heft-2/s_152-191_herz (data obrashcheniya: 10.08.2025)
53. Hille K. G. Der Teutsche Palmbaum. Das ist, Lobschrift Von der Hochlöblichen / Fruchtbringenden Gesellschaft Anfang / Satzungen / Vorhaben / Namen / Sprüchen / Gemählen, Schriften und unverwelklichem Tugendruhm / Allen Liebhabern der Teutschen Sprache zu dienlicher Nachrichtung, verfasst, durch den Unverdrossenen Diener derselben, Endter. Nürnberg, 1647. (Nachdruck: München, 1970). 231 S.
54. Huber W. Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zur deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1984. 318 S.
55. Hundt M. "Spracharbeit" im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius u. Christian Gueintz. Berlin, N. Y.: De Gruyter, 2000. 419 S.
56. Klaniczay T. Die Akademie als die Organisationsform der intellektuellen Elite in der Renaissance // Sozialgeschichtliche Fragestellungen in der Renaissanceforschung / A. Buck, T. Klaniczay (Hg.) Wiesbaden, 1992. S. 1-15.
57. Knesebeck F. J. Dreiständige Sinnbilder. Braunschweig, 1643. 204 S.
58. Krause G. Ludwig, Fürst zu Anhalt-Köthen, und sein Land vor und während des dreissigjährigen Krieges. Köthen: Verlag von P. Krause, 1877. 1084 S.
59. Krisen des 17. Jahrhunderts. Interdisziplinäre Perspektiven / Dir. M. Jakubowski-Tiessen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 126 S.
60. Leiner W. Der Widmungsbrief in der französischen Literatur (1580–1715). Heidelberg: Winter, 1965. 495 S.
61. Lindner H. Geschichte und Beschreibung des Landes Anhalt. Dessau, 1833. 649 S.
62. Lorenzen K. Harsdörfer, Georg Philipp // Neue Deutsche Biographie. Bd. 7. Berlin: Duncker & Humblot, 1966. 784 S.
63. Meid V. Das 17. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Lyrik vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Ed. by W. Hinderer. Stuttgart: Reclam, 1983. 645 S.
64. Moscherosch J. M. Gesichte Philanders von Sittewald. 2. Teil. Straßburg, 1650. 709 S.
65. Opitz M. Acht Bücher Deutscher Poematum. Breslau: David Müller, 1625. 366 S.
66. Otto K. F. Die Sprachgesellschaften des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1972. 75 S.
67. Pohl W. Philipp von Zesen Biographie [Elektronnyi resurs] // Deutsche Literaturgeschichte & Literaturepochen. URL: <https://www.pohlw.de/literatur/sadl/barock/zesen/> (data obrashcheniya: 10.08.2025)

68. Rist I. Das friedewünschende Teutschland. Hamburg: Heinrich Waerner (Witwe), 1649. 262 S.
69. Ritter H. Dictionary of Concepts in History. Reference sources for the social sciences and humanities. 3. N.Y., Westport, Conn., L.: Greenwood Press, 1986. 520 p.
70. Sachse D. Glaubens-Grund/ Als Der ... Wilhelm-Ludwig/ Fürst zu Anhalt ... Des ... Herren Ludwigen Des Eltern/ Fürsten zu Anhalt. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1651. 22 S.
71. Schmidt G. Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als politicheski motivirovannaya Sammlungsbewegung i höfische Akademiya // Die Fruchtbringer-eine Teutschhertzige Gesellschaft / Hrsg. v. K. Manger. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2001. 230 S.
72. Schottelius J. G. Der Teutschen Sprache Einleitung // Zu richtiger Gewisheit und grundmeßigem Vermögen der Teutschen Hauptsprache. Lübeck: Matthæi Düncklers Verlegung, 1643. 150 S.
73. Schramm G. Widmung, Leser und Drama: Untersuchungen zu Form-und Funktionswandel der Buchwidmung im 17. und 18. Jahrhundert. Göttingen: GOEDOC, Dokumenten-und Publikationsserver der Georg-August-Universität, 2011. 704 S.
74. Stoll Ch. Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft, Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen, Deutschgesinnte Genossenschaft, Hirten-und Blumenorden an der Pegnitz, Elbschwanenorden. München, 1972. 235 S.
75. Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. N.Y.: Harper & Row, 1967. 451 S.
76. Ungern-Sternberg W. Die Armut des Poeten // Text und Kritik. Zeitschrift für Literatur. 74/75. München, 1982. 142 S.
77. Wäschke H. Anhaltische Geschichte. 3 Bd. Cöthen: Schulze, 1912–1913.
78. Weise C. Christian Weisens Curiöse Gedancken Von Deutschen Brieffen: Wie ein junger Mensch/ sonderlich ein zukünfftiger Politicus, Die galante Welt wohl vergnügen soll; In kurtzen und zulänglichen Regeln ... vorgestellt ... Dresden: J.C. Mieth, 1691. 552 S.
79. Zesen P. Filip Zesens Durchaus vermehrter u[n]d Zum dritt und letzten mahl in dreien teilen aus gefartigter Hochdeutscher Helikon oder Grundrichtige anleitung zur hochdeutschen Dicht und Reimkunst. 2, Darinnen allerlei ahrten und gattungen deutscher gedichte samt einem Richtigen Anzeiger deutscher gleichlautenden und einstimmigen weiblichen oder abfallenden wörter ... zu finden sind. Wittenberg: Seelfisch, 1649. 340 S.

Historiography of military operations in the territory of Karelia from June to October 1941.

Gerasymov Il'ya YU'evich

Postgraduate student; Institute of History and International Relations; Southern Federal University

185014, Russia, Rep. Karelia, Petrozavodsk, Drevlyanka district, Chistaya str., 9, block 133

✉ primus.74@mail.ru

Abstract. The subject of the study is a comprehensive historiographical review dedicated to one of the lesser-studied aspects of the Great Patriotic War — the defense of Petrozavodsk.

The systematization and analysis of the sources reveal that this topic remains a "blank spot" in domestic military history due to the absence of fundamental monographic studies. The article aims to fill this gap, bringing together disparate information and outlining paths for further research. The key focus of the article is the analysis of archival funds, as well as modern digital technologies and foreign sources. The work analyzes both Soviet and contemporary Russian and foreign historiography. The article emphasizes the particular value of memoir literature, art-documentary works, and photographs in the context of a lack of official documents. The article positions itself as an important methodological resource for historians, local historians, and anyone interested in the history of the Karelian front. A comprehensive approach that combines working with Russian and Finnish archives, memoirs, scientific works, digital resources, and search efforts allows for the reconstruction of the tragic events of September 1941. A significant contribution of the author to the research on the topic is the exhaustive overview of sources, which has been compiled for the first time on the defense of Petrozavodsk in 1941. The article underscores the importance of studying the city's defense, draws attention to the "blank spots" in the historical coverage of events, and suggests directions for further research. The material highlights the importance of an interdisciplinary approach that includes the analysis of archival documents, field research by searchers, and visual sources to recreate a complete picture of the battles around Petrozavodsk. Despite the substantial amount of gathered information, the author notes that the historiography of the defense of Petrozavodsk requires further study and expansion, making this work relevant for researchers of the Great Patriotic War and the history of Karelia.

Keywords: Karelia, Defense, Finnish Army, Red Army, Archives, Petrozavodsk, Sources, Great Patriotic War, Karelian Front, Historiography

References (transliterated)

1. TsAMO RF. f.1622 – 313-ya strelkovaya diviziya.
2. TsAMO RF. f.1564 – 272-ya strelkovaya diviziya.
3. TsAMO RF. f.340 – 7-ya Armiya.
4. TsAMO RF. f.154 – 7-ya Armiya.
5. TsAMO RF. f.1622. Op.1. D.205. Politdoneseniya 313-i sd.
6. TsAMO RF, f. 340, op. 5372, d.20, k. 10811, L. 72-80.
7. RGVA f. 32880 – Glavnoe Upravlenie voisk NKVD po okhrane tyla Deistvuyushchei Krasnoi Armii.
8. RGVA f. 38261 – Upravlenie voisk NKVD po okhrane zheleznikh dorog.
9. RGVA f. 38358 – 52-i polk voisk NKVD.
10. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK), Petrozavodsk. F. R-1394 – Sovet Ministrov KFSSR (1939–1956).
11. Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Kareliya. D. 1068.
12. Natsional'nyi arkhiv Finlyandii. Digitaaliarkisto [Elektronnyi resurs] – URL: <http://digi.narc.fi/>.
13. Suomensota1941-1945. 2 osa. Kustannusakeyhtio Kivi. Helsinki, 1952.
14. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Tom 2. Otrazhenie sovetским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Sozdanie uslovii dlya korenного pereloma v voine (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.) / P. N. Pospelov, E. A. Boltin, V. P. Moskovskii i dr. (red. komissiya). – M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 1961. – 682 s.

15. Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei / Pod red. N. A. Korableva, V. G. Makurova, Yu. A. Savvateeva, M. I. Shumilova. – Petrozavodsk: Periodika, 2001. – 948 s.
16. Kupriyanov G. N. Za liniei Karel'skogo fronta. – 2-e izd., ispr. i dop. – Petrozavodsk: "Kareliya", 1979. – 272 s.
17. Kareliya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945: dokumenty, materialy / red.: K. A. Morozov (otv. red.), D. S. Aleksandrov. – Petrozavodsk: "Kareliya", 1975. – 447 s.
18. Verigin S. G. Kareliya v gody voennykh ispytaniy. Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoi Karelii v period Vtoroi mirovoi voyny 1939–1945 gg. / S. G. Verigin. – Petrozavodsk: PetrGU, 2009. – 544 s. EDN: QPQYET
19. Chumakov G. V., Remizov A. N. Brigada: Istoriya 1-i partizanskoi brigady Karel'skogo fronta / G. V. Chumakov, A. N. Remizov. – Petrozavodsk: Kompaniya RIF, 2007. – 358 s.
20. Raunio A., Kilin J. Jatkosodanhöyökkäystaisteluja 1941. – Keuruu, 2007.
21. Dubarenko K. A., Terent'ev V. O., Panov R. A. 3-ya Leningradskaya diviziya narodnogo opolcheniya (Frunzenskogo raiona). 49-ya strelkovaya diviziya RKKA (2-go formirovaniya, s 24.09.1941). Istoricheskaya khronika boevogo puti. Takticheskii obzor boevykh deistvii. – SPb., 2011. – 83 s. EDN: QPSSYD
22. Gerashev I. Yu. Petrozavodsk. Sentyabr' 1941 goda. – Petrozavodsk: Petropress, 2023. – 192 s.
23. Gerashev I. Yu., Stolepova N. N. Rubezhi Petrozavodskaya. – Petrozavodsk: Petropress, 2015. – 130 s.
24. Krapivin V. I. 313-ya Petrozavodskaya / V. I. Krapivin. – Petrozavodsk: Karel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. – 126 s.
25. Kuznetsov A. P. "Eto bylo, bylo. Zapiski artillerista" / A. P. Kuznetsov. – Izhevsk: Udmurtiya, 1994. – 120 s.
26. Fedorov A. F. V Karelii. Na Sviri. V Pomeranii: Zapiski veterana 272-i strelkovoi divizii / A. F. Fedorov. – Petrozavodsk: Kareliya, 1984. – 143 s.
27. Luknitskii P. N. Leningrad deistvuet... Kniga 2. / P. N. Luknitskii. – M.: Sovetskii pisatel', 1971. – 670 s.
28. Vyaine Linna. Neizvestnyi soldat / Vyaine Linna. – Vyborg: Istoriko-kul'turnyi tsentr Karel'skogo peresheika, 2017. – 360 s.
29. Kruglov V. A. Svyazisty Leningradskogo fronta / V. A. Kruglov. – Leningrad, 1991. – 294 s.
30. Blinov A. D. Kapkan. Nevydumannaya povest' / A. D. Blinov // Sever. – 1995. № 4. – S. 134-152.
31. Matveev V. I. V boyakh za Kareliyu / V. I. Matveev. – Kamyshlov, 2021. – 358 s.
32. Voennyi fotoarkhiv Finlyandii [Elektronnyi resurs] – URL: <http://sa-kuva.fi/neo>.

Pilgrimage activities in the territory of the Taurida Diocese before the establishment of the Taurida Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society: based on materials from regional church periodicals (1869-1899)

Astapov Aleksei Anatol'evich

Postgraduate student; Department of General History and World Culture; Sevastopol State University
Researcher; Scientific Research Laboratory 'Sacred Landscapes of the Byzantine Borderlands'; Sevastopol State University

Abstract. The subject of this study is the internal and external pilgrimage activity in the territory of the Taurida diocese during the period leading up to the opening of the Taurida department of the Imperial Orthodox Palestine Society, which took place on April 2/15, 1900. The main source used is materials from regional church-related periodicals – the Tauride diocesan statements from 1869 to 1899. The author pays special attention to identifying and localizing the main pilgrimage sites in the Crimea peninsula and the adjacent Northern Taurida, recreating logistical schemes for external pilgrimages from the Taurida province beyond the borders of the Russian Empire, and determining the regional features of pilgrimage to the saints of Palestine and Mount Athos in the second half of the 19th century, including clergy and monastics of the Taurida diocese. The primary method of the research is a systematic approach that reveals the features of pilgrimage activity at both the particular (local) level and the macro level, wherein the territory of the Taurida province becomes a unique transshipment base on the way to the centers of world Christian pilgrimage. The comparison of the two levels necessitates the use of a comparative method, which allows for assessments of their autonomy and interrelation. The novelty of the research lies in the fact that the author provides the first historical overview of the main centers of internal pilgrimage that were established based on male and female monasteries of the Crimea peninsula and Northern Taurida. It has been found that most monasteries faced difficulties in accommodating pilgrims, particularly during the eve and days of patronal feasts. The life of pilgrims who were unable to find lodging in hotels is described. The article reports on the interaction between the Palestine Commission, and later the Imperial Orthodox Palestine Society, with the episcopate of the Taurida diocese. The names of clergy and nuns from the Taurida diocese who visited Palestine and Athos in the 19th century are mentioned. The main routes of external pilgrimage – via Sevastopol and Odessa – are discussed. The main conclusion of the study is that the internal and external pilgrimage activities in the Taurida diocese are independent phenomena, as neither the local diocesan leadership nor the clergy and monastics in the second half of the 19th century, apart from conducting the annual Palm Sunday gathering, participated in organizing or accompanying pilgrimages to the Holy Land and Athos.

Keywords: Tauride diocesan statements, Athos, Palestine, IOPS, monasteries, Orthodox Palestine Society, pilgrimage, Chersonesos, Crimea, Tauride Diocese

References (transliterated)

1. Bliznyakov R. A., Agatova M. A. Tavrisheskii Otdel Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (1900–1917 gg.): PO materialam "Tavrisheskikh eparkhial'nykh vedomostei" // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5(79). S. 20–24. EDN: YMSDZR.
2. Bliznyakov R.A., Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V., Astapov A.A. Vozniknovenie i osnovnye tendentsii deyatel'nosti Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v sfere organizatsii palomnichestva (1882–1905) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2024. № 6. S. 125–137. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72460 EDN: TMIQWJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72460
3. Voronov P., svyashch. Zametki iz poezdki na Sv. Afon // Tavrisheskie eparkhial'nye

- vedomosti. 1895. № 33. S. 820-834.
4. GARK F.118, op. 1, d. 6234. Klirovye vedomosti monastyrei Tavricheskoi eparkhii za 1898 god.
 5. Eparkhial'nye izvestiya // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1884. № 11-12. S. 490-493.
 6. Zhurnal № 7- 27-go avgusta 1883 goda // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1883. № 21-22. S. 977-980.
 7. Iz zhizni dukhovno-uchebnykh zavedenii // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. № 7. S. 1049-1050.
 8. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1891. № 1-2. S. 111-113.
 9. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1895. № 7. S. 180.
 10. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1896. № 6. S. 156.
 11. Kalinin N. I. Puteshestvie po svyatykh mestam Ierusalima, Palestiny i Afona. Odessa: Nadezhda, 2009.
 12. Kopiya Otnosheniya Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva ot 15-go Yanvarya 1888 g... // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1888. № 5. S. 207-209.
 13. Korsunskii pervoklassnyi muzhskoi monastyr' Tavricheskoi eparkhii // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1897. № 35. S. 956-982.
 14. Kosmo-Damianovskii monastyr' v Krymu: istoricheskii ocherk / Sost. Poslushnik Sergii (Trinitko); pod red. Igumena Nikity (Poltava). Alushta, Kiev: Fakt, 2003.
 15. Kratkoe rukovodstvo pravoslavnykh russkim palomnikom, otpravlyayushchimsya na poklonenie svyatykh mestam Vostoka. Sankt-Peterburg: Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo, 1907.
 16. Nakropin A., svyashchennik. Peshchernaya skala Bakhchisaraiskogo Uspenskogo Skita (Krymskie peshchery) // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1880. № 2. S. 82-90.
 17. O solyanykh ugod'yakh Korsunskogo monastyrya // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1870. № 12. S. 390-394.
 18. O tom, chtoby pri tserkvakh imet' dostatochnoe kolichestvo krestikov i ikonok dlya snabzheniya imi prikhozhan // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1869. № 7. S. 213-218.
 19. Ob'yavleniya // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1891. № 1-2. S. 110.
 20. Ob'yavlenie ot Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1897. № 6. S. 106.
 21. Ot 9 – 23 iyunya 1888 goda za № 1163, o snabzhenii svyashchennosluzhitelei, otpravlyayushchikhsya na vostok dlya pokloneniya sv. mestam, osobymi svidetel'stvami // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1882. № 15. S. 715-718.
 22. Ot 10-go – 29-go aprelya 1880 goda № 843, ob uvelichenii kruzhechnogo sbora v tserkvakh na poklonnikov v Palestine // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1880. № 10-11. S. 504.
 23. Ot komiteta po ustroistvu prazdnovaniya 900-letiya so vremeni kreshcheniya sv. blagovernogo knyazya Vladimira v Khersonise Tavricheskom // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1888. № 11. S. 491 (S. 490-492).
 24. Pavlovskii A. Spravochnaya zapisnaya knizhka dlya palomnikov po Rossii, Afonu i Palestine. Nizhnii Novgorod: tipo-lit. I. M. Mashistova, [1908].

25. Paraskevievskii Toplovskii zhenskii monastyr' v Krymu // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1892. № 4. S. 180-186.
26. Pis'mo k Redaktoru Odesskogo Vestnika ob otkrytii Bakhchisaraiskogo Skita // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1890. № 6. S. 257-265.
27. Pis'mo Predsedatelya Palestinskogo Obshchestva... // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1889. № 4. S. 123-125.
28. Poklonenie (yuzhnym) svyatynam Kryma // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1897. № 51-52. S. 1354-1374.
29. Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1884. № 1-2. S. 59-60.
30. Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva Vozzvanie // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1885. № 7-8. S. 378-384.
31. Pyatnadsatoe iyulya v Khersonisskom monastyre // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1879. № 16. S. 760-765.
32. Rudnev G., prot. Kosmodamianovskaya kinoviya, v Krymu, i vospominaniya o pervom nastoyatele onoi, igumene Makarie // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1882. № 3. S. 133-146.
33. Rudnev G., prot. Kosmodamianovskaya kinoviya, v Krymu, i vospominaniya o pervom nastoyatele onoi, igumene Makarie (okonchanie) // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1882. № 4. S. 172-192.
34. Rasporyazheniem Vysochaishe uchrezhdennoi komissii... // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1897. № 47. S. 1258.
35. Rasporyazheniya Eparkhial'nogo Nachal'stva // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. № 7. S. 445.
36. Svedeniya o Bakhchisaraiskoi Uspenskoi Tserkvi, ustroennoi v kamennom skale // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1890. № 2-3. S. 118-127.
37. Torzhestvo v Toplovskoi zhenskoj obshchezhitel'noi obiteli, Feodosiiskogo uezda, Tavricheskoi gubernii, 24-26 iyulya 1888 goda // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1888. № 19-20. S. 929-954.
38. Ubiistvo igumena Parfeniya // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1878. № 24. S. 1018-1022.
39. Uspenskii skit v Bakhchisarae (k 15-mu avgusta) // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1899. № 17. S. 1236-1239.
40. Khitrovo V. N. Otkuda idut v Svyatuyu zemlyu russkie palomniki // Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. SPb. 1900. mart-aprel'. S. 129-145.
41. Sharkov I. G. Prosvetitel'skaya i palomnicheskaya deyatel'nost' Tavricheskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1900-1917 gg // Makar'evskie chteniya: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Respublika Altai, Gorno-Altaysk, 21-22 sentyabrya 2023 goda. Respublika Altai, Gorno-Altaysk: BITs GAGU, 2023. S. 132-146. EDN: IFRCQI.
42. Yubileinoe torzhestvo v Khersonisskom sv. Vladimira monastyre v den' 900-letiya so vremeni kreshcheniya Ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i Russkogo naroda v 988 godu po Rozhdestve Khristovom // Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. 1888. № 15-16. S. 652-819.

family history of the famous architect V.I. Bazhenov

Bezverkhii Dmitrii

Postgraduate student; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

1B Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ mitya.bezverhy@yandex.ru

Abstract. Despite the large number of works devoted to the biography of the great Russian architect, painter and thinker Vasily Ivanovich Bazhenov (1738–1799), the personal history of his descendants has been little studied. Meanwhile, they were landowners of Arzamassky Uyezd of Nizhny Novgorod Governorate, in which Emperor Paul I in 1796 granted the architect the villages of Kardavil (also Nikolskoye), Korino and Ponetayevka. Many pages of the history of the Bazhenov family, nobles of Nizhny Novgorod Governorate, remain unknown to the general public. One of them is the murder of Olga Alexandrovna Bazhenova (1820–1855), nee Strunina and the wife of Major Vasily Vsevolodovich Bazhenov (1803–1846), the grandson of the famous architect. Personal history (history in biographies) is one of the most relevant areas in modern historical science, which is currently experiencing a "cultural turn", during which there is a shift from macrohistory to microhistory. Historians conducting research in line with the resurgent biographical method focus on the destiny of individual people, whose reconstructed personal histories are necessary to recreate the events of the past and understand the studied historical epoch. This study involves a wide range of sources and also uses such methods of historical research as historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, etc., cross-analysis (cross-checking of several sources). Biographical method and auxiliary historical disciplines (for example, genealogy) are also widely used. Thus, the article attempts to reconstruct O. A. Bazhenova's personal history in the context of the historical epoch in which the landowner lived, presenting a variety of previously unknown information from the family history of the outstanding architect, found during long and painstaking research in archives of Nizhny Novgorod, Arzamas, Saint Petersburg, Moscow and etc. In addition, the article provides reconstructions of the biographies of some of the Bazhenovs' entourage, which significantly expands the context of the study and illustrates the use of prosopography (creation of collective biographies): not only the biographies of key figures are reconstructed, but also their surroundings, revealing the extensive social ties of the Bazhenov family.

Keywords: Arzamassky Uyezd, architect Vasily Bazhenov, serfdom, genealogy, local history, source studies, biographical method, personal history, Nizhny Novgorod Governorate, prosopography

References (transliterated)

1. Bezverkhii D.V. Zhurnaly Komissii proshenii kak istochnik dlya rekonstruktsii personal'noi istorii potomkov arkhitekтора V.I. Bazhenova // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2025. № 4. S. 48-74. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75302 EDN: ODOAWP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75302
2. Bezverkhii D.V. Novye svedeniya o genealogii sem'i arkhitekтора V. I. Bazhenova // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. № 4. S. 65-83. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43716 EDN: UKLLMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43716
3. Vasilii Ivanovich Bazhenov: Pis'ma. Poyasneniya k proektam. Svidetel'stva

- sovremennikov. Biograficheskie dokumenty / Sost., vstup. st. i primech. Yu.Ya. Gerchuka. M.: Iskusstvo, 2001. 304 s.
4. GAIO. F. 50. Op. 9. D. 1145. L. 49, 58, 139, 142; Op. 3. D. 878. L. 802.
 5. GAKO. F. 121. Op. 1. D. 3356. L. 24ob.
 6. GANO, g. Arzamas. F. 1. Op. 1. D. 43. L. 681ob.
 7. GANO, g. Arzamas. F. 1. Op. 1. D. 212. L. 1-1ob.
 8. GANO, g. Arzamas. F. 58. Op. 1. D. 51. L. 85.
 9. GANO, g. Arzamas. F. 58. Op. 2. D. 1.
 10. GANO, g. Arzamas. F. 58. Op. 2. D. 4. L. 376ob-377.
 11. GANO, g. Arzamas. F. 64. Op. 2. D. 1. L. 411ob-412.
 12. GANO, g. Arzamas. F. 69. Op. 1. D. 1.
 13. GANO, g. Arzamas. F. 69. Op. 1. D. 6. L. 269ob-270.
 14. GANO, g. Arzamas. F. 111. Op. 1. D. 3.
 15. GANO, g. Arzamas. F. 124. Op. 1. D. 1. L. 162.
 16. GANO, g. Arzamas. F. 124. Op. 1. D. 2. L. 283.
 17. Deistviya Nizhegorodskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii: sbornik statei, soobshchenii, opisei i dokumentov. T. 8. N. Novgorod: tip. I.K. Vladimirovskogo, 1909. 419, 26, IV s.
 18. Dostoevskii A.M. Vospominaniya / Vstup. stat'ya, podgot. teksta i primech. S.V. Belova. SPb.: Andreev i synov'ya, 1992. 397 s.
 19. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo. 1821–1881. Tom 2: 1865–1874 / Sost. I.A. Bityugova, V.A. Viktorovich, E.I. Kiiko, T.I. Ornatskaya. SPb.: Akademicheskii proekt, 1999. 583, [3] s.
 20. Mesyatsoslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchii shtat Rossiiskoi imperii, na leto ot Rozhdestva Khristova 1821. Ch. 2. SPb.: pri Imp. Akad. nauk, 1821. [6], VIII, [2], 570, [1] s.
 21. Moskovskoe uchilishche ordena sv. Ekateriny, 1803–1903 gg.: Istoricheskii ocherk / Sostavlen po porucheniyu Soveta uchilishcha komissiei prepodavatelei pod obshchei redaktsiei inspektora klassov V.A. Vagnera. M.: pechatnya A. Snegirevoi, 1903. VIII, 560 s.
 22. RGB Otdel rukopisei. F. 172 k.132 №3. L. 120.
 23. RGIA. F. 200. Op. 1. D. 6829.
 24. RGIA. F. 577. Op. 21. D. 122. L. 15-18.
 25. RGIA. F. 577. Op. 21. D. 283. L. 3.
 26. RGIA. F. 577. Op. 21. D. 350. L. 13ob.
 27. RGIA. F. 1286. Op. 16. D. 942.
 28. RGIA. F. 1343. Op. 51. D. 673. L. 317.
 29. RGIA. F. 1349. Op. 4. 1803 g. D. 37. L. 5ob-6.
 30. Russkii biograficheskii slovar'. Tom 9 / Izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovtsova. SPb.: Imp. Rus. ist. o-vo, 1903. 708 s.
 31. Russkii invalid. 1825. № 74. S. 297.
 32. Russkii invalid. 1829. № 172. S. 686.
 33. Russkii invalid. 1829. № 196. S. 782.
 34. Russkii invalid. 1831. № 85. S. 338.
 35. Saitov V.I. Moskovskii nekropol'. T. 1. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1907. 517 c.

36. Selunskaya N.B. Vozrozhdenie biograficheskogo metoda: "istoriya v biografiyakh" i "istoriya cherez lichnost" // Biograficheskii metod i ego-istochniki v issledovaniyakh rossiiskoi istorii XVIII – nachala XX v. SPb.: Aleteiya, 2021. S. 8-20. EDN: MYWJTY.
37. Snezhnevskii V.I. Nizhegorodskii Mariinskii institut blagorodnykh devits, 1852–1902. N. Novgorod: tip. U.A. Skirmunt (byvsh. A.A. Rzhonsnitskogo), 1902. 189 s.
38. TsANO. F. 2. Op. 4. D. 5615.
39. TsANO. F. 5. Op. 46 (1853 g.). D. 80.
40. TsANO. F. 5. Op. 47. D. 2888.
41. TsANO. F. 5. Op. 48. D. 5913. L. 141.
42. TsANO. F. 60. Op. 239a. D. 1108.
43. TsANO. F. 118. Op. 25. D. 394. L. 1.
44. TsANO. F. 118. Op. 25. D. 1176. 13-13ob, 21.
45. TsANO. F. 142. Op. 756a. D. 24. L. 4.
46. TsANO. F. 153. Op. 97 (1825 g.). D. 1855.
47. TsANO. F. 153. Op. 97 (1829 g.). D. 2053. L. 35.
48. TsANO. F. 153. Op. 97 (1843 g.). D. 23.
49. TsANO. F. 153. Op. 97 (1844 g.). D. 28.
50. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 677.
51. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 1618.
52. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 5002. L. 184-184ob.
53. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 5004. L. 2.
54. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 5322.
55. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 6823.
56. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 7092.
57. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 8553.
58. TsANO. F. 177. Op. 766. D. 10356. L. 1-2.
59. TsANO. F. 570. Op. 3. D. 195. L. 596ob-597.
60. TsANO. F. 570. Op. 3. D. 516. L. 210ob.
61. TsANO. F. 570. Op. 3. D. 1845. L. 5ob-6.
62. TsANO. F. 570. Op. 10. D. 501. L. 19ob-20.
63. TsANO. F. 570. Op. 10. D. 510. L. 293ob-294.
64. TsANO. F. 570. Op. 10. D. 516.
65. TsANO. F. 570. Op. 10. D. 531. L. 59.
66. TsANO. F. 570. Op. 557 (1845 g.). D. 87.
67. TsANO. F. 570. Op. 558 (1856 g.). D. 313.
68. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1046.
69. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1212. L. 1167.
70. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1243.
71. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1252. L. 72ob.
72. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1257. L. 789ob.
73. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1291.
74. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1360. L. 970ob.
75. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1408.
76. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1425. L. 775-775ob.

77. TsANO. F. 570. Op. 559a. D. 1504.
78. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 721. L. 1248.
79. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 842. L. 183.
80. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 1052.
81. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 1124. L. 92ob-93.
82. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 1540. L. 473ob.
83. TsANO. F. 570. Op. 559b. D. 1546. L. 855ob-856.
84. TsANO. F. 639. Op. 124. D. 3619.
85. TsANO. F. 639. Op. 124. D. 4287. L. 5ob-6, 6ob-7.
86. TsANO. F. 639. Op. 124. D. 4303.
87. TsANO. F. 639. Op. 125. D. 6857. L. 3-3ob.
88. TsANO. F. 639. Op. 126. D. 9166. L. 8, 14.
89. TsANO. F. 653. Op. 129a. D. 14. L. 44-44ob.
90. TsANO. F. 829. Op. 676a. D. 2168.
91. TsANO. F. 829. Op. 676a. D. 3710.
92. TsGA g. Moskvyy. F. 4. Op. 10. D. 2159.
93. TsGA g. Moskvyy. F. 32. Op. 10. D. 3283. L. 1.
94. TsGA g. Moskvyy. F. 32. Op. 11. D. 9998.
95. TsGA g. Moskvyy. F. 50. Op. 5. D. 8064. L. 3-3ob.
96. TsGA g. Moskvyy. F. 51. Op. 8. D. 149. L. 167ob.
97. TsGA g. Moskvyy. F. 51. Op. 18. D. 70. L. 583-583ob.
98. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 76. L. 12ob.
99. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 330. L. 158ob-159.
100. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 341. Ch. 8. L. 496ob.
101. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 363. L. 715ob-716.
102. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 373. Ch. 11. L. 634ob.
103. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 745. D. 385. L. 1274ob-1275.
104. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 747. D. 722. L. 256ob.
105. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 747. D. 1194. L. 537.
106. TsGA g. Moskvyy. F. 203. Op. 747. D. 2028. L. 307ob.
107. TsGA g. Moskvyy. F. 2124. Op. 1. D. 1774. L. 124ob-125.
108. TsGA g. Moskvyy. F. 2124. Op. 1. D. 2125. L. 183ob-184.
109. TsGA g. Moskvyy. F. 2124. Op. 1. D. 2379. L. 308ob.
110. TsGA g. Moskvyy. F. 2125. Op. 1. D. 1024. L. 150ob-151.
111. TsGIA SPb. F. 19. Op. 126. D. 1649. L. 139ob-140.
112. Yakhontova M.A. Nashi korni / Vstup. slovo A.A. Rybakovoi. Kirov: Avers, 2020. 152 s.
113. Yakhontova M.A. Moe vremya v moem vospriyatii. T. 1. Kirov: Avers, 2020. 588 s.

On the question of the authority of Old Believer Pomor mentors in the Southern Urals in the 19th and early 20th centuries

Abstract. The article examines the problem of the spiritual authority of priestless mentors among Old Believers in the Southern Urals in the 19th and early 20th centuries. The subject of the study is the Old Believers of the Pomor Confession in the Southern Urals. Based on hectographic and handwritten works of Old Believers, as well as archival and investigative files from the Chelyabinsk and Russian State Historical Archives, the article examines the nuances of the conclusion and dissolution of non-sacramental marriages, the religious framework of taboos, and types of disciplinary punishments for members of Old Believer communities as direct manifestations of the spiritual authority of mentors. The methodological toolkit is based on the concept of a formational-staged approach, on the basis of which the stages of transformation of the spiritual authority of mentors are identified in the study. In addition, the historical-genetic method was used, the essence of which is the sequential disclosure of the properties and functions in the subject area we are analyzing in the process of its historical development. As a result of the study, the following stages of transformation of the spiritual authority of mentors were identified: 1) the stage of mentors-prosteci, 2) the transitional period, 3) the time of the "prostech priesthood." It can be stated that by 1909, the spiritual leaders of the Bespopovtsy had transformed into a new, special type of clergy – "unordained spiritual fathers." These mentors possessed many attributes and spiritual authority comparable to that of Orthodox priests. Meanwhile, the present study is of an applied nature, as it allows us to establish the historical continuity of the views and practices of the Old Believers of the Pomor Agreement in the Southern Urals.

Keywords: baptism, marriage, power relations, Bespopovtsy, Pomorians, spiritual authority, Old Believers, Mentors, penance, Christianity

References (transliterated)

1. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe. M.: Izdatel'stvo MGU, 1994. – 144 s.
2. Mangilev P. I. Rodoslovie pomorskoj very na Urale i v Sibiri (Issledovanie. Tekst. Kommentarii) // Problemy istorii Rossii. 2005. Vyp. 6: Ot srednevekov'ya k sovremennosti. S. 328–413.
3. Mosin A. G. Zlatoustovskie startsy // Ural. 1993. № 3. S. 197-204.
4. Polovinkin P. O staroverakh Yuzhnogo Urala // Staroobryadets. 2001. № 22. S. 10-13.
5. Ul'yanov A. V. Neukrotimyi starets. Otstavnoi uryadnik Ivan Mikhailovich Smolin-dukhnovnyi lider chelyabinskikh staroobryadtsev-pomortsev // Genealogiya i arkhivy: materialy sed'moi Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 2 kn. Kn. 2. Chelyabinsk, 2025. S. 106-113. EDN: NBATUP.
6. Antipin N. A., Shestakov A. M. Bessvyashchennaya vlast' v staroobryadcheskoj pomorskoj obshchine Chelyabinska // Vestnik YuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki". 2023. T. 23. S. 6-13. DOI: 10.14529/ssh230101. EDN: GKIUFY.
7. Zen'kovskii S. A. Russkoe staroobryadchestvo. V dvukh tomakh. M.: Kvadriga, 2009. – 688 s.
8. Smirnov P. S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke: Issled. iz nach. istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izd. i rukopis. Sankt-Peterburg: t-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva", 1898. – 504 s.
9. Denisov, Andrei (Vtorushin Andrei Dionisieovich). Pomorskie otvety. Kaluga: Fridgel'm,

2022. – 320 s.

10. LAI URFU. V Kurganskoe sobr. 96 R/1209.
11. OGACHO. F.121. Op. 1. D. 11.
12. RGIA. F. 1284. Op. 198. 1840. D. 441.
13. Mangilev P. I. Rod zaural'skikh staroobryadtsev-pomortsev Tel'minovykh // Kul'tura rossiiskoi provintsii: Pamyati Mariny Georgievny Kazantsevoi. Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2005. S. 152-165.
14. RGIA. F. 1284. Op. 203. D. 552.
15. Mangilev P. I. "Voprosy Ozerskomu Soboru" kak istochnik po istorii polemiki o brake u staroobryadtsev-pomortsev Yuzhnogo Urala i Zaural'ya // Problemy istorii Rossii. Ekaterinburg, 2008. Vyp. 7. S. 334-374.
16. LAI URFU. II Gornozavodskoe sobr. 27r/844.
17. Mal'tsev S. Ya. Iz vospominanii byvshego raskol'nicheskogo nastavnika // Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti. 1898. № 4. S. 8-17.
18. LAI URFU. V Kurganskoe sobr. 204r/4052.
19. Vorob'ev Mina. Iz zapisok byvshago staroobryadtsa Miny Vorob'eva // Tomskiya Eparkhial'nyya vedomosti. Tomsk, 1900. № 24. S. 11-14.
20. Khudoshin T. A. O nastoyatelyakh i nastavnikakh // Deyaniya Pervogo Vserossiiskogo sobora khristian-pomortsev, priemlyushchikh brak, proiskhodivshego v tsarstvuyushchem grade Moskve v leto ot sotvoreniya mira 7417, maya v dni s 1 po 12. Pervyi Vseros. sobor khristian-pomortsev, priemlyushchikh brak. Moskva, 1909. S. 74-79.
21. Shalaev. Prostetskoe svyashchenstvo // Tserkov'. 1912. № 8. S. 188-191.
22. Deyaniya Vtorogo Vserossiiskogo Sobora khristianskogo pomorskogo tserkovnogo obshchestva v tsarstvuyushchem grade Moskve v leto ot sotvoreniya mira 7421, mesyatsa sentyabrya v dni s 8 po 17. Vtoroi Vseros, sobor khristian-pomortsev, priemlyushchikh brak. Moskva, 1912. – Moskva: Sovet soborov i s"ezdov khristian-pomortsev, priemlyushchikh brak, 1912. – 278 s.

«Could England and China Form an Alliance?»: Li Hongzhang's Diplomatic Mission in the Coverage of the Newspaper «Moskovskie Vedomosti»

Ivanov Pavel Aleksandrovich

Lecturer; Department of General History, Philosophy and Cultural Studies; Blagoveshchensk state pedagogical university

104 Lenin St., Blagoveshchensk, Amur Region, 675004, Russia

✉ ip_27.95@list.ru

Abstract. The article is devoted to a study of Li Hongzhang's diplomatic mission to England in 1896 and to the coverage of this event in the Russian newspaper «Moskovskie Vedomosti». The aim of the work is to identify and analyze how the newspaper described the event, thereby shaping perceptions of China and its relations with the European powers from a Russian perspective. The subject of the study is Li Hongzhang as a representative of the Chinese elite, whose activity in foreign policy and reformist stance had a significant impact on international relations and domestic transformations in China. Special attention is paid to his image in «Moskovskie Vedomosti» – interpretations of his diplomatic objectives, assessments of the mission's influence on the balance of power in East Asia, and the ways these narratives

constructed the character of relations with the European powers from a Russian vantage point. The main method of this research is content analysis of articles and editorial materials in «Moskovskie Vedomosti» published during 1896, supplemented by historical analysis to contextualize the coverage of the mission within Russo-Chinese relations. The study's results show that the newspaper presented a multifaceted view of the mission, describing both potential benefits and the risks associated with China's rapprochement with the West. A pattern was identified in the coverage reflecting a combination of Chinese cautious optimism and wariness regarding Anglo-Chinese cooperation. The findings improve understanding of late-XIXth-century Russian foreign policy, perceptions of China, and the formation of public opinion on international affairs. The conclusions can be used in contemporary research on Russo-Chinese relations, comparative analyses of diplomatic strategies, and courses on the history of international communications. The material includes political notes and headlines that make it possible to reconstruct the media reaction to issues of security, trade interests, and the geopolitical calculations of states in this historical period. The source allows tracing the informational strategy of newspaper publicism and serves as a basis for further interdisciplinary research in the history of diplomacy and journalism.

Keywords: Moskovskie Vedomosti, international relations, Li Hongzhang, China, journalism, diplomatic mission, periodical press, foreign policy, England, Russian Empire

References (transliterated)

1. Angliya na Dal'nem Vostoke // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 209. – S. 6.
2. Andreeva S. G. Politika Kitaya na Dal'nem Vostoke v 1880-e gg.: k voprosu o porte Gamil'ton / S. G. Andreeva // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2021. – T. 51, № 40-1. – S. 144-191. DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-144-191 EDN: MFNDXE.
3. Blagoder Yu. G. Obrazy kitaiskikh chinovnikov v rossiiskoi publitsistike XIX – nachala XX veka / Yu. G. Blagoder // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2011. – № 7-2(13). – S. 24-28. EDN: OIPTQR.
4. Buyarov D. V., Ivanov P. A. Prisoedinenie Sin'tszyana k Kitayu v ramkakh politiki "samousileniya" Li Khunchzhana // Istoricheskii byulleten'. – 2024. – T. 7. – S. 222-228. DOI: 10.58224/2658-5685.2024-7-5-222-228 EDN: NPROFT.
5. Vozmozhno li soyuz Anglii s Kitaem? // Moskovskie vedomosti. – 1879. – № 7. – S. 5.
6. Golovachev V. Ts. "On byl drugom nashego otechestva": obraz i rol' Li Khun-Chzhana kak podpisanta Simonoseksskogo i Moskovskogo dogovorov 1895–1896 gg. (rossiiskaya pertseptsiya) / V. Ts. Golovachev // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2022. – № 5. – S. 97-109. DOI: 10.31857/S086919080015951-3 EDN: BGWSPT.
7. Ivanov P.A. Otsenka vneshnei politiki Li Khunchzhana s tochki zreniya sovremennoi politicheskoi sistemy KNR // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2024. № 9. S. 1-16. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71579 EDN: SLESOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71579
8. Inostrannye Izvestiya. Angliya // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 212. – S. 6.
9. Inostrannye Izvestiya. Angliya // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 224. – S. 6.
10. Inostrannye Izvestiya. Angliya. Konets sessii // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 216. – S. 7.
11. Inostrannye Izvestiya. Angliya. Ot'ezd Li Khunchzhana // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 223. – S. 6.

12. Inostrannye Izvestiya. Angliya. Poezdka Li Khunchzhana // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 206. – S. 6.
13. Inostrannye Izvestiya. Angliya. Prebyvanie Li Khunchzhana // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 214. – S. 7.
14. Inostrannye Izvestiya. Kitai // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 217. – S. 5.
15. Inostrannye Izvestiya. Frantsiya // Moskovskie vedomosti. – 1896. – № 198. – S. 6.
16. Moskovskie vedomosti. – M., 1756–1917. – Ezhednevno. Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/32602> (data obrashcheniya: 15.07.2025).
17. Moskovskie vedomosti. Istoricheskaya biblioteka. [Elektronnyi resurs]. URL: https://hron.ru/organ/rossiya/mos_ved.php (data obrashcheniya: 20.07.2025).
18. Pamyati M. N. Katkova // Russkii vestnik, izdavaemyi S. Katkovoyu. – 1887. – T. 190. – S. 150.
19. Sladkovskii M. I. Kitai i Angliya. – Moskva : Nauka, 1980. – 351 s.
20. Sotsial'naya struktura Kitaya, XIX – pervaya polovina XX v. / T. N. Akatova, V. P. Ilyushechkin, V. S. Kuzes i dr.; otv. red. O. E. Nepomnin, N. I. Fomina; AN SSSR, In-t vostokovedeniya. – Moskva : Nauka, 1990. – 436 s.
21. Little A. Li Hung Chang: His Life and Times. – London : Cassell & Company, 1903. – 394 p.
22. Mannix W. F. Memoirs of Li Hung Chang. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1913. – 326 p.
23. Spence J. D. To Change China: Western Advisers in China 1620–1960. – Boston : Little, Brown and Company, 1969. – 354 p.

Legal regulation of congresses of representatives of medium and small businesses in the Russian Empire in the early twentieth century

Tushkanov Igor Valentinovich

Associate Professor; Department of General Theoretical Legal Disciplines; North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Office 305, Krasnykh Partizan str., 234, Krasnodar Territory, 350020, Russia

✉ tushkanovi@rambler.ru

Tushkanov Dmitrii Igorevich

PhD in History

independent researcher

42/3 Vostochno-Kruglikovskaya str., room 2, 562, Krasnodar Territory, 350028, Russia

✉ tushkanov-dmitrii@rambler.ru

Abstract. The article considers the Regulation on the congresses of workers in medium and small industry and trade in 1913 as the main normative act regulating the formation and activities of a public organization of entrepreneurs. The object of this research is the legal relations related to the process of formation, organization and functioning of the congress of small and medium-sized trade and industry figures, as well as local departments of the congress. The subject matter is the Regulation prepared by the Ministry of Trade and Industry, approved by the Council of Ministers of Russia and approved by Emperor Nicholas II on June 5,

1913. The authors consider in detail such aspects of the topic as the composition and typology of congresses, their goals and objectives. Special attention is paid to the composition and responsibilities of the congress council. The ways of financing congresses and the process of forming their training program are considered. To achieve the purpose of the work, the authors used dialectical, historical-genetic, systemic and comparative legal methods combined with the principles of objectivity and historicism. The main conclusion of the study is the recognition of the high level of legal regulation of the formation and activity of congresses of figures of medium and small industry and trade as a public organization representing the interests of small and medium-sized businesses. It had all the signs of a legal entity and, together with its local departments, could actively resolve conflicts between employees and employers, create credit and consumer societies, educational institutions, and publish books, magazines, and newspapers. A special contribution of the authors to the research of the topic is the consideration of the Regulations of 1913 as the fundamental normative act regulating the activities of congresses of small and medium-sized entrepreneurs. The scientific novelty of the research lies both in the very formulation of the task of the work (a legal analysis of the 1913 Regulations, which had not been conducted before) and in the conclusions reached, including the possibility of using this experience in the rulemaking of modern Russia.

Keywords: Congress of Figures, medium-sized entrepreneurs, The Council of Ministers, The Russian Empire, Regulations on congresses, public organization, Trade and Industry, Emperor Nicholas II, civil society, small business

References (transliterated)

1. Putin, V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 29 fevralya 2024 g. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>. Data obrashcheniya 03 iyulya 2025 g.
2. Chernaya, O. A., Evgrashina, N. V., Suprun, D. P., Zholudenko, A. A. Gosudarstvennaya podderzhka malogo biznesa Rossii: istoriya vzniknoveniya, problemy i puti ikh resheniya // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2024. № 10(171). S. 839-843. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.152. EDN: COBUPO.
3. Bessolitsyn, A. A. Predprinimatel'skie organizatsii v Rossii v kontse XIX – nachale KhKh vekov: mify i real'nost' // *Vestnik VGU, Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 2005. № 1. S. 5-12. EDN: KVVUAV.
4. Bessolitsyn, A. A. Institutsional'nye formy vzaimodeistviya kapitala i vlasti v Rossii kontsa XIX – nachale KhKh vv. (opyt predprinimatel'skikh organizatsii Povolzh'ya) // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2005. № 1 (28). S. 120-130. EDN: IEZYFD.
5. Bessolitsyn, A. A. Tipologiya predstavitel'nykh organizatsii burzhuazii v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka // *Ekonomicheskaya politika*. 2015. T. 10. № 1. S. 58-71. EDN: TIRQFJ.
6. Bessolitsyn, A. A. Sotsial'noe razvitie russkoi burzhuazii. 1861–1914 gg. (Kratkii istoricheskii ocherk). Monografiya. M.: OOO "Rusains", 2021. 158 s. EDN: DTNIHK.
7. Kartashova, M. V. Mekhanizmy vzaimodeistviya vlasti, obshchestva i kustarnykh promyslov v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. // *Ekonomicheskaya istoriya*. 2020. T. 16. № 2. S. 129 – 139. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.129-139. EDN: TMHHEC.
8. Rukosuev, E. Yu. Organizatsii predprinimatelei v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. // *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2013. № 3 (40). S. 99-109. EDN: RADOIH.

9. Shapkin, I. N. Organizovannyi kapital i trud. Deyatel'nost' soyuzov rabotodatelei Rossii v nachale XX v. // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2018. T. 19. № 4. S. 531-555. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).531-555. EDN: YWWBWP.
10. Rodnov, M. I. Rol' srednego i melkogo biznesa v khleбноi torgovle Ufimskoi gubernii na rubezhe XIX – XX vv. // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii). 2009. № 1 (1). S. 68-77. EDN: NXCSDf.
11. Sarin D.P. Rol' predprinimatel'skoi organizatsii gornopromyshlennikov Yuga Rossii v sozdanii seti gornospasatel'nykh stantsii v Donetskom basseine v 1902-1918 gg // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2025. № 2. S. 360-375. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73428 EDN: KALKPY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73428
12. Shlevkova, T. V. Rol' predprinimatel'skikh organizatsii v razvitii rybopromyshlennosti Nizhnego Povolzh'ya (konets XIX – nachalo XX vv.) // EKO. 2017. № 12 (522). S. 172-179. EDN: ZUMEYJ.
13. Gorbach, O. V. Otdel'nye voprosy pravovogo regulirovaniya statusa sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2023. № 2(101). S. 35-40. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.2.35. EDN: JADBOS.
14. Nemtsova, E. E., Kopylova, N. Yu., Yambaeva, O. B. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii malogo i srednego predprinimatel'stva // Razvitie malogo predprinimatel'stva v Baikal'skom regione: Materialy 7-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 21 noyabrya 2024 goda. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2025. S. 428-434. EDN: GZAADI.
15. Savinova, E. E., Khvostenko, O. A. Problemy i puti optimizatsii biznes-planirovaniya v malom i srednem biznese Rossii // Industrial'naya Rossiya: vchera, segodnya, zavtra: Sbornik nauchnykh statei po materialam XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 06 dekabrya 2024 goda. Ufa: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki"", 2024. S. 164-170. EDN: CKHRNQ.
16. Savinova, E. E., Khvostenko, O. A. Osobennosti finansovogo menedzhmenta v organizatsiyakh malogo i srednego biznesa: problemy i resheniya // Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya. 2025. № 1-2. S. 8-13. EDN: XXMLQW.
17. Pravosoznanie i pravovoe regulirovanie v Rossii: kollektivnaya monografiya / Otv. red. M. A. Gusarova, V. V. Kovaleva; SKF FGBOUVO "Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya". – Krasnodar: Izdatel'skii Dom – Yug, 2024. – 178 s.
18. Solov'ev, K. A. Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi Imperii: problema deputatskoi distsipliny i zakonotvorchestva // Vestnik RUDN, ser. "Istoriya Rossii". 2011. № 4. S. 15-26. EDN: OJZOTN.

American diplomat Alfred Will Kliefoth and anti-Sovietism in the US government apparatus in 1920s

Ivanov Andrei Alexandrovich

Doctor of History

Associate Professor; Department of Humanities; Financial University under the Government of the Russian Federation

196084, Russia, Moscow, Leningradsky ave., 51

✉ ivanovaa85@list.ru

Abstract. The article is dedicated to studying the participation of a US State Department's employee - Alfred Will Kliefot - in determination of the Soviet-American relations. The topic is relevant due to highlighting how intradepartmental and interdepartmental contradictions and discussions in the state apparatus influenced the transition from a policy of sanctions against the USSR to an economic partnership. The purpose of the article is in reconstructing the influence of subjective and objective factors on U.S. foreign policy in the 1920s. The specifics of the functioning of the Division of Eastern European Affairs of the State Department are revealed in detail, as well as the role of the consulate in Riga in adjusting the directions of Soviet-American cooperation. During the research, the author used not only published documents and memoirs, but also materials from American archives. The research methodology is based on the principles of sociological constructivism. To characterize the processes in the US Department of State, the author of the article used historical-biographical and historical-genetic methods. Although A. W. Kliefot is best known for his diplomatic work in Italy, Austria, and Germany in the 1930s, the author has managed to reconstruct little-known aspects of his work in the Division of Russian Affairs and the Division of Eastern European Affairs in the 1920s. The author came to the conclusion that A. W. Kliefot since 1919 till 1929 not only significantly changed his views on the Soviet system, but also contributed to reducing the level of anti-Soviet sentiment in the State Department. Although the diplomat openly opposed the official recognition of the USSR throughout the period under review, he argued in favour of such a step in official correspondence, and also supported the development of Soviet-American trade.

Keywords: US Military mission, Comintern, anti-Bolshevism, State Department, Division of Eastern European Affairs, US Congress, nonrecognition, Soviet-American relations, foreign trade, consulate

References (transliterated)

1. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Tom I. M.: Gospolitizdat, 1959. 776 s.
2. Poole D. C. The Reminiscences of DeWitt Clinton Poole. New York: Columbia University, Oral History Research Office, 1972. 498 pp.
3. Propas F. L. The State Department and the Russian Revolution: The Making of Policy, 1918–1924 // UCLA Historical Journal. 1982. Vol. 3. Pp. 3-20.
4. Sisson E. One Hundred Red Days. New Haven: Yale University Press, 1931. 455 pp.
5. Munsterberg H. The Americans. Garden City: Doubleday, Page & Company, 1914. 612 pp.
6. National Archive of the United States (NAUS). RG120. File 27A.
7. Kliefoth A. W. Bolshevism: By an Eye-Witness from Wisconsin. Milwaukee: American Constitutional League of Wisconsin, 1920. 32 pp.
8. What a Consul Does // The American Foreign Service Journal. 1929. Vol. 6. №2. P. 44.
9. Says Lenin Would Bribe Americans // The New York Times. 1920. January 31. P. 3.
10. Conditions in Russia: Hearings before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, Sixty-six Congress. 3rd Session. Washington: United States Government Printing Office, 1921. 254 pp.
11. NAUS. RG59. File 661.00.
12. Siegel K. A. Loans and Legitimacy: The Evolution of Soviet-American Relations, 1919–1933. Lexington: University Press of Kentucky, 1996. 211 pp.
13. Saul N. E. Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941.

- Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 454 pp.
14. Recognition of Russia: Hearings before a Subcommittee of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Sixty-eighth Congress. 1st Session. Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 1924. 530 pp.
 15. Henderson L. W. A Question of Trust: The Origins of U.S.-Soviet Diplomatic Relation / Ed. by G. W. Baer. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. 579 p.
 16. Bohlen C. E. Witness to History, 1929–1969. New York: Norton, 1973. 576 pp.
 17. Association for Diplomatic Studies and Training. Oral History Collection. Earl Packer papers. Series 1. Box 1. "Interview with Earl Packer, October 27, 1988".
 18. Stoddard L. The Revolt against Civilization: The Menace of the Under-Man. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 274 pp.
 19. NAUS. RG65. File 32668594.1.
 20. Spence R. The Tsar's other Lieutenant: the Antisemitic Activities of Boris L'vovich Brasol, 1910–1960. Part II: White Russians, Nazis, and the Blue Lamoo // Journal for the Study of Antisemitism. 2012. Vol. 4. №2. Pp. 679-706.
 21. NAUS. RG59. File 860E.
 22. NAUS. RG59. File 763.72119.
 23. Public Records Office. Cabinet Papers 24/81.
 24. NAUS. RG59. File 860N.01.
 25. Tarulis A. N. American-Baltic Relations 1918–1922: The Struggle over Recognition. Washington: The Catholic University of America Press, 1965. 397 pp.
 26. Arens O. Wilsonianism and Self-determination without Wilson: United States and Estonia, 1918–1922 // The Journal of Baltic Studies. 2024. Vol. 55. №3. Pp. 611-630. DOI:10.1080/01629778.2024.2366862
 27. NAUS. RG59. File 124.612.
 28. Hoover Institution Archives. American Relief Administration. Box 261. Folder 2.
 29. NAUS. RG84. File. 811.11.
 30. NAUS. RG59. File. 611.1115.
 31. NAUS. RG59. File. 661.621.

The Secrecy Preservation System in the Manhattan Project

Ripak Ilia Alexandrovich

Teacher; Department of General Education Training; St. Petersburg College of Tourism

66 Lunacharsky Ave., room 1, Vyborg district, Saint Petersburg, 194291, Russia

✉ ilka-95@mail.ru

Abstract. Nuclear weapons, which have become one of the key pillars of maintaining the so-called "long peace" in the postwar world, were first developed in the United States during World War II. This achievement was the result of a collaborative effort by an international group of scientists, working under American leadership and supported by the USA industrial and technological resources. From the outset, secrecy was a central concern—not only regarding technical details, but the very existence of the program. Even the term "Manhattan Project" was deliberately chosen to obscure the nature of the initiative. This paper examines the methods employed by the Manhattan Project leadership to maintain secrecy throughout the development of the atomic bomb. It also explores how these efforts influenced the pace of the project, the emergence of the unique "secret city" culture, and the safety protocols

governing work at various sites. The analysis draws primarily on personal sources, including memoirs and interviews with project participants. While the question of secrecy has occasionally been addressed in broader studies of the Manhattan Project, it has never been the subject of focused academic inquiry. In Russian historiography it is often acknowledged but seldom explored in depth too. This study aims to help fill that gap. In light of ongoing international tensions and continuing efforts by non-nuclear states to obtain nuclear capabilities, research into the history of nuclear development and proliferation remains particularly relevant. The paper concludes that secrecy was not merely an operational necessity, but a formative factor in the very structure and management of the Manhattan Project. This imperative shaped the project's organization and contributed to a range of scientific, engineering, and administrative challenges. Nonetheless, the project met its objectives within a reasonable timeframe without any major security breaches.

Keywords: intelligence, industrial espionage, security of scientific research, secret cities, atomic project, nuclear weapons, atomic bomb, World War II, Manhattan Project, nuclear non-proliferation

References (transliterated)

1. Groves L.R. Now It Can Be Told: The Story of Manhattan Project. N.Y.: Harper & Row, 1962. 464 p.
2. Howes R.H. Their Day in the Sun: Women of the Manhattan Project. Philadelphia: Temple University Press, 1999. 264 p.
3. Hunner J. Inventing Los Alamos: The Growth of an Atomic Community. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 2004. 288 p.
4. Kelly C.C. The Manhattan Project: The Birth of the Atomic Bomb in the Words of Its Creators, Eyewitnesses, and Historians. N.Y.: Black Dog & Leventhal, 2007. 495 p.
5. Norris R. Racing for the Bomb: General Leslie R. Groves, the Manhattan Project's Indispensable Man. New Hampshire: Steerforth Press, 2002. 722 p.
6. Sanger S.L., Craig W. Working on the Bomb: An Oral History of WWII Hanford. Portland: Continuing Education Press, 1995. 264 p.
7. Schweber S.S. In the Shadow of the Bomb: Oppenheimer, Bethe, and the Moral Responsibility of the Scientist. Princeton: Princeton University Press, 2007. 260 p.
8. Teller E., Shoolery J.L. Memoirs: A Twentieth-Century Journey in Science and Politics. Cambridge: Perseus Publishing, 2001. 640 p.
9. Feinman R. Radost' poznaniya. M.: ACT, 2021. 352 s.

The first sculptor and member of the Union of Artists of the USSR from Khakasia: Irina Karachakova and her unrealized project

Akhremchik Olga Gennadyevna

Teacher; Minusinsk College of Culture and Art
Postgraduate student; Department of History; N.F. Katanov KhSU Khakass State University named after N.F. Katanov

90 Lenin Ave., Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia

✉ to-olga@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the history of the monumental project "Friendship,"

created by the first Khakass sculptor and the first member of the Artists' Union of the USSR, Irina Karachakova, which was intended as a monument for the 250th anniversary of the annexation of Khakassia to Russia. The object of the research is the creative work and activities of I.N. Karachakova, her contribution to the development of monumental sculpture in the region and the country, and her role as a pioneer in this field. Attention is drawn to the conception, recognition, and postponement of the implementation of the "Friendship" monument, raising the question of the reasons for the project's non-implementation and the significance of this project for the cultural identity of Khakassia, which remains insufficiently studied. Thus, the research aims to analyze the historical context, artistic value, and cultural significance of monumental art in Khakassia, with a particular emphasis on the unrealized project "Friendship." Historical analysis involves the study of historical documents, archival materials, and epistolary heritage to reconstruct the events associated with the creation and realization of the "Friendship" project. Iconographic analysis examines the symbolism of the "Friendship" monument—its elements and motifs—to understand the author's concept. The "micro-history" method investigates a specific event (the unrealized project) to comprehend broader social and cultural processes. Overall, the scientific novelty lies in the comprehensive study of an unrealized cultural object, its creator, and the context, contributing to a fuller understanding of the history and culture of Khakassia. As a result of the work, we have come to the following conclusions: 1. The artistic appropriation of public space in the USSR was closely related to the tasks of forming state ideology, visualizing political goals (in this case—the friendship of peoples and the assertion of historical narratives). 2. The "Friendship" project received institutional support but faced administrative collisions and a lack of interagency coordination. 3. I.N. Karachakova, being the first Khakass sculptor and the first member of the Artists' Union of the USSR from Khakassia, made a significant contribution to the development of monumental art in Khakassia and throughout the Soviet Union, opening a new path for artists in the region and gaining recognition at the all-Union level.

Keywords: Soviet art, Khakass sculptor, Republic of Khakassia, monumental art, monument Friendship, Union of Artists of the USSR, the first Khakass sculptor, I.N. Karachakova, Artists' Union, national memory

References (transliterated)

1. Annenko A.N. Tak gulyali nashi dedy [Elektronnyi resurs] / A.N. Annenko // Abakan rf.: [portal]. – Rezhim dostupa: http://gorod.abakan-rf.ru/authors_projects/hronograf_annenko/june_1958/ (1958 god). Data obrashcheniya: 17.08.2025.
2. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury Respubliki Khakasiya "Khakasskii natsional'nyi muzei imeni L. R. Kyzlasova" (GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova). KhNKM KP6548/40.
3. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury Respubliki Khakasiya "Khakasskii natsional'nyi muzei imeni L. R. Kyzlasova" (GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova). KhNKM KP6548/41.
4. Ivanov S.V. Materialy i issledovaniya po etnografii i antropologii SSSR. Sovremennoe iskusstvo narodov Sibiri (skul'ptura) // Etnograficheskoe obozrenie. 1961. № 6. S. 9-28.
5. Karachakova I. Monument "Druzhba" v Abakane // Sovetskaya Khakasiya. 1962. 27 noyab. S. 6.
6. Kidieikova I.K. Izobrazitel'noe iskusstvo Khakasii // Uchenye zapiski KhakNIYaLI. Abakan. 1972.
7. Kyzlasov A.C., Tuguzhekova V.N. Pisateli i khudozhniki Khakasii. Abakan, 1997.

8. Ministerstvo kul'tury RSFSR, Glavnoe upravlenie po delam iskusstv. Stenogramma zasedaniya khudozhestvenno-ekspertnogo soveta po monumental'noi skul'pture 20 marta 1961 g. Proekt pamyatnika "Druzhba" dlya g. Abakana, skul'ptor t. Karachakova. g. Moskva: GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. KhKM VF № 963/34. s.
9. Nasledie poslednei printsessy Khakasii. Fotoal'bom / Sost. O. Akhremchik, Yu. Kudryashov. Abakan: OOO "Kooperativ "Zhurnalist", 20014. – 136 s., il.
10. Palladin A. Skul'ptor Irina Karachakova // Smena. 1952. № 10.
11. Palladin A. Pogovorim o Khakasii // Sovetskaya zhenshchina. 1971. № 11. S. 23-25.
12. Pis'mo V.S. Vasil'kovskogo k I. Karachakovoi ot 29.05.1962 g. GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. KhKM KP 6548/58. S. 2.
13. Pis'mo V.S. Vasil'kovskogo k I. Karachakovoi ot 4.09.1964 g. GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. KhKM KP 6548/56. S. 1, 2.
14. Pis'mo I.I. Fomina k I.N. Karachakovoi ot 15.09.1962 g. GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. KhKM KP 6548/54. S. 1-2.
15. Pis'mo I.I. Fomina k I.N. Karachakovoi ot 3.11.1962 g. GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. KhKM KP 6548/51. S. 1-2.
16. Tacheeva T. O konkurse na luchshii proekt pamyatnika – obeliska / T. Tacheeva, A. Tuguzhekov // Sovetskaya Khakasiya. 1960. 10 noyabrya.
17. Kharakteristika chlena Soyuza khudozhnikov SSSR skul'ptora Iriny Nikolaevny Karachakovoi // GAUK RKh KhNKM im. L.R. Kyzlasova. VF 963.54(1), VF 963.54(2).
18. Chebodaeva M.P. Stanovlenie i razvitie izobrazitel'nogo iskusstva v Khakasii (1920–2000-e gody): avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2004. S. 15. EDN: ZMXKWR.